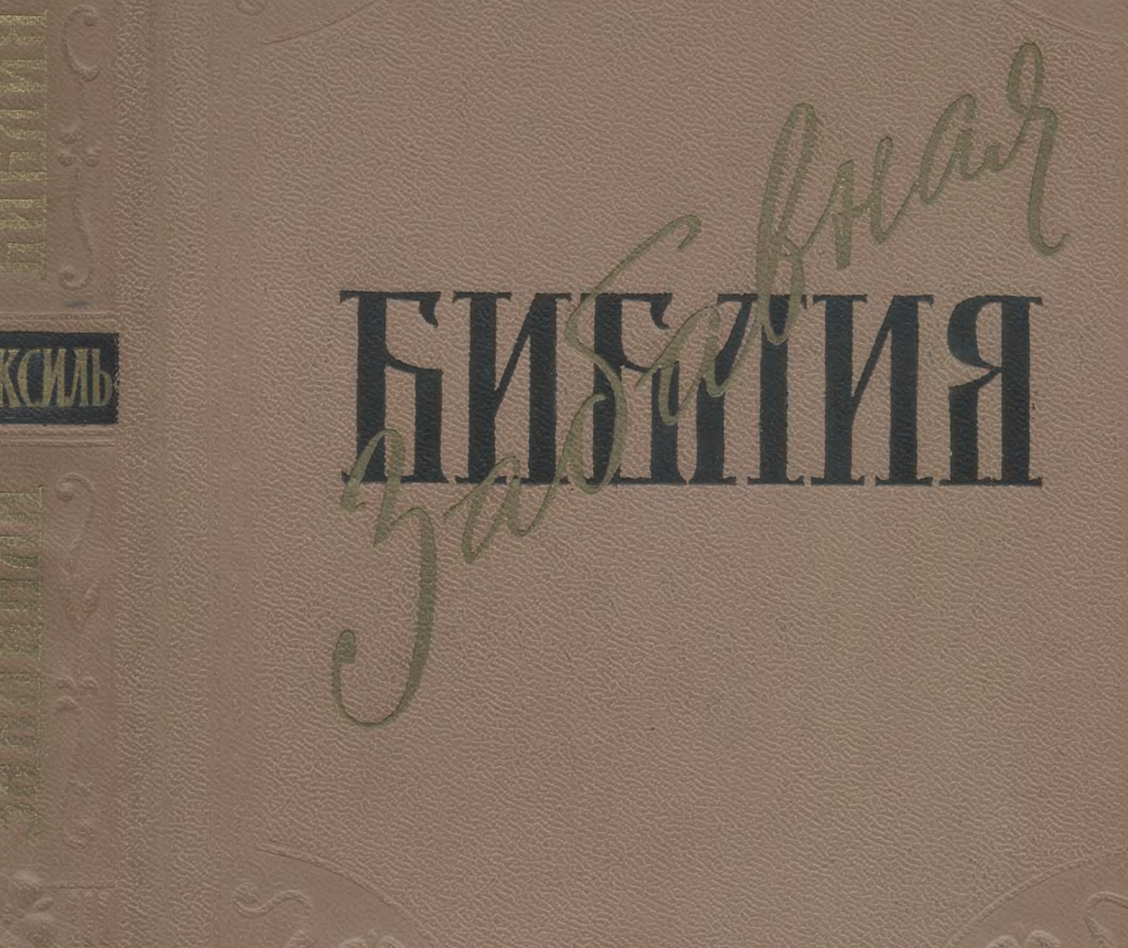
Л. ТАКСИЛЬ

ЗАБАВНАЯ БИБЛИЯ

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

ЛЕО ТАКСИЛЬ

БИБЛИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ШИШАКОВА

2
Т15

В атеистической литературе не так уж много книг, убедительно и в то же время ярко и остроумно опровергающих нелепости основной «священной» книги иудеев и христиан — Библии. Одной из таких ярких и увлекательных книг является «Забавная Библия», написанная известным французским журналистом-атеистом Лео Таксилем. С неистощимым юмором он разбирает нелепости и противоречия Библии. Достоинством книги является также и то, что автор подробно анализирует библейские легенды. Пропагандист, ведущий атеистическую работу, получит богатый материал, прочитав книгу Лео Таксиля. Русский перевод «Забавной Библии» сохранил живость и образность изложения, свойственные ее французскому тексту. Книга иллюстрирована большим количеством сатирических рисунков.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В XVIII столетии под натиском революционных движений господство феодализма в Западной Европе было подорвано. С ним потерпела жестокое поражение и римско-католическая церковь, именем бога освящавшая и отстаивавшая власть феодалов. Религия предстала перед глазами людей, способных здраво мыслить, в истинном своем свете, как духовная отрава, как сплетение первобытного невежества, грубых суеверий и жестокого насилия над совестью человеческой. Однако к середине XIX века буржуазия, увидевшая смертельную угрозу своему владычеству со стороны рабочего класса, раскаялась в вольномыслии, которым похвалялась, идя на бой с защитниками старого строя общества. Она стала искать помощи служителей религии в борьбе против революционных настроений трудящихся. Вольномыслие, которое обосновывали и утверждали лучшие представители буржуазии в пору, когда шла смертельная борьба против засилья светских и духовных феодалов, стало теперь угрожать господству капиталистов.

Религиозные организации и служители культа, которые всегда и везде защищали все наиболее реакционное и отсталое, с полной готовностью пошли на помощь буржуазии. Они стали освящать капиталистическое наемное рабство, а капиталисты стали заботиться о благополучии священнослужителей. В апреле 1884 года римский папа Лев XIII обратился к верующим с посланием, которое получило название по его первым двум словам: «Род человеческий». В этом послании папа призывал к решительной борьбе против безбожия, против всех, кто не признает руководящей роли римско-католической церкви и протестует против классового угнетения трудящихся. Послание объявляло неверие в бога и вообще свободомыслие делом «князя тьмы» — дьявола, его орудием, следствием ненависти дьявола к хри-

стианству. Папская энциклика была своеобразным призывом сил реакции к походу против атеизма и свободолюбия.

Каков же был восторг профессиональных защитников религии, когда им стало известно, что послание Льва XIII подействовало даже и на одного из ярых вольнодумцев того времени — французского журналиста Габриеля Пажеса, писавшего под псевдонимом Л. Таксиль.

Габриель Антуан Жоган-Пажес (1854—1907) родом из Марселя, за короткий срок приобрел известность целым рядом литературных произведений, едко высмеивавших религию и церковь. В юношеские годы он получил воспитание у иезуитов; перед ним открывалась дорога большой церковной деятельности. Но он покинул своих учителей и наставников и стал страстно разоблачать их ханжество, лживость и прикрытое лицемерием своекорыстие. В 1879 году, когда Пажесу-Таксилю было 25 лет, вышла в свет его первая антиклерикальная книга «Долой скуфью!». За ней на протяжении пяти лет последовало еще десятка полтора хлестких произведений («Любовные похождения папы Пия IX», «Святые любители порнографии», «Семейство Борджа», «Сын иезуита», «Отравитель Лев XIII и пять миллионов каноников» и др.). С вопросами истории религии и церкви, действительным содержанием и смыслом религиозных учений Л. Таксиль был прекрасно знаком. Он блестяще использовал эти знания в сатирических произведениях и в памфлетах, направленных на разоблачение духовной заразы.

И вот произошло нечто невероятное: этот проклятый церковью «нечестивец», «богоотступник», «злоречивый хулитель» церкви и веры в бога явился к священнику одной из парижских церквей и, упав на колени, слезно просил принять его вновь в лоно христианской церкви, от которой он так «легкомысленно» отрекся. Раскаявшийся грешник молил о милости к нему. Он горько каялся в совершенных грехах и просил защиты от дьявола, по прямому наущению которого он якобы и «восстал против бога», покинув родную религиозную среду. Таксиль поведал о том, что он общался с дьяволом-сатаной, и высказал желание раскрыть всю «подноготную» бесовских действий, способы и пути, которыми дьявол «искушает» людей.

Высшие чины католической церкви предложили Таксилю обратить свое талантливое перо против вольномыслия, в защиту религии и церкви. Раскаявшийся грешник с

полной готовностью согласился на это и стал ревностным религиозным деятелем. С фанатической ненавистью клеймил он вольномыслие людей и их отпадение от церкви, представляя эти «прегрешения» как дело сатаны, как развращение людей дьяволом, как результаты борьбы дьявола против бога.

Таксилю удалось «вырвать из когтей дьявола» и «вернуть к богу» несколько человек, в том числе некую Диану Воган. Эта девица была якобы еще при рождении обручена с дьяволом Асмодеем. Обращение Дианы Воган из «бесовского состояния» в христианство вызвало шумный восторг в религиозном лагере. Слезы умиления — искренние и притворные — текли рекой в тех случаях, когда вспоминали историю «спасения» девицы, избежавшей предназначавшихся ей адских мучений. Высшие чины церкви старались в своих посланиях ободрить Диану, мужественно рискнувшую сделать страшный шаг — порвать со всемогущим мстительным дьяволом. Сам папа Лев XIII прислал ей через кардинала Пароччи свое «святительское благословение».

Таксилю, так шумно рекламировавшему религию и церковь, так красочно описывавшему козни дьявола, покровительствовали очень влиятельные люди, в том числе и сам римский папа. Дело дошло до того, что Лев XIII принял Таксиля в ватиканском дворце. «Непогрешимый наместник бога» допустил Таксиля к целованию своей «святой» туфли. Папа расхвалил и обласкал нового борца за религию. Он милостиво сообщил Таксилю, что с особым удовольствием читал его книги, и благословил этого «ревнителя религиозной веры» на дальнейшие «трудные подвиги» в борьбе против безбожия.

А затем... затем разразился страшный скандал. 19 апреля 1897 года на многолюдном собрании в большом зале Географического общества в Париже Габриель Пажес — Л. Таксиль пространно и красочно рассказал о том, как он на протяжении двенадцати лет обдуманно и последовательно мистифицировал служителей религии, как он шаг за шагом усиливал и разнообразил свои фантазии, видя, что самые невероятные его вымыслы с восторгом принимались папой, кардиналами и всей католической поповщиной. С разоблачениями выступали и привлеченные Таксилем к этой мистификаторской деятельности его соратники. Конфуз попов был грандиозен.

Блестящий французский публицист, мастер сатирического памфлета Анри Рошфор (1831—1913) писал по этому поводу:

«Святейший отец, милостиво принимавший мистификатора в личной аудиенции, не может доказать свою непричастность к этому делу. Эта шутка полностью уничтожает непогрешимость святейшего папы, которую он возвел в нерушимый догмат. Во что превращается,— раз святой отец не мог заметить, какую шутку разыгрывал его посетитель,— то божественное наитие, на котором, с точки зрения благочестивых католиков, основано могущество преемников апостола Петра? Лео Таксиль издевался над папой и христианством, но ведь и святейший отец издевался над нами... Одно из двух: или вышеупомянутый святой и непогрешимый папа не более непогрешим, чем все мы,— тогда ему надлежит немедленно подать в отставку... Или же, если папа действительно непогрешим, значит, он был сообщником насмешника; папа использовал его в корыстных целях; — тогда надо послать жандармов с приказом арестовать святого отца за злоупотребление доверчивостью людей и мошенническое вымогательство».

В июне 1897 года Л. Таксиль выпустил уже давно готовившуюся им книгу под названием «La bible amusante» — «Забавная Библия». Этой книге Таксиль предпослал сатирическое обращение к Льву XIII. В своем обращении он писал:

«Святейший отец! Говорят, что после 19 апреля сего года вы стали недовольны двадцатым годом своего святого владычества. Неожиданная развязка моей шутливой мистификации, говорят, привела вас в ярость, как какого-нибудь простого смертного. Ну, еще бы! Сознавать себя одураченным на протяжении целых двенадцати лет, и кем! — вольнодумцем! — это, разумеется, вещь весьма неприятная для непогрешимого представителя всеведущего, всемогущего бога... Сознавать, что это комическое положение стало широко известно всему миру,— вот что является верхом неприятности...

...Я должен вас утешить. Волна безбожия растет с каждым днем... Неоднократно мне приходилось с невыразимой скорбью констатировать тот факт, что люди теперь обычно мало осведомлены относительно душеспасительных историй Авраама, Исаака, Иакова, Иосифа, Моисея, Самсона, Давида, Соломона и т. д. и т. д. Редкие из наших современников имеют разве только туманное представление о всех

этих столь знаменитых и высокочтимых библейских личностях. Подобное положение вещей — грозное. Небо праведное! До чего мы дойдем, если погибнет осведомленность относительно благочестивых анекдотов Библии, если будут забыты все записи, которые когда-то проворковал божественный голубь — дух святой? Вот почему я сейчас сам приступаю к новому изданию священного писания. Я постараюсь придать книге возможно более привлекательный характер...

Я не смею утверждать, что моя «Забавная Библия» будет содействовать укреплению религии. Наоборот, она разъяснит читателям, во что и почему не надо верить».

В своей книге Таксиль подробно рассмотрел содержание и аморальный смысл той сумбурной компиляции, той смеси из древних фантазий и преданий еврейского народа, которая составляет ветхозаветную часть Библии. Как известно, сторонники религии называют Библию «священным писанием». Они говорят, что изложенные в Библии истории и поучения вдохновлены «духом святым», продиктованы богом особо избранным лицам, будто бы писавшим все эти вещи. Авторитетнейшие в христианстве «отцы и учителя церкви» говорили о Библии: «все писание богодухновенно» («Второе послание апостола Павла к Тимофею», гл. 3, ст. 16); «изрекали его святые божии человеки, будучи движимы духом святым» («Второе соборное послание апостола Петра», гл. 1, ст. 21); «все писания написаны не рабами, а господом всех — богом» (Иоанн Златоуст); «языком всех пророков и апостолов говорит господь» (святитель Григорий Богослов); «авторитет священного писания больше, нежели все силы человеческого ума» (Августин Блаженный).

Но, как установила библейская научная критика, в Библии механически собраны всевозможные древние сказания, нередко просто о выдуманных или легендарных личностях и событиях, всегда разукрашенные безудержной фантазией; включены в нее старинные правила, предписания, поучения и изречения; в ней содержатся объяснения и толкования явлений природы и строения мира. Сделано все это на уровне заблуждений людей далекого прошлого, на основе их древнейших представлений о своей собственной и об окружающей их природе. И писали все это люди по меньшей мере не гениальные, притом же всегда руководившиеся определенными классовыми интересами.

Л. Таксиль проделал огромную и очень нужную работу: он изложил содержание главнейших, наиболее широко известных верующим «священных» историй, показав взаимные противоречия этих историй, излагаемых в разных местах Библии в разных вариантах, их антинаучность и неисторичность, их аморальный, нередко скандальный смысл. Он использовал для своей критики работы ряда писателей, критиковавших Библию: римского императора Юлиана Философа, английского писателя лорда Болингброка, французского философа-просветителя Вольтера и др.

Однако Таксиль имел в виду именно забавное чтение — легкое и развлекательное. Он вложил в свое произведение едкий сарказм, презрительную иронию, искреннее возмущение. В значительной части юмор автора сказывается в том, что он излагает библейские сюжеты стилем, принятым в так называемых религиозно-нравственных произведениях, стилем, разработанным богословами на протяжении многих веков. В таком виде произведение Таксиля является и меткой пародией, еще более ярко оттеняющей убожество «священного писания».

Однако стремление к занимательности предопределило и существенные недостатки книги Л. Таксиля. В ней нет данных о том, как возникли библейские легенды; о том, какова была действительная история еврейского народа, которому принадлежат эти легенды; о том, какова была его культура в описываемые в Библии времена. Даже в области сличений библейских рассказов с другими подобными мифами имеются только маловажные указания на сходство тех и других. Нет ответов и на естественнонаучные вопросы, возникающие в связи с библейской критикой. Поэтому читателю, желающему получить более основательные данные по научной критике Библии, необходимо обратиться к другим книгам.

Указанные недостатки не снижают значения талантливой книги Л. Таксиля. Автор с неистощимым юмором разбирает нелепости и противоречия Библии. Достоинством «Забавной Библии» является также и то, что автор подробно анализирует основные библейские легенды. Пропагандист, ведущий атеистическую работу, получит богатый материал, прочитав остроумно и увлекательно написанную книгу Л. Таксиля.

Первое русское издание книги Лео Таксиля было выпущено научным обществом «Атеист» в 1926 году, второе —

издательством «Безбожник» в 1930 году. Книга выходила под названием «Занимательная Библия».

Книга Лео Таксиля снабжена редактором пояснительными примечаниями, введены подлинные цитаты из Библии взамен часто применявшегося автором вольного изложения или пересказа библейских текстов, сделаны точные ссылки на главы и стихи библейских книг, изменены, а в ряде случаев и совсем удалены устаревшие или сомнительные данные. Редактор, бывший фактически и переводчиком книги, разрешил себе в некоторых местах вольное изложение мыслей и доводов автора, особенно тогда, когда надо было приблизить изложение к понятиям современного русского читателя.

В русских изданиях «Забавной Библии» Таксиля введено более дробное деление на главы (подлинник в 15 главах). В настоящем издании к ней добавлен предметный указатель.

Шишаков

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОТВОРЕНИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА

Бог был всегда. В начале времен он был один. На свете не было ничего, кроме него. Не было, впрочем, и никакого «света». В ту пору бог назывался «элохим». Так величает его древнееврейский текст книги «Бытие». Слово «элохим» буквально означает «боги». Довольно странно, что Библия называет так совершенно одинокого господина [1*].

Итак, «элохим», он же «яхве», «саваоф», «адонай», как его в разных местах называет Библия, скучал (или «скучали») среди собственного хаоса. «Тогу богу» называет этот хаос Библия, что можно вольным образом перевести так: «ни дна ни покрышки» [2].

Так как вечность бесконечно длинна, то «элохимы» этак проскучали, надо думать, неисчислимое множество миллиардов и миллионов веков. Наконец у бога (будем называть его так, по-современному) мелькнула мысль: раз он бог и всемогущ, то ему не следует изнывать от тоски и скуки, а надо что-нибудь делать. Старик решился взяться за творчество.

Он, собственно, мог бы все создать и в один присест. Но нет, он решил не спешить: «всякому овощу свое время». И для начала он создал только небо и землю. Вернее говоря, материя сама выступила при изъявлении им своей воли. Правда, материя пока бесформенная, пустая, еще «без дна и покрышки» и насквозь мокрая. «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и дух божий носился над водою», — говорится во втором стихе первой главы книги «Бытие».

От читателя Библии не требуется понимать, что это значит [3].

Однако, чтобы не наделать ошибок в работе, богу понадобился свет. Судя по сказанному далее, в предшествовавшие века он сидел в полной темноте. К счастью, он не рисковал обо что-либо стукнуться, ибо вокруг ничего не было.

* См. примечания в конце книги.

«Да будет свет,— приказал бог.— И стал свет» *(Быт., гл. 1, ст. 3)*.

Что это был за свет? Этого Библия не говорит. Она просто отмечает: «и увидел бог свет, что он хорош». Значит, бог был удовлетворен этим своим достижением. Прежде всего он позаботился «отделить свет от тьмы». Опять-таки было бы бесполезно стараться понять, что это значит. «И назвал бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» *(Быт., гл. 1, ст. 5)*.

После этого старик занялся созданием... угадайте чего? Опять-таки неба! [4] Вот как «священная» книга описывает эту операцию бога по вторичному созданию неба: «и создал бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал бог твердь небом... И был вечер, и было утро: день вторый» *(Быт., гл. 1, ст. 7—8)*.

Эта история с водой «над» твердью и «под» твердью отражает грубые заблуждения всех первобытных народов. Согласно давним представлениям, небеса — это нечто массивное, твердое, откуда и самое название «твердь». Существовало убеждение, что по ту сторону этой тверди имеется громадный водоем, которому небо служит днищем. Теперь всякий грамотный человек знает, что дождь есть вода, испарившаяся с земли. Водяной пар, сгущаясь, образует облака, из которых влага и выпадает в виде осадков на земную поверхность. Но некогда думали, что дождь — это вода, стекающая из верхнего водоема через люки, специально для этого приспособленные. Это мнение, ныне вызывающее только ироническое сожаление, держалось очень долго. Его разделяли все ученые-богословы первых веков христианства [5].

Пойдем дальше. Третий день бог употребил на работу, плоды которой были более ценны, чем предыдущие. Он опустил свои взоры на нижние воды и сказал сам себе, что было бы полезно собрать их и тем самым дать возможность проступить частям суши. Воды покорно соединились между собой в глубинах, мгновенно образовавшихся для их вмещения. Точно так же мгновенно образовались пространства суши, возвышения, с которых воды побежали в виде ручьев и рек к морям и озерам.

«И назвал бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел бог, что *это* хорошо» *(Быт., гл. 1, ст. 10)*.

Стоит отметить, что старик большей частью бывал доволен своей работой.

— Ишь ты,— восклицал он, должно быть, каждый раз,— как это я не догадался заняться всем этим раньше...

В этот день он был так доволен своими сушами и своими морями, что ему захотелось сделать еще хоть что-нибудь до наступления ночи. «Да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и по подобию ее, и) дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так» *(Быт., гл. 1, ст. 11)*.

Не знаешь, как и восторгаться этой изумительной мудростью «творца»! Невозможно быть более тщательным, более предусмотрительным. Подумать только, что было бы на земле, если бы бог насадил плодовые деревья, приносящие плоды иные, чем его род. Возблагодарим заботливого бога за то, что он не дал нам яблонь, приносящих апельсины, апельсинных деревьев, приносящих груши, и груш, приносящих крыжовник. То-то была бы путаница!

Когда земля ему повиновалась и яблони проросли, принося именно яблоки, бог еще раз «увидел, что *это* хорошо. И был вечер, и было утро: день третий» *(Быт., гл. 1, ст. 12—13)*.

Но вот еще странная история: благодаря правильной подаче света прошло уже три дня с утрами и вечерами. И этот свет, в конце дня уступающий место ночным потемкам, освещал зарождающийся мир без всякого видимого источника: ни о каком Солнце речи еще не было. Оно просто пока отсутствовало. Эта штука стоит длинной цитаты из Библии:

«И сказал бог: да будут светила на тверди небесной, (для освещения земли, и) для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов;

И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.

И создал бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды;

И поставил их бог на тверди небесной, чтобы светить на землю,

И управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел бог, что это хорошо.

И был вечер, и было утро: день четвертый» *(Быт., гл. 1, ст. 14—19)*.

Никаких сомнений, не правда ли? Речь идет о Солнце и Луне. Следовательно, согласно Библии, разделение суток на день и ночь существовало уже до появления Солнца, которое было «создано» богом на четвертый день после появления света.

Зачем же «святой дух» продиктовал Моисею эти сногсшибательные фантазии относительно Солнца и света? Дело объясняется просто: до конца XVII века даже ученые полагали, что Солнце не дает света, а только «пропускает» его; свет же существует сам по себе. Даже знаменитый французский мыслитель Рене Декарт разделял это заблуждение.

Датскому астроному Олафу Ремеру (1644—1710) наука обязана открытием важной истины, совершенно противоположной указаниям Библии: свет, проливающийся на наш мир, исходит от Солнца, и распространение его не мгновенное. Ремер определил скорость света, установив — и ныне это многократно доказано,— что свет доходит от Солнца до Земли за 8 минут 18 секунд, то есть имеет скорость почти в 300 тысяч километров в секунду. Он пришел к своему открытию путем наблюдения и изучения затмений спутников Юпитера — планеты, входящей в состав нашей солнечной системы. Ремер проживал тогда во Франции и сделал о своих открытиях сообщение в Парижской академии 22 ноября 1675 года.

Тот, кто писал библейские строки, конечно, был полным невеждой в астрономии. Но бог-то должен был бы и в ту пору, когда писалась Библия, знать все.

Обращает внимание и то, сколь ничтожна, по Библии, роль звезд в программе сотворения мира. «Два больших светила» — это Солнце и Луна. Луна — ничтожный спутник нашей Земли! Невежественная книга и не подозревает, что Луна, Земля и даже Солнце — все это еще так мало значит во Вселенной! Даже наше ослепительное Солнце, главное светило нашего солнечного мира, есть не более, чем скромная звезда, одна из десятков миллиардов звезд, образующих огромную звездную систему — нашу Галактику. «Священный» автор видит только Землю и все сводит к Земле. Между тем Земля — это одна из планет. Она движется вокруг сравнительно небольшой звезды. Эту звезду — наше Солнце, которое вместе с тем по объему в 1 300 000 раз больше Земли,— невежественный автор книги «Бытие» ставит в полную зависимость от ее спутника — Земли.

Автор наивных библейских фантазий обомлел бы, если бы ему довелось воскреснуть в наши дни. Какие глаза он сделал бы, прочитав любую популярную книгу по астрономии или попав в астрономическую обсерваторию, понаблюдал бы в хороший телескоп горы на Луне, пятна на Солнце, спутников планеты Юпитер и иные небесные объекты, которые бог будто бы «поставил на тверди небесной».

Вернемся к Библии:

«И сказал бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. (И стало так.)

И сотворил бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел бог, что это хорошо.

И благословил их бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле.

И был вечер, и было утро: день пятый.

И сказал бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

И создал бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел бог, что это хорошо» *(Быт., гл. 1, ст. 20—25)*.

Куда же лучше! И всемогущий мастер, у которого есть руки, потирал их от удовольствия. Но впереди его ждало еще лучшее.

— Однако ни одно из этих животных не похоже на меня,— подумал он.— А жаль! У меня красивая голова, небольшие уши, живой взгляд, правильный нос и, наконец, хорошие зубы. Я, конечно, легко мог бы создать и зеркало, чтобы смотреться в него, но, я думаю, гораздо лучше видеть себя, созерцая похожего на себя. Ладно! Надо, чтобы на земле было животное, похожее на меня.

В то время как старик этак рассуждал сам с собой, несколько только что созданных им обезьян кувыркались у его ног.

— В них есть что-то от меня,— должно быть, подумал он.— Но это еще не то. У всех у них есть хвост, а я хвоста не ношу. Есть, правда, и между ними бесхвостые, но... Все же это не то!

Обезьяны продолжали гримасничать и кувыркаться.

Тогда бог взял кусок сырой земли и стал лепить человека.

Можно ли после этого утверждать, что бог есть только дух и рук не имеет?

Библия говорит также, что, создав человека, бог «вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» *(Быт., гл. 2, ст. 7)*.

Есть одно неясное место в первой главе книги «Бытие» *(ст. 27)*, которое, казалось бы, позволяет заключить, что человек был создан гермафродитом (обоеполым) и что лишь впоследствии бог «внес поправки» в свое творение. Вопрос о создании женщины поднимается только в конце второй главы, а в 27-м стихе первой главы Библия говорит: «и сотворил бог человека по образу своему, сотворил его самцом и самкой по образу божьему». Это и есть стих, буквально переведенный с древнееврейского языка. Он и дал повод к рождению весьма распространенной легенды о богах-гермафродитах. С другой стороны, стих этот, именно вследствие своей двусмысленности, всегда подвергался искажениям со стороны благонамеренных христианских переводчиков [6].

Однако было бы ошибкой придавать слишком много значения этой библейской фантазии: есть немало и других мест в Библии, совершенно не нуждающихся да, впрочем, и не подлежащих никакому пониманию. Обратимся лучше к тому, что считается общепринятым.

Как только бог создал человека, он объявил его венцом творения. Тотчас же он устроил для него смотр всем животным. «Господь бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» *(Быт., гл. 2, ст. 19)*.

Это был, вероятно, забавный парад. Даже самый ученый естествоиспытатель едва ли решился бы стать в этом случае на место Адама [7].

«Наполняйте землю, и обладайте ею, — было сказано Адаму, — и владычествуйте над рыбами морскими, (и над зверями,) и над птицами небесными, (и над всяким скотом, и над всею землею,) и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» *(Быт., гл. 1, ст. 28)*.

Нелишне отметить, что, вопреки этому божьему велению, «царь природы» — человек вынужден был бороться,

и не всегда успешно, со львами, тиграми, медведями, крокодилами, волками и т. п. и не только хищные звери с удовольствием пожирали многих людей, но все человечество является еще добычей и многих неприятных паразитов: блох, вшей, клопов, а также болезнетворных микробов.

Кроме того, бог, создавший хищных зверей, любящих бифштекс из человечины, самому-то человеку приказал быть вегетарианцем. Цитируем Библию:

«И создал господь бог человека из праха земного» *(Быт., гл. 2, ст. 7).*

«Вот, я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; вам *сие* будет в пищу» *(Быт., гл. 1, ст. 29).*

Эту особенность питания первых людей просим заметить.

Наконец, вечером шестого дня, когда все было окончательно или почти окончательно готово, бог, счастливый и до кончиков ногтей довольный своей работой, утомившись, придумал себе отдых. Цитируем: «И совершил бог к седьмому дню дела свои, которые он делал, и почил в день седьмый от всех дел своих, которые делал» *(Быт., гл. 2, ст. 2).*

Продолжаем читать Библию: «И насадил господь бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал...

Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.

Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;

И золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс.

Имя второй реки Гихон (Геон): она обтекает всю землю Куш.

Имя третьей реки Хиддекель (Тигр): она протекает перед Ассириею. Четвертая река Евфрат» *(Быт., гл. 2, ст. 8, 10—14)*.

Этими подробностями автор хотел дать точные указания относительно месторасположения земного рая. Но уж лучше бы он ничего не говорил, ибо трудно более глупо попасть впросак.

Все комментаторы согласно признают, что Фисон есть река Фаз, впоследствии названная Араксом. Это река в Армении, имеющая свои истоки в одном из самых недоступных ущелий Кавказа. Допустим, что в этих местах и встречаются золото и оникс, но уже никто не знает, что такое «бдолах».

С другой стороны, не может быть никакой ошибки насчет рек Тигра и Евфрата. Ясно, что книга «Бытие» относит местонахождение земного рая к области между Арменией и Ираком (Месопотамия). Хотя истоки Аракса, Тигра и Евфрата и расположены сравнительно недалеко один от другого, однако все эти реки имеют каждая свой собственный источник. Аракс — наибольший приток реки Куры — берет свое начало у Бингель-Дага (в Турции) и течет к Каспийскому морю. Что касается Тигра и Евфрата, то они не только не имеют общих истоков, но, напротив того, сливаются, впадая в Персидский залив.

По поводу реки, которую книга «Бытие» называет Гихоном, промах «священного» автора прямо фантастичен. «Это,— говорит он,— река, обтекающая землю Куш» (Хуш). Однако, согласно самой же Библии, земля Хуша (сына Хама и отца Нимрода) есть не что иное, как Эфиопия. Следовательно, Гихон — это Нил, который, как известно, протекает не в Азии, а в Африке и в направлении совершенно противоположном Тигру и Евфрату, то есть с юга на север. Если считать его истоки в горах Экваториальной Африки и в области озера Виктория-Ньянца, получится почти 3000 километров расстояния между истоками первых трех рек

и этой реки. Книга же «Бытие» объявляет, что все они орошают один и тот же сад — Эдемский [8]. Правда, две из этих рек — Тигр и Евфрат — имеют свои истоки на расстоянии не больше 100 километров один от другого, но уже и это довольно много для сада. И притом, что это, скажите на милость, за сад — эта громадная территория, находящаяся в горах и на отвесных скалах, в одном из самых неудобных мест земного шара?

Перенесемся мысленно в этот чудесный рай, где четыре большие реки берут начало из одного источника и несут в разные стороны свои воды. Адам гуляет по своей усадьбе и предается усладам безделья. Вот каковы, вероятно, его размышления:

«Я человек и называюсь Адамом; кажется, это значит «красная земля», так как я был сделан из глины, как простая посуда. Сколько мне лет? Я родился несколько дней тому назад; но, как говорит старая поговорка, мужчине столько лет, сколько показывает его внешность. Вот почему я могу сказать, что я, собственно говоря, родился в возрасте 28 лет, имея все зубы... Нет, еще не все зубы. У меня нет еще зубов мудрости.

Недурно сложен, черт возьми! Да и как же мог бы я не быть красивым парнем, если, за исключением возраста и бороды, я являюсь точной копией господина бога, самого знаменитого существа во Вселенной? Поглядите-ка на мое здоровье, на эти руки, на эти стройные ноги, на эти мускулы, на этот румянец... Никакого ревматизма! Плюю вообще на все болезни, в том числе на оспу: папаша создал меня с готовой оспенной прививкой. Положительно, я хорош!

И жизнь недурна в этом прекрасном месте. Ухожу, возвращаюсь, срываю с деревьев любые фрукты и ем сколько влезет. Я не испытываю ни малейшей усталости, так как ничего не делаю. Если я люблю поваляться на траве, так только ради удовольствия.

Третьего дня любезный хозяин бог устроил мне маленькое развлечение, о котором я сохраню приятное воспоминание на всю мою жизнь: все животные парадировали передо мной. «Имя, которое ты дашь каждому животному, будет его именем»,— сказал мне старик. Вот это гостеприимство!

Трудно вообразить даже, сколько их прошло передо мной, этих животных. Я никогда не думал, что есть столько

живых существ на свете. Однако я не затруднялся наделять их именами. Язык, на котором я говорю вполне бегло, хотя никогда и нигде ему не учился, есть язык необыкновенно богатый, обладающий непостижимым обилием выражений. Так, совершенно не размышляя, я узнавал моментально свойство каждого животного, только взглянув на него, и одним словом определял особенности каждого вида. Таким образом, имя, данное мной, есть вместе с тем точное и полное определение. Возьмем, например, животное, которое впоследствии будут называть: «эквус» по-латыни, «иппос» по-гречески, «пферд» по-немецки, «лошадь» по-русски. Ну так вот, я дал ему имя, которое точно определяет это четвероногое, с его шерстью, хвостом, хомутом. Ах, он бесподобен, этот язык, на котором я говорю! И как грустно подумать, что когда-нибудь он погибнет навсегда.

Он был великолепен, этот смотр всем живым существам. И когда я говорю великолепен, то это еще не все. Мы имели еще и комический номер в нашей программе: это было появление рыб. Подумать только: наш сад расположен на суше, вдали от морских берегов. Здесь есть только реки, то есть пресная вода. Вы воображаете, какие рожи корчили морские рыбы, подымаясь по Тигру и Евфрату, чтобы прийти представиться мне? Отсутствие соленой воды их ужасно расстраивало. Как я хохотал! А морские млекопитающие? Вот кому было плохо. К счастью, ради этого случая папаша догадался расширить реки моего садика, а не то ни один кит никогда по ним не пролез бы... Только я дал им имена, надо было посмотреть, как они стали улепетывать, хлопая плавниками, чтобы поскорей добраться до своего океана. Я за бока держался от хохота!

Быть может, найдутся люди, которые не захотят верить этой истории? Нечестивцы будут отрицать, что тюлени, моржи, белые медведи, пингвины для этого парада смогли прибыть в долину Тигра и Евфрата, что сюда же собирались кенгуру, утконосы и страусы эму из Австралии, слоны, носороги, бегемоты и крокодилы из Африки, попугаи, ламы, аллигаторы, анаконды из Южной Америки и т. д. Ну и что ж? Критика ничего не значит. Честное слово, я видел здесь, в этом саду Эдемском, тюленей, китов, песцов, оленей и других животных всего мира.

Придиры скажут: «Ну а уникальные породы рыб из разных водоемов, например байкальский омуль, чудской сиг, дальневосточный лосось,— как они добрались?» Эти рыбы

получили специальное разрешение от бога и явились на смотр в Эдем... воздушным путем. Да будет анафема неверующим, которые не удовлетворяются этим объяснением!

Да, наконец, на кой черт я вступаю в спор по поводу всего этого? Тем хуже для тех, кто мне не поверит, когда я утверждаю, что предо мной прошли все животные: позвоночные, беспозвоночные, пресмыкающиеся. Нет даже ни одного насекомого, которому я не дал бы имени. Но кто больше всех изумил меня, так это большой белый червь, длинный и плоский, который потихоньку вылез из меня самого, противный червь, которого будущие естествоиспытатели назовут солитером. Этот долговязый дурак, как только вылез, отвесил мне глубокий поклон. Я дал ему имя, и после этого он снова залез в меня через задний проход и поселился во мне. Если я об этом говорю, то лишь для того, чтобы быть точным. Правду сказать, я не знал, что я внутри обитаем. Впрочем, мой жилец меня нисколько не беспокоит. Ничто не нарушает упоительной жизни, которую я веду вот уже пять дней».

Адам смотрит на свое отражение в чистой ключевой воде, в источнике четырех великих рек, потом лениво растягивается на траве.

— Как приятно жить! — бормочет он.

Но вот он зевнул, потянулся. Незнакомая истома постепенно овладевает им. Вот еще новость! Он не чувствует никакой усталости. Что же это значит? Он ничего не понимает. Он испытывает таинственное и непреодолимое чувство. Его веки слипаются. Адам спит. Это первый сон человека.

Пока Адам храпит «во все носовые завертки», приходит бог-отец. Он останавливает продолжительный взгляд на спящем бездельнике.

— Все-таки следует признать: когда я берусь за работу, то делаю ее хорошо,— говорит он с удовлетворением. — Парень хорошо сложен; можно было бы поклясться, что это я сам... когда я был моложе на несколько миллиардов веков.

Нагибаясь, он щиплет Адама за икры. На эту божественную шутку Адам отвечает еще более громким храпом.

— Прекрасно,— продолжает мастер «элохим»,— не нужно никакого обезболивания. Я вижу, что мой молодой Адам достаточно крепко спит: его и пушка не разбудит. А теперь за работу, ибо я пришел сюда по весьма важному делу.

Пока меня никто не слышит, я могу сделать признание: я заметил сегодня утром, что иногда я все-таки поступаю немного неуклюже, можно сказать коряво. Где была моя голова, когда я создавал человека без подруги? Каждому животному я дал самку. По крайней мере, из этого правила есть очень мало исключений. Глиста-солитер, правда, гермафродит, и это понятно, потому что если бы он жил парами, то и не назывался бы солитером[9]. Но человек не глиста, черт возьми! Значит, надо ему сделать подругу, и я сделаю ее из его же собственного тела.

Сказав это, бог-отец «взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал господь бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку» *(Быт., гл. 2, ст. 21—22)*.

Мне так и слышится крик человека, внезапно проснувшегося:

— Ой-ой! Мне выломали ребро!

Вообразите же его удивление, когда он увидел хорошенькую живую куклу.

— Это еще что такое?

— Это? Это твоя жена. Честь имею вас поздравить с законным браком,— ответил бог.— Посмей только сказать, что она тебе не нравится!

— Правду сказать, она недурна.

— То-то, не дурна! Счастливчик! И ведь без тещи. Тебе прямо везет, мой милый.

Библия рассказывает, что Адам воскликнул: «вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа (своего). Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть» *(Быт., гл. 2, ст. 23—24)*.

Не стоит комментировать это восклицание новобрачного Адама. Каких еще галантных слов вы от него ждете?

Что касается извлеченного ребра, то следует напомнить, что, согласно утверждению Блаженного Августина, бог отнюдь не возвратил его Адаму. Следовательно, Адам так и остался инвалидом — без одного ребра. Это, вероятно, было «ложное» ребро, ядовито замечает Вольтер, «ибо недостача настоящего ребра была бы очень заметна».

Книга «Бытие» говорит еще *(Быт., гл. 2, ст. 25)*: «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились».

Благочестивые комментаторы утверждают, что эта нагота без стыда есть доказательство невинности наших пра-

родителей, признак их духовного совершенства. В соответствии с этим богословским рассуждением следовало бы считать живущими в состоянии духовного совершенства всех людей первобытной культуры, которые не носили никаких одежд, например инков в Америке, некоторые племена в Африке, обитателей Полинезии, Меланезии и иных. Тем не менее, захватывая эти страны, испанские, португальские, французские, английские колонизаторы истребляли туземные племена, жившие в полной невинности, а христианские священники благословляли эти избиения, теоретически обосновывая чудовищные зверства «цивилизаторов». С другой стороны, утверждают, что заставил применять одеяния только холод, ибо в наготе жили именно обитатели наиболее жарких стран. Кроме того, когда все ходят голыми, никому и не стыдно быть голым. Если же кто и краснел бы при этом, то только из-за неприятности обнаруживать какой-нибудь телесный недостаток, которого нет у других.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГРЕХОПАДЕНИЕ ПРАРОДИТЕЛЕЙ

Мы подошли теперь к изумительному приключению, которое — увы! — положило конец благоденствию Адама и его супруги.

«И произрастил господь бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (*Быт., гл. 2, ст. 9*). «И заповедал господь бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть;

А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (*Быт., гл. 2, ст. 16—17*).

Полезно, раньше всего, заметить, что для религиозного наставления существовало много учебных руководств, называвшихся «священной историей». В этих книгах обходились молчанием стеснительные места Библии. Так, обыкновенно верующим говорят только о «дереве познания добра и зла». Мы увидим сейчас, почему церковники ни слова не говорят о «дереве жизни». Мы приведем стих 22 главы третьей, обычно пропускаемый в книгах для легковерных людей.

Но сейчас займемся пока только плодом, послужившим причиной падения человека. Напомним, что император Юлиан Философ[1], память которого так ненавистна для церковников, сделал по поводу этого чудесного дерева несколько замечаний.

«Нам кажется, — писал он, — что господь бог должен был бы, наоборот, приказать человеку, своему созданию, есть как можно больше плодов от «дерева познания добра и зла»; потому что раз бог дал ему мыслящую голову, то необходимо было его учить, и еще более необходимо заставить его познать добро и зло, дабы он хорошо выполнял свои обязанности. Запрещение нелепое и жестокое. Оно было во сто раз хуже, чем если бы человеку бог дал желудок, который не мог бы принимать пищи».

Другое соображение, которое так и напрашивается, — это то, что, по-видимому, господь бог имел заднюю мысль и

был, в конце концов, рад падению человека. В общем, Адам был вправе сказать ему:

— Дорогой мой папаша бог! Если я не ошибаюсь, добро — это есть то, что нравственно хорошо, что вам нравится; а зло, наоборот,— то, что плохо, что вам не нравится. Так или не так?

— Совершенно верно, сынок,— ответил бы «создатель».

— В таком случае,— мог бы продолжать Адам,— дайте мне узнать, что такое зло, дабы я мог его избегать. Иначе зачем здесь это дерево, если мне нельзя его трогать?

Однако ответы вместо самого бога дают те, кто прикрывается его именем.

— Бог,— говорят они,— поставил испытание нарождающемуся человечеству. Он хотел видеть, будет ли Адам ему повиноваться, когда бог потребует от него незначительного лишения.

Но и это утверждение легко опровергнуть. Согласно богословским умствованиям, бог всезнающ — ему известно и будущее. Значит, он должен был предвидеть, что произойдет. Ничто ведь не делается без его воли. Значит, бог сам хотел, чтобы созданные им люди согрешили,— в этом не может быть никакого сомнения.

В дальнейшем вся эта история действительно оборачивается против бога. Вот что рассказывает книга «Бытие»:

«Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал господь бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал бог: «не ешьте ни от какого дерева в раю»?

И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть,

Только плодов дерева, которое среди рая, сказал бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.

И сказал змей жене: нет, не умрете;

Но знает бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел» *(Быт., гл. 3, ст. 1—6)*.

Что, прежде всего, поражает в этом рассказе — это то, что речь «змея», его разговор с женщиной, самый факт объяснения «змея» на языке первопредков не представлен автором как нечто сверхъестественное, чудесное, ни даже

как аллегория. Книга «Бытие» так и представляет самого «змея» именно как змею. Это пресмыкающееся, полное хитрости и соблазна, делается искусителем женщины, изъясняясь с легкостью, которой позавидовал бы любой волокита, намеревающийся использовать доверчивость наивной простушки.

Змея так натурально описана в Библии, что христианские богословы, находя неправдоподобной эту версию, сочли необходимым внести в библейскую сказку свою поправку. Однако эта поправка изменяет все, что изложено в книге «Бытие» по этому поводу и находится в полном противоречии с Библией. Согласно этим исправлениям, столь же хитрым, сколь и благочестивым, сам дьявол принял форму змеи и соблазнил жену Адама. Так повернули дело богословы, так они учат ныне.

Это толкование есть мошенническая подделка книги «Бытие». Во-первых, ни одно слово подлинного текста не дает повода к такому толкованию. Во-вторых, между различными авторами ветхозаветных книг Библии есть всего два, упомянувших о дьяволе: автор Книги Иова, согласно которому дьявол стал в один прекрасный день спорить с богом в небесах, а также автор Книги Товита, который говорит о бесе Асмодее, влюбленном в некую Сарру: у ней он последовательно удавил семь мужей. Однако обе эти книги появляются в самом конце Библии, и ни в них и ни в каких других нет и речи о Сатане-Люцифере — дьяволе, которого церковники выводят всякий раз, когда им надо придать побольше пряности и интереса религиозным легендам. Нигде в Библии нет и поповского рассказа о Сатане, восставшем против бога и побежденном архангелом Михаилом. Это, как, впрочем, и все относящееся к дьяволу, было придумано гораздо позже того, как были составлены ветхозаветные книги Библии [2].

С другой стороны, иные веселые комментаторы, философы-скептики в погоне за несколько легкомысленным символом обратили знаменитое «дерево познания добра и зла» в яблоню; они предполагали, что весь этот эпизод имеет в виду рассказать о том, что госпожа Адам, не знавшая еще любви, получила первый урок ее от дьявола-соблазнителя, обратившегося для этого случая в змею.

Как бы ни смешна была эта шутка, которая, впрочем, ничуть не хуже благочестивых толкований, ее точно так же нужно оставить, как и текст, подделанный церковниками.

Мы должны брать Библию так, как она есть. В эпизоде, которым мы занимаемся в настоящую минуту, выведено именно животное, называемое змеей, а не какой-нибудь дьявол. Что касается любовных намеков, приписываемых «змею»-соблазнителю, то их в этом тексте книги «Бытие» совершенно нет.

Именно змея сама по себе выведена здесь. Автор видит это животное глазами приверженцев разных религий. В древности змея считалась животным очень хитрым, очень умным и злобным. Некоторые африканские племена поклонялись ей.

С другой стороны, случай с этим говорящим «змеем» весьма распространен в восточной литературе: все мифологии, расцветшие в Азии, полны говорящих животных. У халдеев, например, рыба Оаннес каждый день высовывала голову из вод Евфрата и в течение долгих часов держала проповеди к народу, сбегавшемуся на берега. Она давала разные советы и обучала песнопению и земледелию.

Библейский «змей» вовсе не нуждался в том, чтобы в него вселился дьявол. Впрочем, он был гораздо менее хитер, чем его пытается изобразить книга «Бытие». Рассказ о «змее» отличается необыкновенной наивностью и насквозь противоречив. Так, например, спрашивается, что имел в виду змей под словами «вы будете, как боги»? Это выражение, указывающее на многочисленность богов, встречается не в одном только этом месте книги «Бытие»; и дальше мы будем видеть, что даже и иудейский бог Яхве в своих речах отнюдь не считает себя единственным богом. Христианские толкователи, поставленные в тупик этими словами змея, утверждают, что под словом «боги» пресмыкающееся имело в виду ангелов. Им возражали, что змей не мог знать ангелов. Но, в сущности, по той же самой причине он не мог знать и «богов». Наивность и противоречивая путаница — это постоянная особенность Библии.

Нет, он уж не так хитер, этот змей. Его советы очень неполны. Змей по-настоящему умный должен был бы сказать женщине:

— Поешь запретного плода, а затем сейчас же, сию минуту поешь от древа жизни, что тебе вовсе не запрещено.

А бог? Не был ли он сам первопричиной искушения? Зачем дал он змею дар слова? Без этого змей никогда не мог бы объясняться с женщиной.

Библия не приводит слов, которыми мадам Адам убедила своего мужа поесть вместе с ней запретного плода. Попытаемся восполнить этот пробел.

Представьте себе первую женщину, любопытство которой было возбуждено змеем. Она приближается к «древу познания», стоящему посреди сада, рядом с «древом жизни». Долго и не без колебания она рассматривает его.

— Он не так уж красив,— говорит она,— этот змей, который только что приставал ко мне. Но право же у него недурные манеры, и он неплохо говорит. Мне кажется, можно последовать его совету, потому что, ей-богу, довольно глупо ничего не знать. Мы живем с Адамом все равно как индюки, а могли бы быть, как боги. Соблазнительный плод! Нет прекраснее его во всем саду. Однако, если змей меня надул, будет очень грустно. Жизнь так приятна. Поесть яблочка очень хочется, но если в результате я должна буду от этого умереть? Это уже много хуже.

Она ходит и ходит вокруг дерева; змей, спрятавшись поблизости в кустах, следит за всеми ее движениями.

— Нет, это немыслимо, чтобы мы умерли из-за пустяка. Бог-отец нас надувает. В конце концов, у него довольно-таки хитрый вид, у этого старикашки. А змей? У него очень миленькая маленькая голова, добродушное выражение, а глаза так и блестят умом. Старику, конечно, выгодно, чтобы мы так и прожили весь век, ничего не зная о прелестных вещах, представляющих привилегию богов. Его угроза имела в виду, вероятно, нагнать на нас страху. Вот и все! Он не хочет, чтобы мы все знали. Ах, уж эти старики! Они все одинаковы! Не надо им верить.

Она тащит к дереву одну из садовых скамеек, взбирается на нее и срывает яблоко. (Мы говорим «яблоко», хотя Библия не дает на этот счет никаких указаний; но, в конце концов, совершенно не важно, как назвать плод.) Она рассматривает яблоко и облизывается. Змей все видит; он выпрямляется на хвосте позади куста и наслаждается.

Госпожа Адам подносит яблоко к ротику.

— В самом деле, как его кушают, этот плод? Его надо чистить или можно есть с кожицей? Все равно, так или иначе он, должно быть, вкусен.

Она колеблется еще немного.

— Знать все или ничего не знать? Вот в чем вопрос. Когда мы играем в прятки с Адамом — хорошо это или дурно? Жестокая загадка! Надо ли стричь овец, или же мы

делаем зло, снимая с них шерсть? Голова кругом идет. А манера Адама ковырять пальцем в носу — хорошо это или плохо? Ей-богу, это не жизнь — не знать всего этого!

Набравшись решимости, она кусает яблоко.

— Ой-ой-ой, как вкусно! Как сочно! Ах старый плут, запретил нам есть такую вкусную вещь!

Она ложится на скамью и с еще большим наслаждением вкушает «запретный плод».

Приходит Адам, разговаривая сам с собой:

— От скуки я сейчас наловил карасей в Тигре, но так как я вегетарианец, то сейчас же выбросил их в Евфрат.

Замечает свою супругу.

— Эй, женщина, что ты там грызешь?

Госпожа Адам мгновенно вскочила на ноги:

— Ой, не ругай меня. Это плод... с дерева... ты знаешь. С одного из двух деревьев, что посреди сада...

— Я это вижу, черт возьми! Это именно и есть плод, которого нам запрещено касаться. Ну и глупа же ты, женщина! Забыла, что ли, что старик говорил?

— Какой старик? Папаша? Это который во все путается? Вот еще! Он смеется над нами, эта старая обезьяна.

— Что ты говоришь?

— Он грозил смертью. Помнишь?

— Конечно, помню. У меня бегают мурашки по спине.

— Ха-ха-ха, дурачок! Его угроза — это только уловка.

— Что ты врешь? Ты совсем одурела.

— Это уловка, я тебя уверяю. Я уже знаю целую кучу вещей, с тех пор как я поела яблоко.

— Ты знаешь, что добро и что зло? Ты знаешь, что надо делать и чего делать не надо? Ты знаешь все, как и почему?

— Да, начинаю знать, мой милый. Постой, вот я уже знаю, сколько крупиц соли нужно положить в одно яйцо.

— Быть не может!

— Я знаю, почему петухи закрывают глаза, когда поют.

— Поразительно! А почему у лягушек нет хвоста, ты знаешь?

— Я это только что узнала.

— А ну-ка, скажи.

— Потому что это мешало бы им сидеть.

— Поразительно!

— И того больше! Я еще знаю, я уверена, ты слышишь? Я уверена, что ты умница и ни разу мне не изменил.

Адам ошеломлен.

— Тысяча чертей! Ну и ученая же у меня жена! А ведь это правда, что я ни разу ей не изменил. А если бы я тебе изменил, это было бы хорошо или плохо?

— Это было бы очень дурно, сударь! Очень дурно!

Она притягивает его к себе, на скамеечку.

— Впрочем, дорогой мой Адамушка, от тебя самого зависит сделаться таким же ученым, как я, так же быстро и так же дешево. Откуси яблочка!

Она протягивает ему яблоко.

— Мне и самому хочется, дорогая женушка. Но для чего это нам быть учеными, как академики, если мы от этого сегодня же умрем? В конце концов, давай рассудим: умереть, скажем, через тысячу лет, это еще куда ни шло; но свернуть себе шею сегодня — нет, это было бы слишком глупо.

Госпожа Адам дернула плечиками.

— Ты как будто не веришь, милая моя. Но я хорошо помню все, что он говорил, папаша бог. Я лично с ним разговаривал и уверяю тебя, что он был очень серьезен. Вот тебе его подлинные слова: «А от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». Дело ясное, как видишь. Если тебе твоя шкура не дорога, то своей я еще дорожу.

— Адам, Адам, какой ты смешной! Разве я умерла, скажи?

— Нет, ты еще жива. Но и день еще не кончился. Берегись!

— Ах, как мужчины упрямы! Ты можешь гордиться, дорогой мой: у тебя упрямство, как у осла. Прямо удивительно, сколько времени нужно, чтобы убедить тебя, что старик посмеялся над нами. Вот ты только что говорил об академиках.

— Ну, говорил. Так что же?

— Но ведь они же истинные кладези премудрости, как ты думаешь?

— Конечно!

— Ну вот, академики-то как раз и бессмертны[3].

Этот довод смутил Адама. Его же супруга стала ласково, но упорно настаивать.

— Ну, для моего удовольствия, дорогой мой, поешь яблочко! Когда ты поешь, мы оба будем, как боги.

— Как боги?

— Не расспрашивай! Так сказал змей.

Адам решился. Раз уж змей говорит...

— Ладно, давай яблоко.

Он жадно укусил. Две минуты прошло в молчании; слышно было, как мухи летали. Вдруг Адам испустил крик: в него вошло познание.

— Тысяча чертей! — воскликнул он.— Мы наги, как черви! Что за безобразие!

Женщина всплеснула руками: — У меня даже нет подвязок. Ой, как это неприлично!

— Одеваться, одеваться, скорей одеваться...

...«И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания» *(Быт., гл. 3, ст. 7)*.

Заметьте, что первый человеческий костюм не был из виноградных листьев: заслуга возделывания винограда досталась, по Библии, позднее патриарху Ною.

Одевшись, супруги оглядели друг друга.

— Это не так уж плохо,— заметил муж.

— Право же, фиговый листок мне очень к лицу. Эти платья, быть может, немного пыльны, их не вытряхивали с тех пор, как эти деревья насадил бог. Возьми-ка щетку, Адам!

Однако их удовольствие продолжалось недолго.

«И услышали голос господа бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица господа бога между деревьями рая» *(Быт., гл. 3, ст. 8)*.

Библейский бог, как мы видим еще раз, есть вполне телесное существо: он гуляет, он разговаривает, как человек. Книга «Бытие» представляет своего бога точно так же, как и языческие легенды. Разные народы древности действительно имели одинаковые представления о богах, как о человекоподобных существах.

Критики спрашивают, в каком виде бог являлся Адаму, а впоследствии тем, с кем он разговаривал собственными устами. Церковники утверждают, что он имел вид человеческий и что иначе и быть не могло, раз человека он создал «по образу и подобию своему». Тогда чем же отличается древнееврейское представление о боге от других религий, которые проповедники христианства клеймят названием языческих? Древние римляне, принявшие верования греков, представляли себе богов также не иначе, как в человеческом виде. Это заставляет думать, что не бог создал человека по своему образу и подобию, а человек по своему подобию вообразил себе богов. Не будем, впрочем,

настаивать, ибо заразиться таким мнением — значит обеспечить себе место в геенне огненной. Напомним только остроумное замечание одного философа: если бы кошки имели своего бога, они приписали бы ему ловлю мышей.

Такие подробности, как эта прогулка бога по Эдемскому саду, с очевидностью показывают, что здесь и речи нет о какой-нибудь мистической аллегории: все повествование выдержано в самом реалистическом стиле.

«И воззвал господь бог к Адаму, и сказал ему: (Адам,) где ты?» *(Быт., гл. 3, ст. 9).*

Он смущен и жалок, этот бедный господин Адам; и жена его тоже потеряла задор. Они стараются скрыться, спрятаться. Не тут-то было: как скрыться от всевидящего ока? Напрасно стараются они, несчастные, спрятаться от глаз «всевидящего»! Позади них, сбоку — повсюду гремит зов божий, как голос властного и строгого хозяина, собирающегося наказать своего непослушного раба. Ничего не поделаешь — попались, придется сознаться. Понуря головы, они просят прощения.

«Он сказал: голос твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся» *(Быт., гл. 3, ст. 10).*

Вот они перед хозяином, перед этим богом, который знает будущее, который предвидел случай со змеем и с яблоком и который сердится, как будто он ничего не подозревал, как будто все произошло не по его всемогущей воле. Адам и Ева не подумали об этом в своем смущении. Они держатся, как напроказившие ребятишки.

— Не я первый начал, это она. Больше не буду. Ей-богу, больше не буду!

«И сказал (бог): кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, с которого я запретил тебе есть? Адам сказал: жена, которую ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел» *(Быт., гл. 3, ст. 11—12).*

Адам, как видно, довольно удачно упрекает бога за его всеведение:

— Ведь это ты, мой бог, мне дал жену. Разве ты не знал, кого даешь мне в спутники жизни?

«И сказал господь бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела» *(Быт., гл. 3, ст. 13).*

Сейчас старик назначит наказание. Он действует по порядку: кто первый начал, тому первому и влетит. Берегись!

«И сказал господь бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей. И вражду положу между тобой и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» *(Быт., гл. 3, ст. 14—15)*.

Это наказание, назначенное змее, безоговорочно доказывает, что богословы грубо завираются, когда, со своей

«И услышали голос господа бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица господа бога между деревьями рая. И воззвал господь бог к Адаму, и сказал ему: (Адам,) где ты?» *(Быт., гл. 3, ст. 8—9)*.

манией повсюду видеть дьявола, приписывают ему искушение женщины. Если бы был виноват Сатана, то, конечно, бог наказал бы именно его, а не змею.

Однако наказание за искушение постигает единственно и исключительно змею, как животное, как «зверя» полевого. Можно подумать, что этот злой советчик имел когда-то ноги, что бог отнял у него эти ноги и заставил его ползать. Это наказание было бы в высшей степени несправедливым, если бы змея не была лично причастна к делу.

Предположите, что какой-нибудь плут перерядится в одно прекрасное утро в обыкновенного человека, положим

в местного церковника, и под его видом совершит какие-нибудь мошенничества. Что будет, если его поймают, разоблачат и приведут в суд? Осудит ли суд церковника? Конечно, нет. Он накажет настоящего виновника. Это ясно!

Так что богословы хорошо бы сделали, если бы отказались от своей сказки о дьяволе — соблазнителе первой женщины: это не выдерживает критики. Если они все же хотят сохранить эту сказку, то надо признать, что бог не разглядел в этой истории козней дьявола, видел одну только змею и совершенно напрасно лишил ее, неповинную, ног.

Если верно, что люди питают отвращение к змее, если верно, что при встрече они стараются размозжить голову змее, а она старается ужалить их в ногу, то, напротив, есть один пункт наказания, которого змеи не отбывают: они не питаются прахом. Это наказание никогда не было выполнено. Остается только предположить, что бог применил здесь «условное осуждение». Удивительно, что Библия забыла это отметить.

И еще один вопрос: какая же змея играла роль соблазнителя? Уж? Удав? Очковая змея? Эфа? Гюрза? Виды змей очень многочисленны.

Допустим, что госпожу Адам подстрекнул уж; допустим даже, что наказание, вынесенное ужу, было бы справедливо применить ко всему потомству этого ужа и в будущем всех ужей лишить ног во искупление вины их предка. Ведь если бы женщина не успела вовлечь мужчину в грех непослушания, была бы наказана только она одна. Не правда ли? Но бедные змеи! Провинился один уж, а вот медянка, боа-констриктор, гремучая змея, удав, гадюка и много-много других пород потеряли ноги и ползают на брюхе, несмотря на очевидную их невиновность!

«Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» *(Быт., гл. 3, ст. 16)*.

Все комментаторы единодушно сходятся на том, что наказание это касается не только госпожи Адам, но также и всех женщин до конца мира. Не останавливаясь на том, сколько здесь несправедливого и сумасбродного со стороны бога, мы отметим, прежде всего, что, по-видимому, если бы первая женщина сумела устоять против нашептываний

змея, она не рожала бы в муках. До этого дня она, значит, была сложена совершенно иначе, чем ко времени своих первых родов. Следовательно, в одно мгновение, то есть в самый момент произнесения приговора, бог перевернул вверх дном весь организм женщины. Вот уж поистине перст божий!

Затем стоит отметить, что, несмотря на свое всемогущество, господу богу не удалось провести в жизнь наказания, которому он подверг весь женский пол: очень многие женщины рожают без болей. Во-вторых, сколько их, этих женщин, которые не только не находятся в повиновении у своих мужей, но водят их за нос и держат в трепете! Имя им легион!

«Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него», проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей.

Терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою.

В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься» *(Быт., гл. 3, ст. 17—19)*.

Те же замечания, что и выше. Наказание, вынесенное Адаму, должно распространиться на всех мужчин: в этом сходятся все богословы.

Самое страшное из наказаний есть смертный приговор. Правда, этот замечательный бог забыл свою недавнюю угрозу, что поевший запретного плода умрет в самый день проступка. Эта забывчивость бога-отца предоставила приговоренным довольно продолжительную отсрочку. Если верить Библии, Адам прожил еще 930 лет *(Быт., гл. 5, ст. 5)*. Но если бы Адам не ел яблока, он никогда не умер бы, и мы тоже были бы бессмертны.

Если бог действительно таков, как его изображает Библия, то он сделал хорошо, что змей остался немым с тех пор и ничего не может рассказать, иначе он сделал бы кое-какие разоблачения. Надо отметить, однако, что лишение дара слова не значится в числе вынесенных змею наказаний.

Еще одно замечание поневоле напрашивается само собой. Это относительно хлеба с большой примесью пота. Весьма вероятно, что в первобытные времена не было хлеба и люди питались тогда чем придется. Но не будем приди-

раться. Допустим, что бог имел в виду цивилизованное будущее. Евреи, в среде которых появились библейские сказания, действительно ели хлеб, когда перешли к оседлой жизни и стали заниматься земледелием. Однако церковники утверждают, что Библия была написана не для одних евреев: это-де закон для обитателей всего мира. Но хлеб едят только в тех странах, где растут хлебные злаки. Эскимосы не знают муки́. Во многих областях Индии, Америки, Центральной и Южной Африки люди питаются плодами и добычей от охоты.

Может быть, скажут, что слово «хлеб» бог употребил в фигуральном смысле, имея в виду все виды пищи? Почему же все-таки наказание это не распространилось действительно на всех? Если трудящиеся работают, чтобы есть, если кто-нибудь живущий плодами своего труда видит себя искупающим вину Адама, то это вовсе не относится к богатым людям, наслаждающимся наследственными миллионами! А упитанные священнослужители? Эти если и потеют, то разве только от жира. Не труды по добыванию пищи заставляют их орошать своим потом хлеб насущный!

Стих 18 очень недружелюбен по отношению к человеческому роду. Кроме хлеба человек приговорен питаться только одною полевою травою, наравне с животными. Что даст ему земля? «Тернии и волчцы»,— грозит Библия. Бог прозевал, однако: несмотря на его гневный приказ, люди едят еще кое-что, кроме хлеба и травы. И почему бог молниями своими не разрушает рестораны, объявляющие мясные блюда в своих меню?

Но вот что произошло после произнесения приговора: «И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих» *(Быт., гл. 3, ст. 20)*.

Этот милый муж доселе не позаботился дать имя своей подруге; он просто звал ее женой, как это видно из стиха 23 главы второй книги «Бытие».

А теперь мы увидим, что бог не тотчас же изгнал Адама и Еву из земного рая, вопреки распространенному мнению. Сначала бог-отец, найдя слишком легкими их костюмы из фиговых листьев, сделался портным:

«И сделал господь бог Адаму и жене его одежды кожаные, и одел их» *(Быт., гл. 3, ст. 21)* [4].

Для изготовления этих одежд понадобилось избиение ни в чем не повинных животных; значит, первая ското-

бойня была освящена и открыта самим господом богом. Как же требовать после этого, чтобы наши предки не пожелали использовать в пищу мясо так быстро и неожиданно убитых и раздетых животных? «Плевать на вегетарианскую диету»,— должны были они сказать друг другу.

А господь бог так и оставил бы Адама с Евой и жить и умирать в раю, если бы, встретив их через некоторое время одетыми, он не вспомнил о знаменитом «дереве жизни», плодов которого мужчина и женщина так и не догадались поесть.

«И сказал господь бог: вот, Адам стал как один из нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно» *(Быт., гл. 3, ст. 22)*.

Таков стих 22, о котором совсем умалчивают учебники «священной истории».

Итак, ясно: эти два болвана — Адам и Ева, коим плоды от «дерева жизни» не были запрещены, самым глупым образом пропустили их. А если бы мужчину и женщину осенила счастливая мысль поесть чудесных плодов, пока бог выкраивал для них одежды из звериных шкур, то-то бы они натянули нос своему строгому судье! Приговор не мог бы быть приведен в исполнение, и бог оказался бы бессильным.

Не правда ли, она довольно смешна, «святая» Библия, когда читаешь ее внимательно?

Этот «единый» бог, который вдруг проговаривается о существовании нескольких богов, конечно, болтает лишнее. Но, кроме того, он, «всемогущий», беспомощно признает свою неспособность привести в исполнение им же вынесенный смертный приговор. Подумать только! Немножко присутствия духа, немного догадки, и Адам с Евой стали бы бессмертны, несмотря на бога и даже против его собственной воли.

И как же должен был, в конце концов, поздравлять себя старый бог, когда наконец вспомнил об этом проклятом «дереве жизни».

«И выслал его господь бог из сада едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни» *(Быт., гл. 3, ст. 23—24)*.

Никаких сомнений, не правда ли? Это именно злосчастное «дерево жизни» больше всего занимало старого «элохима». Ни в коем случае Адам и Ева не должны были к нему возвратиться. Но, в конце концов, что за дикая мысль была создавать это дерево? В самом деле, при способности знать будущее бог, конечно, никак не мог упустить из виду то обстоятельство, что один из наших отдаленных предков должен будет согрешить и что придется приговорить к смерти его и весь род людской. При этих обстоятельствах «дерево жизни» не могло быть для него ничем иным, как помехой. Не лучше ли было бы богу его вовсе не взращивать?

А этот херувим с горящим мечом у ворот сада Эдемского — это что еще за ерунда такая? Разве одним словом, одним усилием воли бог не мог сокрушить и уничтожить «дерево жизни», отныне потерявшее всякий смысл? И этого бог не догадался сделать!

Ищут отважных добровольцев! Кто хочет записаться в экспедицию по отысканию рая? Раз уж господь бог позаботился об охране ворот эдемских, раз уж он дошел до того, что принял столь примитивные оборонительные меры против попыток человечества вступить на путь, ведущий к «дереву жизни», значит, рай земной и чудесное древо еще где-нибудь существуют. Если, исследуя область Тигра и Евфрата, мы увидим ангела с огненным мечом, караулящего какие-нибудь ворота, мы можем воскликнуть:

— Приехали! Вот он, рай, созданный богом [5].

Впрочем, кто он такой, этот страж? В древнееврейском тексте книги «Бытие» употреблено слово «херуб». Оно значит «бык» и происходит от слова «хараб», что значит «пахать». Древние евреи во многом подражали своим соседям и затем поработителям — вавилонянам в обычаях, касавшихся также и религии. Они, например, стали лепить громадных быков, из которых сделали нечто подобное сфинксам, сложных животных, которых они помещали в святилищах. Эти изображения имели два лица: одно — человеческое, другое — бычье, а также крылья, человеческие ноги и бычьи копыта. Христианские богословы это переиначили: из «херуба» они сделали «херувима». А херувимы — это розовощекие молодые ангелочки, не имеющие тела и вообще ничего, кроме детской головы и двух маленьких крылышек. Их много, этих ангелочков, в церковных украшениях. Весьма возможно, что ангельский швейцар земного

рая не совсем соответствует представлениям наивных верующих о «херувимах» и что это, наоборот, «херуб» в древнееврейском смысле, с головой о двух лицах, из коих одно бычье. Это поможет путешественникам узнать его издали. Или же если это херувим христианского типа, без тела и рук,— значит, пылающий меч он держит в зубах, и это лишний раз обратит на себя наше внимание.

Мы лично склоняемся больше к фигуре дворника с получеловечьей-полубычьей головой.

Итак, смелей в поиски рая! Даже если нам не удастся проникнуть туда, путешествие будет интересное: можно будет пошататься, по крайней мере, вокруг сада и занести рай на географическую карту, до сих пор страдающую этим существенным пробелом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ

етвертая глава книги «Бытие» начинается кратким и достаточно ясным замечанием о том, что после изгнания из рая библейские «прародители» прежде всего позаботились оставить после себя потомство.

«Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от господа. И еще родила брата его, Авеля» *(Быт., гл. 4, ст. 1—2).*

Наши богословы, толкуя вкривь и вкось Библию, и здесь нашли о чем поспорить. Некоторые из них, вопреки вышеприведенному тексту и, по-видимому, не считая его достаточно ясным, держались того взгляда, что любовное общение первых людей совершилось еще в Эдеме. Иные поддерживают мнение, что Ева, едва лишь созданная, уже потеряла невинность. Другие утверждают, ссылаясь на вышеприведенные строки книги «Бытие», что Адам и не думал познать Еву раньше, чем они были изгнаны из рая.

Разногласия не остановились на одном этом. Богословы разделились между собой также и по следующему изумительному поводу: если считать, что брачное общение «первых человеков» совершилось после ухода их из Эдема, то нет никаких оснований утверждать, что это случилось сейчас же. В таком случае когда же? Когда именно? Богословы хотят все знать; эти люди обладают необыкновенным любопытством, в особенности в вопросах такого рода. Они утверждают, что Адам оттянул решительные шаги в отношении своей жены на пятнадцать и даже на тридцать лет. Иные утверждают самым серьезным образом, что Адам и Ева по обоюдному соглашению и ради искупления своего греха нарушили половое воздержание не меньше чем через... сто лет.

Вы думаете, это все? Ах, как мало вы знаете богословов! Некоторые из них отыскали легенду, согласно которой Адам сохранял свою девственность сто пятьдесят лет, все за злосчастный «запретный плод», и жил все это время с некоей Лилит, которая, подобно ему, была сделана из

земли. От сожительства с этой женщиной родилось несколько чертей[1]. Только много лет спустя Адам женился на Еве, когда с него бог снял отлучение. Вот тогда у него и стали рождаться дети-люди. Наконец, были и такие комментаторы, которые утверждали, что после выселения из Эдема дьявол некоторое время жил с Евой как муж с женой.

А вопрос о родах Евы? Милые богословы нашли и здесь неисчерпаемый материал для благочестивых размышлений и «научных» исследований. Они, например, совершенно серьезно разбирали вопрос о том, были у Адама и Евы пупки на животах или нет.

Однако все это смешные мелочи. Перейдем к тому, что представляется вполне серьезным и существенным. Серьезное в Библии тоже может вызывать веселое оживление и здоровый смех.

«И был Авель пастырь овец; а Каин был земледелец»,— сообщает Библия *(Быт., гл. 4, ст. 2)*.

Прошу вас поразмыслить одну секунду: который из двух сыновей Адама, по-вашему, послушал бога в выборе профессии? Конечно, Каин, потому что господь приказал человеку обрабатывать землю и питаться исключительно тем, что производят поля. А Авель стал пастухом. Если он разводил стада овец, то уж, конечно, не для того, чтобы любоваться, как они пасутся, а самому играть на свирели. Он разводил своих овец на жаркое. Как видим, Авель нарушил категорические и ясные предписания божии. Однако это не помешало ему стать любимчиком бога. Право же, дорогие богословы, вашего господа бога надо держать не в монастырских кельях, а в подходящем лечебном заведении.

«Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел господь на Авеля и на дар его. А на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его» *(Быт., гл. 4, ст. 3—5)*.

Было действительно от чего огорчаться: ведь бог здесь проявил капризную несправедливость[2]..

«И сказал господь (бог) Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» *(Быт., гл. 4, ст. 6—7)*.

Библия не сообщает, что ответил Каин богу. Надо признать, что непонятная галиматья, изложенная в стихе седьмом, могла бы сбить с толку хоть кого. Ответить действительно было трудновато. Каин не был пророком. Иначе он мог бы сказать:

— Значит, вы предпочитаете мясные жертвоприношения, многоуважаемый господин бог? Ладно! Однако вы подаете пример, которому последуют все языческие жрецы. Вы обнаруживаете вкусы, которых будут держаться все идолы. Вкусы эти впоследствии будут объявлены грубыми и недостойными божества... Да еще знаете кем? Самими же приверженцами Библии — служителями религии!

Но Каин ничего не ответил. Этот человек, который положил столько труда на взращивание тыкв, который приносил господу в жертву свои самые сочные дыни и видел их отвергнутыми, понял, что бог смеется над ним, и был этим так обижен, что на минуту потерял голову. И вот вместо того, чтобы разгневаться на капризного и грубого самодура-бога, он набросился на своего брата.

«И сказал Каин Авелю, брату своему: (пойдем в поле). И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его» *(Быт., гл. 4, ст. 8)*.

Коротко и ясно. Каин был парень быстрый. Он приглашает своего брата выйти погулять, уводит его в поле под каким-то предлогом, вроде того чтобы наловить бабочек, и, забравшись далеко, завязывает с Авелем нелепую ссору; потом киркой по голове — и готово! И выходит, что из всего человечества почин в смерти сделал не кто иной, как сам любимчик господа бога — Авель.

Что происходит после этого в голове Каина? Тронут ли он ужасом своего преступления? Нисколько. Он моментально превращается в закоренелого разбойника, в этакого прирожденного каторжника. У него нет ни малейших угрызений совести. Он вдруг обнаруживает необыкновенную дерзость по отношению к богу, не чувствуя перед ним никакого страха.

«И сказал господь (бог) Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?» *(Быт., гл. 4, ст. 9)*.

Так и видишь картину перед глазами: бог-отец высовывается из-за облака и вопрошает убийцу, а тот сплевывает сквозь зубы с великолепным спокойствием профессионального преступника, уверенного в том, что он замел следы

преступления и водит за нос следственные органы. Однако бог не упустил ни одной подробности происшествия; его божественное око и на сей раз оказалось на высоте.

«И сказал (господь): что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли» *(Быт., гл. 4, ст. 10)*.

Ясно, что Каин будет жестоко наказан. Бог проклинает его и объявляет:

«Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя: ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» *(Быт., гл. 4, ст. 12)*.

Каин обречен на бродяжничество, на то, чтобы не иметь ни кола ни двора, на то, чтобы вечно и безостановочно скитаться и маяться. Но позвольте, дорогой бог! Если в своих скитаниях он не будет знать ни отдыха, ни покоя, то как же он будет в то же время земледельцем? Ведь это занятие требует оседлости. Как сможет он обрабатывать землю, хотя бы даже и бесплодно?

Однако библейский Каин принял все это всерьез, сильно испугался и даже со страху забыл, что человечество состоит всего из трех человек — его родителей и его самого. Ему уже мерещится, что во время своих скитаний он может быть убит из-за угла какими-то злоумышленниками.

«И сказал Каин господу (богу): наказание мое больше, нежели снести можно. Вот, ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня» *(Быт., гл. 4, ст. 13—14)*.

И сразу смягчился гнев господень. Потеряв чувство действительности, бог принимает Каина под свою защиту против несуществующих убийц. Если это не бред, то интересно знать, что это?

«И сказал ему господь (бог): за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал господь (бог) Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его» *(Быт., гл. 4, ст. 15)*.

Тут невольно ожидаешь дальше рассказа о скитальческих приключениях Каина. Однако нет. Никто, оказывается, не был бóльшим домоседом, чем этот «бродяга».

«И пошел Каин от лица господня; и поселился в земле Нод, на восток от Едема. И познал Каин жену свою; и она зачала, и родила Еноха. И построил он город; и назвал город по имени сына своего: Енох» *(Быт., гл. 4, ст. 16—17)*.

Отсюда мы узнаем, что Каин женился; автор не говорит, на ком. Но ясно, что у Адама и Евы были дочери, которых Библия не удостоила упоминания, и что Каин женился на одной из своих сестер. Мы ему не поставим этого в вину: кровосмешение, судя по «священному писанию», было обязательно в первые времена человечества.

Но что заставляет нас привскочить от удивления, так это город, основанный Каином. Это уж чересчур! Бродяга, строящий город! А каких рабочих держал он? Какими инструментами пользовались они для строительных работ? И, наконец, где навербовал Каин жителей для этого славного города? Благочестивый автор «священного писания» не постеснялся солгать здесь с великим апломбом.

Последующие стихи описывают нам потомство Каина. Енох родил Ирада; Ирад родил Мехиаеля; Мехиаель родил Мафусала. Относительно всех этих лиц известны только их имена. Мафусал родил некоего Ламеха, который был в вопросах брака более ненасытен, чем его благородные предки. Почтенный Ламех является изобретателем многоженства: для начала он берет себе двух жен. От жены своей Ады он имеет двух сыновей, названных Иавал и Иувал, и от жены своей Циллы он имел сына Тувалкаина и дочь Ноему.

Похоже на то, что сыновья Иавала предпочли чистый воздух полей городу, построенному их предком Каином, ибо они первые на земле жили в шатрах *(ст. 20)*. Что касается сыновей Иувала, то им город, напротив, понравился; они же оказались и самыми веселыми в семье: они любили музыку. Иувал «был отец всех играющих на гуслях и свирели» *(ст. 21)*.

Многоженец Ламех был, по-видимому, без царя в голове. Книга «Бытие» приводит одну из его речей, имеющую, правда, то хорошее качество, что она коротка. Однако ни один комментатор никогда не мог толково объяснить ее:

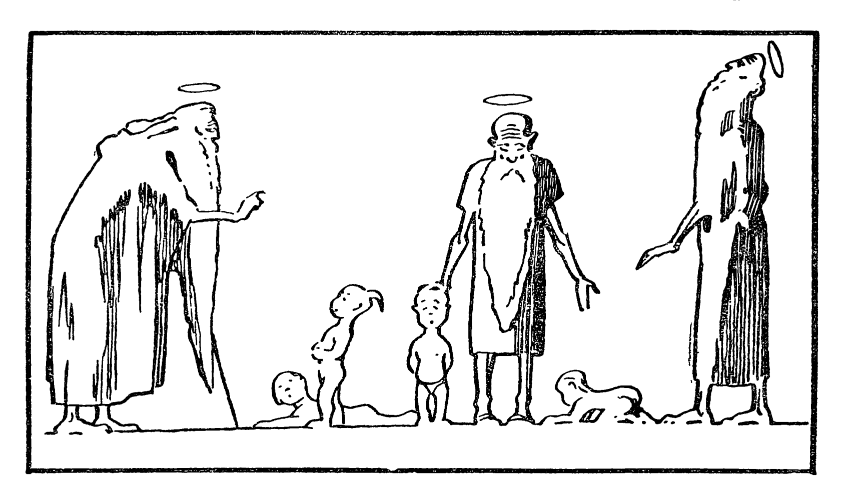
«И сказал Ламех женам своим: ...жены Ламеховы! внимайте словам моим: я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне. Если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» *(Быт., гл. 4, ст. 23—24)*.

Эта речь страшно подействовала на обеих дам: будучи, вероятно, совершенно ошеломлены, они не потребовали ни малейшего объяснения этому ретивому бахвальству.

Далее «писание» непосредственно переходит к регистрации акта рождения Сифа, третьего сына Адама.

«И познал Адам еще (Еву,) жену свою, и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф; потому что, (говорила она,) бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин. У Сифа также родился сын, и он нарек ему имя: Енос; тогда начали призывать имя господа (бога)» *(Быт., гл. 4, ст. 25—26).*

Следующая, пятая глава посвящена исключительно родословной Ноя, происходившего от Адама через Сифа. По-

«Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот (700) лет, и родил он сынов и дочерей... По рождении Еноса, Сиф жил восемьсот семь (707) лет, и родил сынов и дочерей... По рождении Каинана, Енос жил восемьсот пятнадцать (715) лет, и родил сынов и дочерей» *(Быт., гл. 5, ст. 4, 7, 10).*

томство Каина оставляется в стороне и в дальнейшем не упоминается.

Мы находим следующее развитие родового дерева, в котором названы только имена старших сыновей: Сиф, Енос, Каинан, Малелеил, Иаред, Енох, Мафусал, Ламех, Ной. Самое любопытное в этой главе — это сведения о необыкновенном долголетии всех этих патриархов: Адаму было 130 лет, когда родился Сиф, и он прожил еще 800 лет; Сиф умер в возрасте 912 лет; Енос прожил 905 лет, Каинан — 910 лет. Самым молодым умер Ламех, отец Ноя; этот Ламех (которого не следует смешивать с чудаковатым двоеженцем Ламехом) скончался на своей 777-й весне.

Енох, сын Иареда, был самый ловкий из всех остальных: он просто-напросто не умер.

«Енох жил шестьдесят пять (165) лет, и родил Мафусала. И ходил Енох пред богом, по рождении Мафусала, триста (200) лет, и родил сынов и дочерей. Всех же дней Еноха было триста шестьдесят пять лет. И ходил Енох пред богом; и не стало его, потому что бог взял его» *(Быт., гл. 5, ст. 21—24)*.

Этот случай великолепен! Неважно, какими объяснениями богословы его растили: мы им не удивляемся.

Почетный кубок за долголетие достался Мафусалу — сыну взятого живым на небо Еноха: он-таки был здоров! Прожил он в половом воздержании 187 лет и только после этого позволил себе произвести на свет Ламеха II. Затем он прожил еще 782 года, на этот раз уже проявляя мужские способности:

«По рождении Ламеха, Мафусал жил семьсот восемьдесят два года, и родил сынов и дочерей» *(Быт., гл. 5, ст. 26)*.

Итого 969 лет! Не извольте сомневаться: такая уж раньше была продолжительная жизнь.

А что вы скажете о сыне Ламеха Ное? Он назвал сына своего Ноем, «сказав: он утешит нас в работе нашей и в трудах рук наших при *возделывании* земли, которую проклял господь (бог)» *(Быт., гл. 5, ст. 29)*.

«Ною было пятьсот лет, и родил Ной (трех сынов): Сима, Хама и Иафета» *(Быт., гл. 5, ст. 32)*.

Дожить до 500 лет и только тогда начать целоваться со своей женой? Впрочем, лучше поздно, чем никогда!

Много чернил было пролито по поводу необыкновенного долголетия патриархов из книги «Бытие». Католические ученые-богословы, чувствуя, как трудно переварить этого рода небылицы, старались спасти повествования «священной» книги от насмешек; они стали утверждать, что под годами надо подразумевать, быть может, лишь обороты Луны, ибо в ту эпоху якобы время считали только по месяцам. Таким образом выходило бы, что Мафусал прожил всего 80 лет. Но этих комментаторов осадили бешеные фанатики, которые хотят верить в чудеса долголетия первых людей. Они настаивают на том, что библейские годы надо считать именно по 12 месяцев, иначе библейские сказания станут и вовсе смешными. Например, Авраам, согласно книге «Бытие», умер «насыщенный жизнью» 175 лет от роду *(Быт., гл. 25, ст. 7—8)*. Если же годы считать по

оборотам Луны, получится, что Авраам прожил всего 14 лет и 7 месяцев. Или еще: Библия говорит, что Енос, Каинан, Малелеил родили первенцев в возрасте 90, 70 и 65 лет. Если считать по оборотам Луны, надо допустить, что эти праотцы имели детей в возрасте 7 с половиной лет, 5 лет и 10 месяцев и 5 лет и 5 месяцев. Наконец, согласно библейскому тексту, Нахор произвел потомство в 29 лет. Можно ли допустить, восклицает один благочестивый комментатор, что Нахору было только 2 года и 5 месяцев, когда у него родился первый сын?!

Конечно же, уважаемые господа служители культа, Библия считает год в 12 месяцев. Но таким образом в высшей степени забавно, что простак Ной ждал, пока ему стукнет 500 лет, чтобы, наконец, начать свою половую жизнь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЮБОВНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АНГЕЛОВ НА ЗЕМЛЕ

Мы подходим к одному из наиболее любопытных мест Библии — к месту, вычеркивание которого в кратких руководствах по «священной истории» лучше всего характеризует беззастенчивость церковников и их искусство подтасовывать догматы веры. «Святые» отцы церкви на все лады поют, что Библия есть книга «божественная», что она была написана под непосредственную диктовку самого бога, что все написанное в ней есть сама истина, самая совершенная, самая высшая и что эта книга достойна самого искреннего поклонения. Почему же церковники не предоставляют верующим возможности знать ее целиком, не исключая ни одного стиха? Ведь эти «священные» книги нужно принимать так, как они есть. Если же вычеркнуть из них те или иные места, потому что они находятся в противоречии с некоторыми пунктами богословских наук, провозглашенными догматами веры, тогда проще выбросить всю книгу. Она более не священна, а достойна презрения. Ложь в одном каком-нибудь пункте может послужить достаточным аргументом для того, чтобы опровергнуть божественное происхождение всей книги.

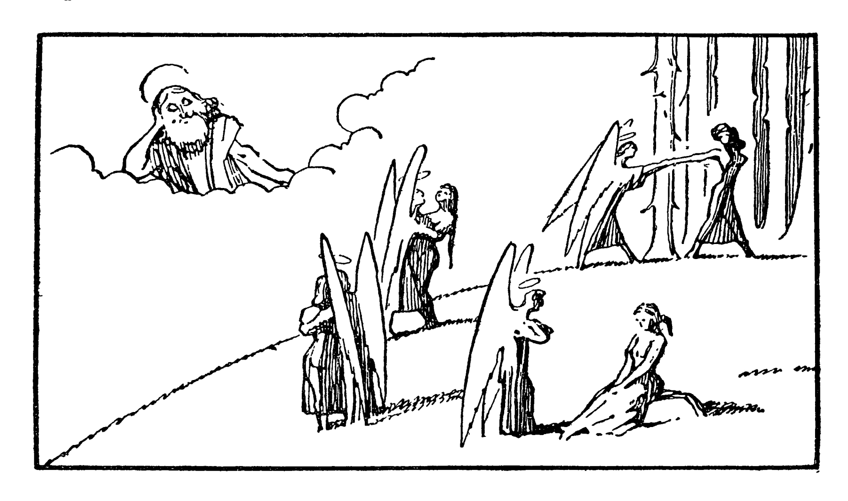
Однако, назвав имя Ноя, религиозные проповедники непосредственно переходят к истории с потопом, утверждая, что разврат людской прогневил бога и заставил его наслать потоп на всех, за исключением одной семьи, глава которой якобы оставался праведником.

Это не Библия! Она говорит иное. В четырех стихах шестой главы книга «Бытие» указывает, какова была истинная причина порчи людей. Господа церковники, вы не имеете права обходить молчанием этот эпизод из вашего «священного писания»! Если он ставит вас в затруднительное положение — тем хуже: не надо было «святому духу» диктовать такие вещи автору «Пятикнижия». Пилюля горька, но «святые» учителя и отцы церкви некогда уже глотали ее; теперь ваша очередь — глотайте и вы!

Пилюля, которую современные богословы стараются не проглотить, а выплюнуть, желая, чтобы она не была никем замечена, состоит из первых стихов шестой главы книги «Бытие».

«Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери;

Тогда сыны божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал.

«Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери; тогда сыны божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» *(Быт., гл. 6, ст. 1—2).*

И сказал господь (бог): не вечно духу моему быть пренебрегаемым человеками (сими); потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет.

В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди» *(Быт., гл. 6, ст. 1—4).*

Хотя книга «Бытие» не рассказала нам истории сотворения ангелов, но вот, однако, уже второй раз она упоминает об этих совершеннейших существах: в первый раз это был «херуб», поставленный часовым у ворот Эдема.

Полезно в таком случае сказать несколько слов относительно веры в ангелов у древних евреев.

Христиане, взяв свою религию из их верований, просто придумали новые догмы, которых в Библии нет и следа. Так, всецело выдуманной, например, является история с возмущением дьявола Сатаны и поражением его архангелом Михаилом. Исследуя здесь Библию преимущественно с точки зрения христианской веры, нельзя пренебречь этим вопросом.

По учениям христианских богословов, в некие времена хозяин небес — бог, по-видимому, сказал себе, что не подобает ему, всемогущему, ограничиваться созданием только неба и земли. Раз он населил землю, почему не населить и небеса? Ему в свое время надоел хаос. Но еще больше ему надоело одиночество в раю. Так как он был мастер буквально из ничего создавать целые кучи забавных вещей и даже одушевленных существ, то он и создал себе ангелов, назначением которых было составлять приятное общество для бога лично. Он заказал себе также кресло с гербом для председательствования на небесных собраниях. Чтобы развлекать бога, ангелы беспрерывно поют. Будучи сверхъестественными существами, они, конечно, никогда не устают и всегда бывают в голосе.

Но вот один из ангелов, парень, которого церковники прозвали Люцифером-Сатаной, облюбовал для самого себя трон всевышнего и подумал, что невредно было бы ему занять председательское кресло вместо его всемогущего создателя. Это преступное побуждение показалось великолепной штукой некоторым ангелам, которым, вероятно, надоели беспрестанные упражнения в пении, и они присоединились к смельчаку, тогда как подавляющее большинство остальных ангелов было против его затеи. Некий Михаил, называемый архангелом, то есть «старший ангел», взял на себя защиту интересов бога. Он принял на себя командование небесным войском и хорошенько всыпал Сатане. Ангел-бунтовщик был низвергнут в ад — в некое подземное «царство», немедленно созданное для него. Туда же свалились его сообщники, а бог снова воссел на своем председательском кресле.

Такова легенда, которую церковники сделали догматом веры для своих трепещущих слушателей, ибо в конце концов этот эпизод служит главным образом для того, чтобы нагонять страх на набожных людей: берегитесь, мол, благо-

честивые овцы! Если вы не будете подчиняться велениям господ церковников, вы полетите вдогонку дурным ангелам — прямо в ад.

В древнееврейской Библии, там, где речь идет о дьяволе, то есть в тех ее книгах, которые написаны бесспорно после вавилонского плена (более чем через тысячу лет после времени, к которому относится смерть Моисея), наиболее важный из всех демонов называется Сатаной. Дьяволы же — это просто злые духи, подобные богу и его приближенным. Никакого другого пояснения относительно их не дается. Их отнюдь не представляют бедняжками, изгнанными из небесного рая и прикованными к стенам огненного ада. Так, например, в предании об Иове злой дух Сатана гуляет по небу, расхаживает там, как у себя дома, и даже запросто вступает в споры с богом. Видя, что эти дьяволы из последних книг Библии так хорошо себя чувствуют и не страдают от адских мук, критики заметили, что это соответствует верованиям халдеев и персов, книги которых восходят к еще более глубокой древности, чем книги евреев. Было сделано заключение, что евреи во время долгого вавилонского пленения присоединили к своим верованиям некоторые верования народов, среди которых им пришлось жить. Впрочем, самое имя, которым евреи обозначали главнейшего дьявола, носит отпечаток религии халдейской или вавилонской: «сатана» не есть слово еврейское, а халдейское и обозначает «ненависть».

Следовательно, бог скрыл от «избранного» им еврейского народа не только историю с дворцовым заговором некоторого числа ангелов, но даже и настоящее имя главного бунтовщика. Библия нигде не называет его Люцифером. Это имя ему дали христиане. Но отцы и учителя церкви всячески старались найти какое-нибудь указание относительно Люцифера в Ветхом завете. Ради этого они прибегли к подтасовке, довольно хорошо обманывающей верующих, которые сами Библию не читают, а только слушают ее в чтении и толковании профессионалов. Подтасовку эту надо вывести на чистую воду, и мы просим читателя извинить нам маленькое, но необходимое отклонение.

В пророчестве Исаии *(гл. 14, ст. 12)* идет речь о Люцифере под его настоящим именем, утверждают богословы и приводят начало стиха, однако фальсифицируя его при помощи латинского перевода Библии.

В этой главе Исаия, фанатически возбужденный еврей, разгневанный тем, что вавилоняне так долго держат в плену его народ, изливает свой патриотический гнев и предсказывает царю вавилонскому, что его царство тоже потерпит крушение и будет обращено в прах.

«Помилует господь иакова,— восклицает Исаия,— и снова возлюбит израиля; и поселит их на земле их... Ты произнесешь победную песнь на царя вавилонского, и скажешь: как не стало мучителя, пресеклось грабительство! Сокрушил господь жезл нечестивых, скипетр владык,

Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы.

А ты повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь, как одежда убитых, сраженных мечом, которых опускают в каменные рвы,— ты, как попираемый труп,

Не соединишься с ними в могиле; ибо ты разорил землю твою, убил народ твой; во веки не помянется племя злодеев» *(Исаия, гл. 14, ст. 1, 4, 5, 12, 19, 20)*.

Нужно поистине непостижимое нахальство, чтобы утверждать, что здесь Исаия говорит о Люцифере-Сатане. Речь идет, конечно, о царе вавилонском — и только о нем; это — излияние гнева, злобы и угроз по адресу Навуходоносора — поработителя еврейского народа.

Теперь посмотрим, каким образом «святой» Иероним, переводивший Библию на латинский язык, подделал текст. Пользуясь тем, что Исаия сравнивает царя вавилонского с утренней звездой (планета Венера), имевшей название Хелел (Заря) у евреев и Люцифер (Светоносец) у римлян, он позволил себе так изложить по-латыни первую часть двенадцатого стиха: «Quomodo cecidisti de coelo, Lucifer, qui mane oriebaris» («Как упал ты с неба, Люцифер, ты, который вставал по утрам»).

Подлинный еврейский текст, упоминая имя Хелел, говорит о царе вавилонском. Царь сравнивается с утренней звездой — Венерой. А богословы восклицают с торжественным видом: «Падение Люцифера отмечено Библией! Об этом говорит сам Исаия».

Уверенно до наглости! Еще раз скажем: в древних «священных» книгах евреев нет никаких оснований для легенды о возмущении и поражении Люцифера!

Мы возвращаемся к ангелам главы шестой книги «Бытие» и снова обращаемся к источникам не менее священным, чем предыдущие, в которых найдем некоторые

подробности относительно сожительства этих небожителей с красивыми девушками человеческой породы.

Школьные учебники «священной истории», составленные для обихода простых смертных, не содержат, конечно, ни малейшего намека на приключения, разоблаченные вышеприведенными четырьмя стихами, но эти четыре стиха не вычеркнуты из Библии. Это еще не все: служители религии имеют для себя, и только для себя, еще одну книгу, которую они окружают большим почетом, не распространяя ее, однако, широко. Это Книга Еноха.

Енох — вы не забыли? — был патриарх, проживший 365 лет, в которого влюбился бог и которого он забрал к себе на небеса «во плоти и в костях», как Юпитер Ганимеда[1]. Однако, согласно одной легенде, Енох якобы написал книгу, которую он, по счастью, не унес с собой в рай. Он завещал ее своему сыну Мафусалу, а Ной захватил драгоценную рукопись с собой в ковчег.

Правда, этой книги Еноха долгое время никто не видел. Утверждают, что во «времена апостолов» (то есть 19 веков назад) она уже имелась, хотя, впрочем, неизвестно где. Доказательство этому находят в Новом завете. Послание апостола Иуды говорит так *(ст. 14—15):* «о них (грешниках.— *В. Ш.*) пророчествовал и Енох, седьмый от Адама, говоря: «се, идет господь со тьмами святых ангелов своих — сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых...»

Ну, раз «святой апостол» цитирует книгу, значит, он ее знает! И в течение нескольких веков богословы спрашивали: что сталось с книгой Еноха? Наконец довольно известный путешественник шотландец Яков Брюс нашел эту знаменитую книгу в Абиссинии (Эфиопии). Правду сказать, он просто напал на эфиопскую легенду, ибо в конце концов мало вероятно, чтобы мифический Енох писал свои истории именно на эфиопском языке. Но посмотрите, как хорошо, в сущности, иметь «божественное провидение», когда занимаешься богословием! Написанная Енохом на языке, господствовавшем до «вавилонского столпотворения», эта чудесная книга имела счастливую судьбу. Несмотря на то что первобытный язык был столь внезапно и безвозвратно потерян, она нашла себе древнееврейского переводчика. Затем этот еврейский перевод, будто бы известный апостолам и отцам церкви, пропал, как муха. И вдруг опять: какой-то шотландец в конце

XVIII века находит полный ее список в Абиссинии. Большое вам спасибо, «божественное провидение»! Еще раз спасибо!

Брюс привез свою находку в библиотеку Оксфордского университета, к неслыханной радости богословов. Появились переводы. В 1838 году был издан английский перевод ирландского архиепископа Ричарда Лоуренса [2].

Книга Еноха делится на 11 глав. Во второй главе ее и рассказана история о любви ангелов к человеческим девушкам.

«Так как число людей сильно увеличилось, то были у них очень красивые девушки. И самые прекрасные из ангелов полюбили их и были вовлечены через это во многие ошибки. И воодушевились они, и сказали: пойдем на землю и изберем жен себе между красивейшими дочерьми человеческими. Тогда Семиазас, которого бог создал князем над самыми блестящими ангелами, сказал им: это намерение прекрасно, но я боюсь, что вы не дерзнете осуществить его, и придется мне одному породить детей от прекрасных дочерей человеческих. И все ответили: клянемся исполнить намерение наше, и да будем прокляты, если его нарушим. И соединились они клятвою. И было их двести сперва. И было это во времена, когда жил Иаред, отец Еноха. И отправились они вместе и спустились с небес и взошли на гору Хермонскую, гору клятв. И вот имена двадцати главнейших между ними: Семиазас, Атаркуф, Арасиел, Хобабиел, Хорамам, Рамиел, Сампсих, Закинел, Балкиел, Азакиел, Фармар, Амариел, Анагемас, Фаузаил, Самиел, Саринас, Евмиел, Тириел, Юмиел, Сариел. Они, и другие, и много других еще взяли женщин в жены в году 1170 по сотворении мира. И от браков этих родились исполины...»

Здесь, конечно, нет никакой речи о бунте против бога: попросту несколько небесных ловеласов, во главе с князем Семиазасом, который не есть ни Люцифер, ни Сатана, отправились в поиски амурных приключений на землю, и больше ничего.

Верно, что, когда их примеру стали следовать многие, бог, видя себя покинутым, начал ворчать. Но он еще долго терпел и не сердился. А насчет причины его великого гнева, который в конце концов разразился, Книга Еноха и книга «Бытие» расходятся. Здесь что-то не ладно. Посмотрим!

Согласно книге «Бытие», в результате ухаживания ангелов за красивыми земными женщинами люди сделались слишком чувственны. Тут, по-нашему, есть чем заняться богослову. Действительно, сказал бы он, если красивым девушкам игра понравилась и они были так ненасытны, то ангелы, будучи существами сверхъестественными, могли доставлять им удовольствие в сверхъестественной же мере, а это должно было вызвать подражание со стороны простых смертных, их соперников, что последним было не так легко. Но какое дело до этого богу, спросим мы? Не заповедал ли он человечеству плодиться и размножаться?

Книга Еноха представляет события в другом свете. Ангелы, сделавшись счастливыми папашами на земле, почувствовали интерес к своим детям и оказались совершенно необыкновенными наставниками. Они научили своих детей не только шлифованию драгоценных камней, но также магии и искусству предсказывать будущее по небесным светилам. Они и своих любовниц научили великим тайнам. Последствия ясны: барышни — любовницы ангелов и их незаконнорожденные сынки-исполины вскоре возвысились над прочими людьми. Легко сказать! Чего только не натворишь, если знаешь магию!

«И возрыдала земля и наполнилась криками скорби».

Тронутые такими «страданиями» земли, четверо из ангелов содружества попросили бога положить конец этим бедам. В это самое время господин Азазел — ангел, женатый на земной девушке,— поссорился с Семиазасом, надавал ему тумаков и занял его место предводителя небесных гуляк. Бог послал ангела Рафаила побить ангела Азазела, и наш Азазел был заключен Рафаилом в пещеру в пустыне Додоел.

И вот бог нашел, что потоп, как ни верти, необходим. Чтобы воспрепятствовать исполинам заниматься магией, он решил утопить весь свет, в том числе и простых людей, которые только страдали от этих колдунов. Но ангелов, которые пошли шататься и бражничать по земле, он отозвал на небеса и приказал впредь вести себя смирно и не блудить.

Надо полагать, что именно в эту пору ангелы и сделались бесполыми. Господь бог, чтобы оградить себя от возможных новых шалостей с их стороны, вероятно, обязал их расстаться с соответствующими органами, как это делали

восточные цари по отношению к каждому занимавшему известную должность в его гареме. Совершенно напрасно церковники вычеркивают этот эпизод из своих кратких руководств «священной истории». По крайней мере люди знали бы, почему ангелы стали евнухами.

Этот бедняга Азазел, забытый в пещере, куда его бросил Рафаил, конечно, утонул во время всемирного наводнения. Прольем же слезу над его печальной судьбой!

Скажите после этого, что не перст самого провидения помог найти Книгу Еноха? Она не пропадала у первых христиан; апостол Иуда ее цитирует; некоторые из отцов церкви также говорили об этой книге как о книге весьма известной. Книга Еноха была в почете у христиан до IV века. А позднее, разглядев, что «Енох» подтверждает и хорошо объясняет неприятные четыре стиха шестой книги «Бытие», церковники изъяли ее из Библии.

Видя, как евреи представляли себе ангелов, мы не можем не признать, что христианская церковь внесла в эту теорию значительные поправки. Тем не менее она все-таки признает, что еврейский народ был избран богом, и принимает его религиозные книги как «священные» и «непререкаемые».

Евреи располагали ангелов по иерархической лестнице в 10 ступеней: 1) кадошим, или пресвятые, 2) офамим — быстрые, 3) оралим — сильные, 4) шасмалим — пламенные, 5) серафим — искры, 6) малахим — посланцы, 7) элохим — божественные, 8) бен-элохим — дети божии, 9) херувим — ангелы-быки, 10) ишим — одушевленные. Но папа Григорий I распределил ангелов совсем по-иному. По его «всесвятейшему» велению в христианстве принято распределение ангелов на три степени по три чина в каждой: первая степень — серафимы, херувимы и престолы; вторая степень — ангелы силы, власти и господства и третья степень — ангелы начала, архангелы и просто ангелы. Отсюда видно, как значительна власть папы: иметь право перестраивать небесные ранги — это не шутка.

Христианские церковники утверждают, что евреи не понимали своих «священных» книг и что они и до сих пор так и не понимают своей религии, не знают «истинной веры». Подумать только, эти глупые евреи «не догадывались», что их Исаия, нападая на царя вавилонского, их врага, и «предсказывая» ему день разрушения его могущества, имел в виду не падение этого царя, а древнюю

легенду о бунте Люцифера против бога! И что за болваны были эти раввины, если они не сумели прочитать этого между строк!

Да и кроме этого, говорят христианские церковники, есть еще немало вещей, которых евреи даже и не подозревали в своей Библии.

Например, «троица»! Попробуйте убедить верующего еврея, что он поклоняется одному богу в трех лицах. Вы напрасно потеряете время: он будет смеяться вам в лицо. Он вам ответит, что если бы бог был триедин, то он сознался бы в этом Моисею, патриархам, пророкам. С Библией в руках он будет утверждать, что ни одно слово в ней не намекает на существование «троицы», которую он считает непонятной, и что, наоборот, «священное писание» представляет личность бога единой и неделимой.

Видя это «убогое недомыслие», христианский богослов снисходительно улыбается и поводит плечами. Ему, видите ли, достаточно двух первых стихов в книге «Бытие», чтобы показать, что «троица» существовала во все времена и что это совершенно ясно. Торжественно он их процитирует:

«В начале сотворили элохим небо и землю. Земля же была пуста пустынна («тогу богу»), и тьма была над бездной, и дух божий носился над водами».

Таков буквальный перевод еврейского текста.

Вы не видите здесь бога-отца, бога-сына и бога-духа? Действительно, при первом взгляде их что-то незаметно. Но наденьте богословские очки, и вы очень легко различите «троицу». Нашими очками, если вы позволите, будет рассуждение Блаженного Августина в его прелестной книге «*De cantico novo*» *(гл. VII)*. Нет ничего более убедительного, чем это его рассуждение. Все богословы согласно считают Августина светочем богословия.

Выражение «в начале», которое есть начало времен и вещей, означает «бог-сын». Хотите доказательств? Откройте новозаветную книгу «Откровение святого Иоанна Богослова», главу третью: Христос называется здесь «началом создания божия» *(ст. 14)*. Откройте Евангелие от Иоанна, главу восьмую: спрошенный евреями — «кто же ты?» — Иисус ответил: «от начала сущий» *(ст. 25)*.

Первый стих книги «Бытие» должен, следовательно, быть прочтен так: «в боге-сыне, который есть начало, бог-отец создал небо и землю».

Вы «увидели» первых двух персонажей «троицы», но вы еще не видите третьего? Минуту терпения! Возьмите, пожалуйста, опять очки «святого» Августина. Третий персонаж — «бог-дух» — находится во втором стихе, в конце: «дух божий носился над водой». Этот «дух» ничего не говорит вам? Этот «дух» и есть бог — «святой дух».

Поэтому перевод еврейского текста получается такой: «в боге-сыне, начале всех вещей, бог-отец создал небо и землю; но земля была в хаосе, темнота покрывала ее, и бог-дух носился над водой».

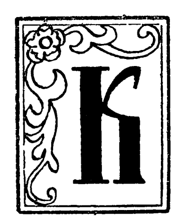
И подумать только, что евреи умудрились не увидеть этого в двух первых стихах их же собственной Библии! Действительно необыкновенное ослепление!

Восторгайтесь «богом-духом», который в эпоху хаоса тратил свое время только на то, чтобы носиться над водами. Напрашивается, однако, невольно вопрос: действительно ли «святой дух» есть голубь?

По-нашему, это просто утка!

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

нига «Бытие» очень сдержанна в описании подробностей преступлений и грехов, совершенных на земле потомками Адама во времена сожительства ангелов с женщинами. Она говорит просто:

«И увидел господь (бог), что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» *(Быт., гл. 6, ст. 5)*.

Скажем прямо: по-видимому, потомки Адама забыли аккуратно молиться по утрам и вечерам, ибо ничто так не злит господа бога, как неаккуратность в молитвах. Да и любой священник скажет вам, если вы этого не знаете, что всякий, кто забывает молиться, готов впасть в любой грех.

«И раскаялся господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце своем. И сказал господь: истреблю с лица земли человеков, которых я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю: ибо я раскаялся, что создал их» *(Быт., гл. 6, ст. 6–7)*.

Раскаяние бога! Это уж не так обыкновенно. И притом скорбь старика была чересчур жгучей, ибо она затмила ему разум и заставила принять решение об истреблении также и всех животных, ни в чем не повинных и никак не согрешивших. Казалось бы, что самое простое для бога — имея в виду его всемогущество — было бы изменить людей; но, как мы увидим, он предпочитает потопить их. Это уж — нужно признаться — не совсем-таки по-отечески!

«Ной же обрел благодать пред очами господа (бога)» *(Быт., гл. 6, ст. 8)*.

Это «был человек праведный и непорочный в роде своем» *(ст. 9)*. И вот бог-отец пришел к нему с визитом, чтобы предупредить о подготовляемой катастрофе и дать ему возможность спастись.

«И сказал (господь) бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, я истреблю их с земли.

Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи.

И сделай его так: длина ковчега триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей.

И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нем нижнее, второе и третье (жилье).

И вот, я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни.

Но с тобою я поставлю завет мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою.

Введи также в ковчег (из всякого скота, и из всех гадов, и) из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых; мужеского пола и женского пусть они будут.

Из (всех) птиц по роду их, и из (всех) скотов по роду их, и из всех пресмыкающихся по земле по роду их, из всех по паре войдут к тебе, чтобы остались в живых (с тобою, мужеского пола и женского).

Ты же возьми себе всякой пищи, какою питаются, и собери к себе; и будет она для тебя и для них пищею.

И сделал Ной все; как повелел ему (господь) бог, так он и сделал» *(Быт., гл. 6, ст. 13—22)*.

Постройка ковчега продолжалась сто лет [1]. Бог не велел Ною предупреждать остальных людей о предстоящем. Следовательно, надо думать, патриарх и семья его хранили свои приготовления в тайне. Люди, конечно, должны были удивляться, видя, как Ной посреди поля строит громадный корабль в 300 локтей, что составляет приблизительно 150 метров, то есть длину порядочного парохода. Кое-кто считал, вероятно, старика сумасшедшим и смеялся над ним. Но старик принимал все шутки без обиды и усердно работал.

Эти сто лет, потраченные на постройку ковчега, не покажутся слишком долгим сроком, если вспомнить, что тысячи необходимостей, связанных с этой постройкой, Библия обходит молчанием. Так, три сына Ноя были, по-видимому, вынуждены совершать очень длинные путешествия в различные страны мира для того, чтобы привезти оттуда разных животных. Так как надо было оградить себя от того, чтобы в самом ковчеге не быть съеденными львами,

тиграми, крокодилами и другими страшными животными, они должны были научиться искусству укротителей и дрессировщиков. Надо было также заготовить порядочно продуктов питания, в том числе мяса для бесчисленных хищников, сена, зерна, плодов и т. п.

Надо думать, что дерево, из которого ковчег был сделан, было из лучших сортов. Если бы теперь кто-нибудь собрался потратить сто лет на постройку корабля, то не нашлось бы такого прочного дерева, которое не сгнило бы до окончания постройки; корма распалась бы в прах, когда строился бы нос, и приходилось бы бесконечно начинать сначала. Никто в точности не знает, что, собственно, за дерево было у Ноя. Библия называет его «гофер», но никто никогда не видел такого дерева [2].

Когда ковчег был закончен, бог сказал Ною: «войди ты и все семейство твое в ковчег; ибо тебя увидел я праведным предо мною в роде сем» *(Быт., гл. 7, ст. 1)*. Продолжение разговора доказывает, что бог забыл свои первоначальные указания. Как мы уже цитировали, он предписал патриарху не брать с собой больше чем по одной паре от каждого рода животных. В последнюю же минуту «старик» изменил программу:

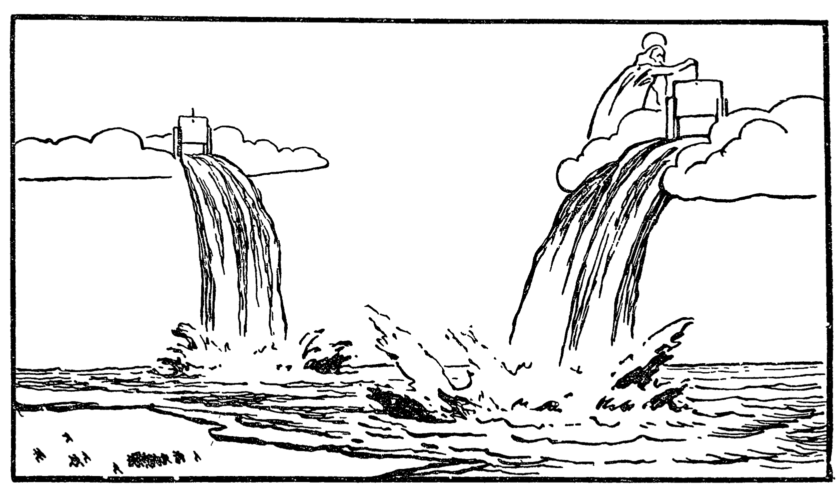
«И всякого скота чистого возьми по семи, мужеского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужеского пола и женского» *(Быт., гл. 7, ст. 2)*.

Библия не указывает, объяснил ли бог Ною приметы этого разделения на «чистых» и на «нечистых». Однако другая книга, приписываемая Моисею,— «Левит» указывает *(гл. 11)*, каких животных евреи считали «чистыми» и «нечистыми». Между четвероногими «чистые» — это те, у которых копыто разделено и которые жуют жвачку. Верблюд и заяц, которые жуют, но у которых копыто не разделено, считаются животными нечистыми; свинья, у которой копыто разделено, но которая не жует жвачки, тоже считается животным нечистым. Между птицами бог объявил нечистыми: орла, коршуна, сокола, ворону, страуса, сову, чайку, ястреба, филина, лебедя, пеликана, цаплю и некоторых других.

Бог-отец объявил Ною, что потоп начнется через семь дней [3]. Патриарху надлежало несколько подзубрить естественную историю, чтобы знать, брать ли с собой двух или семь журавлей, двух или семь слонов, двух или семь носорогов, двух или семь бегемотов и т. д.

«Чрез семь дней воды потопа пришли на землю. В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый (27) день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились» *(Быт., гл. 7, ст. 10—11)*.

Отсюда ясно, что «святой дух» поддерживает уверенность в существовании большого водоема по ту сторону небес, опоражнивающегося посредством особого рода шлюзов.

«...разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились» *(Быт., гл. 7, ст. 11)*.

«И лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей.

В сей самый день вошел в ковчег Ной, и Сим, Хам и Иафет, сыновья Ноевы, и жена Ноева, и три жены сынов его с ними.

Они, и все звери (земли) по роду их, и всякий скот по роду его, и все гады, пресмыкающиеся по земле, по роду их, и все летающие по роду их, все птицы, все крылатые» *(Быт., гл. 7, ст. 12—14)*.

Что за ковчег, что за ковчег! Если сложить все сроки, указанные в этой и следующих главах, то окажется, что Ной, его семья и все животные, спасенные им, пробыли в ковчеге 393 дня[4]. Богословы не говорят, каким образом восемь человек могли более года кормить и поить весь этот зоологический сад и содержать загоны в чистоте. Надо

было также подумать о приплоде! Сколько мяса требовалось! Какое необыкновенное количество продовольствия! Какая необыкновенная работа для Ноя, его жены, сыновей и невесток по очистке ковчега от навоза! [5]

Бог самолично закрыл двери «ковчега»: «и затворил господь (бог) за ним (ковчег)» *(Быт., гл. 7, ст. 16)*.

Когда судно поплыло, вода усилилась «чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом. На пятнадцать локтей поднялась над ними вода» *(Быт., гл. 7, ст. 19—20)*.

Трудно себе составить точное представление об этом количестве воды, особенно если принять во внимание, что самая большая известная нам глубина в Тихом океане (Марианская впадина) превышает 11 километров, а самая высокая гора на земном шаре — Джомолунгму (Эверест) в Гималаях — имеет вершину в 8880 метров над уровнем моря.

«И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди;

Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло.

Истребилось всякое существо, которое было на поверхности (всей) земли; от человека до скота, и гадов, и птиц небесных, все истребилось с земли — остался только Ной, и что *было* с ним в ковчеге.

Вода же усиливалась на земле сто пятьдесят дней» *(Быт., гл. 7, ст. 21—24)*.

Только одни счастливые рыбы беспечно плавали в разбушевавшейся пучине!

Однако все имеет конец:

«И вспомнил бог о Ное, и о всех зверях, и о всех скотах, (и о всех птицах, и о всех гадах пресмыкающихся,) бывших с ним в ковчеге; и навел бог ветер на землю, и воды остановились.

И закрылись источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба.

Вода же постепенно возвращалась с земли, и стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней.

И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских.

Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор» *(Быт., гл. 8, ст. 1—5)*.

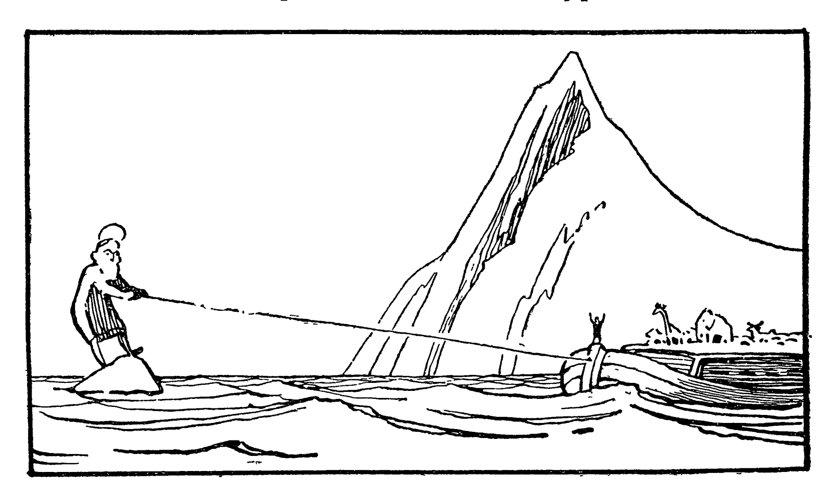
Сколько здесь неожиданных чудес в этих нескольких строках! Во-первых, мы имеем удовольствие возобновить наше знакомство с этим приятным «ветром божиим», у которого больше не было никакой работы со времени прекращения хаоса и который комментаторы отождествляют с «духом божиим». «В начале», как сказано в Библии, он попросту «носился над водами». Однако теперь, чтобы осушить воды потопа, «бог-отец» выпустил упомянутого выше «святого духа» («ветер божий»), которого «писание» представляет нам в виде «божественного голубя» (или, если хотите, божественной утки) и возлагает на него совершенно непостижимую задачу — осушение мирового потопа.

Впрочем, было совершенно необходимо, чтобы вмешался кто-нибудь из членов «пресвятой троицы», иначе никакой обычный ветер никогда не осушил бы такого небывалого количества воды. Раз уровень воды при потопе был на пятнадцать локтей выше самых высоких гор на земле, получается, по некоторым вычислениям, что всего воды набралось примерно в количестве двенадцати мировых океанов, нагроможденных один на другой. Потоп можно считать самым необыкновенным из чудес, произведенных богом, потому что, создав эти новые необозримые океаны (что уже не малый фокус сам по себе), он затем уничтожил их одним только своим дуновением. Какие, значит, легкие у этого «голубя»!

Другое чудо, которое также не может пройти незамеченным: на семнадцатый день седьмого месяца Ноев ковчег остановился на вершине горы Арарат, высота которой 5156 метров; а горы более высокие, чем Арарат, как, например, 14 вершин в Гималаях, имеющих высоты более 8000 метров, и другие вершины (в Южной Америке, Африке) показались в первый день десятого месяца, то есть шесть недель спустя. Совершенно удивительное чудо!

Библейское повествование о конце потопа заключает, кроме того, еще и наивнейшую историю с вороном и с голубем, но она не представляет никакого интереса. Ной выпустил сначала «ворона», который «отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды». Затем он «выпустил голубя», который «не нашел места покоя для ног своих и возвратился к нему в ковчег». Снова выпустил он его через семь дней, и на сей раз голубь возвратился, держа в клюве масличную ветвь [6]. Ной догадался, что «вода сошла с земли». Патриарху, сообщает Библия, «стукнуло» тогда 601 год.

Бог сказал ему, что пора выходить. Выгрузка животных прошла, вероятно, в образцовом порядке. Кроме того, надо думать (хотя Библия этого и не говорит), что соленая вода тут же отделилась от воды пресной (новое чудо!), дабы реки, озера и моря могли бы снова войти в свои русла, как это было раньше. Рыбы же снова возвратились в свои воды соответственно потребностям своей натуры.

«И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских» *(Быт., гл. 8, ст. 4)*.

«И устроил Ной жертвенник господу; и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых, и принес во всесожжение на жертвеннике.

И обонял господь приятное благоухание, и сказал господь (бог) в сердце своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как я сделал» *(Быт., гл. 8, ст. 20—21)*.

При этом старик бог удостоил Ноя и его детей благословения по первому классу и позволил им впредь питаться и всякой другой пищей, помимо злаков.

«И благословил бог Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю (и обладайте ею).

Да страшатся и да трепещут вас все звери земные, (и весь скот земной,) и все птицы небесные, все, что

движется на земле, и все рыбы морские; в ваши руки отданы они.

Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную даю вам все.

Только плоти с душею ее, с кровью ее, не ешьте.

Я взыщу и вашу кровь, *в которой* жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также душу человека от руки человека, от руки брата его.

Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу божию» *(Быт., гл. 9, ст. 1—6).*

Из изложенного следует, что животные имеют душу и что душа эта живет в крови. Господь бог как будто не выносит и человекоубийства. Но библейский бог часто заговаривается, и мы еще увидим, как он яростно толкает евреев на убийства. При этом все-таки будет казаться, будто его избранный народ совсем не проливает человеческой крови.

Однако раз «старик» принял обязательство не топить больше людей, то под сделкой нужна была подпись. Божественной подписью явилась радуга, впервые пущенная в ход в этот знаменательный день.

«Я полагаю радугу мою в облаке,— сказал бог,— чтоб она была знамением (вечного) завета между мною и между землею.

И будет, когда я наведу облако на землю, то явится радуга (моя) в облаке;

И я вспомню завет мой, который между мною и между вами, и между всякою душею живою во всякой плоти» *(Быт., гл. 9, ст. 13—15).*

Предосторожность была не лишней, ибо и богу не следует особенно полагаться на свою память! Заметим, кстати, что «священный» текст говорит: «моя радуга», «я полагаю радугу». Это все ясно указывает, что до того времени никакой радуги не было. А так как радуга образуется путем преломления и отражения солнечных лучей в каплях воды, то ясно, что в течение веков, прошедших между временем создания мира и потопом, дождевое орошение не практиковалось вовсе; деревья и растения росли сами по себе, и либо им было достаточно пота, катившегося с чела человеческого, либо еще этот бродяга Каин, который строил города, провел по всему земному шару сеть искусственного орошения.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРАВЕДНЫЙ НОЙ И БЛАГОСЛОВЕННОЕ БОГОМ ЕГО ПОТОМСТВО

стория потопа дополняется двумя интересными эпизодами: пьянством Ноя и «вавилонской башней».

«Ной начал возделывать землю, и насадил виноградник.

И выпил он вина, и опьянел, и *лежал* обнаженным в шатре своем.

И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего, и выйдя рассказал двум братьям своим.

Сим же и Иафет взяли одежду, и, положив ее на плечи свои, пошли задом, и покрыли наготу отца своего; лица их были обращены назад, и они не видали наготы отца своего» *(Быт., гл. 9, ст. 20—23)*.

Итак, Сим и Иафет вели себя почтительно, как подобает добрым сыновьям, увидевшим отца пьяным. Хам, наоборот, поступил как хам, и, конечно, проклятие не заставило себя долго ждать; но посмотрите, на кого оно пало.

«Ной проспался от вина своего, и узнал, что сделал над ним меньший сын его;

И сказал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих.

Потом сказал: благословен господь бог Симов; Ханаан же будет рабом ему.

Да распространит бог Иафета; и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему» *(Быт., гл. 9, ст. 24—27)*.

Так был проклят молодой Ханаан, хотя он-то отнюдь не издевался над своим дедом. Нужно думать, что Ной еще недостаточно «проспался от вина своего», когда произносил проклятие. Тем не менее оно было утверждено господом богом [1].

Богословы сходятся в мнении, что Ной отдал Азию Симу, Европу — Иафету, а Африку — Хаму. Ханаан и Хам породили негров и негроидов. Поэтому-де их потомки и должны были стать рабами европейцев [2]. Каким образом три сына Ноя, рожденные от одного отца и одной матери,

могли стать родоначальниками трех различных рас? Надо, однако, преклониться перед богом и его «святым писанием» и считать, что от Сима происходят желтолицые азиаты, от Иафета — белокожие европейцы, а от Хама и Ханаана — чернокожие африканцы. Тогда от кого же происходят американские краснокожие? «Святой дух» забыл сказать об этом автору книги «Бытие», либо же надо допустить, что американские ацтеки и могикане не имели отца.

Перейдем теперь к рассмотрению знаменитого вавилонского столпотворения.

«На всей земле был один язык и одно наречие.

Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину, и поселились там.

И сказали друг другу: наделаем кирпичей, и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.

И сказали они: построим себе город и башню, высотою до небес...

И сошел господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

И сказал господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать.

Сойдем же, и смешаем [3] там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город (и башню).

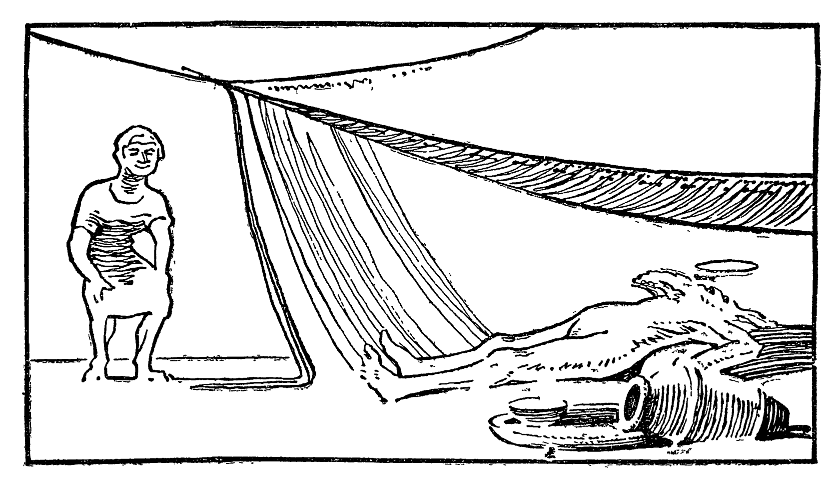
Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал господь язык всей земли, и оттуда рассеял их господь по всей земле» *(Быт., гл. 11, ст. 1—9)*.

Некоторые богословы с самодовольной уверенностью утверждали, что «вавилонская башня» к моменту ее разрушения богом достигала полутора километров, то есть что она была раз в десять выше самой большой египетской пирамиды — пирамиды Хеопса (147 метров). Однако пирамиды сохранились, а от грандиозного строения, которое называется вавилонской башней, не осталось ничего. Для высоты в 1500 метров нужен был и необыкновенно большой фундамент. Каким образом могла исчезнуть такая громадная постройка? Автор книги «Бытие» забыл это отметить.

И еще: в то время, согласно самой Библии, не могло быть ни достаточного количества людей, ни искусства, ко-

торого требовало столь значительное мероприятие. Надо смотреть на эту историю именно как на величайшее религиозное «чудо»!

Не меньшим чудом является неожиданное нарождение многих языков и наречий. «Комментаторы,— говорит Вольтер,— искали, какие языки родились от этого расселения народов, но они никогда не обращали внимания ни на один из древних языков, на которых говорят люди на пространстве от Индии до Японии. Было бы любопытно сосчитать, на каком количестве разных наречий говорит ныне земной

«И увидел Хам, отец Ханаана, наготу отца своего» *(Быт., гл. 9, ст. 22).*

шар. В отношении Америки мы знаем больше 300, на нашем материке — больше 3000 наречий. Каждая китайская провинция имеет свой местный язык. Население Пекина плохо понимает жителей Кантона, и индус с берегов Малабара не понимает индуса из Бенареса. Впрочем, все население земли и не подозревало о чудесах с «вавилонской башней»; о них знали только древнееврейские писатели».

Вызывает наивысшую степень изумления тот факт, что великие исторические события, положенные Библией в основу зарождения человечества, совершенно неизвестны никакому другому народу. Еще понятно, если греки, римляне, египтяне, халдеи, персы, индусы, китайцы не знали Гедеона, Самсона или еще какого-нибудь чисто еврейского

племенного героя. Но если этим народам неизвестны имена даже Адама и Ноя,— это уже другое дело.

Раз библейский потоп уничтожил все земное и Ной явился восстановителем человеческого рода, этот патриарх должен был быть известен историкам всех народов. Каким образом имена Адама и Евы, Каина и Авеля, Еноха и Мафусала, Ламеха, Ноя, Сима, Хама и Иафета не были занесены на все пергаменты и фигурируют только в книгах малочисленного еврейского народа — кочевого народа первобытной культуры? Когда ветераны большого потопного плавания расселились в разных местах земли и положили начало новым народам, они странным образом забыли все: и как бог сотворил «небо и землю», и как жили в раю первые люди. Забыли даже имена первых людей. Запомнили все это только одни евреи, а уже от них получили библейские сказки другие народы. Даже заслуга разведения винограда не могла спасти Ноя от всеобщего забвения, ибо громадное число людей изобретателем вина почитало Бахуса [4].

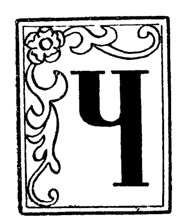
Что касается потопа, то критики согласны видеть в нем местную вполне естественную катастрофу и утверждают, что могло быть немало и других наводнений такого рода. И у древних греков, например, существовал миф о Девкалионе [5].

Если бы потоп был всемирный, дерзают утверждать критики, имя Ноя было бы также всемирно, а имена Девкалиона и Утнапиштима — героя халдейской легенды — были бы забыты. И еще: удивительно, что Гесиод и Гомер ни словом не упоминают ни об Адаме, ни о Ное, из коих один был отцом, а другой спасителем человеческого рода.

Такое молчание беспримерно, ибо нельзя же действительно допустить, чтобы «божественный голубь» оказался таким мистификатором и дал бы первому человеку, а также и спасителю утопавшего человечества совершенно случайные, вымышленные имена, ставшие известными только из Библии.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПРАВЕДНОЕ ЖИТИЕ ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ПАТРИАРХА АВРААМА

итатель, вероятно, помнит божье постановление о том, чтобы жизнь человеческая не превышала 120 лет *(Быт., гл. 6, ст. 3)*. Несмотря на категоричность этого божьего постановления, Сим решил прожить 600 лет *(Быт., гл. 11, ст. 10—11)*, Арфаксад — 438 лет *(ст. 12—13)*, Сала — 433 года *(ст. 14—15)*, Евер — 464 года *(ст. 16—17)*, Фалек и Рагав — каждый по 239 лет *(ст. 18—21)*, Серух — 230 лет *(ст. 22—23)*, Нахор — 148 лет *(ст. 24—25)*, Фарра — 205 лет *(ст. 32)*. Эти восемь потомков Сима приводят нас к Аврааму, на долю которого выпала удивительно обширная роль в сказаниях о жизни еврейского народа.

Библия не говорит, почему богу-отцу неожиданно полюбился этот Авраам, сначала именовавшийся просто Аврамом (с одним «а»). Он покойно проживал в стране Харан, когда в одно прекрасное утро к нему явился бог и приказал укладывать чемоданы.

«И сказал господь Авраму: пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, (и иди) в землю, которую я укажу тебе.

И я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословение.

Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» *(Быт., гл. 12, ст. 1—3)*.

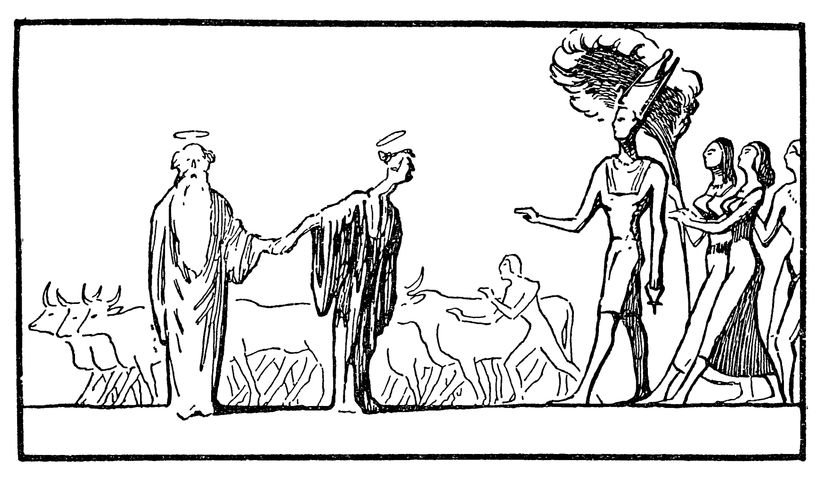
Несмотря на свои 75 лет, Аврам был настолько доверчив, что не потребовал никакого объяснения этому удивительному предложению. Он собрал пожитки и пустился в путь, даже не зная, куда именно. За ним последовала его жена Сара, племянник Лот с женой и несколько слуг.

Каравану предстояло проделать путь в несколько сот километров, раньше чем попасть в землю Ханаанскую. Эту именно землю бог непременно хотел показать Авраму, исполняя свое обещание о том, что она будет принадлежать

его потомству. Наши путешественники долго тащились по песчаным равнинам, лишенным растительности. Чтобы подбодрить самого себя и поднять свою веру, кочевой патриарх воздвиг алтарь посреди пустыни и стал молить бога привести его поскорее к месту назначения, ибо долгий путь, очевидно, достаточно-таки отозвался на его старых ногах.

Пройдя землю Ханаанскую и другие земли, караван направился к югу и, наконец, добрался до Египта [1].

«Когда же он приближался к Египту, то сказал Саре, жене своей: вот, я знаю, что ты женщина, прекрасная видом;

«Когда египтяне увидят тебя, то скажут: «это жена его»; и убьют меня, а тебя оставят в живых. Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя» *(Быт., гл. 12, ст. 12—13)*.

И когда египтяне увидят тебя, то скажут: «это жена его»; и убьют меня, а тебя оставят в живых.

Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было ради тебя, и дабы жива была душа моя чрез тебя.

И было, когда пришел Аврам в Египет, египтяне увидели, что она женщина весьма красивая;

Увидели ее и вельможи фараоновы, и похвалили ее фараону; и взята была она в дом фараонов.

И Авраму хорошо было ради ее; и был у него мелкий и крупный скот, и ослы, и рабы, и рабыни, и лошаки и верблюды» *(Быт., гл. 12, ст. 11—16)*.

Это, конечно, благочестиво-назидательное приключение: «священное писание» ни словом не осуждает праотца-альфонса[2]. Некоторые толкователи строго осудили поведение Аврама, но зато святой Августин взял этого патриарха под свою защиту[3]. Заметим мимоходом, что Саре было тогда 65 лет: ни эти годы, ни долгое путешествие по пустыне, конечно, нисколько не уменьшили ее красоты. Это, понятно, очередное религиозное «чудо». Позднее, когда ей будет 90 лет, мы увидим ее похищенной еще одним царем, и все из-за той же удивительной красоты.

Только фараон забрал себе прелестную старушку и собрался наставить рога ее мужу, как вдруг всевидящее око господа бога заметило то, что происходило в гареме его величества «царя египетского»:

«Господь поразил тяжкими ударами фараона и дом его за Сару, жену Аврамову.

И призвал фараон Аврама, и сказал: что ты это сделал со мною? для чего не сказал мне, что она жена твоя?

Для чего ты сказал: «она сестра моя?» и я взял было ее себе в жену. И теперь вот жена твоя; возьми (ее) и пойди.

И дал о нем фараон повеление людям, и проводили его, и жену его, и все, что у него было, (и Лота с ним)» *(Быт., гл. 12, ст. 17—20)*.

Наш Аврам опять в дороге. Теперь, однако, он был «очень богат скотом, и серебром, и золотом» *(Быт., гл. 13, ст. 2)*. Это понятно, ибо он, конечно, ничего не вернул фараону из того, что получил за торговлю женой.

«И продолжал он переходы свои от юга до Вефиля, до места, где прежде был шатер его между Вефилем и между Гаем» *(Быт., гл. 13, ст. 3)*.

Во время этого нового скитания произошла ссора между пастухами Аврама и Лота. Дядя и племянник разделили богатства, продолжая, однако, хранить самую тесную дружбу. Аврам решил поселиться в земле Ханаанской, в то время как Лот спустился в долину Иорданскую и поселился в Содоме, где и «раскинул шатры».

Немного спустя некоторые цари, в том числе и царь содомский, затеяли между собой войну. В драке Лот был взят в плен. Дядя Аврам, который за это время еще раз переменил местожительство и перенес шатры свои в Хеврон, узнал здесь эту печальную для него новость. Священное негодование наполнило его сердце, и он решил вызволить

своего родственника. Тут-то и обнаружилось, на что был способен патриарх. Этот кочевник, не имевший ни пяди своей земли, держал, как оказывается, громадное число слуг: в Библии говорится, что он вооружил из них 318 человек и с этой кучкой слуг искрошил в куски «армии» четырех самых могущественных царей этой страны: Амрафела — царя сеннаарского, Ариоха — царя элласарского, Кедорлаомера — царя эламского и Фидала — царя гоимского. Ничего себе успех! Победа была такова, что он «преследовал *неприятелей* до Дана (которого, кстати сказать, в это время еще не было.— *Л. Таксиль*) и, разделившись, *напал* на них ночью, сам и рабы его, и поразил их, и преследовал... И возвратил все имущество и Лота, сродника своего, и имущество его возвратил, также и женщин и народ» *(Быт., гл. 14, ст. 14—16)*.

Годы текли, и Аврам все более и более беспокоился. Он спрашивал себя, каким же образом у него может быть потомство? Когда исполнится божественное обещание, в силу которого он должен стать отцом великого народа?

«После сих происшествий было слово господа к Авраму в видении (ночью), и сказано: не бойся, Аврам; я твой щит; награда твоя (будет) весьма велика.

Аврам сказал: владыка господи! что ты дашь мне? я остаюсь бездетным; распорядитель в доме моем этот Елиезер из Дамаска.

И сказал Аврам: вот, ты не дал мне потомства, и вот, домочадец мой наследник мой.

И было слово господа к нему, и сказано: не будет он твоим наследником; но тот, кто произойдет из чресл твоих, будет твоим наследником.

И вывел его вон, и сказал (ему): посмотри на небо, и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. И сказал ему: столько будет у тебя потомков» [4] *(Быт., гл. 15, ст. 1—5)*.

Аврам поверил господу и решил ждать еще. «Но Сара, жена Аврамова, не рождала ему. У ней была служанка египтянка, именем Агарь. И сказала Сара Авраму: вот, господь заключил чрево мое, чтобы мне не рождать; войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее. Аврам послушался слов Сары» *(Быт., гл. 16, ст. 1—2)*.

Это значит, что она усыновила бы дитя своей служанки. Согласно восточному обычаю, отец или мать кладут ребенка к себе на колени. Это и служит обрядом усыновления.

«И взяла Сара, жена Аврамова, служанку свою, египтянку Агарь, по истечении десяти лет пребывания Аврамова в земле Ханаанской, и дала ее Авраму, мужу своему, в жену.

Он вошел к Агари, и она зачала. Увидев же, что зачала, она стала презирать госпожу свою.

И сказала Сара Авраму: в обиде моей ты виновен; я отдала служанку мою в недро твое; а она, увидев, что зачала, стала презирать меня; господь пусть будет судьею между мною и между тобою.

Аврам сказал Саре: вот, служанка твоя в твоих руках; делай с нею, что тебе угодно. И Сара стала притеснять ее, и она убежала от нее» *(Быт., гл. 16, ст. 3—6)*.

Не правда ли, как божественно благочестива и нравственно поучительна эта жизнь «святого праотца»?

По счастью, ангел встретил Агарь в пустыне и ободрил ее.

«Возвратись к госпоже своей,— сказал ангел господень,— и покорись ей... Умножая умножу потомство твое, так что нельзя будет и счесть его от множества [5]... И родишь сына, и наречешь ему имя: Измаил; ибо услышал господь страдание твое» *(Быт., гл. 16, ст. 9—11)*.

«Аврам был девяноста девяти лет, и господь явился Авраму и сказал ему: я бог всемогущий; ходи предо мною и будь непорочен;

И поставлю завет мой между мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя.

И пал Аврам на лице свое. Бог продолжал говорить с ним, и сказал:

Я — вот завет мой с тобою: ты будешь отцом множества народов.

И не будешь ты больше называться Аврамом; но будет тебе имя: Авраам, ибо я сделаю тебя отцом множества народов.

И весьма, весьма распложу тебя, и произведу от тебя народы, и цари произойдут от тебя.

И поставлю завет мой между мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что я буду богом твоим и потомков твоих после тебя.

И дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им богом.

И сказал бог Аврааму: ты же соблюди завет мой, ты и потомки твои после тебя в роды их.

Сей есть завет мой, который вы *должны* соблюдать между мною и между вами и между потомками твоими после тебя (в роды их): да будет у вас обрезан весь мужеский пол.

Обрезывайте крайнюю плоть вашу: и сие будет знамением завета между мною и вами.

Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий *младенец* мужеского пола, рожденный в доме и купленный за серебро у какого-нибудь иноплеменника, который не от твоего семени.

Непременно да будет обрезан рожденный в доме твоем и купленный за серебро твое, и будет завет мой на теле вашем заветом вечным.

Необрезанный же мужеского пола, который не обрежет крайней плоти своей (в восьмый день), истребится душа та из народа своего; *ибо* он нарушил завет мой.

И сказал бог Аврааму: Сару, жену твою, не называй Сарою; но да будет имя ей: Сарра.

Я благословлю ее и дам тебе от нее сына; благословлю ее, и произойдут от нее народы, и цари народов произойдут от нее.

И пал Авраам на лице свое, и рассмеялся, и сказал сам в себе: неужели от столетнего будет сын? и Сарра, девяностолетняя, неужели родит?

И сказал Авраам богу: о, хотя бы Измаил был жив пред лицем твоим!

Бог же сказал (Аврааму): именно Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя: Исаак; и поставлю завет мой с ним заветом вечным (в том, что я буду богом ему и) потомству его после него.

И о Измаиле я услышал тебя: вот, я благословлю его, и возращу его, и весьма, весьма размножу; двенадцать князей родятся от него; и я произведу от него великий народ.

Но завет мой поставлю с Исааком, которого родит тебе Сарра в сие самое время на другой год.

И бог перестал говорить с Авраамом; и восшел от него» *(Быт., гл. 17, ст. 1—22).*

Нельзя читать без глубочайшего благоговения это описание явления вездесущего бога Аврааму. Автор этого описания, конечно, был вдохновлен на это «святым духом»! Церковникам незачем стараться доказывать это, ибо мысль

божия достигает здесь таких высот, которых ни один простой смертный никогда не мог бы достигнуть. Никогда не пришло бы в голову Александру Македонскому, например, когда он заключал союз с индийскими царями, предложить им обрезаться и обрезать всех своих подданных в знак неразрывной дружбы. И когда в Тильзите Наполеон заключил в свои объятия русского царя Александра I, он думал скрепить свою дружбу с Россией исключительно только общей ненавистью к Англии. Если бы маршал Мюрат, сопровождавший тогдашнего повелителя Европы, сказал ему: «Государь, вместо того чтобы просить царя подписаться под договором о военном союзе, потребуйте, чтобы он завтра произвел бы обряд обрезания над собой и над всеми чинами своего штаба, ибо крайняя плоть их — это самый лучший залог прочного союза между двумя империями»,— то Наполеон заподозрил бы Мюрата во внезапном умопомешательстве и предал бы его заботам лучших своих врачей. Но Александр Македонский и Наполеон были только люди. Один божественный разум может постичь идею вечного союза, построенную на обрезании половых органов, передающемся из рода в род.

Но если это обрезание имеет божественное происхождение, то почему же все-таки христиане-то его отменили?

Что касается «святого» патриарха, то он без колебания исполнил требование «всевышнего».

«И взял Авраам Измаила, сына своего, и всех рожденных в доме своем, и всех купленных за серебро свое, весь мужеский пол людей дома Авраамова; и обрезал крайнюю плоть их в тот самый день, как сказал ему бог.

Авраам был девяноста девяти лет, когда была обрезана крайняя плоть его.

А Измаил, сын его, был тринадцати лет, когда была обрезана крайняя плоть его.

В тот же самый день обрезаны были Авраам и Измаил, сын его.

И с ним обрезан был весь мужеский пол дома его, рожденные в доме и купленные за серебро у иноплеменников» *(Быт., гл. 17, ст. 23—27)*.

Как же теперь христиане могут утверждать, что их религия основана на религии еврейского народа, если они не исполняют всех божественных предписаний этой религии? Даже Христос подвергся обрезанию. Крайняя плоть его является предметом поклонения и одной из наиболее драго-

ценных реликвий в церкви святого Иоанна Латеранского в Риме. Эта крайняя плоть даже размножилась путем какого-то в высшей степени загадочного, но тем самым еще более изумительного «чуда»: ныне та же реликвия имеется в Шарру (возле Пуатье), в Пюи-ан-Веле, в Куломбе (возле Шартра), в Шалоне-на-Марне, в Антверпене и Гильдесгейме; кроме того, день «обрезания господня» отмечается церковью в первый день года — 1 января.

Император Юлиан Философ в своей критике христианства отметил, что последователи нового вероучения нарушают предписания иудейской религии и, однако, считают себя ее верными сынами. Он отметил разницу в обрядах, отмену жертвоприношений, нарушение закона об употреблении мяса, перенесение празднования субботы на следующий день [6] и т. д. и т. д.

По поводу обрезания он пишет:

«Я спрашиваю вас, галилеяне, почему вы не производите над собой обряда обрезания? Не приказал ли Иисус точно выполнять закон? «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел я, но исполнить» *(Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 17)*. И дальше он же сказал: «кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в царстве небесном» *(ст. 19)*. Однако если Иисус нарочито приказал в точности выполнять закон и наложил наказание на тех, кто нарушит самое малейшее предписание закона, то чем же вы, галилеяне, нарушающие весь этот закон, оправдаете себя? Или Иисус говорит неправду, или же вы — нарушители закона».

На это замечание Юлиана сделал возражение «святой» Кирилл [7]. Надо признать, что доводы этого «святителя» жалки и слабы.

«Обрезание бесполезно,— говорит он,— если мы отвергаем его духовный смысл. Если необходимо, чтобы люди подвергали себя обрезанию, и если бог проклинает и порицает плоть, то почему с самого начала бог не создал людей такими, какими он желает их видеть? К этой первой причине бесполезности обрезания прибавим вторую: ни в одном человеческом теле, не искаженном болезнями или уродством, нет ничего лишнего, ничего недостающего; все сделано природой разумно, совершенно и необходимо. И я думаю, что тело человеческое пострадало бы, если бы было лишено какой-нибудь одной из своих природных частей. Разве

творец вселенной не знал, что полезно и благостно? Разве он не руководился этим, создавая человеческое тело, если все другие создания сотворены в совершенстве? Какова же польза обрезания? Быть может, скажут в защиту этого обычая то, что говорят евреи и некоторые идолопоклонники: это, говорят они, делается для того, чтобы содержать тело в чистоте и опрятности. Я не разделяю этого мнения. Я думаю, что обряд этот оскорбляет природу, которая не создала ничего лишнего и бесполезного. Наоборот, все, что кажется в ней порочным и бесчестным, необходимо и благочестиво, в особенности если умерять плотские страсти; надо сносить все тягости плоти и оставить крайнюю плоть на источнике рождения; ибо лучше вовсе закрыть этот ключ нечестивый, нежели осквернять природу вмешательством ножа. Природа телесная не возмущает разума».

Итак, «святой» Кирилл спрашивает, для чего нужно обрезание, если отвергнуть его мистический смысл. Император Юлиан легко мог бы ответить епископу александрийскому: ни для чего не нужно, если угодно, но не в этом дело. А дело в том, заповедовал ли бог патриарху Аврааму обрезание, как вечный и верный знак своего союза с ним и последователями его веры. Из текста «священного писания» явствует, что таково было намерение бога и что он по этому поводу высказался самым точным и ясным образом. Впоследствии Моисей восстановил закон об обрезании по приказу божьему [8]. Иисус Христос, который учил, что пришел для исполнения закона, а не для разрушения его, никогда ничего не говорил о необходимости отменить обрезание. Евангелисты нигде не отмечают, чтобы он когда-нибудь высказался за отмену этого обряда. Почему же в таком случае христиане сочли себя освобожденными от этого закона спустя короткое время после смерти их божественного законодателя?

Христианские богословы ссылаются на то, что «святой апостол Павел» сказал: «обрезание необходимо только в сердце». Но сам же Павел, как говорится в книге «Деяния апостолов» *(гл. 16, ст. 3)*, обрезал ученика своего грека Тимофея, придерживаясь в точности указания еврейского закона. Он считал, следовательно, обрезание необходимым, полезным? Почему же «святой» Павел впоследствии изменил свое мнение?

Открыл ли ему это бог? Павел этого не говорит. Стал ли он потом ученее? Если допустить это, то надо допустить

также, что он пребывал в невежестве довольно значительное время, уже будучи апостолом.

Вольтер говорит: «Ученые не дали никаких разумных оправданий обрезания. Некоторые полагают, что этот обряд способствует сохранению телесной чистоты. По-видимому, они никогда не видели этого обряда. Иначе они знали бы, как ничтожен результат этой операции и как легко она могла бы быть заменена обыкновенным обмыванием, что гораздо более легко и менее опасно, ибо дети нередко умирают от операции. Говорят еще, что так как евреи жили в очень жарком климате, то их закон хотел предупредить последствия чрезмерной жары, которая могла явиться причиной появления язв на половом члене. Это неправда! В Палестине не более жарко, чем на юге Европы. В Персии гораздо более жарко, а в Индии или Африке еще того жарче, однако никогда жители этих стран не думали себя подвергать обрезанию из-за забот о здоровье.

Настоящая причина обрезания та, что священники разных стран придумали приносить в жертву богам какую-нибудь часть тела, для чего одни делали у себя на теле рубцы, как жрецы Беллоны или Марса; другие оскопляли себя, как жрецы Кибелы. Иные вбивают себе гвозди в зад; факиры надевают кольца на половые органы. Иные бичуют богомольцев, как это делал, например, иезуит Жирар с Екатериной Кадьер. Готтентотские жрецы в честь своих богов вырезают себе одно яичко и кладут вместо него шарик из ароматических трав. Суеверные египтяне довольствовались тем, что в жертву Осирису производили над собой частичный обряд обрезания. Евреи, которые заимствовали у египтян очень много обрядов, установили полный обряд обрезания и продолжают производить его и по сей день. Арабы и эфиопы имели это обыкновение в незапамятные времена. Турки, победители арабов, переняли у них этот обычай, в то время как у христиан принято обливать ребенка водой или погружать в нее. Все это одинаково разумно и хорошо и, очевидно, одинаково нравится всевышнему»,— заканчивает Вольтер.

Но довольно об этом. Вернемся к нашему патриарху. Он, вероятно, был довольно озадачен странным решением бога переменить имя ему и его супруге. Это было тем более странно, что сама по себе перемена-то была очень незначительна: Авраам вместо Аврам, Сарра вместо Сара. Воистину бог иудеев и христиан — смешной бог!

И действительно, с этого момента Библия делается все более и более занятной.

«И явился ему господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер (свой), во время зноя дневного.

Он возвел очи свои, и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер (свой), и поклонился до земли» *(Быт., гл. 18, ст. 1—2)*.

Разговор, который последовал далее, довольно любопытен: это такое неожиданное смешение единственного и множественного числа, что либо патриарх, надо думать, вообще плохо говорил на своем языке, либо и впрямь ему было очень жарко!

«И сказал: владыка! Если я обрел благоволение пред очами твоими, не пройди мимо раба твоего.

И принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом.

А я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите (в путь свой); так как вы идете мимо раба вашего. Они сказали: сделай так, как говоришь» *(Быт., гл. 18, ст. 3—5)*.

Богословы полагают, что если в тот день бог пришел к Аврааму в обществе двух ангелов, то это было сделано для того, чтобы явить все три лица «троицы». Но Авраам не обладал изощренностью богословов и не понял этого, как, впрочем, не понял до христианских богословов никакой другой иудейский пророк.

«И поспешил Авраам в шатер к Сарре, и сказал (ей): поскорее замеси три саты лучшей муки, и сделай пресные хлебы» *(Быт., гл. 18, ст. 6)*.

Иные современные переводчики Библии пишут: «возьми три меры муки». Они нарочно прибегают к этому туманному выражению, ибо то, что «святой дух» продиктовал автору книги «Бытие», прямо-таки чудовищно. В еврейском тексте сказано: «ефа», а объем ефы — более 25 литров. Какое необыкновенное количество хлеба! Правда, на Востоке был обычай угощать одним блюдом, но зато обильно; и все же, по-видимому, патриарх принял своих гостей за каких-то невероятных обжор.

Но этого мало: «и побежал Авраам к стаду, и взял теленка нежного и хорошего, и дал отроку, и тот поспешил приготовить его.

И взял масла и молока, и теленка приготовленного, и поставил перед ними; а сам стоял подле них под деревом. И они ели.

И сказали ему: где Сарра, жена твоя? Он отвечал: здесь, в шатре.

И сказал *один из них:* я опять буду у тебя в это же время (в следующем году), и будет сын у Сарры, жены твоей. А Сарра слушала у входа в шатер, сзади его.

Авраам же и Сарра были стары и в летах преклонных; и обыкновенное у женщин у Сарры прекратилось.

Сарра внутренно рассмеялась, сказав: мне ли, когда я состарилась, иметь сие утешение? и господин мой стар.

И сказал господь Аврааму: отчего это (сама в себе) рассмеялась Сарра, сказав: «неужели я действительно могу родить, когда я состарилась?»

Есть ли что трудное для господа? В назначенный срок буду я у тебя в следующем году, и (будет) у Сарры сын.

Сарра же не призналась, а сказала: я не смеялась. Ибо она испугалась. Но он сказал (ей): нет, ты рассмеялась» *(Быт., гл. 18, ст. 7—15).*

Довольно интересно прислушаться к разговору между богом и Авраамом, ибо подробности этого разговора могут действительно обрадовать душу своей наивностью. Автор книги «Бытие» описывает все, что произошло, и все, что было сказано, с такой точностью, как будто он сам присутствовал при этом. Ясно, что ему было откровение свыше, иначе он был бы самый обыкновенный враль.

Некоторые современные комментаторы, смущенные наивной смехотворностью всех этих подробностей, стараются доказать аллегоричность всего рассказа; они предлагают понимать, что бог и ангелы, явившиеся к Аврааму, якобы симулировали свой аппетит, но ничего не ели, притворяясь, будто едят. Полно! Библию надо брать так, как она есть, отвечаем мы; ибо если принять толкование тех богословов, которым иные места Библии кажутся невероятными, то во всем «священном писании» надо видеть не что иное, как аллегории. Тогда, значит, ничего из рассказанного «голубем» в действительности не произошло? Все это одна только видимость? Божественная Библия есть сон, мечта, вымысел? Поглядите, господа проповедники, куда заводят такие рассуждения! Гораздо проще допустить, что бог, о котором мы знаем, что он «делает из земли»,

«вдувает душу» и «ходит», имеет также обыкновение есть, пить, переваривать пищу и т. д. Он даже не огражден от страданий, причиняемых зноем, вроде его друга Авраама, который только что путано обращался к нему и в единственном и во множественном числе.

После обеда совершили небольшую прогулку:

«И встали те мужи, и оттуда отправились к Содому (и Гоморре); Авраам же пошел с ними, проводить их.

И сказал господь: утаю ли я от Авраама (раба моего), что хочу делать!

От Авраама точно произойдет народ великий и сильный, и благословятся в нем все народы земли» *(Быт., гл. 18, ст. 16—18)*.

Все народы земли благословенны в Аврааме! И иудейские, и христианские комментаторы видят в этом тексте утверждение единого бога всей земли, который, правда, есть бог Авраама, но христиане не уступают этого «патриарха» иудеям. Однако если вспомнить, что иудеи и христиане расходятся в отношении почитания сына Марии, то возникает новый вопрос: какая из двух религий победит — будет ли земля иудейской или христианской? Вопрос важный!

Впрочем, мы не торопимся и подождем. Народонаселение земного шара, правда, достигает уже почти трех миллиардов человек, из коих католиков, то есть людей, которые хотели бы считать себя единственными последователями настоящей христианской религии, можно насчитать всего около 400—500 миллионов. Имеется почти такое же количество православных и иных христиан, считающих только себя настоящими последователями и исполнителями истинной христианской веры.

Для того чтобы сбылось божье пророчество, нужно, следовательно, чтобы эти христиане прежде всего стали одинаково верующими, чтобы они соединились все воедино: и католики, и православные, и лютеране, протестанты, раскольники, англикане, баптисты, иеговисты и проч. и проч. Затем, когда они убедят наконец иудеев в существовании «троицы», им останется обратить в христианство «только еще» мусульман, конфуциан, буддистов, брахманистов, таоистов (даосистов) и проч. и проч. Или, быть может, иудеям удастся убедить всех: и правоверных, и «еретических» христиан, что в своей истории с мессией они около двух тысяч лет тому назад попали пальцем в небо и пребывают в этом

положении по сей день! Так или иначе предсказание об обращении всего земного шара в веру Авраама, по-видимому, еще не сбылось да, конечно, никогда и не сбудется.

Но какие же это были планы у бога-отца, относительно которых он колебался, разоткровенничаться ли ему с любимым патриархом или нет. Хорошенько подумав и взвесив все обстоятельства, он решил, что с Авраамом в прятки играть не стоит. Вот тогда этот последний будто бы и догадался, что трое путешественников, которые слопали его теленка и 80 литров его муки, не считая молочных продуктов, были сверхъестественные существа, и среди них его старый приятель, сам бог.

«И сказал господь: вопль содомский и гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма.

Сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко мне, или нет; узна́ю» *(Быт., гл. 18, ст. 20—21)*.

Бог был хороший администратор: он не любил слепо доверяться донесениям своей полиции. Скажут, быть может, что в качестве всезнающего бога он не мог чего-нибудь не знать и что, следовательно, он всегда знал, как поступить, не нуждаясь ни в каком расследовании. Но не забудем, что все это происходит в очень жаркую погоду и что переваривание обильного обеда, которым его только что угощали на наших глазах, действительно могло несколько затуманить его божественные мозги.

«И обратились мужи оттуда, и пошли в Содом; Авраам же еще стоял пред лицем господа.

И подошел Авраам, и сказал: неужели ты погубишь праведного с нечестивым, (и с праведником будет то же, что с нечестивым)?

Может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников? Неужели ты погубишь, и не пощадишь (всего) места сего ради пятидесяти праведников, (если они находятся) в нем?

Не может быть, чтобы ты поступил так... чтобы то же было с праведником, что с нечестивым; не может быть от тебя! Судия всей земли поступит ли неправосудно?

Господь сказал: если я найду в городе Содоме пятьдесят праведников, то я ради них пощажу (весь город и) все место сие.

Авраам сказал в ответ: вот, я решился говорить владыке, я, прах и пепел:

Может быть, до пятидесяти праведников не достанет пяти, неужели за *недостатком* пяти ты истребишь весь город? Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять» *(Быт., гл. 18, ст. 22—28)*.

Беседа продолжается в том же тоне *(ст. 29—32)*. Авраам старается выторговать все новые и новые уступки: с 45 праведников переходит к 40, к 30, к 20. В конце концов бог прекращает уступки и объявляет, что меньше чем 10 праведников его уже не устраивает. Это его последнее слово!

«И пошел господь, перестав говорить с Авраамом; Авраам же возвратился в свое место» *(Быт., гл. 18, ст. 33)*.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВЯТОЙ ПРАОТЕЦ ЛОТ

Бог, который только что хотел сам все видеть, не пошел со своими спутниками: из дальнейшего изложения явствует, что он вернулся к себе «домой».

«И пришли те два ангела в Содом вечером, когда Лот сидел у ворот Содома. Лот увидел, и встал, чтобы встретить их, и поклонился лицем до земли.

И сказал: государи мои! зайдите в дом раба вашего, и ночуйте, и умойте ноги ваши, и встанете поутру, и пойдете в путь свой. Но они сказали: нет, мы ночуем на улице.

Он же сильно упрашивал их; и они пошли к нему, и пришли в дом его. Он сделал им угощение, и испек пресные хлебы, и они ели.

Еще не легли они спать, как городские жители, содомляне, от молодого до старого, весь народ со *всех* концов *города,* окружили дом.

И вызвали Лота, и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их.

Лот вышел к ним ко входу, и запер за собою дверь,

И сказал (им): братья мои, не делайте зла.

Вот у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, делайте с ними, что вам угодно; только людям сим не делайте ничего, так как они пришли под кров дома моего.

Но они сказали (ему): пойди сюда. И сказали: вот пришлец, и хочет судить? Теперь мы хуже поступим с тобою, нежели с ними. И очень приступали к человеку сему, к Лоту, и подошли, чтобы выломать дверь.

Тогда мужи те простерли руки свои, и ввели Лота к себе в дом, и дверь (дома) заперли;

А людей, бывших при входе в дом, поразили слепотою, от малого до большого, так что они измучились, искав входа» *(Быт., гл. 19, ст. 1—11).*

Было необходимо привести полностью и точно весь этот отрывок из книги «Бытие»: надо помнить и не забывать, что

эти строки были написаны под диктовку самого «святого духа»!

С другой стороны, небесполезно привести и комментарии Вольтера: «Это место библейского текста больше всякого другого смущает разум человеческий. Если эти два ангела или два бога бесплотны, то, значит, они приняли неотразимо прекрасный телесный вид, раз сумели внушить столь ужасное желание целому народу. Подумать только: старики и дети, юноши, взрослые — все жители мужского пола, без исключения, толпой сбежались к дому для того, чтобы совершить гнусный грех с этими двумя ангелами. Природе человеческой не свойственно делать скопом эту гадость, ради которой обыкновенно ищут полного уединения. Содомляне же требуют обоих ангелов, как бунтовщики требуют хлеба во время голода. В языческой мифологии нет ничего похожего на эту непостижимую гнусность. Богословы, утверждающие, что три небесных путника, из коих двое пришли в Содом, были бог-отец, бог-сын и бог — святой дух, делают преступление содомлян еще более отвратительным, а всю историю еще более непонятной».

Предложение Лота содомлянам взять двух его невинных дочерей вместо этих ангелов или этих богов тоже не менее возмутительно[1]. Все это свидетельствует о необычайной низости святого праведника, не отмеченной доселе ни одной книгой.

Богословы находят что-то общее между этим случаем и легендой о Филемоне и Бавкиде[2]. Но в этой легенде нет ничего непристойного; она гораздо более поучительна. Зевс-Юпитер и Гермес-Меркурий наказывают город за негостеприимство: это напоминает о долге доброты и человеколюбия; здесь нет ничего дурного.

Иные утверждают, что «священный» автор хотел превзойти историю Филемона и Бавкиды, дабы внушить больше отвращения к греху, весьма распространенному в жарких странах. Однако арабы пустыни содомской утверждают, что проходящие караваны предоставляют им достаточно зрелых девушек, и они никогда не требуют мальчиков.

Эта история с двумя ангелами не приведена здесь как аллегория, отнюдь нет; все, все, буквально все точно! Впрочем, не видно, какую аллегорию можно извлечь здесь в пользу Нового завета, для которого, согласно утвержде-

ниям «отцов церкви», Ветхий завет является «прообразом».

Проследим дальше «священный» текст божественной книги, которую мы обязаны считать правдивой под страхом смертного греха. Мы найдем места еще почище этого!

«Сказали мужи те Лоту: кто у тебя есть еще здесь? Зять ли, сыновья ли твои, дочери ли твои, и кто бы ни был у тебя в городе, всех выведи из сего места» *(Быт., гл. 19, ст. 12).*

Зачем эти вопросы? Разве ангелы не знали, из кого состояла семья Лота?

«Ибо мы истребим сие место; потому что велик вопль на жителей его к господу, и господь послал нас истребить его.

И вышел Лот, и говорил с зятьями своими, которые брали за себя дочерей его, и сказал: встаньте, выйдите из сего места; ибо господь истребит сей город. Но зятьям его показалось, что он шутит.

Когда взошла заря, ангелы начали торопить Лота, говоря: встань, возьми жену твою и двух дочерей твоих, которые у тебя, чтобы не погибнуть тебе за беззакония города.

И как он медлил, то мужи те (ангелы), по милости к нему господней, взяли за руку его, и жену его, и двух дочерей его, и вывели его, и поставили его вне города.

Когда же вывели их вон, *то один из них* сказал: спасай душу свою; не оглядывайся назад, и нигде не останавливайся в окрестности сей; спасайся на гору, чтобы тебе не погибнуть.

Но Лот сказал им: нет, владыка!

Вот, раб твой обрел благоволение пред очами твоими, и велика милость твоя, которую ты сделал со мною, что спас жизнь мою; но я не могу спасаться на гору, чтоб не застигла меня беда и мне не умереть.

Вот, ближе бежать в сей город, он же мал; побегу я туда,— он же мал; и сохранится жизнь моя (ради тебя).

И сказал ему: вот, в угодность тебе я сделаю и это: не ниспровергну города, о котором ты говоришь;

Поспешай, спасайся туда; ибо я не могу сделать дела, доколе ты не придешь туда. Потому и назван город сей: Сигор.

Солнце взошло над землею, и Лот пришел в Сигор.

И пролил господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от господа с неба,

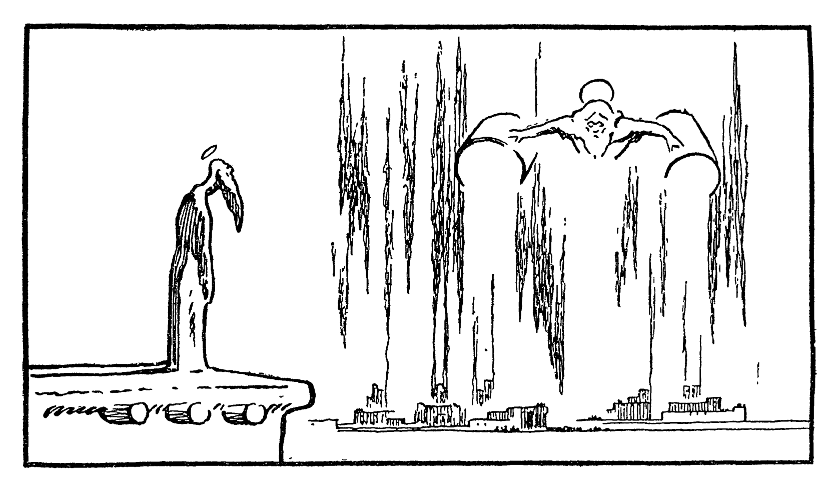
И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и (все) произрастания земли.

Жена же *Лотова* оглянулась позади его, и стала соляным столпом.

И встал Авраам рано утром (и пошел) на место, где стоял пред лицем господа.

И посмотрел к Содому и Гоморре, и на все пространство окрестности, и увидел: вот, дым поднимается с земли, как дым из печи» *(Быт., гл. 19, ст. 13—28)*.

Относительно Гоморры богословы изощряются самым любопытным образом, доказывая, что грех этого города

«И пролил господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь» *(Быт., гл. 19, ст. 24)*.

был прямо противоположен греху содомскому. Нигде в Библии нет ни малейшего намека на это обстоятельство. Богословы это просто придумали.

Теперь понятно, что за «вопль» поднялся из Содома и Гоморры до небес, как утверждал бог-отец в разговоре с Авраамом: в Содоме вопили покинутые женщины, в Гоморре, наоборот, рычали брошенные мужья. Но тогда, спрашивается, за что небесный гнев истребил содомских женщин и почему не пощадил старик бог несчастных гоморрских мужчин, уже и так достаточно удрученных противоестественными склонностями их жен?

Вместе с этим ясно, что два господина из Содома, которые собирались жениться на дочерях Лота, не были под-

вержены греху мужеложства; их брак был настолько твердо решен, настолько близок к осуществлению, что «святой человек» уже называл их своими зятьями. «Священный» автор нигде не указывает, что зятья Лота были хоть сколько-нибудь подвержены постыдному греху, из-за которого погибли содомляне вместе с их городом; они не фигурируют в толпе содомлян, которые хотели изнасиловать ангелов. Библия, напротив, заставляет думать, что они, как порядочные люди, сидели дома, ибо Лот ходил будить их, чтобы увести с собой. Тем не менее и они погибли наравне со всеми.

Что касается жены Лота, то надо признать, что она дорого заплатила за порыв сострадания, который заставил ее оглянуться на родной город. В городе, возможно, оставались ее родители.

Обращение ее в соляной столп подтверждалось некоторыми иудейскими и христианскими писателями первых веков нашей эры. Иудейский историк Иосиф Флавий уверяет в своей книге «Иудейские древности», что он видел этот столп и что в его времена этот столп показывали всем желающим. Скептики полагают, что местные евреи могли просто вытесать соляную фигуру и говорить, что это жена Лота. Немало было найдено скульптур из соли, которые просуществовали довольно долго. С другой стороны, святой Ириней пошел очень далеко, утверждая следующее: «Жена Лота не есть тленная плоть; но, оставаясь вечно в виде соляного столпа, она продолжает, однако, иметь свои обычные женские очищения». Знаменитый и очень авторитетный в католичестве богослов Тертуллиан в своей «Поэме о Содоме» утверждает то же самое с не меньшей уверенностью.

Но все это не было известно римлянам, когда они пришли в Палестину: когда они завоевали Иерусалим, у них не было ни малейшего желания отправиться взглянуть на чудесный соляной столп, и это по той простой причине, что никакого такого столпа не было. И ни Помпей, ни Тит, ни Адриан никогда не слышали ни о Лоте, ни о жене его, ни о двух дочерях, ни об Аврааме и вообще ни о ком из этого благочестивого семейства. И ныне паломники, отправляющиеся на поклонение библейским «святыням», в окрестностях Мертвого моря не находят никакой — ни соляной, ни смоляной — статуи. Местные мусульмане не догадались поставить что-нибудь, что удовлетворяло бы паломников. Но

они показывают богомольцам дуб мамрийский, под сенью которого бог и два ангела съели целого теленка и невероятное количество хлеба, сыра, масла и сметаны.

Великий греческий географ Страбон, живший в ту эпоху, к которой христианская легенда относит рождение Иисуса, подробно изучал Малую Азию, и в особенности Палестину, которую описал самым тщательным образом. В частности, он изучил область Содома и Мертвого моря. Но он ничего не говорит ни о каком соляном столпе, который якобы видел Иосиф Флавий через несколько лет после него. То, что описывает беспристрастный путешественник Страбон, очень любопытно.

Процитируем Страбона: «Есть довольно много оснований заключить, что эта местность была добычей огня: обожженные скалы, многочисленные трещины, испепеленная земля, реки, распространяющие отвратительный запах, и повсюду в окрестностях развалины человеческих жилищ. Все это заставляет верить тому, что рассказывают жители этих мест, а именно, что некогда здесь находилось тринадцать городов со столицей Содомом. Но вследствие землетрясения, извержений вулканов, а также потоков сернистых вод озеро поглотило эту страну, и одни лишь скалы сохранились, как свидетели катастрофы. Некоторые из городов были затоплены, другие брошены жителями, которые искали спасения и разбежались» *(Страбон, «География», кн. XVI, гл. II)*. Это совсем не похоже на рассказ книги «Бытие»: «и пролил господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от господа с неба».

Достойно быть отмеченным сказанное в четырнадцатой главе книги «Бытие»: «в долине же Сиддим было много смоляных ям. И цари содомский и гоморрский, обратившиеся в бегство, упали в них; а остальные убежали в горы» *(ст. 10)*. Библия сама признает, что почва здесь была смолистая еще до катастрофы.

Еще раз ученые имеют случай признать, что «божественный голубь» здорово посмеялся над «священным» автором. Вся природа этой пустыни носит следы какой-то геологической катастрофы, от которой должно было пострадать все живое, если только там что-нибудь жило. Так, Мертвое море, в которое впадает Иордан, имеет поверхность в 920 квадратных километров, 100 километров длины и до 20 километров в самом широком месте. Воды реки Иордан всецело поглощаются бессточным Мертвым морем.

(Арабы называют его Бахр-Лут.) Вода эта испаряется, ибо иначе нельзя объяснить, куда она девается при неподвижном уровне озера. Он ниже уровня океана на 392 метра, при максимальной глубине почти в 400 метров. Жаркий и сухой воздух при единственном в своем роде давлении (793 метра) может поглощать невероятное количество водяных паров. Болотистые пласты в окрестностях, рассеянные повсюду массы смолистых веществ, частые землетрясения — все это показывает, что данная местность, вероятно, никогда не была обитаема. Органической жизни в удивительно соленом (до 26% соли) Мертвом море нет. Геологи видят здесь одну из глубочайших депрессий суши, провал земной коры почти на километр относительно прибрежной местности. Причина этой депрессии не внешняя, а внутренняя.

Если уж очень желать верить, что «голубь» не мог посмеяться над «священным» автором книги «Бытие», если желать во что бы то ни стало считать верной историю огненного дождя, упавшего с неба для истребления людей, виновных здесь в мужеложстве, а там в лесбийской любви, то надо все-таки признать, что бог, хотя он и неизменяем, все же немного приврал. Действительно, не он ли клялся Ною, что милосердие его никогда не позволит ему истреблять людей? Не он ли клялся, положа руку на радугу, не возобновлять потопа? Но клясться в отмене наводнений и заменять потоки воды потоками огня,— честная ли это политика со стороны господа бога?

Проследим дальше необыкновенный рассказ книги «Бытие». «Священный» автор говорит, что Лот, не впавший в грех своих сограждан, был спасен от гибели, равно как и его заведомо непорочные дочери — девицы. Но автор тут же показывает прекрасные примеры добродетели в этой «святой семье». Подчеркнем, что новый библейский эпизод не содержит ни одного слова порицания по адресу трех содомских беглецов. «Божественный голубь» имеет свою особенность: он повествует о самых отвратительных непристойностях так спокойно, как будто ничего проще нет на свете. Даже кровосмесительство кажется обыкновенным патриархальным обычаем в изложении «священного» автора.

Читатель извинит нам еще одну цитату, но она необходима, и необходима в самом точном виде для того, чтобы показать, что такое «священное писание», самая священная

из всех книг, основа и оплот самой благочестивой веры и трех религий — иудейства, христианства и ислама.

«И вышел Лот из Сигора, и стал жить в горе, и с ним две дочери его, ибо он боялся жить в Сигоре. И жил в пещере, и с ним две дочери его.

И сказала старшая младшей: отец наш стар; и нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли.

Итак напоим отца нашего вином, и переспим с ним, и восставим от отца нашего племя.

И напоили отца своего вином в ту ночь; и вошла старшая, и спала с отцом своим (в ту ночь); а он не знал, когда она легла и когда встала.

На другой день старшая сказала младшей: вот, я спала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и ты войди, спи с ним, и восставим от отца нашего племя.

И напоили отца своего вином и в эту ночь; и вошла младшая, и спала с ним; и он не знал, когда она легла и когда встала.

И сделались обе дочери Лотовы беременными от отца своего.

И родила старшая сына и нарекла ему имя: Моав, (говоря: *он* от отца моего). Он отец моавитян доныне.

И младшая также родила сына, и нарекла ему имя: Бен-Амми, (говоря: *он* сын рода моего). Он отец аммонитян доныне» *(Быт., гл. 19, ст. 30—38)*.

Пусть этот текст был продиктован «святым духом» свыше,— это не мешает ему быть гнусным.

Приключение Лота и его дочерей не могло избежать справедливой критики Вольтера, которому мы и уступаем здесь место. Мысли этого великого человека интересны и ныне, ибо еще живы религиозные предрассудки, правила веры и активные приверженцы религии, почитающие Библию как «святое божье слово».

«Библейский текст,— пишет Вольтер,— не говорит ничего о том, что сделал Лот, когда увидел жену свою, обращенную в соляной столп; он не приводит также имен его дочерей. Мысль напоить отца, для того чтобы «переспать с ним» в пещере, довольно оригинальна. Библия совершенно не указывает, где они достали вина, но зато мы узнаем, что Лот воспользовался обеими своими дочерьми, совершенно не заметив ни их прихода, ни ухода. Очень трудно обладать женщиной, в особенности девственницей, и ничего не

знать об этом. Вот случай, которому мы никак не можем подобрать объяснения.

Непонятно также, почему дочери Лота так боялись за будущее человечества. Ибо уже Авраам родил Измаила от Агари, народы уже были рассеяны, а город Сигор, из которого вышли эти девушки, был совсем близко».

А к кому же обратились они за вином, если не к местным кабатчикам? Вольтер обращает внимание на сходство этой истории с историей Мирры, родившей Адониса от своего отца Киниры. «Здесь,— говорит он,— подражание древней басне о Кинире и Мирре». Но в этой басне Мирра, по крайней мере, наказана за свое преступление, в то время как дочери Лота вознаграждены самым высоким, с богословской точки зрения, благословением: они делаются матерями многочисленного потомства [3].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ОКОНЧАНИЕ БЛАГОЧЕСТИВОЙ ИСТОРИИ О «СВЯТОМ ДРУГЕ БОЖИЕМ» АВРААМЕ

Воскурим кадила! На сцену снова выступает Авраам, патриарх-альфонс, готовый к повторению приема, который помог ему так удачно обогатиться в Египте.

«Авраам поднялся оттуда к югу, и поселился между Кадесом и между Суром; и был на время в Гераре.

И сказал Авраам о Сарре, жене своей: она сестра моя. (Ибо он боялся сказать, что это жена его, чтобы жители города того не убили его за нее.) И послал Авимелех, царь герарский, и взял Сарру.

И пришел бог к Авимелеху ночью во сне, и сказал ему: вот, ты умрешь за женщину, которую ты взял; ибо она имеет мужа.

Авимелех же не прикасался к ней, и сказал: владыка! неужели ты погубишь (не знавший *сего*) и невинный народ?

Не сам ли он сказал мне: «она сестра моя»? И она сама сказала: «он брат мой». Я сделал это в простоте сердца моего и в чистоте рук моих.

И сказал ему бог во сне: и я знаю, что ты сделал сие в простоте сердца твоего, и удержал тебя от греха предо мною; потому и не допустил тебя прикоснуться к ней.

Теперь же возврати жену мужу, ибо он пророк, и помолится о тебе, и ты будешь жив; а если не возвратишь, то знай, что непременно умрешь ты и все твои.

И встал Авимелех утром рано, и призвал всех рабов своих, и пересказал все слова сии в уши их; и люди сии (все) весьма испугались.

И призвал Авимелех Авраама, и сказал ему: что ты с нами сделал? чем согрешил я против тебя, что ты навел было на меня и на царство мое великий грех? Ты сделал со мною дела, каких не делают.

И сказал Авимелех Аврааму: что ты имел в виду, когда делал это дело?

Авраам сказал: я подумал, что нет на месте сем страха божия, и убьют меня за жену мою.

Да она и подлинно сестра мне; она дочь отца моего, только не дочь матери моей; и сделалась моею женою.

Когда бог повел меня странствовать из дома отца моего, то я сказал ей: сделай со мною сию милость, в какое ни придем мы место, везде говори обо мне: «это брат мой».

И взял Авимелех (серебра тысячу сиклей и) мелкого и крупного скота, и рабов и рабынь, и дал Аврааму; и возвратил ему Сарру, жену его.

И сказал Авимелех (Аврааму): вот, земля моя пред тобою; живи, где тебе угодно.

И Сарре сказал: вот, я дал брату твоему тысячу *сиклей* серебра; вот, это тебе покрывало для очей пред всеми, которые с тобою, и пред всеми ты оправдана.

И помолился Авраам богу, и исцелил бог Авимелеха, и жену его, и рабынь его, и они стали рождать.

Ибо заключил господь всякое чрево в доме Авимелеха за Сарру, жену Авраамову» *(Быт., гл. 20, ст. 1—18)*.

Не забудем, что в это время прелестной Сарре стукнуло уже девяносто лет *(Быт., гл. 17, ст. 17)*.

Напрашивается несколько замечаний: сказал ли Авраам правду, уверяя Авимелеха, что Сарра одновременно и жена и сестра его? Если да, то мы имеем здесь еще одно «благочестивое» кровосмесительство. Как прелестно это «священное писание»!

Но это не все: если во всем этом деле Авимелех производит впечатление порядочного человека, то Авраам, наоборот, с какой бы точки зрения ни смотреть, оказывается довольно гнусным субъектом. Если он брат Сарры по крови, то и это не оправдывает его сводничества и лжи. Сестра-жена для него источник дохода. Он лгал, когда отрицал свое супружество. А объяснение, которое он дает, когда его подлая хитрость раскрылась, показывает Авраама изворотливым казуистом, достойным ученой степени «кандидата» или даже «доктора» богословия. Даже ограниченность умственных способностей не могла бы оправдать его в глазах честных людей.

С другой стороны, этот возлюбленный патриарх, этот счастливчик, которому особо покровительствует сам бог, является ли он действительно братом Сарры, как он вдруг заявил? Все прочие места Библии доказывают как раз об-

ратное. Во время истории с египетским фараоном Авраам впервые прибегает к своей обогащающей лжи. Но когда фараон изобличил его, он и не подумал о мотивах оправдания, приведенных только что: честь услышать их первым выпадает Авимелеху. Можно думать, что это не больше, как неожиданная выдумка, первая мысль, пришедшая «святому пророку» в голову под впечатлением резких нападок царя герарского. Почему он не приводил этого оправдания, когда беседовал с фараоном?

Больше того, «святой дух» сам себе противоречит. В главе одиннадцатой он познакомил нас с семьей Фарры, отца Авраама: «Фарра родил Аврама, Нахора и Арана. Аран родил Лота. И умер Аран при Фарре, отце своем, в земле рождения своего, в Уре халдейском. Аврам и Нахор взяли себе жен; имя жены Аврамовой: Сара; имя жены Нахоровой: Милка, дочь Арана, отца Милки и отца Иски» *(ст. 27—29)*. Иначе говоря, Нахор женился на своей племяннице. Если бы Сарра была дочерью Фарры и сестрой Авраама, Нахора и Арана, автор не преминул бы сказать и об этом в своем столь подробном перечислении родственных уз в семье Фарры.

Да, наконец, Библия прямо называет Сарру невесткой Фарры: «И взял Фарра Аврама, сына своего, и Лота, сына Аранова, внука своего, и Сару, невестку свою, жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из Ура халдейского, чтобы идти в землю ханаанскую: но, дойдя до Харрана, они остановились там. И было дней *жизни* Фарры (в харранской земле) двести пять лет, и умер Фарра в Харране» *(Быт., гл. 11, ст. 31—32)*.

Итак, нисколько не смущаясь быть кровосмесителем в глазах Авимелеха, Авраам солгал для того, чтобы найти оправдание для своей авантюры. Или же если он решился открыть царю герарскому истину, которую утаил от фараона, и все это верно, то «святой дух», диктуя книгу «Бытие», запутался во лжи и противоречиях.

Конечно, все это чистейший вымысел, и автор его — неуклюжий невежда. «Святой дух», в потугах мистификаторства и в поисках безнравственных и гнусных небылиц, диктует все, что приходит ему в голову, а недалекий автор бесстрастно записывает все, что слышит,— гадости и небылицы в лицах, совершенно не смущаясь их очевидными противоречиями, путаницей, а то и простой физической невозможностью.

Как автор всех этих библейских строк не догадался, что лукавый «голубок» посмеивается над ним, заставляя его называть «землю герарскую» царством. Согласно описаниям древних географов, Герар — это маленькая песчаная долина без малейшей растительности, жестокая пустыня, в которой никогда не могла жить душа человеческая. Значит, Авимелех был царем пустыни? А сколько времени держал он у себя Сарру? И как это госпожа Авимелех не постаралась выцарапать ей глаза?

Вот еще один пункт, указывающий на все бесстыдство шуток «святого духа». Этот эпизод произошел после истребления Содома и до того, как бог выполнил свое обещание, данное у дуба мамрийского. Глава двадцать первая начинается так: «И призрел господь на Сарру, как сказал; и сделал господь Сарре, как говорил. Сарра зачала, и родила Аврааму сына в старости его во время, о котором говорил ему бог» *(ст. 1—2)*.

Так как эти роды произошли год спустя после появления бога и двух ангелов у дуба мамрийского, то пребывание Авраама в земле герарской приходится на период первых трех месяцев после огненного потопа, учитывая нормальную девятимесячную беременность Сарры. И если допустить даже, что пребывание Авраама в Гераре продолжалось все эти три месяца, то, спрашивается, каким образом могли супруга и рабыни его величества царя Авимелеха заметить за такой короткий срок, что они стали бесплодны, то есть что бог «заключил чрево их», говоря изысканным языком «священного» автора. Можно ли так сразу убедиться в потере способности рождать детей?

Нужно признать вместе с богословами, которых не удивляет никакое, даже самое отвратительное, чудо, что бог сыграл довольно омерзительную, хотя и очень оригинальную шутку. Можно себе представить, какое выражение лица было у царя пустыни и его подданных, когда они увидели, что у жен их «заключены чрева»! Шутка эта должна была показаться им очень злой. Вполне понятно, почему Авимелех, дабы положить конец этому бедствию, дал Аврааму все, чего только тот мог пожелать, и сказал пророку и его сестре-жене: «Убирайтесь поскорей отсюда».

После «чуда» с «заключенными чревами» неисчерпаемая книга «Бытие» преподносит нам чудо с родами Сарры, дамы в девяносто лет, давно потерявшей способность иметь детей.

Весельчак, этот голубь!

А теперь — новое дело: Авраам, имея законного сына, выставляет за дверь Измаила, которого прижил со своей наложницей.

«И нарек Авраам имя сыну своему, родившемуся у него, которого родила ему Сарра: Исаак.

И обрезал Авраам Исаака, сына своего, в восьмый день, как заповедал ему бог.

Авраам был ста лет, когда родился у него Исаак, сын его.

И сказала Сарра: смех сделал мне бог; кто ни услышит обо мне, рассмеется.

И сказала: кто сказал бы Аврааму: «Сарра будет кормить детей грудью?» ибо в старости его я родила сына.

Дитя выросло, и отнято от груди; и Авраам сделал большой пир в тот день, когда Исаак (сын его) отнят был от груди.

И увидела Сарра, что сын Агари египтянки, которого она родила Аврааму, насмехается (над ее сыном, Исааком).

И сказала Аврааму: выгони эту рабыню и сына ее; ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком.

И показалось это Аврааму весьма неприятным ради сына его (Измаила).

Но бог сказал Аврааму: не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всем, что скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее, ибо в Исааке наречется тебе семя.

И от сына рабыни я произведу (великий) народ, потому что он семя твое.

Авраам встал рано утром, и взял хлеба и мех воды, и дал Агари, положив ей на плечи, и отрока, и отпустил ее. Она пошла, и заблудилась в пустыне Вирсавии.

И не стало воды в мехе, и она оставила отрока под одним кустом.

И пошла, села вдали, в расстоянии на *один* выстрел из лука. Ибо она сказала: не *хочу* видеть смерти отрока. И она села (поодаль) против (него), и подняла вопль, и плакала.

И услышал бог голос отрока (оттуда, где он был); и ангел божий с неба воззвал к Агари, и сказал ей: что с тобою, Агарь? не бойся; бог услышал голос отрока оттуда, где он находится.

Встань, подними отрока, и возьми его за руку; ибо я произведу от него великий народ.

И бог открыл глаза ее, и она увидела колодезь с водою (живою), и пошла, наполнила мех водою, и напоила отрока.

И бог был с отроком; и он вырос, и стал жить в пустыне; и сделался стрелком из лука.

Он жил в пустыне Фаран; и мать его взяла ему жену из земли египетской» *(Быт., гл. 21, ст. 3—21)*.

Это подлинно бесчеловечное, гнусное изгнание Авраамом своего первенца и матери его Агари с куском хлеба и мехом воды особенно возмутительно для столь могущественного господина, победившего пятерых царей при помощи 318 слуг, безмерно разбогатевшего от благочестивого знакомства его жены с царями египетским и герарским. Вот каким «вечным» заветам добра и нравственности учит «священное писание»!

После этого книга «Бытие» сообщает, что великий патриарх долго жил в земле филистимской.

Однако Авраам, который был так счастлив, получив сына от своей престарелой горячо любимой Сарры, не ожидал той скверной шутки, которую собирался теперь с ним сыграть его покровитель — всемогущий и всезнающий бог. «Ты его любишь, своего малыша, о пророк сердца моего? Ну так чтобы угодить мне, ты его и убьешь». Таков неожиданный сюрприз, который преподнес бог своему избраннику. Правда, все это было в шутку, так сказать, «дурака повалять». Всевышний любит поразвлечься немного! Он, вероятно, хотел посмотреть, какие рожи будет корчить ошеломленный Авраам. Здесь еще раз нужно привести подлинную цитату: она слишком прекрасна!

«И было, после сих происшествий бог искушал Авраама, и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я.

Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой я скажу тебе.

Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколол дров для всесожжения, и встав пошел на место, о котором сказал ему бог.

На третий день Авраам возвел очи свои, и увидел то место издалека.

И сказал Авраам отрокам своим: останьтесь вы здесь с ослом; а я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам. И взял Авраам дрова для всесожжения, и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе.

И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой! Он отвечал: вот я, сын мой. Он сказал: вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?

Авраам сказал: бог усмотрит себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли *далее* оба вместе.

И пришли на место, о котором сказал ему бог; и устроил там Авраам жертвенник, разложил дрова, и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров.

И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего.

Но ангел господень воззвал к нему с неба и сказал: Авраам! Авраам! Он сказал: вот я.

Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока, и не делай над ним ничего; ибо теперь я знаю, что боишься ты бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для меня.

И возвел Авраам очи свои, и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими. Авраам пошел, взял овна, и принес его во всесожжение вместо (Исаака,) сына своего.

И нарек Авраам имя месту тому: Иегова-ире (господь усмотрит). Посему *и* ныне говорится: на горе Иеговы усмотрится.

И вторично воззвал к Аврааму ангел господень с неба.

И сказал: мною клянусь, говорит господь, что, так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего, (для меня):

То я благословляя благословлю тебя, и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря; и овладеет семя твое городами врагов своих;

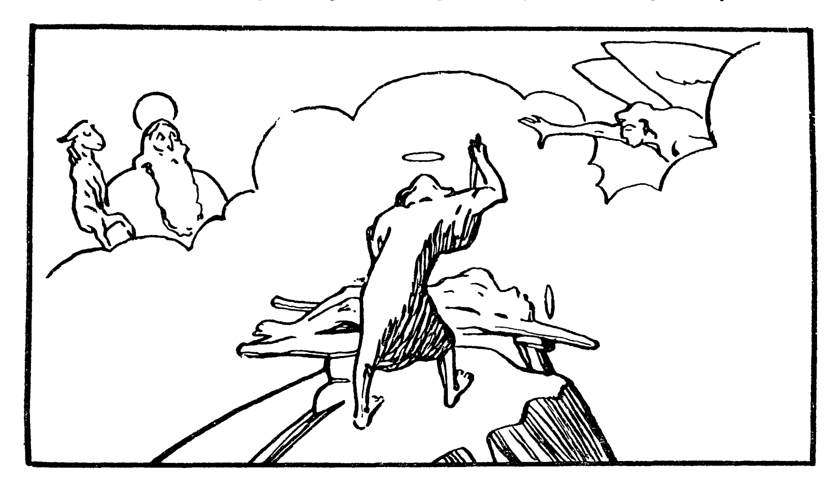
И благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа моего.

И возвратился Авраам к отрокам своим, и встали, и пошли вместе в Вирсавию; и жил Авраам в Вирсавии» *(Быт., гл. 22, ст. 1—19).*

Критики отмечают, что Авраам, который просил бога пощадить чужих ему жителей Содома и Гоморры, не обратился со словами мольбы и защиты в пользу сына своего. Они обвиняют патриарха в новой лжи, когда он сказал своим отрокам: «я и сын пойдем туда и поклонимся, и возвратимся к вам». Раз он собирался на гору для того, чтобы заколоть и сжечь Исаака, он не мог иметь намерения возвратиться с ним. Это была ложь варвара, тогда как

в предыдущих случаях мы видели ложь жадного сводника, отдающего свою жену за деньги.

С другой стороны, не без удивления видим мы, что столетний старец сам колет достаточный запас дров для костра перед тем, как отправиться в дорогу: чтобы сжечь человека на костре, нужна не охапка сырых дров, а по крайней мере воз сухого дерева. Тогда, значит, необходимое количество дров, наколотых Авраамом, было предварительно нагружено на осла и двух слуг, которые эту поклажу тащили бо-

«И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего» *(Быт., гл. 22, ст. 10)*.

лее двух суток. И даже если дровами был нагружен только один осел, то, спрашивается, каким образом тринадцатилетний мальчик Исаак мог потом взвалить себе на плечи подобную поклажу и один нести ее? Говорят также, что «огонь», который взял с собой Авраам, чтобы разжечь костер, — конечно, какая-нибудь жаровня не могла вместить столько угля, чтобы не погаснуть к тому времени, когда они прибыли к месту жертвоприношения: в момент, когда патриарх и его сын расстались со слугами, гора Мория видна была только издали. Наконец, отмечают еще, что эта знаменитая гора Мория, на которой впоследствии был построен храм Иерусалимский, есть не больше, как голая скала, лишенная какой бы то ни было жизни; никогда на ней не рос ни малейший кустик, а вся местность вокруг

Иерусалима была усеяна камнями, так что во все времена дерево доставлялось туда из других мест.

Однако все эти обстоятельства не помешали богу испытать веру Авраама, а Аврааму заслужить особенное благоволение божие своим послушанием.

Мы увидим впоследствии, что, когда судья Иеффай будет приносить в жертву свою дочь, ни один ангел не вмешается. Правда, Иеффай не занимался сводничеством и, вероятно, поэтому не удостоился той особой «святости», которой отмечен в христианстве, в иудействе и в мусульманстве «друг божий» Авраам.

Глава двадцать третья рассказывает, что Сарра умерла 127 лет в Хевроне, в земле Ханаанской. Чтобы похоронить ее, Авраам купил у некоего господина Ефрона пещеру Махпела и дорого за нее заплатил. Ефрон сказал: «земля *стоит* четыреста сиклей серебра; для меня и для тебя что это? Похорони умершую твою. Авраам выслушал Ефрона; и отвесил Авраам Ефрону серебра, сколько он объявил в слух сынов хеттовых, четыреста сиклей серебра, какое ходит у купцов» *(Быт., гл. 23, ст. 15—16)*.

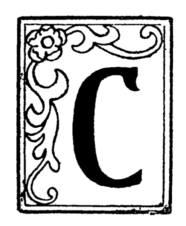
Вызывает удивление то, что Авраам, которого Библия многократно объявляет очень богатым человеком, не имеет и пяди собственной земли. Критики отмечают еще довольно странное упоминание какой-то чеканной монеты, «какая ходит у купцов». Не только во времена библейского Авраама не было монеты в земле Ханаанской, но и вообще древние евреи никогда не чеканили денег.

Из главы двадцать пятой мы видим, что престарелый праотец решил утешиться: он взял новую жену — Хеттуру. Патриарху было тогда по крайней мере 140 лет. Нелишне припомнить, что Сарра уже давно считала Авраама слишком старым для того, чтобы родить детей, даже тогда, когда ему было «еще только» 100 лет, и понадобилось небесное вмешательство, чтобы сделать его отцом. И все-таки с этой Хеттурой у Авраама без всяких «чудесных» явлений появилось еще шесть сыновей: Зимран, Иокшан, Медан, Мадиан, Ишбак и Шуах.

Наконец в один прекрасный вечер своего 175 года *(Быт., гл. 25, ст. 7)* патриарх скончался, завещав Исааку все имущество. Другим детям были сделаны только кое-какие подарки. «Святого» сводника похоронили рядом с Саррой, в пещере Махпела.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СВЯТОЙ ПРАОТЕЦ ИСААК И ДЕТИ, ДАРОВАННЫЕ ЕМУ БОГОМ

Сейчас мы увидим выполнение божьих обещаний относительно «великого размножения» потомства Авраама.

После смерти Сарры и перед браком с Хеттурой патриарх занялся устройством дел своего любимого сына. Это глубоко важное для благочестивого исследования и для религиозно-нравственного воспитания событие описано в главе 24 книги «Бытие».

Нахор, брат Авраама, женился на племяннице своей Милке *(Быт., гл. 11, ст. 29)*. Этому господину Нахору не нравилось скитание по пустыне, как его брату, и он поселился в плодородной Месопотамии. Там Милка родила ему восемь сыновей. Но так как этих восьми мальчуганов ему было недостаточно, он взял себе наложницу по имени Реума, которая принесла ему еще четырех сыновей *(Быт., гл. 22, ст. 20—24)*. Дети эти, в свою очередь, расплодились. Один из них — Вафуил родил Лавана и Ревекку. Этой последней и предстояло в будущем стать, по милости божьей, госпожой Исаак.

В одно прекрасное утро старый Авраам призвал к себе старейшего из слуг своих, который был в то же время главным управляющим всем его имуществом. Книга «Бытие» только раз называет его по имени — Елиезером, а в дальнейшем именует просто «рабом». Вот что сказал Авраам «рабу»: «положи руку твою под стегно (бедро, ляжка.— *В. Ш.)* мое, и клянись мне господом, богом неба и богом земли, что ты не возьмешь сыну моему (Исааку) жены из дочерей хананеев, среди которых я живу. Но пойдешь в землю мою, на родину мою (и к племени моему), и возьмешь (оттуда) жену сыну моему Исааку» *(Быт., гл. 24, ст. 2—4)*.

Комментаторы-скептики немало развлекались этим обрядом присяги. Дело в том, что древнееврейский текст этой части Библии говорит прямо: «возьми в руку свою мои половые органы». Ученые-этнографы объясняют это тем, что мужские половые органы были в большом уважении не

только вследствие обряда обрезания, связывавшего их с богом, но еще и потому, что они, как источник размножения рода человеческого и залог благословения божьего, являлись признаком силы, мощи. Сколь бы странным ни показался такой обряд присяги, нужно перед ним почтительно преклоняться, ибо никак нельзя сомневаться, что все это было продиктовано «святым духом».

Всякий раз, когда в современных изданиях Библии встречается слово «стегно», его нужно понимать иносказательно. Так, например, читая о том, что один из вождей вышел из «стегна» или колена Иуды, мы констатируем здесь намеренное искажение текста, ибо дети рождаются не от «стегна». А кроме того, как мы неоднократно наблюдали, «божественный голубь» никогда не стесняется называть вещи их настоящими, хотя бы и самыми крепкими именами.

«И положил раб руку свою под стегно (буквально: «взял в свои руки половые части») Авраама, господина своего, и клялся ему в сем» *(Быт., гл. 24, ст. 9)*.

После этого, взяв десять верблюдов, он отправился в Месопотамию. Не близко! [1]

Когда Елиезер очутился уже недалеко от города, в котором рассчитывал найти родственников своего господина, он был изнурен усталостью и жаждой. К счастью, он повстречал хорошенькую брюнетку, которая направлялась к колодцу за городскими воротами. Эта любезная молодая особа пришла на помощь Елиезеру и напоила его и его верблюдов. Здесь наступила наша очередь умиляться промыслом божиим: брюнеточка эта и была Ревекка, дочь Вафуила, внучка Авраама. Подарив ей золотую серьгу и два браслета, Елиезер осведомился, с кем он «имеет честь» говорить. То-то была картина! Ревекка увела его домой и познакомила с отцом и братьями. Управляющий Авраама объяснил им, что он совершил свое длинное путешествие с целью найти в Месопотамии супругу для Исаака. Конечно, Вафуил и Лаван воскликнули:

— Перст божий виден здесь! Пусть Ревекка поскорей отправится с тобой и станет женой сына твоего хозяина.

Елиезер, обрадованный быстрым и легким своим успехом, забросал Ревекку золотыми кольцами и пышными одеждами; он сделал также подарки ее братьям и матери. Мать девушки хотела было отсрочить отъезд дней на десять, но Ревекка заявила, что ей некогда и что она желает как можно скорее быть у своего незнакомого жениха.

Трудно, конечно, допустить, что у Елиезера была с собой фотографическая карточка молодого Исаака. Тем не менее Ревекка молниеносно влюбилась в него по уши. Со своей стороны Исаак, хотя и не знал, что за жену приведет ему Елиезер, да и вообще не знал, приведет ли он ему жену, был влюблен, влюблен безумно: он проводил все свои дни и ночи на большой дороге в ожидании каравана. Можно себе представить его радость, когда в одно прекрасное утро Елиезер возвратился, и не с пустыми руками. Управляющий отдал полный отчет в своих действиях, а молодые люди бросились в объятия друг другу.

«И ввел ее Исаак в шатер Сарры, матери своей; и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в *печали* по (Сарре,) матери своей» *(Быт., гл. 24, ст. 67)*.

В первое время все усердие и все усилия святого Исаака пропадали даром: ему никак не удавалось сделаться отцом так быстро, как бы он хотел. Этого было довольно для того, чтобы книга «Бытие» обвинила Ревекку в бесплодии. Всегда здесь женщины виноваты!

«И молился Исаак господу о (Ревекке) жене своей, потому что она была неплодна; и господь услышал его, и зачала Ревекка, жена его» *(Быт., гл. 25, ст. 21)*.

Между нами говоря, бог, по-видимому, просто ломался, ибо обещал же ведь он Аврааму неисчислимое потомство? И не само ли провидение избрало Ревекку в жены сыну Авраамову? Тогда не мог же бог, не нарушив слова своего, дать Исааку бесплодную жену. Ясно, что если он «заключил чрево» и этой несчастной, то, очевидно, только для того, чтобы впоследствии иметь удовольствие повозиться над раскрытием его, предварительно заставив немного помучиться и наследника своего возлюбленного альфонса — Авраама.

Но дело все-таки обошлось не без осложнений:

«Сыновья в утробе ее стали биться, и она сказала: если так будет, то для чего мне это? И пошла вопросить господа» *(Быт., гл. 25, ст. 22)*.

«Священный» автор забыл указать, куда именно отправилась Ревекка беседовать с господом. «Святая святых», отделение храма, подобное алтарю христианских церквей, еще не была изобретена. До сих пор бывало так, что бог появлялся там, где хотел и когда хотел. Земных отделений его небесной конторы на земле не было. Тем не менее

Ревекка сумела вопросить бога, и он не преминул разъяснить: «два племени во чреве твоем, и два различных народа произойдут из утробы твоей; один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему» *(Быт., гл. 25, ст. 23)*.

Наконец наступили роды. Ревекка, конечно, испытала боли в наказание за обжорство Евы.

«И вот близнецы в утробе ее. Первый вышел красный, весь, как кожа, косматый; и нарекли ему имя: Исав. Потом вышел брат его, держась рукою своею за пяту Исава; и наречено ему имя: Иаков. Исаак же был шестидесяти лет, когда они родились» *(Быт., гл. 25, ст. 24—26)*.

Очень редко случается, чтобы ребенок, рождаясь, держался бы рукой за пятку другого. Так редко, что это пока единственный известный доселе случай. Но если такие вещи никогда и нигде больше не происходили, то не надо заключать отсюда, что они и не могли происходить тогда. Но эти причуды господа бога ничто по сравнению с чудесами, с которыми мы еще встретимся в дальнейшем.

Исава объявили старшим. Известно, что в некоторых сложных юридических вопросах вопрос о первородстве разрешался в пользу того из близнецов, который появился на свет вторым. В пользу этого решения приводят довод: зачатый первым должен, естественно, занять более отдаленное место в материнской утробе. Следовательно, надо было признать Иакова старшим. Но эти дети так дрались в утробе матери, что, вероятно, не раз меняли свои места! Никому в голову не пришло разрешить вопрос о первородстве жребием. Нашли, что гораздо проще признать первым того, кто первым увидел свет. Впрочем, Иаков вскоре отбил первородство у Исава.

«Дети выросли, и стал Исав человеком, искусным в звероловстве, человеком полей; а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах.

Исаак любил Исава, потому что дичь его была по вкусу его; а Ревекка любила Иакова.

И сварил Иаков кушанье; а Исав пришел с поля усталый.

И сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого; ибо я устал. От сего дано ему прозвание: Едом.

Но Иаков сказал (Исаву): продай мне теперь же свое первородство.

Исав сказал: вот, я умираю: что мне в этом первородстве?

Иаков сказал (ему): поклянись мне теперь же. Он поклялся ему, и продал (Исав) первородство свое Иакову.

И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы: и он ел и пил, и встал и пошел; и пренебрег Исав первородство» *(Быт., гл. 25, ст. 27—34)*.

Мы не остановимся на странности подобного рода спора в эпоху, когда не было права первородства: лишь гораздо позже «бог приказал», чтобы старший сын получал двойную долю наследства. Но необходимо отметить, до какой степени мерзко поведение Иакова: согласно «священному» тексту, Исав умирал от голода и Иаков просто-напросто злоупотреблял тяжелым состоянием своего брата. Этому нет никаких оправданий. Впрочем, самое имя Иаков значит «тот, который запнул». Он, по-видимому, вполне заслужил свое имя, ибо, как мы видим, он действительно запнул Исава. Он не довольствовался тем, что так дорого продал свою чечевицу: как разбойник, вымогающий выкуп у своей жертвы, он вымогает у своего родного брата клятву в отречении от своих прав; он разоряет его за миску похлебки. Но это еще не единственное зло, которое он ему причинит. И вот этот торг, в результате которого так цинично обманут голодный, эта сделка, ничтожная сама по себе, это отречение, которое аннулировал бы любой суд, как полученное путем вымогательства, было утверждено господом богом, богом справедливости, покровителем слабых, мстителем за угнетенных. Он признал Иакова законным собственником пресловутых прав первородства, он утвердил разорение Исава.

Некоторое время спустя Исаак проявил себя достойным сыном Авраама — продолжателем «благочестивых традиций» избранного богом «праведника».

В стране вспыхнул голод, и Исаак отправился в Герар, где, как это ни странно, продолжал царствовать тот же Авимелех, которого Библия вдруг называет почему-то царем филистимским. Бог, очевидно, мог бы дать Исааку и его семье хлеба, но он предпочел дать ему только видение, во время которого угостил его речью, наподобие тех, какими неоднократно угощал Авраама: «умножу потомство твое, как звезды небесные; и дам потомству твоему все земли сии; благословятся в семени твоем все народы земные». Старая, одним словом, песня! «Исаак поселился в Гераре». И когда жители спросили его о Ревекке, он ответил: «это сестра моя».

«Но когда уже много времени он там прожил, Авимелех, царь филистимский, посмотрев в окно, увидел, что Исаак играет с Ревеккою, женою своею.

И призвал Авимелех Исаака, и сказал: вот, это жена твоя; как же ты сказал: «она сестра моя»? Исаак сказал ему: потому что я думал, не умереть бы мне ради ее.

Но Авимелех сказал (ему): что это ты сделал с нами? едва один из народа (моего) не совокупился с женою твоею, и ты ввел бы нас в грех.

И дал Авимелех повеление всему народу, сказав: кто прикоснется к сему человеку и к жене его, тот предан будет смерти» *(Быт., гл. 26, ст. 8—11)*.

Мы видим, что Авимелех не забыл чуда с «заключенными» чревами, хотя со времени приключения с Саррой прошло около восьмидесяти лет. Но довольно странно, что Библия, отмечая поклонение филистимлян своим богам, а не богу Авраама и Исаака, утверждает, однако, что их царь-язычник признает иудейского бога и божественность его заветов. Что за путаница? [2] «И сеял Исаак в земле той, и получил в тот год ячменя во сто крат: так благословил его господь» *(Быт., гл. 26, ст. 12)*.

Уже само по себе довольно сильно сказано, что Исаак мог сеять в стране, в которой не владел ни пядью земли. Но если вспомнить еще, что земля герарская — пустыня, в которой нет ничего, кроме песков и камней, то «чудо» представляется еще большим: урожай «сам сто» на песке! Самые плодородные земли мира редко дают даже тридцатикратный урожай. Исааку положительно везло! Библия говорит, что он быстро разбогател. При таких урожаях не мудрено!

Филистимляне позавидовали «святому праотцу» и забили камнями все колодцы, некогда вырытые Авраамом. Возникли ссоры, и Авимелех попросил его удалиться. Исаак ушел, поселился в долине и снова отрыл колодцы своего отца. Новые споры, новое появление бога, ободряющее Исаака; новый мирный договор с Авимелехом; большое пиршество. Читатель понимает, что мы избавляем его от нудных, хотя и «священных», конечно, подробностей.

Что касается Исава, то, будучи сорока лет, он «взял себе в жены Иегудифу, дочь Беэра хеттеянина, и Васемафу, дочь Елона хеттеянина» [3] *(Быт., гл. 26, ст. 34—35)*.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СВЯТОЙ ПРАОТЕЦ ИАКОВ И НЕЧЕСТИВЫЙ БРАТ ЕГО ИСАВ

огда Исаак состарился, и притупилось зрение глаз его, он призвал старшего сына своего Исава и сказал ему: сын мой! Тот сказал ему: вот я.

(Исаак) сказал: вот, я состарился; не знаю дня смерти моей;

Возьми теперь орудия твои, колчан твой и лук твой, пойди в поле, и налови мне дичи,

И приготовь мне кушанье, какое я люблю, и принеси мне есть, чтобы благословила тебя душа моя, прежде нежели я умру.

Ревекка слышала, когда Исаак говорил сыну своему Исаву. И пошел Исав в поле достать и принести дичи;

А Ревекка сказала (меньшему) сыну своему Иакову: вот, я слышала, как отец твой говорил брату твоему Исаву:

«Принеси мне дичи, и приготовь мне кушанье; я поем, и благословлю тебя пред лицем господним, пред смертью моею».

Теперь, сын мой, послушайся слов моих в том, что я прикажу тебе.

Пойди в *стадо*, и возьми мне оттуда два козленка (молодых) хороших; и я приготовлю из них отцу твоему кушанье, какое он любит.

А ты принесешь отцу твоему, и он поест, чтобы благословить тебя пред смертью своею.

Иаков сказал Ревекке, матери своей: Исав, брат мой, человек косматый, а я человек гладкий.

Может статься, ощупает меня отец мой; и я буду в глазах его обманщиком, и наведу на себя проклятие, а не благословение.

Мать его сказала ему: на мне пусть будет проклятие твое, сын мой; только послушайся слов моих, и пойди, принеси мне.

Он пошел, и взял, и принес матери своей; и мать его сделала кушанье, какое любил отец его.

И взяла Ревекка богатую одежду старшего сына своего Исава, бывшую у ней в доме, и одела (в нее) младшего сына своего Иакова;

А руки его и гладкую шею его обложила кожею козлят.

И дала кушанье и хлеб, которые она приготовила, в руки Иакову, сыну своему.

Он вошел к отцу своему и сказал: отец мой! Тот сказал: вот я; кто ты, сын мой?

Иаков сказал отцу своему: я Исав, первенец твой; я сделал, как ты сказал мне; встань, сядь, и поешь дичи моей, чтобы благословила меня душа твоя.

И сказал Исаак сыну своему: что так скоро нашел ты, сын мой? Он сказал: потому что господь бог твой послал мне навстречу.

И сказал Исаак Иакову: подойди (ко мне), я ощупаю тебя, сын мой, ты ли сын мой Исав, или нет?

Иаков подошел к Исааку, отцу своему; и он ощупал его, и сказал: голос, голос Иакова; а руки, руки Исавовы.

И не узнал его, потому что руки его были, как руки Исава, брата его, косматые; и благословил его.

И сказал: ты ли сын мой Исав? Он отвечал: я.

Исаак сказал: подай мне, я поем дичи сына моего, чтобы благословила тебя душа моя. *Иаков* подал ему, и он ел; принес ему и вина, и он пил.

Исаак, отец его, сказал ему: подойди (ко мне), поцелуй меня, сын мой.

Он подошел и поцеловал его. И ощутил *Исаак* запах от одежды его, и благословил его и сказал: вот, запах от сына моего, как запах от поля (полного), которое благословил господь.

Да даст тебе бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина.

Да послужат тебе народы, и да поклонятся тебе племена; будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей; проклинающие тебя — прокляты; благословляющие тебя — благословенны!» *(Быт., гл. 27, ст. 1—29).*

Все это стоит нескольких замечаний. Но посмотрим раньше конец поучительной истории.

«Как скоро совершил Исаак благословение над Иаковом (сыном своим), и как только вышел Иаков от лица Исаака, отца своего; Исав, брат его, пришел с ловли своей.

Приготовил и он кушанье, и принес отцу своему, и сказал отцу своему: встань, отец мой, и поешь дичи сына твоего, чтобы благословила меня душа твоя.

Исаак же, отец его, сказал ему: кто ты? Он сказал: я сын твой, первенец твой, Исав.

И вострепетал Исаак весьма великим трепетом, и сказал: кто ж это, который достал (мне) дичи и принес мне, и я ел от всего, прежде нежели ты пришел, и я благословил его? Он и будет благословен.

Исав, выслушав слова отца своего (Исаака), поднял громкий и весьма горький вопль, и сказал отцу своему: отец мой! благослови и меня.

Но он сказал (ему): брат твой пришел с хитростью и взял благословение твое.

И сказал (Исав): не потому ли дано ему имя: Иаков, что он запнул меня уже два раза? Он взял первородство мое, и вот, теперь взял благословение мое. И *еще* сказал (Исав отцу своему): неужели ты не оставил (и) мне благословения?

Исаак отвечал Исаву: вот, я поставил его господином над тобою, и всех братьев его отдал ему в рабы; одарил его хлебом и вином; что же я сделаю для тебя, сын мой?

Но Исав сказал отцу своему: неужели, отец мой, одно у тебя благословение? Благослови и меня, отец мой. И (как Исаак молчал,) возвысил Исав голос свой и заплакал.

И отвечал Исаак, отец его, и сказал ему: вот, от тука земли будет обитание твое, и от росы небесной свыше;

И ты будешь жить мечом твоим, и будешь служить брату твоему; будет же *время,* когда воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей» *(Быт., гл. 27, ст. 30—40).*

И больше ничего! Благословения Исав так и не получил.

Взываю к римскому папе и всем патриархам христианским: или эта история с Исааком, Ревеккой, Исавом и Иаковом — смешная ложь и «святой дух», вдохновитель Библии, мистифицирует верующих, подавая пример дурных шуток и показывая, что в вопросах религии наивным людям можно рассказывать все, что угодно; или же вся эта история верна, и тогда бог не больше, как простофиля, ибо его-то ничто не заставляло связать свои благословения с благословениями этого раззявы Исаака, которого Иаков так крепко надул. В обоих случаях свободомыслящим нечего стесняться: они могут сколько угодно насмехаться над богословами, над епископами, над папой, над патриархами, над

святыми, над пророками и даже над самим богом-отцом, который из всей этой компании является просто только слабоумным старикашкой.

Действительно, как явствует из «священного» текста, благословение Исаака не было обыкновенным отцовским благословением, то есть пожеланиями счастья, которые отец высказывает сыну; это был, наоборот, торжественный, формальный акт, влекущий точные и определенные последствия, подобно всякому религиозному и юридическому акту, имеющему нотариальную силу. Хотя благословение и было только устным, оно все же имело силу письменного документа в пользу того, на чью личность оно было призвано. И притом все это независимо от того, кто был этой личностью, ибо сила религиозного благословения не может быть ни аннулирована, ни взята обратно. «Священное писание» показывает нам Исаака глубоко расстроенным, когда он узнал, что оказался жертвой обмана. Он очень огорчен гнусным поступком Иакова, однако он не может исправить содеянное. Иаков украл и унес благословение, предназначенное Исаву,— тем хуже для Исава.

Мы видим здесь явно уголовный поступок. Какой угодно суд признал бы Иакова виновным в подлоге. Он был бы осужден, была бы осуждена и мать его Ревекка, которая была не только сообщницей, но и подстрекательницей преступления, совершенного с заранее обдуманным намерением.

С другой стороны, как бы ни был предосудителен и уголовно наказуем обман, раз он имел целью и последствием лишение Исава столь значительного блага, как благословение, обильное земными благами, рассмотрим, каким образом и почему Исаак так легко попался. Как так? Библия говорит, что старик узнал голос Иакова: он полон колебаний, он сомневается, он насторожился и, несмотря на все это, позволяет обмануть себя незатейливой бутафорией и гримом, как последний дурак. Он ожидает дичи, он любит дичь, дичь — его лакомство, и это одна из причин, почему он больше любит охотника Исава; и вот ему подают козлятину, и его язык, чувствительный ко вкусу дичи, не может отличить бараний окорок от крылышка фазана? Черт возьми, какая же повариха должна была быть эта Ревекка! Но не одно только чувство вкуса, по-видимому, внезапно расстроилось у старого Исаака; у него притупилось и обоняние, и осязание. Ревекка покрыла шкурой ягненка руки

и шею Иакова, но как бы ни был космат Исав, он не мог быть космат, как животное. Исаак не думает пощупать остальное тело: он слышит запах одежд Исава — и больше ничего. Однако он, в сущности, должен был слышать только запах шкуры свежеубитого животного.

Это о расслабленном Исааке.

Но как это бог связал свои нерушимые благословения со случайными, ошибочными благословениями Исаака, исторгнутыми путем обмана, который мог не раскрыть и не понять только самый последний слюнтяй? Бог предстает здесь перед нами рабом пустой формальности, не имеющей никакого значения, и это делает «всемогущего управителя всего мира» достойным товарищем расслабленного слюнтяя — старика Исаака.

Эти соображения применимы только при допущении вероятности всего эпизода. Но вся эта история есть голая выдумка, и поэтому церковь не должна преподносить нам для поклонения своего «голубя» как серьезного и солидного автора: или это пернатое лепечет, как впавший в детство попугай, или же это утка, которой место не в книге, и особенно не в «священной» книге, а на столбцах «весьма осведомленной» бульварной газетки. Мы лично склоняемся к этому последнему мнению.

Исав, обиженный (и было от чего!) тем, что новенькое и свеженькое благословение, обещанное ему, сияло на голове мерзавца, поклялся убить Иакова. Мать Ревекка, испугавшись, посоветовала Иакову навострить лыжи и убраться подобру-поздорову. Иаков, который был явно не из храбрых, не заставил ее повторять этот совет дважды. Ревекка предложила ему бежать к ее брату Лавану, а старый Исаак посоветовал ему воспользоваться этим случаем и жениться на одной из его кузин *(Быт., гл. 27, ст. 41—46, и гл. 28, ст. 1—5)*.

В то время как Иаков отправился в Месопотамию, Исав отправился в «страну Измаила» и женился на его дочери Махалафе; ему оказалось мало двух или трех первых жен.

И вот Иаков по пути в Харран.

«И пришел на *одно* место, и *остался* там ночевать, потому что зашло солнце. И взял *один* из камней того места, и положил себе изголовьем, и лег на том месте.

И увидел во сне: вот, лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, ангелы божии восходят и нисходят по ней.

И вот, господь стоит на ней и говорит: я господь, бог Авраама, отца твоего, и бог Исаака; (не бойся). Землю, на которой ты лежишь, я дам тебе и потомству твоему.

И будет потомство твое, как песок земной; и распространишься к морю, и к востоку, и к северу, и к полудню; и благословятся в тебе и в семени твоем все племена земные.

И вот, я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю; ибо я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что я сказал тебе.

Иаков пробудился от сна своего и сказал: истинно господь присутствует на месте сем; а я не знал!

И убоялся, и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом божий, это врата небесные.

И встал Иаков рано утром, и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником; и возлил елей на верх его.

И нарек (Иаков) имя месту тому: Вефиль (дом божий); а прежнее имя того города было: Луз.

И положил Иаков обет, сказав: если (господь) бог будет со мною, и сохранит меня в пути сем, в который я иду, и даст мне хлеб есть и одежду одеться.

И я в мире возвращусь в дом отца моего, и будет господь моим богом:

То этот камень, который я поставил памятником, будет (у меня) домом божиим; и из всего, что ты, боже, даруешь мне, я дам тебе десятую часть» *(Быт., гл. 28, ст. 11—22).*

Не станем оспаривать существование города Луза, или Вефиля; скажем только вскользь, что ни один географ никогда не слышал и никогда не упоминал о таком городе. Но чему, в самом деле, надо почтительно удивляться, так это практической смекалке этого замечательного Иакова: он надул своего старшего брата Исава, своего престарелого и слепого отца Исаака и рикошетом даже самого бога; но он не хочет также, чтобы этот последний как-нибудь обошел его, и потому ставит ему точные и ясные условия дальнейших взаимоотношений. Бог предков только что показал ему сногсшибательное зрелище: ангелов, занимающихся головоломными акробатическими упражнениями на лестнице, и в прекрасной, подкупающей речи пообещал ему золотые горы и воздушные замки. Первое чувство Иакова — страх, смешанный с почитанием; но он быстро успокаивается на мысли, что все это не больше, как сон.

И тогда он говорит богу своих предков: если дашь мне пищу и одежды, будешь моим богом и я буду тебе поклоняться. Эта мысль, очевидно, может быть изложена еще и так: «если ты мне ничего не дашь, так ты, брат, и сам шиш получишь». Он обещает десятину богу; он отдает ему рога, но при условии, если бог пошлет ему быка. В добрый час!

Критики сравнивают этот порыв Иакова с обычаями некоторых древних народов, которые с размаху бросали своих идолов в речку, когда те не давали вовремя дождя или не помогали в охоте. Я лично знавал одну старую богомолку, которая накладывала наказание на «святого» Иосифа, когда не выигрывала в лотерее. Она поворачивала его изображение лицом к стенке; эта добрая христианка была очень благочестива, но хитра и, вероятно, происходила по прямой линии от Иакова.

После этого приключения Иаков продолжал свой путь. Однажды в поле, у колодца, где пил скот, ему представился случай познакомиться с некоей смазливенькой пастушкой. Это как раз и оказалась его кузина Рахиль. Библия частенько повторяется, когда у авторов ее иссякает фантазия: Елиезер тоже благодаря вмешательству «провидения» встретил у колодца Ревекку, которой не знал, но которую разыскивал.

Рахиль, младшая дочь Лавана, проводила любезного кузена к своему отцу. Состоялось знакомство со всем почтенным семейством. Старшая дочь — Лия, говорит Библия, была «слаба глазами» и отнюдь не расшевелила сердца Иакова. Наоборот, Рахиль сразу произвела на него впечатление; она, как «изящно» описывает ее «богодухновенное» писание, была «красива станом и красива лицом». Иаков поделился своими впечатлениями с дядей Лаваном, и тот бросил ему несколько обнадеживающих слов. Но этот Лаван был не менее Иакова практичен. Он прямо сказал Иакову:

— Милый мой! Ты хочешь жениться на Рахили? Я ничего не имеют против, но ее нужно заслужить.

— Каким образом, дядя?

— Прослужи у меня домашним слугой семь лет, дабы я успел присмотреться, работящий ли ты парень и порядочный ли ты человек.

Сделка состоялась. В течение семи лет дядя испытывал племянника, сваливая на него все самые тяжелые домашние работы. Срок окончился. Настал день свадьбы. По еврейскому обычаю, невеста была закрыта густым покрывалом.

Иаков трепетал, как рыбка. Лаван, торжественный и важный, сам выполнил в этом деле все обязанности сотрудника отдела записи актов гражданского состояния, а также и раввина. Он объявил брак совершившимся, к великому удовлетворению Иакова. Церемония была в высшей степени торжественная. Здесь хорошо бы привести подлинный текст, продиктованный «святым духом»:

«Лаван созвал всех людей того места, и сделал пир.

Вечером же взял (Лаван) дочь свою Лию, и ввел ее к нему; и вошел к ней (Иаков).

И дал Лаван служанку свою Зелфу в служанки дочери своей Лии.

Утром же оказалось, что это Лия. И (Иаков) сказал Лавану: что это сделал ты со мною? не за Рахиль ли я служил у тебя? зачем ты обманул меня?

Лаван сказал: в нашем месте так не делают, чтобы младшую выдать прежде старшей;

Окончи неделю этой; потом дадим тебе и ту, за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет других.

Иаков так и сделал; и окончил неделю этой. И (Лаван) дал Рахиль, дочь свою, ему в жену.

И дал Лаван служанку свою Валлу в служанки дочери своей Рахили.

(Иаков) вошел и к Рахили, и любил Рахиль больше, нежели Лию; и служил у него еще семь лет других» *(Быт., гл. 29, ст. 22—30)*.

Итак, Иаков, обманувший отца и брата, сам был заслуженно обманут своим дядей. Правда, не совсем понятно, каким образом Иаков, который за семь лет жизни в доме мог достаточно хорошо изучить обеих своих кузин, и в особенности любимую, провел целую ночь с Лией, не подозревая обмана и думая, что с ним находится Рахиль. Но сомневаться во всем этом не следует: это же «священное писание»!

«Господь (бог) узрел, что Лия была нелюбима, и отверз утробу ее, а Рахиль была неплодна» *(Быт., гл. 29, ст. 31)*.

Это недурно! Но самое замечательное показывает Библия в четырех последующих стихах. Мы уже знаем, что Иаков выполнял свои супружеские обязанности по отношению к Лии всего только в течение первой недели после брака; и тем не менее Лия принесла ему одного за другим четырех сыновей: Рувима, Симеона, Левия и Иуду.

«И увидела Рахиль, что она не рождает детей Иакову, и позавидовала Рахиль сестре своей, и сказала Иакову: дай мне детей; а если не так, я умираю.

Иаков разгневался на Рахиль, и сказал (ей): разве я бог, который не дал тебе плода чрева?

Она сказала: вот служанка моя Валла; войди к ней; пусть она родит на колени мои, чтобы и я имела детей от нее.

И дала она Валлу, служанку свою, в жену ему; и вошел к ней Иаков.

Валла (служанка Рахилина) зачала, и родила Иакову сына.

И сказала Рахиль: судил мне бог, и услышал голос мой, и дал мне сына. Посему нарекла ему имя: Дан.

И еще зачала и родила Валла, служанка Рахилина, другого сына Иакову.

И сказала Рахиль: борьбою сильною боролась я с сестрою моею, и превозмогла. И нарекла ему имя: Неффалим.

Лия увидела, что перестала рождать, и взяла служанку свою Зелфу, и дала ее Иакову в жену, (и он вошел к ней).

И Зелфа, служанка Лиина, (зачала и) родила Иакову сына.

И сказала Лия: прибавилось. И нарекла ему имя: Гад.

И (еще зачала) Зелфа, служанка Лии, (и) родила другого сына Иакову.

И сказала Лия: к благу моему; ибо блаженною будут называть меня женщины. И нарекла ему имя: Асир» *(Быт., гл. 30, ст. 1—13).*

В каких комментариях нуждается этот великолепный и поучительный текст? Все ясно и без них!

Продолжение же еще более поучительно. Для того чтобы понять его, надо знать, что, согласно древним верованиям, распространенным кое-где еще и в наши дни, редьковидный корень мандрагоры помогает от полового бессилия. Этот ветвящийся корень легко поддается самым неприличным сравнениям. Этим пользовались шарлатаны всех времен для того, чтобы рекомендовать корень мандрагоры как талисман; из него приготовляли также и настойку, которая должна была служить напитком любви. И «святой дух» не упустил случая развлечься еще и по этому поводу. Он продиктовал автору книги «Бытие» новую небылицу, подкрепляющую верование в мнимые возбуждающие свойства мандрагоры.

«Рувим пошел во время жатвы пшеницы, и нашел мандрагоровые яблоки в поле, и принес их Лии, матери своей. И Рахиль сказала Лии (сестре своей): дай мне мандрагоров сына твоего.

Но (Лия) сказала ей: неужели мало тебе завладеть мужем моим, что ты домогаешься и мандрагоров сына моего? Рахиль сказала: так пусть он ляжет с тобою эту ночь, за мандрагоры сына твоего.

Иаков пришел с поля вечером, и Лия вышла ему навстречу, и сказала: войди ко мне (сегодня); ибо я купила тебя за мандрагоры сына моего. И лег он с нею в ту ночь.

И услышал бог Лию, и она зачала, и родила Иакову пятого сына.

И сказала Лия: бог дал возмездие мне за то, что я отдала служанку мою мужу моему. И нарекла ему имя Иссахар, (что значит «возмездие»)» *(Быт., гл. 30, ст. 14—18)*.

Не правда ли, как все это мило?!

Лия имела еще одного сына, названного Завулоном, и дочь Дину, хотя Библия не говорит, при каких обстоятельствах и благодаря чему Иаков вновь и вновь преодолевал отвращение, которое питал к этой своей жене. Что касается Рахили, то надо думать, что либо мандрагоры произвели свое действие, либо бог сам решил «раскрыть чрево ее»: она также зачала и родила сына Иосифа.

Не следует думать, что Иаков безропотно проглотил свои четырнадцать лет мытья посуды и натирки полов в доме господина Лавана: Библия рассказывает, что он долготерпеливо держал для Лавана камень за пазухой и наконец-таки отомстил дяде-тестю.

Прежде всего он пустил в ход одну из своих испытанных елейно-подлых штук: он выпросил у Лавана всех ягнят и козлят, которые родятся с крапинками и пятнами, на что Лаван согласился, твердо уверенный, что таких чудес придется долго ждать. Но он не учел свято-библейские хитрости своего возлюбленного зятя. Этот последний, как говорит «священное писание», взял ветки тополя, миндаля и явора, снял с них кору и положил прутья в водопойное корыто, «куда скот приходил пить, и где, приходя пить, зачинал пред прутьями» *(Быт., гл. 30, ст. 37—38)*. Результатом этого было то, что приплод в стадах Лавана рождался пестрый, с крапинами. Лаван от изумления не мог прийти в себя, но был вынужден, в силу данного слова, дарить Иакову весь этот необыкновенный приплод.

Мы считаем себя обязанными рекомендовать любителям полосатых овец этот крайне простой и безошибочный способ селекции. Чудодейственный рецепт, а также способ его употребления гарантированы маркой «священного голубя».

Не удовольствовавшись трюком, который лишил Лавана девяти десятых его стад, хитрый Иаков в одно прекрасное утро без предупреждения снялся и был таков. Он сбежал со своим молодым, но довольно уже многочисленным семейством. Жены Иакова одобрили его планы, а Рахиль, уходя из дому, даже стащила у отца своего всех его идолов.

Лаван в отчаянии. Он пускается в погоню за зятем и дочерьми и догоняет их. Несмотря на все свое красноречие, он не смог убедить Иакова вернуться. По крайней мере возврати мне идолов моих, говорит он, «зачем ты украл богов моих?» *(Быт., гл. 31, ст. 30)*. Иаков не понимает, что это значит. Он предлагает Лавану осмотреть его багаж. В то время когда отец осматривал чемоданы Лии, Рахиль сунула идолов под верблюжье седло, села на него и попросила извинения у отца за то, что не встала, говоря: «да не прогневается господин мой, что я не могу встать перед тобою, ибо у меня обыкновенное женское»[1]. Лаван искал, искал, но идолов так и не нашел. Наконец, после довольно бурной сцены, зять и тесть расстались, не забыв, однако, сложить кучу камней, дабы эти камни свидетельствовали об их взаимном соглашении впредь не вредить друг другу. Описание бегства Иакова, преследования его Лаваном и, наконец, мирного соглашения занимают всю тридцать первую главу.

Две следующие главы описывают путешествие Иакова, возвращающегося в землю Ханаанскую. Он встречает Исава, и между ними происходит трогательное примирение. Библия описывает новый трюк всевышнего. Это место стоит воспроизвести; рассказ о том, как бог, желая побить Иакова, сам получает нахлобучку, несмотря на свое всемогущество.

Муж Лии, Рахили, Зелфы и Валлы провел свой караван через поток Иавок вброд. Дело было ночью.

«И остался Иаков один. И боролся некто с ним, до появления зари;

И, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с ним.

И сказал (ему): отпусти меня; ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу тебя, пока не благословишь меня.

И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков.

И сказал (ему): отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с богом, и человеков одолевать будешь.

Спросил и Иаков, говоря: скажи (мне) имя твое. И он сказал: на что ты спрашиваешь о имени моем? (оно чудно.) И благословил его там.

И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл; ибо, *говорил он,* я видел бога лицем к лицу, и сохранилась душа моя.

И взошло солнце, когда он проходил Пенуэл; и хромал он на бедро свое» *(Быт., гл. 32, ст. 24—31)*.

Критики отмечают, что имя Израиль, данное богом Иакову, было именем одного из ангелов халдейской мифологии. Еврейская легенда говорит, что оно означает «сильный против бога». Образованный еврейский писатель Филон (I век н. э.) утверждает, что это имя халдейское, а не еврейское и означает оно «видящий бога». Как бы там ни было, нельзя читать это повествование без улыбки. Трудно допустить, чтобы в какой бы то ни было мифологии, кроме наиболее дикой, человек изображался достаточно сильным для того, чтобы задать трепку какому бы то ни было богу. А тут еще Иаков не только устоял, но и победил, несмотря на то что бог вывихнул ему бедро[2].

Перейдем к следующему благочестиво-назидательному приключению.

Читатель видел, что Лия родила шесть сыновей, а на седьмой раз родила дочь Дину. Мы знаем также точный счет времени, проведенного Иаковом в доме Лавана. Во время ссоры, происшедшей при побеге, он сказал своему тестю: «я служил тебе четырнадцать лет за двух дочерей твоих и шесть лет за скот твой» *(Быт., гл. 31, ст. 41)*. Первый его сын от Лии — Рувим мог родиться только на восьмой год. А если вспомнить, что Лия не рождала по крайней мере два года (на это время она одолжила Иакову свою служанку Зелфу), надо думать, что рождение Дины приходится на шестнадцатый год пребывания Иакова у Лавана. Следовательно, Дине было самое большее четыре года, когда Иаков покинул своего тестя. Это замечание необходимо потому, что Библия сейчас покажет нам, какую жестокую бурю страсти Дина вызвала в сердце одного

царского сына по прибытии в землю Ханаанскую, то есть сейчас же после знаменитой борьбы Иакова с богом и примирения с Исавом.

Иаков «благополучно пришел в город Сихем, который в земле Ханаанской, и расположился пред городом. И купил часть поля, на котором раскинул шатер свой, у сынов Еммора, отца Сихемова, за сто монет» *(Быт., гл. 33, ст. 18—19)*.

Этот Сихем и влюбился в четырехлетнюю Дину.

«Дина, дочь Лии, которую она родила Иакову, вышла посмотреть на дочерей земли той.

И увидел ее Сихем, сын Еммора евеянина, князя земли той и взял ее, и спал с нею и сделал ей насилие.

И прилепилась душа его к Дине, дочери Иакова, и он полюбил девицу, и говорил по сердцу девицы.

И сказал Сихем Еммору, отцу своему, говоря: возьми мне эту девицу в жену» *(Быт., гл. 34, ст. 1—4)*.

Царь Еммор отправился свататься к Иакову. Правду говоря, Сихему надо было бы извиниться за то, что он так круто взялся за дело. Но зато он решил исполнить все требования, какие поставит Иаков. Библия позволяет заключить, что Иаков был настроен мирно, но братья Дины и слышать не хотели о предложении Сихема покрыть грех браком.

«Сыновья же Иакова пришли с поля, и когда услышали, то огорчились мужи те, и воспылали гневом, потому что бесчестие сделал он Израилю, переспав с дочерью Иакова: а так не надлежало делать.

Еммор стал говорить им, и сказал: Сихем, сын мой, прилепился душею к дочери вашей; дайте же ее в жену ему.

Породнитесь с нами; отдавайте за нас дочерей ваших, а наших дочерей берите себе (за сыновей ваших).

И живите с нами; земля сия (пространна) пред вами, живите и промышляйте на ней, и приобретайте ее во владение.

Сихем же сказал отцу ее и братьям ее: только бы мне найти благоволение в очах ваших, я дам, что ни скажете мне.

Назначьте самое большое вено и дары; я дам, что ни скажете мне: только отдайте мне девицу в жену.

И отвечали сыновья Иакова Сихему и Еммору, отцу его, с лукавством; а говорили так потому, что он обесчестил Дину, сестру их;

И сказали им (Симеон и Левий, братья Дины, сыновья Лиины): не можем этого сделать, выдать сестру нашу

за человека, который не обрезан; ибо это бесчестно для нас.

Только на том условии мы согласимся с вами (и поселимся у вас), если вы будете как мы, чтобы и у вас весь мужеский пол был обрезан.

И будем отдавать за вас дочерей наших и брать за себя ваших дочерей, и будем жить с вами, и составим один народ.

А если не послушаетесь нас в том, чтобы обрезаться, то мы возьмем дочь нашу и удалимся.

И понравились слова сии Еммору и Сихему, сыну Еммору.

Юноша не умедлил исполнить это; потому что любил дочь Иакова. А он более всех уважаем был из дома отца своего» *(Быт., гл. 34, ст. 7—19)*.

После этого Еммор и его сын собрали свой народ и изложили сделанное им предложение. Союз с семейством Иакова был единодушно принят. В тот же день произошло генеральное обрезание всего мужского пола. Однако «на третий день, когда они были в болезни, два сына Иакова, Симеон и Левий, братья Динины, взяли каждый свой меч, и смело напали на город, и умертвили весь мужеский пол;

И самого Еммора и Сихема, сына его, убили мечом; и взяли Дину из дома Сихемова и вышли.

Сыновья Иакова пришли к убитым, и разграбили город за то, что обесчестили (Дину,) сестру их.

Они взяли мелкий и крупный скот их, и ослов их, и что ни было в городе, и что ни было в поле.

И все богатство их, и всех детей их, и жен их взяли в плен, и разграбили все, что было в (городе, и все, что было в) домах» *(Быт., гл. 34, ст. 25—29)*.

Все это, говоря не по-библейски, а по-человечески, ужасно подло. И сыновья, и люди Иакова повели себя в отношении к столь братски приютившему их народу, принявшему из дружбы даже обрезание, самый нелепый из их религиозных обрядов, как разбойники и негодяи. Ни один убийца никогда не был ни более вероломен, ни более подл, ни более кровожаден. Но ужас преступления смягчается неправдоподобностью и чудовищностью его. Здесь еще раз скептики усматривают мистификацию со стороны блаженного «голубя». Симеон и Левий, учинившие эту отвратительную бойню,— два мальчика, едва-едва вышедшие из

сопливого возраста: Симеон родился в девятый год жизни Иакова у Лавана, Левий на десятом году; следовательно, им было десять и одиннадцать лет, когда, согласно Библии, они одни изрубили мечами царя Еммора, князя Сихема и всех их подданных мужского пола. Впрочем, Симеон и Левий имели в своих жилах кровь человека, который сумел всыпать и самому всевышнему! Это были, вероятно, здоровенные парни. С таким закалом они могли сделать и больше.

Глава тридцать пятая книги «Бытие» повествует, что Иаков, внезапно огорчившись тем, что жены его были идолопоклонницами, и подумав, что это может принести ему несчастье, «сказал дому своему и всем бывшим с ним: бросьте богов чужих, находящихся у вас, и очиститесь, и перемените одежду вашу».

Сказано — сделано. Рахиль, Лия, Зелфа, Валла и другие отдали своих идолов Иакову, который закопал их под дубом в окрестностях только что разрушенного города. Бог Яхве, очарованный этим великолепным поступком, смутил разум жителей страны, и они не преследовали сынов Иаковлевых.

В этой главе мы еще раз имеем явление бога с разговором, но это все пережевывание старой скучной жвачки. Затем, уже весной, Иаков выбивается на большую дорогу, ведущую в Ефрафу. Здесь Рахиль родила и умерла от родов. «И когда выходила из нее душа, ибо она умирала, то нарекла ему имя: Бенони (сын моего страдания.— *Л. Таксиль*). Но Иаков назвал его Вениамин» (сын моего правого бедра.— *Л. Таксиль*).

Иаков похоронил свою дорогую Рахиль и положил на гробницу ее камень, который мусульмане показывают и доныне. А покуда Иаков оплакивал Рахиль, молодой Рувим, старший сын его от Лии, воспользовался удрученным состоянием отца и забрался к одной из жен патриарха: ему удалось соблазнить Валлу. Когда Иаков узнал, что его родной сын наставил ему рога, он закрыл глаза и не рассердился, по крайней мере не показал виду («и принял то с огорчением»). Наконец Иаков пришел в долину Мамрийскую и нашел там отца своего Исаака. Этот последний умер ста восьмидесяти лет от роду. Исав и Иаков похоронили его, кратко отмечает Библия.

Итак, Иаков стоял во главе большого семейства, да и Исав также. Глава тридцать шестая книги «Бытие» дает в высшей степени важные и требующие «глубокого изуче-

ния» богословами сведения о родословной этого последнего. Это громадный список самых неожиданных и неслыханных имен.

Критики отмечают в этой главе, равно как и в предыдущей, два стиха, которые еще и еще раз свидетельствуют, что первые пять книг Библии ни в коем случае нельзя приписывать авторству Моисея. Стих 19 главы тридцать пятой говорит: Рахиль «погребена на дороге в Ефрафу, то есть Вифлеем». Но город, о котором идет речь, не мог называться Ефрафой во времена Моисея: название это было дано городу некиим Халебом, который назвал так маленький заложенный им городок в честь жены его Ефрафы, а Халеб был современник Иисуса, преемника Моисеева. Следовательно, Моисею город Ефрафа не мог быть известен. Тем более не мог быть известен Моисею город Вифлеем, ибо это новое название города Ефрафы появилось еще несколько веков спустя.

Стих 31 тридцать шестой главы книги «Бытие» с очевидностью показывает полную лживость богословских утверждений об авторстве Моисея. Этот стих, перечисляя потомство Исава, отмечает: «вот цари, царствовавшие в земле Едома, прежде царствования царей у сынов израилевых». Вполне очевидно, что строки эти могли быть написаны лишь после хотя бы первого еврейского царя, то есть после Саула. Допустим, что в каком-нибудь документе было бы обнаружено такое место: «упомянутые князья управляли задолго до того, как Франция стала республикой». Никто, очевидно, не сомневался бы, что эта запись появилась во всяком случае после того, как во Франции была свергнута королевская власть.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА СВЯТОГО ИОСИФА «ПРЕКРАСНОГО»

Мы переходим теперь к истории Иосифа, начало которой изложено в главе тридцать седьмой книги «Бытие».

Любимым из детей Иакова был Иосиф, которому он подарил очень красивое платье. Иосиф оставил по себе благочестивую репутацию толкователя снов. Он очень рано ступил на этот путь: уже в семнадцать лет Иосиф изумлял этим своих родных. К несчастью для самого себя, он имел наивность толковать вслух свои собственные сны, а по этим снам всегда выходило, что судьба должна была возвеличить его и унизить его одиннадцать братьев. Однажды ему приснилось, что, когда в поле вязали снопы, его сноп поднялся и продолжал стоять, а снопы его братьев упали перед ним. Другой раз солнце, луна и одиннадцать звезд пришли во сне засвидетельствовать ему свое нижайшее почтение.

Эта мания Иосифа начала в конце концов злить братьев. И когда в одно прекрасное утро Иаков послал его к ним, в долину Дофан, где они пасли скот, девять его братьев задумали покончить с хвастуном. Рувим, однако, воспротивился убийству. Поэтому Иосифа только раздели и бросили на дно высохшего рва. В это время приблизился караван купцов. «Священный» автор, по библейскому обыкновению, путает, называя их вперемежку то измаильтянами, то мадианитянами, что далеко не одно и то же, но на этом мы не будем задерживаться. Иуда, почувствовав угрызения совести при мысли, что юноша может умереть от голода на дне колодца, предложил братьям совершить маленькую коммерческую сделку, предметом которой явился бы Иосиф: продать несносного болтуна в рабство. Это было бы сравнительно человеколюбиво и выгодно.

Идет! Измаильтяне, или мадианитяне, купили юношу за двадцать серебряных монет. Иосифа извлекли из колодца, и купцы, получив товар, увезли его с собой.

Рувим и Вениамин не участвовали в этой сделке. Вениамин по молодости лет сидел дома, а что касается Рувима, то он удалился от братьев — автор не говорит почему, — как только Иосиф был спущен в ров, и его не было во время заключения сделки с проезжими купцами. Рассказ позволяет даже заключить, что у Рувима было тайное намерение вызволить Иосифа из колодца и возвратить в отчий дом. Он был очень огорчен, найдя ров пустым. Он прибежал к братьям и сказал им: «отрока нет, а я, куда я денусь?» Но они, лицемерные и хитрые, как служители религии, уже успели оросить свежей козлиной кровью прекрасную разноцветную одежду брата и отправили ее к Иакову со словами: «мы это нашли; посмотри, сына ли твоего эта одежда или нет?»

Иаков воскликнул: «это одежда сына моего; хищный зверь съел его; верно, растерзан Иосиф». Старик был в отчаянии. Первоначально он порвал на себе одежды, а затем «возложил вретище на чресла свои, и оплакивал сына своего многие дни». В слезах он не переставал повторять: «с печалью сойду к сыну моему в преисподнюю» *(Быт., гл. 37, ст. 33—35)*.

А купцы увели Иосифа далеко в Египет и там продали его высокопоставленному царедворцу. «Священный» автор именует его так: «Потифар, царедворец фараона, начальник евнухов»[1]. А далее, в одной из следующих глав, «Бытие» сообщает, что у этого евнуха были жена и дочь.

Но не будем забегать вперед. Пока Иосиф жил в рабстве у Потифара, в семье Иуды, четвертого сына Иакова, разыгралась целая серия очень важных, благочестивых, религиозно-назидательных событий:

«В то время Иуда отошел от братьев своих, и поселился близ одного одолламитянина, которому имя: Хира. И увидел там Иуда дочь одного хананеянина, которому имя: Шуа; и взял ее, и вошел к ней» *(Быт., гл. 38, ст. 1—2)*.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сколько всевышний ни запрещал патриархам брать в жены идолопоклонниц, и в особенности проклятых хананеянок, патриархи упорно делают свое. Это никак не мешает им оставаться любимцами бога. Впоследствии христиане, принимая все глупости и гадости Библии, сделали для родословной Иисуса самый ошеломительный выбор: они наполнили перечень его предков язычниками и прелюбодеями[2].

«Она зачала, и родила сына; и он нарек ему имя: Ир.

И зачала опять, и родила сына; и нарекла ему имя: Онан.

И еще родила сына (третьего), и нарекла ему имя: Шела. Иуда был в Хезиве, когда она родила его.

И взял Иуда жену Иру, первенцу своему; имя ей Фамарь.

Ир, первенец Иудин, был неугоден пред очами господа, и умертвил его господь» *(Быт., гл. 38, ст. 3—7)*.

Богословы долго изощрялись в проницательности по поводу проступков Ира, о которых Библия и говорит так мало; принимая во внимание конец этой истории и памятуя, что бог хотел произвести от Иуды своего «мессию» Христа, богословы благочестиво предполагают, что он жил с женой своей... по содомскому образцу. Бог убил Ира, говорят они, потому что он действовал так, чтобы не иметь детей. Доказательство этому — в самом тексте «священного писания»: «неугоден перед очами господа». А это и есть то выражение, которым бог пользовался, изливая свой гнев на содомлян.

Как бы там ни было, Фамари не везло с мужьями. «И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семя брату твоему» *(Быт., гл. 38, ст. 8)*.

Согласно еврейскому обычаю, дети, родившиеся от этого общения, считались бы наследниками умершего, а не действительного отца.

«Онан знал, что семя будет не ему: и потому, когда входил к жене брата своего, изливал (семя) на землю, чтобы не дать семени брату своему. Зло было пред очами господа то, что он делал. И он умертвил и его» *(Быт., гл. 38, ст. 9—10)*.

Вот откуда взято и слово «онанизм». Основоположником этого полового извращения является один из библейских героев. Так говорит господь!

«И сказал Иуда Фамари, невестке своей (по смерти двух сыновей своих): живи вдовою в доме отца твоего, пока подрастет Шела, сын мой. Ибо он сказал (в уме своем): не умер бы и он подобно братьям его. Фамарь пошла, и стала жить в доме отца своего.

Прошло много времени, и умерла дочь Шуи, жена Иудина. Иуда, утешившись, пошел в Фамну к стригущим скот его, сам и Хира, друг его, одолламитянин.

И уведомили Фамарь, говоря: вот, свекор твой идет в Фамну, стричь скот свой.

И сняла она с себя одежду вдовства своего, покрыла себя покрывалом, и, закрывшись, села у ворот Енаима, что на дороге в Фамну. Ибо видела, что Шела вырос, и она не дана ему в жену.

И увидел ее Иуда и почел ее за блудницу, потому что она закрыла лице свое. (И не узнал ее.)

Он поворотил к ней, и сказал: войду я к тебе. Ибо не знал, что это невестка его. Она сказала: что ты дашь мне, если войдешь ко мне?

Он сказал: я пришлю тебе козленка из стада (моего). Она сказала: дашь ли ты мне залог, пока пришлешь?

Он сказал: какой дать тебе залог? Она сказала: печать твою, и перевязь твою, и трость твою, которая в руке твоей. И дал он ей, и вошел к ней; и она зачала от него.

И, встав, пошла, сняла с себя покрывало свое, и оделась в одежду вдовства своего.

Иуда же послал козленка чрез друга своего одолламитянина, чтобы взять залог из руки женщины; но он не нашел ее.

И спросил жителей того места, говоря: где блудница, *которая была* в Енаиме при дороге? Но они сказали: здесь не было блудницы.

И возвратился он к Иуде, и сказал: я не нашел ее; да и жители места того сказали: «здесь не было блудницы».

Иуда сказал: пусть она возьмет себе, чтобы только не стали над нами смеяться: вот, я посылал этого козленка; но ты не нашел ее.

Прошло около трех месяцев, и сказали Иуде, говоря: Фамарь, невестка твоя, впала в блуд, и вот, она беременна от блуда. Иуда сказал: выведите ее, и пусть она будет сожжена.

Но когда повели ее, она послала сказать свекру своему: я беременна от того, чьи эти вещи. И сказала: узнавай, чья эта печать и перевязь и трость.

Иуда узнал, и сказал: она правее меня, потому что я не дал ее Шеле, сыну моему. И не познавал ее более.

Во время родов ее оказалось, что близнецы в утробе ее.

И во время родов ее показалась рука (одного); и взяла повивальная бабка и навязала ему на руку красную нить, сказав: этот вышел первый.

Но он возвратил руку свою; и вот, вышел брат его. И она сказала: как ты расторг себе преграду? И наречено ему имя: Фарес.

Потом вышел брат его с красной нитью на руке. И наречено ему имя: Зара» *(Быт., гл. 38, ст. 11—30)*.

Нас нельзя обвинить в том, чтобы, под предлогом изложения сути какого-нибудь события, мы ограничивались бы кратким пересказом, искажающим «святой» текст. Наоборот, найдется, вероятно, немало читателей, которые скажут, что было бы лучше рассказать эпизод вкратце, в его существенных чертах, но зато более широко развить критику. Однако, принимая во внимание самый характер произведения, являющегося предметом настоящего разбора, мы полагаем, что краткое резюме имеет свой смысл лишь тогда, когда речь идет об эпизодах, подробности которых не имеют большого значения. Когда же «священное писание» приводит случаи вроде приключения Фамари, совершенно необходимо цитировать его без изъятия. Сам «святой дух» диктовал все это. И нужно побольше света для того, чтобы выявить все перлы «священного» текста. Критика не может предоставить богословам возможности внушать читателям, что их обманывают, искажая «священное писание».

Все гадости истории с Фамарью составляют неотъемлемую часть «святой» книги, и церковь не отвергает их, несмотря на всю их отвратительную невероятность и грязь.

В конце концов очень странно, что Фамарь, которой так не везло с первыми двумя мужьями, захотела бы принадлежать их отцу только за то, что он забыл ее отдать своему третьему сыну, как обещал. «Она надевает покрывало для того, чтобы быть похожей на блудницу,— говорит Вольтер,— но, напротив, именно покрывало было всегда одеждой порядочных женщин. Верно, что в больших городах, где разврат весьма распространен, проститутки поджидают прохожих на улицах, как это делается в Лондоне, в Париже, в Венеции, в Риме; но совершенно невероятно, чтобы в жалкой и бедной стране ханаанской блудницы поджидали проезжих на перекрестках двух дорог. Очень странно, кроме того, чтобы патриарх пошел на амурное приключение с блудницей среди бела дня, на большой дороге, рискуя быть увиденным всеми прохожими. И наконец, совершенно уж невероятно, чтобы Иуда, чужеземец в Ханаане, не имеющий там ни малейшей собственности, посмел приказать сжечь свою невестку за то, что она в интересном положении, и чтобы тотчас же, по его велению, был воздвигнут костер, как будто бы он судья и хозяин этой земли».

После истории с Фамарью Библия возвращается к Иосифу. Мы встречаемся здесь с эпизодом, поразительно похожим на историю Тезея, Федры и Ипполита. «Священный» автор сообщает, что Потифар, богатый евнух и царедворец, купивший Иосифа, был женат и что хотя он и не поклонялся богу Иосифа, но не преминул признать, что этот бог помогал его рабу во всех его делах: «и увидел господин его, что господь с ним, и что всему, что он делает, господь в руках его дает успех» *(Быт., гл. 39, ст. 3)*.

Это наблюдение не заставило еще царедворца перейти в еврейскую веру, но «оставил он все, что имел, в руках Иосифа; и не знал при нем ничего, кроме хлеба, который он ел. Иосиф же был красив станом и красив лицем.

И обратила взоры на Иосифа жена господина его, и сказала: спи со мною.

Но он отказался, и сказал жене господина своего: вот, господин мой не знает при мне ничего в доме, и все, что имеет, отдал в мои руки;

Нет больше меня в доме сем; и он не запретил мне ничего, кроме тебя, потому что ты жена ему; как же сделаю я сие великое зло и согрешу пред богом?

Когда так она ежедневно говорила Иосифу, а он не слушался ее, чтобы спать с нею и быть с нею.

Случилось в один день, что он вошел в дом сделать дело свое, а никого из домашних тут в доме не было.

Она схватила его за одежду его и сказала: ложись со мной. Но он, оставив одежду свою в руках ее, побежал, и выбежал вон» *(Быт., гл. 39, ст. 6—12)*.

По возвращении Потифара жена рассказала ему всю историю шиворот-навыворот: «раб еврей, которого ты привел к нам, приходил ко мне ругаться надо мною (и говорил мне: «я лягу с тобою»); но, когда (услышал, что) я подняла вопль и закричала, он оставил у меня одежду свою и убежал вон» *(Быт., гл. 39, ст. 17—18)*.

Потифар, узнав о мнимом покушении, пришел в такую ярость, что, не желая выслушивать никаких объяснений Иосифа, тотчас же приказал бросить его в темницу, где царь содержал своих заключенных. Но — о святая воля божия! — случилось, что начальник тюрьмы полюбил раба-еврея. Он вскоре смягчил судьбу Иосифа, назначив его начальником над остальными заключенными, так что в тюрьме ничего не делалось без ведома Иосифа.

Позже, спустя некоторое время, которого «священный» автор в точности не определяет, хлебодар и виночерпий царя впали в немилость и сделались товарищами Иосифа по заключению. В одно прекрасное утро, найдя их грустными, Иосиф спросил у них, что их тяготит. Они ответили: «нам виделись сны; а истолковать их некому. Иосиф сказал им: не от бога ли толкование? расскажите мне.

И рассказал главный виночерпий Иосифу сон свой, и сказал ему: мне снилось, вот виноградная лоза предо мною;

На лозе три ветви; она развилась, показался на ней цвет, выросли и созрели на ней ягоды.

И чаша фараонова в руке у меня; я взял ягод, выжал их в чашу фараонову, и подал чашу в руку фараону.

И сказал ему Иосиф: вот истолкование его: три ветви — это три дня.

Через три дня фараон вознесет главу твою, и возвратит тебя на место твое, и ты подашь чашу фараонову в руку его, по прежнему обыкновению, когда ты был у него виночерпием.

Вспомни же меня, когда хорошо тебе будет; и сделай мне благодеяние, и упомяни обо мне фараону, и выведи меня из этого дома.

Ибо я украден из земли евреев; а также и здесь ничего не сделал, за что бы бросить меня в темницу.

Главный хлебодар увидел, что истолкован он хорошо, и сказал Иосифу: мне также снилось: вот на голове у меня три корзины решетчатых;

В верхней корзине всякая пища фараонова, изделие пекаря; и птицы (небесные) клевали ее из корзины на голове моей.

И отвечал Иосиф, и сказал (ему): вот истолкование его: три корзины — это три дня.

Чрез три дня фараон снимет с тебя голову твою, и повесит тебя на дереве; и птицы (небесные) будут клевать плоть твою с тебя» *(Быт., гл. 40, ст. 8—19)*.

Предсказания Иосифа сбылись полностью, но счастливый виночерпий о нем не вспомнил.

Прошло два года; «царь египетский» также увидел сон, который страшно его заинтересовал. Ему приснилось, что он на берегу реки, откуда вышло семь тучных коров, а вслед за ними семь коров тощих, и тощие коровы съели тучных. Проснувшись, он заснул снова и видел семь прекрасных колосьев на одном стебле и семь других, высохших колосьев,

которые поглотили прежние. Фараон ломал голову над таинственным значением этого двойного сновидения. Он советовался со всеми мудрецами и волшебниками своей страны; общий ответ гласил, что царский сон столь же непонятен, сколь и необычен. Тогда виночерпий вспомнил о своем товарище по заключению. Он рассказал о нем фараону, и тот вызвал его к себе.

Иосиф запросто растолковал и эти сны: оба сна имеют одно значение. Семь тучных коров и семь полных колосьев означают семь годов изобилия; семь коров тощих и семь колосьев пустых означают семь лет бесплодия. И надо, чтобы царь избрал умного и ловкого человека, который управлял бы царством египетским, и назначил бы чиновников, обязанных хранить каждый год одну пятую от всего урожая. Совет понравился фараону и его министрам.

Царь сказал им: «Найдем ли мы такого, как он, человека, в котором был бы дух божий?» После этого, обратясь к Иосифу, он сказал: «Так как бог открыл тебе все сие, то нет столь разумного и мудрого, как ты». При этом он дал ему свой перстень, одел его в виссонные одежды, возложил ему на шею золотую цепь, велел везти его в своей колеснице и возглашать: «Преклоняйтесь». «И поставил его над всею землею египетскою» *(Быт., гл. 41, ст. 38, 39, 42, 43)*.

Это еще не все: по требованию царя Иосиф переменил имя и стал называться «Цафнаф-панеах». Потом фараон женил его, и вы никогда не угадаете, с кем «его величество» породнил Иосифа. Библия только что предоставила нам случай изумляться тому, что Потифар имел жену, хотя, как гласит подлинный древнееврейский текст, был евнухом. Но «голубь» снес нам еще одно яичко с сюрпризом: во время долгого заточения Иосифа этот евнух, имевший столь горячую супругу, переменил карьеру. В главах тридцать седьмой и традцать девятой мы видели его начальником телохранителей, в главе же сорок первой мы застанем его жрецом Илиопольским и отцом дочери. Значит, за это время госпожа Потифар стала матерью; это заставляет думать, что боги египтян тоже умели делать «чудеса». Когда имеешь дело со «священными» книгами какой угодно мифологии, надо быть готовым ко всему. Не будем удивляться тому, что сногсшибательная Библия больше уже не квалифицирует Потифара евнухом.

По-видимому, молитва святому Антонию дала ему возможность найти то, что он некогда потерял [3]. Это и помогло

Потифару, ставшему жрецом в особо священном египетском городе — Гелиополисе, в городе, посвященном богу Солнца, сделаться отцом восхитительной маленькой девочки, по имени Асенефа. Возрастая в годах и красе, малютка созрела как раз к тому времени, когда надо было женить премьер-министра «царства египетского» Иосифа. Она и стала госпожой Цафнах-панеах. Не знаешь, как и восторгаться мудрым правосудием фараона: добродетельный Иосиф жестоко пострадал от глупости Потифара и подлости его пылкой супруги. Нельзя было придумать более высокого, более справедливого удовлетворения чувств безвинно пострадавшего Иосифа, как женить его на их дочери.

Эта часть истории с Иосифом позволяет высказать коекакие соображения, подкрепляющие одну мысль, высказанную в начале этой книги. Мы уже заметили, что Библия употребляет слово «элохим» —«боги» в описании сотворения мира и во многих других случаях. Древние евреи поклонялись только одному богу, которого они называли Яхве, считая его выше всех богов. Этого высшего бога они не делят на три части, подобно христианам. Употребление же слова «боги» говорит о том, что евреи некогда признавали существование и других богов, кроме Яхве. Другие народы верили в своих собственных племенных богов. Евреи верили в сверхъестественную силу также и этих богов, отнюдь не видя в них чертей и иных «нечистых» духов. Но национальное самолюбие заставляло их утверждать, что Яхве был более могуществен, чем все прочие боги. Вот почему Библия показывает необычайную силу бога Иосифа.

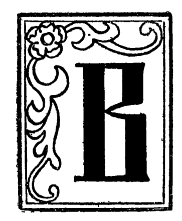
Потифар, виночерпий, фараон и его министры — словом, все египтяне, участвующие в деле, имеют веру, не сходную с верой Иосифа. Однако они не покидают своих богов ради того одного, что Иосиф, просвещенный богом Яхве, является более проницательным, чем египетские жрецы. Каждый остается при своей религии: вера одних не противоречит вере других. Иосиф остается верным Яхве, даже женясь на дочери языческого жреца, и душа в душу живет с Асенефой, хотя эта последняя вовсе и не переходит в еврейскую веру. С этой точки зрения настоящий эпизод в высшей степени многозначителен. Иосиф отнюдь не пользуется своей почти верховной властью, чтобы вербовать новых адептов для своей религии. С него довольно знать, что Яхве обладает сверхъестественным могуществом и гораздо более силен, чем все божества подведомственного ему народа.

Арабы и евреи имели общий источник легенд, из которого черпали «священные истории» своих религий. Раньше чем Библия была написана, в Палестине и в Аравии была уже известна чудесная история Иосифа. Время только изменило некоторые детали, но сама она сохранилась и у народов, вышедших из Аравии. Так, согласно Корану, Потифар не был евнухом, а Асенефа уже существовала, но была грудным младенцем, когда мать ее обвинила Иосифа в покушении на ее честь. Эта маленькая девочка показала себя очень рассудительной в самом раннем детстве. Однажды отец ее рассказывал о случае с его женой и Иосифом. Воспоминание об этом долго его терзало; он даже сохранил знаменитый плащ, который его жена сорвала с Иосифа и который несколько порвался во время борьбы. Один из слуг посоветовал Потифару спросить Асенефу, что она думает по поводу всего этого. Девочка, едва начинавшая говорить, сказала: «Послушай, отец мой! Если мать порвала одежду Иосифа спереди, то это доказательство, что Иосиф хотел взять ее силой, но если одежда порвана сзади, это значит, что моя мать бегала за Иосифом».

Библия и Коран единогласно признают, что Асенефа была примерной женой. В течение первых семи лет изобилия она родила Иосифу двух сыновей — Манассию и Ефрема. Затем наступило семь лет голода, но египтянам не пришлось страдать от него, потому что Иосиф предусмотрительно устроил житницы в разных местах страны и наполнил их хлебом в сытые годы. Египет оказался настолько богат в годину испытаний, что из разных других стран, также пораженных голодом, туда приезжали за хлебом.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

БЛАГОЧЕСТИВАЯ МЕСТЬ ИОСИФА

Все сыновья Иакова, за исключением Вениамина, по совету отца, отправились в Египет за хлебом. Библия с очаровательной наивностью дает понять, что Иосиф — управитель огромной египетской державы — лично участвовал в распределении припасов между караванами чужеземцев, прибывавших со всего лица земли. Каким образом премьер-министр мог удосужиться заниматься такими мелочами, Библия не говорит. Так или иначе Иосиф узнал своих братьев, но ими не был узнан. Он обошелся с ними довольно круто, а за все время их пребывания в стране не оказалось ни одного египтянина, который сказал бы им, что правитель и благодетель Египта, самый популярный государственный деятель в стране — их соотечественник. Он же сам не открылся им.

Сохраняя инкогнито, Иосиф, для начала, обвинил десять своих братьев в шпионаже. Те, конечно, отрицали.

— Нас было двенадцать братьев,— говорили они.— Один умер, одиннадцатый, младший, остался с отцом.

— Ладно, ладно,— возразил Иосиф.— Вы пришли сюда в качестве шпионов, чтобы выведать слабые места, через которые ваш народ мог бы хлынуть сюда и завладеть страной.

Не совсем понятно, каким образом еврейский народ, состоявший в ту пору из одной только семьи Иакова — ибо Исав, лишенный благословения, сделался главой идумеян,— мог бы завладеть Египтом, этим обширным, густонаселенным и могущественным государством, которое благодаря своим запасам хлеба было, как фантазируют библейские авторы, житницей всего мира. Но проследим продолжение речи Иосифа.

— Для того чтобы узнать, говорите ли вы правду,— сказал он,— я посажу вас всех в тюрьму, за исключением одного из вас, который отправится домой за младшим братом.

И он посадил их всех десятерых. Через три дня их снова привели к нему.

— Я раздумал,— сказал он.— Только один из вас останется здесь заложником, а остальные возвращайтесь домой.

Можете увезти и купленный хлеб. Но немедленно возвращайтесь с вашим младшим братом, иначе ваш заложник умрет в тюрьме.

Заложником он избрал Симеона. Он заковал его в присутствии остальных братьев, а их отпустил. Одновременно он приказал своим подчиненным положить незаметно в их мешки с хлебом деньги, которые они заплатили за хлеб. В пути один из братьев Иосифа, открыв мешок, чтобы накормить осла, с изумлением нашел там свои деньги; с остальными было то же самое, и их удивление перешло в трепет. Прибыв в Ханаан, они рассказали о происшествии Иакову. Сначала Иаков отказался расстаться с молодым Вениамином, но когда иссяк египетский хлеб, он поддался настояниям Иуды.

— Если необходимо, чтобы я отослал этого сына, поступайте, как знаете. Возьмите плодов, бальзама, меду, стираксы и ладану, фисташек и миндальных орехов, возьмите также вдвое больше денег, чем вы нашли в ваших мешках, ибо, вероятно, здесь был недосмотр, и передайте все это в дар тому человеку.

И вот они снова в Египте. Когда Иосиф увидел, что Вениамин с ними, он оказал им очень хороший прием, освободил Симеона и устроил в их честь пышное пиршество. Они захотели возвратить деньги за первые покупки, но Иосиф отказался, утверждая, что у него касса сходится.

— Это бог,— схитрил он,— положил деньги в ваши мешки.

Эта плоская сказочка изложена в сорок третьей главе книги «Бытие». При всей своей доброте и великодушии Иосиф был не чужд склонности к хитростям и мистификации. В то время когда его братья пировали и произносили тосты за здоровье великодушного министра, он приказал дворецкому тайком подкинуть его прекрасную серебряную чашу в вещи Вениамина. После этого им позволено было уехать. Но когда караван уже был достаточно далеко, Иосиф послал ему вдогонку отряд конной жандармерии в сопровождении своего дворецкого. Этот последний упрекнул одиннадцать евреев в том, что они отплатили злом за добро.

— Вы украли,— сказал он, — самую драгоценную чашу правителя, «на которой он гадает» *(Быт., гл. 44, ст. 5)*.

Это дает нам право предполагать, что «святой» Иосиф был изобретателем гадания на кофейной гуще.

Сыновья Иакова отвергают обвинение и указывают, что они совершенно не способны украсть кубок, раз они привезли обратно из Ханаана деньги, найденные ими в их мешках. Они соглашаются остаться рабами в Египте, если злосчастный кубок будет обнаружен у кого-либо из них, и даже предлагают предать виновного смерти. Производится повальный обыск. Можно вообразить изумление и ужас наших путешественников, когда кубок был обнаружен в вещах Вениамина. Ничего не поделаешь: преступление налицо!

Препровожденные обратно во дворец, братья Иосифа предались отчаянию. По счастью для них, Иосиф решил бросить шутки. Он открылся им и объявил, что прощает братьям все. Тогда наступило всеобщее неслыханное ликование. И не надо особенно напрягать свои мозги для того, чтобы представить себе, какое пиршество закатил министр по случаю счастливого исхода всего приключения.

Одна подробность любопытна во всем этом повествовании: Библия все время изображает Вениамина маленьким мальчиком: он как будто не рос или годы его не считались. Тем не менее, если возвратиться к истории его рождения, которое стоило жизни Рахили, станет ясным, что Вениамин был моложе Иосифа не больше чем на четыре или пять лет. Но Иосифу было семнадцать лет, когда братья продали его в рабство; эпизод с Фамарью, которая последовательно была женой двух сыновей Иуды, оставляет еще промежуток лет в двадцать пять. Иосифу, следовательно, было под пятьдесят, когда его братья нашли его в Египте [1]. Маленький Вениамин уже был далеко не маленьким. Но Библия обычно очень слаба в арифметике. Это ее самое больное место.

Библейский фараон был очень обрадован, когда узнал о встрече его премьера с братьями. Иосиф попросил их поскорее отправиться за Иаковом и всем его семейством, которое он намеревался поселить в Гесеме, по крайней мере на предстоящие пять лет голода. Царь одобрил эту мысль.

«И сказал фараон Иосифу: скажи братьям твоим: вот что сделайте: навьючьте скот ваш (хлебом), и ступайте в землю ханаанскую;

И возьмите отца вашего и семейства ваши, и придите ко мне; я дам вам лучшее (место) в земле египетской, и вы будете есть тук земли.

Тебе же повелеваю сказать им: сделайте сие: возьмите себе из земли египетской колесниц для детей ваших и для жен ваших, и привезите отца вашего и придите;

И не жалейте вещей ваших, ибо лучшее из всей земли египетской *дам* вам» *(Быт., гл. 45, ст. 17—20)*.

Нечего и говорить, какую радость испытал Иаков, узнав, что сын его жив, да еще как жив! При этом известии он лишился чувств. Придя в себя, он воскликнул: «Пойду и увижу его, пока не умру».

Нельзя не счесть несколько странным этого фараона, обещающего отдать чужестранцам все лучшее, что есть в Египте. Но, по крайней мере, никто не упрекнет его в неблагодарности по отношению к Иосифу.

И вот старик Иаков отправился в страну, где его любимый сын Иосиф был главным министром. Иосиф выехал навстречу Иакову в своей самой пышной колеснице, и они заключили друг друга в объятия, обливаясь слезами радости. Вся эта история так трогательна, что — не правда ли? — трудно сдержать слезы при чтении ее!

Дальше идет подсчет: «всех душ, пришедших с Иаковом в Египет, которые произошли из чресл его, кроме жен сынов Иаковлевых, всего шестьдесят шесть душ» *(Быт., гл. 46, ст. 26)*.

Запомните еще и это: Иосиф сказал братьям и всем своим родным: «если фараон призовет вас и скажет: «какое занятие ваше?», то вы скажите: «*мы,* рабы твои, скотоводами были от юности нашей доныне, и мы, и отцы наши», чтобы вас поселили в земле Гесем. Ибо мерзость для египтян всякий пастух овец» *(Быт., гл. 46, ст. 33—34)*.

А сам фараон сказал Иосифу: «отец твой и братья твои пришли к тебе. Земля египетская пред тобою; на лучшем месте земли посели отца твоего и братьев твоих; пусть живут они в земле Гесем. И если знаешь, что между ними есть способные люди, поставь их смотрителями над моим скотом» *(Быт., гл. 47, ст. 5—6)*.

Значит, у фараона есть скот? А далее мы увидим, что и у его народа есть немало скота. Откуда же Библия взяла, что египтяне так ненавидели скотоводов?

Иаков, представленный фараону, благословил царя; старику было тогда 130 лет. Иосиф отдал своему отцу и братьям лучшие участки земли и снабжал их продовольствием, ибо весь мир нуждался в хлебе, но более всего голод поразил будто бы Египет и Ханаан.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПРЕМУДРОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИОСИФА ЕГИПТОМ

Хотите ли знать, как Иосиф премудро управлял государством? Это очень благочестивая история.

«Иосиф собрал все серебро, какое было в земле египетской и в земле ханаанской, за хлеб, который покупали, и внес Иосиф серебро в дом фараонов.

И серебро истощилось в земле египетской и в земле ханаанской. Все египтяне пришли к Иосифу и говорили: дай нам хлеба; зачем нам умирать пред тобою, потому что серебро вышло у нас?

Иосиф сказал: пригоняйте скот ваш, и я буду давать вам (хлеб) за скот ваш, если серебро вышло у вас.

И пригоняли они к Иосифу скот свой; и давал им Иосиф хлеб за лошадей, и за стада мелкого скота, и за стада крупного скота, и за ослов; и снабжал их хлебом в тот год за весь скот их» *(Быт., гл. 47, ст. 14—17)*.

Обратите внимание, что действие происходит в третий год голода: засуха так сильна, что хлеб не растет вот уже третий год. Если земля отказывается давать хлеб, она, конечно, точно так же не дает и травы. Тогда чем же кормился весь этот скот, которого, по Библии, у египтян, «ненавидевших» скотоводство, и быть-то не должно?

Что еще более удивительно, так это то, что «священный» автор ни слова не говорит о периодических разливах Нила, на которых основывается сельское хозяйство Египта. Одного этого пропуска достаточно, чтобы признать чистейшим вымыслом всю историю «семи лет засухи»: все это квалифицируется как чистейшая беллетристика. Невозможно, чтобы Нил не разливался семь лет подряд. Это изменило бы всю внешность страны на вечные времена. Понадобилось бы для этого, чтобы верховья Нила, ежегодно обильно наполняющиеся водой тропических ливней, были отгорожены огромной плотиной. Но тогда вся Эфиопия обратилась бы в большое пустынное болото. Или же, если бы дожди, выпадающие ежегодно в жаркой полосе, прекратились бы на семь лет, экваториально-тропическая полоса Африки сдела-

лась бы необитаемой. Очевидно, что такого рода народное бедствие приняло бы размеры одной из тех катастроф, которые изменили бы многие места нашей планеты. Об этом были бы хоть какие-нибудь упоминания в истории египтян — народа гораздо более древнего, чем евреи, и имевшего подробнейшие записи своих событий.

«И прошел этот год; и пришли к нему на другой год, и сказали ему: не скроем от господина нашего, что серебро истощилось и стада скота нашего у господина нашего; ничего не осталось у нас пред господином нашим, кроме тел наших и земель наших.

Для чего нам погибать в глазах твоих, и нам и землям нашим? купи нас и земли наши за хлеб; и мы с землями нашими будем рабами фараону, а ты дай нам семян, чтобы нам быть живыми и не умереть, и чтобы не опустела земля.

И купил Иосиф всю землю египетскую для фараона, потому что продали египтяне каждый свое поле; ибо голод одолевал их. И досталась земля фараону.

И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого.

Только земли жрецов не купил (Иосиф), ибо жрецам от фараона положен был участок, и они питались своим участком, который дал им фараон; посему и не продали земли своей.

И сказал Иосиф народу: вот, я купил теперь для фараона вас и землю вашу; вот вам семена, и засевайте землю.

Когда будет жатва, давайте пятую часть фараону; а четыре части останутся вам на засеяние полей, на пропитание вам и тем, кто в домах ваших, и на пропитание детям вашим.

Они сказали: ты спас нам жизнь; да обретем милость в очах господина нашего, и да будем рабами фараону» *(Быт., гл. 47, ст. 18—25)*.

Такой способ управления страной должен был бы, собственно говоря, обеспечить за Иосифом славу жестокого мироеда, а не благодетеля, каким его изображает Библия. Если вся эта история верна и если народ действительно верил в благодеяния управителя Египта в первые годы голода, то впоследствии, когда эксплуатация, жертвой которой он сделался, дошла до изложенных только что приемов, его тупоумие не имело бы никаких оправданий.

В истории человечества нет примеров подобных действий государственного человека. Министр, который

поступил бы так в какой угодно стране, вызвал бы всеобщее возмущение и не избежал бы справедливого гнева народа.

К счастью, эта жестокая история есть просто глупая небылица. Слишком бессмысленно скупать весь скот в стране, когда земля не дает травы для его прокорма. А если бы могли что-нибудь давать пастбища, то могли бы давать и поля, — это неизбежно связано одно с другим. Почва Египта песчаная, и одни только разливы Нила могут способствовать произрастанию растительности. Если поверить, что в течение семи лет не было этих разливов, то должен был вымереть и весь скот. Больше того, в ту пору шел только четвертый год голода; какая же польза в том, чтобы выдавать народу семена, которые ничего не должны были приносить в течение еще трех лет подряд? Эти семь лет бесплодия — одна из самых невероятных небылиц, какие преподносит нам плутоватый «голубь» в книге «Бытие».

Замечательно также, какое почтение питает «священный» автор по отношению к египетским жрецам: их одних Иосиф удостаивает своего уважения, их земли свободны. Когда весь народ впал в рабство, они одни кормятся за счет голодающего народа. Но Библия содержит религиозные догматы, которые «представители бога на земле» вдалбливают в народное сознание. И в этом эпизоде Библия внушает народам почтение к личности жрецов всякого культа, всякой религии. Жрецы не должны есть друг друга. Рука руку моет!

«Голубь-утка» рассказывает дальше, что Иаков провел в Египте семнадцать лет и умер и что всего он прожил сто сорок семь лет. Целые две главы *(Быт., гл. 48 и 49)* посвящены благословениям, которые патриарх рассыпал с высоты своего смертного ложа. Он благословил всех своих двенадцать сыновей, собравшихся у одра его. Заметив в комнате двух незнакомцев, он спросил, кто это. Иосиф ответил, что это его сыновья. За семнадцать лет, которые патриарх прожил в стране, Иосиф не подумал представить ему свою семью!

Благословения, которые Иаков дал своим сыновьям, не лишены некоторых упреков и злопамятства. Так, Рувим, который наставил своему отцу рога, потерял в этот день свои права первородства.

«Рувим, первенец мой! ты — крепость моя и начаток силы моей, верх достоинства и верх могущества. Но ты

бушевал, как вода, не будешь преимуществовать. Ибо ты взошел на ложе отца твоего; ты осквернил постель мою, (на которую) взошел» *(Быт., гл. 49, ст. 3—4).*

В этот день старый Иаков еще раз обнаружил, что он был сторонником брака его маленькой Дины с князем Сихемом и что внутренне он осуждал резню, совершенную Симеоном и Левием, потому-то он не перенес на них прав старшинства, отнятого у Рувима, и, кроме того, строго осудил их насилия.

«Симеон и Левий братья, орудия жестокости мечи их. В совет их да не внидет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя. Ибо они во гневе своем убили мужа, и по прихоти своей перерезали жилы тельца. Проклят гнев их, ибо жесток; и ярость их, ибо свирепа; разделю их в Иакове, и рассею их в израиле» *(Быт., гл. 49, ст. 5—7).*

Богословы считают пророческими все слова, произнесенные Иаковом на смертном одре. Тем интереснее увидеть далее, что так называемые потомки Левия совсем не были неудачниками. Именно им было передано наследие Израиля со всеми выгодами и привилегиями.

Собственно говоря, предпочтение должно было быть отдано Иосифу, первенцу от возлюбленной Рахили, Иосифу, утехе старости Иакова, источнику радости его, источнику благополучия всего дома его. И оказалось как раз наоборот: избранником вышел Иуда. Иуда, подстрекнувший братьев продать Иосифа проезжим купцам, Иуда-кровосмеситель оказался ближе сердцу отцовскому, чем добродетельный Иосиф. Именно ему передал старик Иаков патриаршество, которое было частью его божественного наследия.

«Иуда! тебя восхвалят братья твои. Рука твоя на хребте врагов твоих; поклонятся тебе сыны отца твоего. Молодой лев Иуда, с добычи, сын мой, поднимается. Преклонился он, лег, как лев и как львица: кто поднимет его? Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет примиритель, и ему покорность народов. Он привязывает к виноградной лозе осленка своего, и к лозе лучшего винограда сына ослицы своей. Моет в вине одежду свою, и в крови гроздов одеяние свое. Блестящи очи (его) от вина, и белы зубы (его) от молока» *(Быт., гл. 49, ст. 8—12).*

Остальные получили довольно несложные благословения. Что касается Иосифа, то, хотя он и не наследовал Иакову в его звании патриарха, он все же получил несколько добрых слов:

«От бога отца твоего, *который* и да поможет тебе, и от всемогущего, который и да благословит тебя благословениями небесными свыше, благословениями бездны, лежащей долу, благословениями сосцов и утробы, благословениями отца твоего, которые превышают благословения гор древних и приятности холмов вечных. Да будут они на голове Иосифа и на темени избранного между братьями своими» *(Быт., гл. 49, ст. 25—26)*.

Наконец, Иаков заставил своих сыновей пообещать вынести прах его из Египта и похоронить его в пещере Махпела, в земле Ханаанской, рядом с Авраамом, Саррой, Исааком, Ревеккой и Лией. «И окончил Иаков завещание сыновьям своим, и положил ноги свои на постель, и скончался, и приложился к народу своему» *(Быт., гл. 49, ст. 33)*.

Патриарху-многоженцу были возданы необыкновенные почести: он был набальзамирован, перевезен в Ханаан и похоронен по первому разряду. Если верить главе пятидесятой, и последней, в книге «Бытие», египтяне носили по нем семидесятидневный траур.

Иосиф дожил до заката своего величия, поддерживая своих братьев и их многочисленные семейства. Он был окружен внуками и правнуками и умер ста десяти лет от роду. В христианстве он именуется «святым и праведным».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

НОВЫЙ ФАВОРИТ ГОСПОДА БОГА — «СВЯТОЙ БОГОВИДЕЦ» МОИСЕЙ

«Исход» — это книга, повествующая о бегстве евреев из Египта и о долгом скитании их по пескам Синайской пустыни; она дополняется книгами «Левит», «Числа» и «Второзаконие». Библия говорит, что путешествие евреев длилось сорок лет. Посмотрите на карту Аравии и Палестины. Евреи покинули Египет «пред Ваал-Цефоном» *(Исход, гл. 14, ст. 2, 9)*, который ныне называется Суэцем. В этом месте они будто бы перешли Красное море. Далее они прошли вдоль восточного берега Суэцкого залива и спустились до Рефидима, пройдя Синайский горный массив. В южной части Синайского полуострова они повернули на северо-восток, к Асирофу (ныне Айн-эль-Адра). Поднявшись отсюда на север, они обошли Мертвое море с востока и добрались, наконец, до Иерихона.

Весь этот путь не достигает тысячи километров. Хромому калеке не потребовалось бы и трех месяцев, чтобы пройти этот путь, если бы даже он как следует отдыхал в придорожных трактирах. Евреи же потратили сорок лет на это путешествие. Преклонимся и посмеемся над невероятной небылицей «божественной утки», которая подается священнослужителями к столу верующих христиан и евреев.

Верующие не раздумывают и без колебания глотают все. Если бы они только дали себе труд поразмыслить немного, прочитав книгу «Исход», они сочли бы, по меньшей мере, удивительным, что Моисей, называемый автором этой книги, который якобы был воспитан в Египте и прожил там много лет, не сказал в этой книге ни слова о памятниках, нравах, законах, религии, политике, истории этого славного государства, стоявшего в те давние времена на вершинах цивилизации. Египтяне, современники Моисея, стоят в первом ряду образованных народов древности. В эту эпоху процветали города Фивы и Мемфис, о существовании которых автор «Исхода», по-видимому, ничего не знает. Он

ничего не говорит об этих пышных и богатых городах, широко известных всем в его эпоху. Что касается правителей, царствовавших тогда в Египте, «священный» автор всех их одинаково называет фараонами, видимо не зная, что это отнюдь не имя. Словом «фараон» египтяне называли своих царей, как японцы называют своих властителей словом «микадо».

Говоря о различных царях египетских и приписывая им события, отделенные одно от другого целыми веками, Моисей, не находящий для всех их иного имени, чем «фараон», похож на псевдоисторика, который в своих небылицах, касающихся истории, например, России, говорил бы просто «его величество царь» и об Иоанне Грозном, и о Петре I, и о Николае I, не называя их по имени; такой историк был бы просто невеждой, который заставил бы всех смеяться. Как можно относиться серьезно к автору «Бытия» или «Исхода»? Он знает и точно перечисляет самых маленьких и ничтожных властителей, когда речь идет о царствах, канувших в небытие, не поддающихся проверке, а то и вовсе вымышленных, как Содом, Гоморра и Герар. Но когда дело касается действительно существовавшего и исторически важного государства, как Египет, его осведомленность становится настолько скромной, что он не решается сказать, назывался ли фараон, о котором он говорит, Тутмесом, Аменхотепом или Рамсесом. Он дает подробные сведения, когда его нельзя проверить, и говорит общие фразы, когда ему нужно избежать точности, могущей изобличить его голую фантазию.

Богословы, которые объявили «Пятикнижие» наивысшим проявлением истины, не предвидели открытий ученых-египтологов и спокойно устанавливали время существования всего мира на основании библейских сказок. Так, по римско-католическому счету, «сотворение мира» произошло за 4004 года до так называемого рождества Христова, а всемирный потоп — в 3296 году [1]. А между тем Мина, египетский военачальник, образовавший первую известную династию фараонов, уже объединил Египет в одно могучее царство за 3200 лет до начала христианского летосчисления.

Исторические памятники Египта приведены в ясность и расшифрованы, прочитана летопись веков, записанная на камнях храмов и обелисков, известна история великих фараонов, храмов, городов. «Исход» евреев из Египта, относимый богословами к началу XV века до н. э., должен был

произойти в царствование фараона Тутмоса III или Аменхотепа III. Но история этих царствований ни в какой мере не сходится с повествованиями книги «Исход». Эти могущественные властители подчиняли себе Эфиопию, Аравию, Месопотамию, Ханаан, Ниневию и остров Кипр. Их данниками были вавилоняне, финикияне, армяне. Успех их оружия далеко распространился в Западной Азии. Известен длинный список царей и народов, покоренных египетскими фараонами в то время. Никто из фараонов не погибал так бесславно, как фантазирует Библия.

Эти предварительные сведения помогут нам более сознательно проследить миф о Моисее.

Итак, 66 евреев весьма размножились в Египте, «и наполнилась ими земля та» *(Исход, гл. 1, ст. 7)*. Царствовавший в то библейское время фараон совершенно забыл о заслугах Иосифа перед Египтом. Он был очень жесток, этот фараон. (Мы будем называть его этим «именем», данным ему «священным» автором.) Он призвал двух еврейских акушерок — госпожу Шифру и госпожу Фуа, обслуживавших всех своих соотечественниц, и приказал им, принимая рождающихся еврейских мальчиков, умерщвлять их. Акушерки не подчинились приказу фараона, а когда он спросил их, почему они оставляли младенцев в живых, они отвечали: «еврейские женщины не так, как египетские; они здоровы, ибо прежде нежели придет к ним повивальная бабка, они уже рождают» *(Исход, гл. 1, ст. 19)*.

Тогда фараон издал приказ топить новорожденных еврейских мальчиков.

Не трудно представить себе, сколько отчаяния породил этот приказ в еврейских семьях. Выполнение его было тем более легко осуществимо, что несчастные потомки Иакова находились в рабском положении, лишенные какой бы то ни было защиты: жестокое обращение фараоновых чиновников лишало их обычных человеческих прав; они исполняли самые тяжелые работы *(Исход, гл. 1, ст. 11—14)*.

И вот одна еврейская мать из колена Левия умудрилась прятать своего новорожденного сына в течение трех месяцев. Не имея возможности скрывать его долее и опасаясь доноса, она взяла тростниковую корзинку, осмолила ее, положила в нее ребенка и поместила в камышах на берегу реки. Она приказала старшей сестре ребенка следить издали за корзинкой. В это время дочь фараона в сопровождении своих подруг пришла к Нилу купаться.

«Священный» автор забывает похвалить мужество молодой принцессы, и это весьма досадно: купание в Ниле, кишащем крокодилами, было со стороны молодой девушки подвигом, достойным преклонения читателя. Кроме того, двор фараона пребывал в Мемфисе (в среднем течении Нила), а от Мемфиса до «земли Гесем» (на северо-восток от Мемфиса), где жили евреи, расстояние больше 80 километров. Как бы там ни было, принцесса появилась очень кстати!

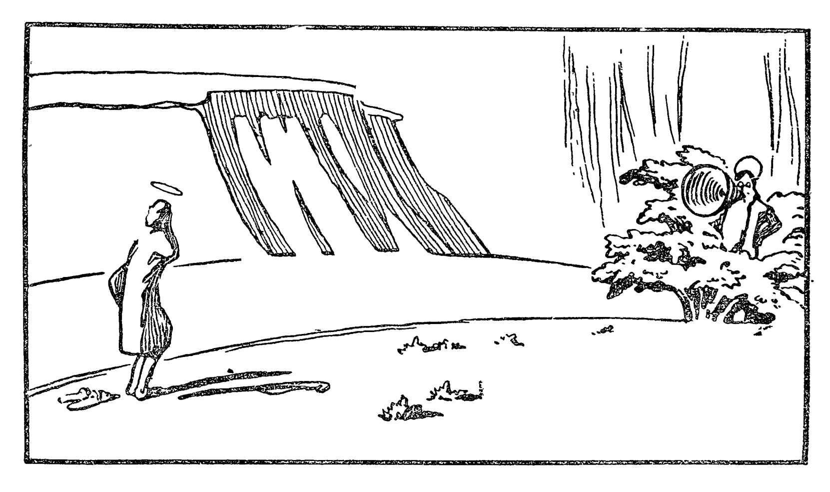
Так как ничто не делается помимо воли всеведущего бога, значит, именно с его согласия все маленькие евреи, утопленные в Ниле, были съедены крокодилами, а этого ребенка он спас ради своих дальнейших планов. Конечно, это сам бог послал дочь фараона купаться так далеко, предварительно внушив ей царское презрение к крокодилам и бегемотам. И случилось так, как было угодно «провидению»: принцесса нашла плавучую колыбель, была растрогана плачем ребенка и сразу же догадалась, что это маленький еврей. Подошла мать. Дочь фараона поручила ей кормить ребенка, обещав платить за это, и удалилась, счастливая сознанием своего благородства. Впоследствии, выкормив ребенка, мать принесла его принцессе. Последняя привязалась к нему, дала ему имя Моисей, что якобы значит «вынутый из воды», и так горячо хлопотала за него перед царем, что фараон, несмотря на свою жестокость, согласился воспитывать малыша при дворе.

Моисей восхищал царя, его дочь, придворных. Его несомненно ждала блестящая будущность. Но однажды, увидев, как египтянин бил еврея, Моисей убил египтянина. Пораздумав над возможными последствиями убийства, он решил скрыться в землю Мадиамскую. Эта страна находилась на юго-востоке Синайского полуострова. Ее не следует смешивать с другими двумя провинциями, носящими в Библии то же название. О них будет речь далее. Местонахождение этих провинций Библия относит также и к северу от моря Елатского (ныне залив Акаба) и к востоку от Мертвого моря. Эти «мадиамские земли» в Библии беспардонно перепутаны. Можно думать, что «святой дух» потерял географическую карту и полагался только на свою, явно очень слабую память, а главное — на наивную доверчивость верующих.

В Мадиаме № 1 Моисей познакомился с языческим жрецом по имени Иофор, отцом семи дочерей, из коих одна, прекрасная Сепфора, пленила сердце молодого беглеца.

Брак, продолжительный медовый месяц — и вот наш Моисей счастливый отец карапуза, которому дано имя Гирсам.

В это время из царствовавшего фараона сделали очередную мумию, но его наследник продолжал его жестокую политику по отношению к евреям и даже усилил тяготы их рабства. Тогда бог, который, подобно Моисею, забыл и думать о злосчастии евреев, внезапно вспомнил о союзе, который он заключил с Авраамом, Исааком и Иаковом.

«...и воззвал к нему бог из среды куста» *(Исход, гл 3, ст. 4).*

Жрец Иофор имел стадо и иногда поручал своему зятю пасти скот. Однажды Моисей зашел со своими стадами на гору Хорив, принадлежащую Синайскому плоскогорью, но еще довольно далекую от горы Синай. Вдруг перед ним вспыхнул придорожный куст, весь охваченный пламенем. Куст этот, однако, не сгорал. Моисей стоял, разинув рот. И «воззвал к нему бог из среды куста» *(Исход, гл. 3, ст. 4)* и приказал снять обувь. Моисей повиновался. Тогда бог объявил, что дает ему высокое поручение, а именно: направляет его к фараону, дабы предложить этому последнему освободить евреев и отпустить их из Египта, на что, впрочем, фараон согласится не раньше чем увидит чудеса, произведенные Моисеем. Ему предстоит также поднять дух своих соплеменников. Моисей спросил у видения, как оно называется. «Бог сказал Моисею: я есмь сущий (Иегова).

И сказал: так скажи сынам израилевым: сущий послал меня к вам» *(Исход, гл. 3, ст. 14)*.

Среди советов, касавшихся предстоящего отъезда из Египта, бог дал еще и следующий: «каждая женщина выпросит у соседки своей и у живущей в доме ее вещей серебряных и вещей золотых, и одежд; и вы нарядите ими и сыновей ваших и дочерей ваших, и оберете египтян» *(Исход, гл. 3, ст. 22)*.

А затем, когда Моисей высказал опасение, что просто на слово ему не поверят ни евреи, ни тем более фараон, бог тут же, не сходя с места, наделил его даром творить «чудеса». Посох, который зять Иофора держал в руке, обратился в змея и потом опять стал жезлом. Бог сказал еще: «положи руку себе за пазуху». Моисей повиновался, но когда вынул руку, то оказалось, что она побелела от проказы, как снег. После этого он еще раз, по приказу божьему, положил руку за пазуху и на сей раз вынул ее совершенно здоровой. Бог также научил Моисея обращать воду в кровь и кровь в воду.

У Моисея были колебания: он сказал богу, что его заикание помешает ему быть хорошим оратором и воодушевлять народ. Бог стал сердиться, но не излечил косноязычия Моисея, что было бы лучше, а дал ему в помощники Аарона, брата его. Заметим мимоходом, что Аарон, не скрываясь, жил в Египте, и совершенно неизвестно, каким образом мать спасла этого сына.

В результате переговоров с видением Моисей попрощался со своим тестем и ушел от него, взяв с собой жену и детей. «Дорогою на ночлеге случилось, что встретил его господь и хотел умертвить его. Тогда Сепфора, взяв каменный нож, обрезала крайнюю плоть сына своего и, бросив к ногам его, сказала: ты жених крови у меня» *(Исход, гл. 4, ст. 24—25)*.

Это обезоружило бога, и Моисей мог продолжать свой путь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

БЛАГОЧЕСТИВАЯ ИСТОРИЯ ДЕСЯТИ КАЗНЕЙ ЕГИПЕТСКИХ

Аарон, по-видимому уже предупрежденный богом, выехал навстречу Моисею, узнал от него подробности возложенной на них миссии, и тогда они вдвоем отправились к фараону. Царь, однако, не обратил никакого внимания на речи братьев; наоборот, гонения на евреев усилились.

Далее книга «Исход» рассказывает о том, как Аарон, вновь придя к фараону, бросил, по совету божьему, на землю свой жезл. Жезл превратился в змею. Однако египетские жрецы, созванные по этому поводу, также побросали свои жезлы наземь, и их жезлы тоже обратились в змей. Но змея Аарона пожрала змей придворных колдунов. Это чудо нисколько не расположило фараона дать свободу евреям.

На следующий день Аарон ударом своего жезла обратил воды Нила в кровь «перед глазами фараона». Библия прибавляет, что придворные волхвы сумели проделать то же самое. Рыба вымерла, египтяне стали копать колодцы вокруг Нила, чтобы найти питьевую воду, но безуспешно. «Священный» автор забывает объяснить, как доставали воду евреи.

Затем произошло нашествие жаб, но придворные колдуны, очевидно из тщеславия, проделали и этот фокус. Жабы покрыли землю египетскую. За жабами последовали мошки. Весь Египет был покрыт ими. Страна кишела затем песьими мухами. Придворные волхвы уже не сумели повторить «чудес» с мошками и с песьими мухами. И все-таки сердце фараона было твердо, как камень, и он не отпускал евреев *(Исход, гл. 8)*.

Пятая казнь состояла во внезапном поголовном падеже лошадей, ослов, верблюдов, быков и овец египтян. Но и это не действовало на фараона. Шестая казнь: Моисей и Аарон рассыпали немного пеплу перед фараоном, и тотчас же все египтяне покрылись язвами. Седьмая казнь: ураганы града и огня разрушили все посевы и всю растительность по всей

земле египетской, за исключением провинции Гесем, где жили евреи. Фараон после каждой казни соглашался отпустить евреев, но затем брал свое слово обратно *(Исход, гл. 9)*.

Восьмая казнь: тучи саранчи доели то, что осталось после града. (Трудно, однако, представить себе, что же осталось.) Раскаяние фараона — ветер уносит саранчу в Красное море. Фараон еще раз нарушает слово и снова не отпускает евреев. Девятая казнь: Египет погружен во тьму настолько густую, что ее можно ощупать рукой. Фараон решается отпустить Моисея и его соплеменников, но хочет удержать в свою пользу их стада, совершенно не пострадавшие от всего этого потока несчастий *(Исход, гл. 10)*.

Чтобы прекратить эту канитель, бог послал ангелов-истребителей с приказом перебить всех первенцев египетских. Но чтобы избежать возможных ошибок (по расписанию избиение должно было происходить ночью), в каждом еврейском доме ели ягненка и на дверях своих жилищ евреи сделали отметки его кровью. Так будто бы был установлен еврейский праздник пасхи. Надо полагать, что ангелы, проходившие в полночь по египетским городам, должны были иметь при себе шпаги для избиения младенцев и фонари для обследования дверей. Это не мы, а сама Библия так реально рисует ангелов. Как должен был смеяться прекрасный «голубь», диктуя эти глупости!

И вот «в полночь господь поразил всех первенцев в земле египетской, от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, находившегося в темнице, и все первородное из скота. И встал фараон ночью сам и все рабы его, и весь Египет; и сделался великий вопль (во всей земле) египетской» *(Исход, гл. 12, ст. 29—30)*.

Фараон послал за Моисеем и Аароном и стал их просить уйти поскорее из Египта со всем своим племенем.

«И сделали сыны израилевы по слову Моисея, и просили у египтян вещей серебряных и вещей золотых и одежд. Господь же дал милость народу (своему) в глазах египтян; и они давали ему, и обобрал он египтян» *(Исход, гл. 12, ст. 35—36)*.

Далее «Исход» повествует, что еврейские семьи, все продолжавшие со времен Иакова жить в Гесеме, собрались перед уходом в Раамсесе. Оттуда пошли к югу, в Сокхоф. Их

было около 600 000, только одних мужчин, «кроме детей». Значительная толпа «разноплеменных людей» присоединилась к ним. Было у них много и разного скота. Моисей не забыл захватить с собой и кости Иосифа.

Затем евреи добрались до Ваал-Цефона (Суэц), где остановились у моря. Место, указанное Библией, есть северная оконечность Суэцкого залива. Если бы и пришлось евреям перейти какую-нибудь воду, то это могла быть

«...господь поразил всех первенцев в земле египетской» *(Исход, гл. 12, ст. 29).*

только вода канала фараонов, соединявшего в те времена Нил со «страной горьких озер».

Когда Моисей и его соплеменники пустились в путь, фараон, обладавший поистине библейским, очень неустойчивым, умом, пожалел еще раз, что лишился таких прекрасных подданных, которые доставили ему столько горестей. «(Фараон) запряг колесницу свою, и народ свой взял с собою. И взял шестьсот колесниц отборных и все колесницы египетские, и начальников над всеми ими... И погнались за ними египтяне, и все кони с колесницами фараона, и всадники, и все войско его, и настигли их расположившихся у моря, при Пи-Гахирофе пред Ваал-Цефоном» *(Исход, гл. 14, ст. 6—7, 9).*

Спрашивается, откуда взялась эта конница и все эти колесницы, после того как пятая казнь истребила поголовно всех без исключения лошадей, ослов, верблюдов и быков Египта? Продолжая фантазировать, Библия сообщает, что Моисей быстро провел евреев через море как посуху: простым мановением жезла он разделил воду.

Фараон в своей библейской простоте подумал, что этот путь хорош и для него. Он вступил на «дно моря» со всей своей армией, но не тут-то было! Моисей еще раз ударил жезлом, и как раз в ту минуту, когда все египтяне были на середине моря. «И вода возвратилась и покрыла колесницы и всадников всего войска фараонова, вошедших за ними в море; не осталось ни одного из них» *(Исход, гл. 14, ст. 28)*.

Отметим, что фараон отправился в погоню за евреями не затем, чтобы их истребить, но с намерением вернуть их обратно. Евреи насчитывали 600 000 здоровых и вооруженных людей, а всего, если считать стариков, жен, сестер, детей да еще и присоединившихся к ним разноплеменных,— вероятно, не меньше 3 000 000 человек. Чтобы взять в плен такую массу народа, нужна армия еще более многочисленная. Фараон, надо думать, вел огромную армию. Правда, бог истребил уже по первенцу из каждой семьи, но ведь и младшие могли носить оружие. Как говорит Библия, массы народа последовали за своим царем. Не забудем, что перед уходом евреи обобрали египтян: вряд ли кто из обворованных колебался в погоне за ворами. Следует считать, что миллионы египтян утонули вместе со своим фараоном.

Но ни один египетский автор нигде ни одним словом не упоминает об этом ужасном бедствии, равно как и ни об одной из десяти казней, поразивших царство египетское. Некоторые богословы пытаются сослаться на национальное самолюбие. Пусть так! Ну, а другие народы мира? Как могло случиться, что и они никогда ничего не слыхали об этих ужасных событиях? А ведь этот гигантский потоп сразу раскрепостил 115 царей, плативших дань фараону Аменхотепу! Даже Геродот, которого зовут «отцом истории» и который приводит столько сведений из жизни прекрасно изученного им Египта, ни словом не обмолвился о трагической гибели огромной египетской армии.

Библия, не смущаясь явной вздорностью «чудесного исхода», сообщает, что потомки Иакова, радуясь и смеясь, едва

не надорвали животы. Мариам, сестра Моисея и Аарона, взяла тимпан и запела. Все женщины вслед за ней пустились в пляс от радости. Глава пятнадцатая сообщает также, что Моисей тут же, в походном порядке, сложил песню в честь бога, которую пел весь израиль.

Не забудем, что певцы и танцовщицы израиля представляли в общем группу численностью около 3 000 000 человек. Слова и музыка были разучены в одно мгновение. Хотелось бы побыть на этом концерте. Черт побери! Насколько же это было замечательно!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

СОРОКАЛЕТНЕЕ СТРАНСТВОВАНИЕ ЕВРЕЕВ В ПУСТЫНЕ ПО СЛОВУ БОЖИЮ

вот евреи странствуют по той части Аравии, которая покрыта камнями и булыжниками. Цель путешествия — Ханаан, все тот же старый Ханаан, который привлекал еще первых патриархов. Почему, наконец, не устроиться оседло, хотя бы теперь, когда собрались большой семьей? Ссылаясь на бога, Моисей уверил их, что земля эта отличается необыкновенным плодородием [1]. Трудно было только найти эту страну, ибо дорог не было, а компас еще не был изобретен. По счастью, небесное облако стало во главе еврейского народа и водило их днем и ночью: днем это был столб черного дыма, ночью — столб огня. «Священное писание» говорит, что сам бог скрывался в этих «столбах». Этот способ вождения по пустыне имел, конечно, много преимуществ, но влек за собой также и неудобства. Действительно, евреям очень часто, может быть, хотелось и отдохнуть, но нет: облако уходило. Что делать? Терять такого ценного проводника? А ведь облако руками не удержишь. Вот и извольте безостановочно шагать!

Этот старый шутник — бог нашел себе еще одно недурное развлечение. Вот что он придумал. Чтобы пройти от Суэца в Иерихон, божественному проводнику надо было направиться к северу, к берегам Средиземного моря. Но, вместо того чтобы пойти на север, бог повел евреев по южной стороне Синайского полуострова, точь-в-точь как если бы нужно было проводить человека из Москвы в Архангельск, а его усадили бы в поезд Москва — Харьков.

Но надо быть справедливыми: хотя бог и удлинил невероятно путь своего избранного народа, зато он дал ему кое-какие развлечения в пути. Так, из Ваал-Цефона он проводил евреев в западную часть пустыни Сур, где они бродили три дня, не найдя ни капли воды. В одном месте, названном Мерра, они были приятно удивлены журчанием обильного потока. Бросились пить, но, увы! вода оказалась горькой.

«И возроптал народ на Моисея, говоря: что нам пить?

(Моисей) возопил к господу, и господь показал ему дерево, и он бросил его в воду, и вода сделалась сладкою. Там *бог* дал *народу* устав и закон, и там испытывал его.

И сказал: если ты будешь слушаться гласа господа, бога твоего, и делать угодное пред очами его, и внимать заповедям его, и соблюдать все уставы его: то не наведу на тебя ни одной из болезней, которые навел я на Египет; ибо я господь (бог твой), целитель твой.

И пришли в Елим; там *было* двенадцать источников воды и семьдесят финиковых дерев, и расположились там станом при водах» *(Исход, гл. 15, ст. 24—27)*.

Чтобы приютить «небольшую» кучку народа, среди которой было 600 000 одних только вооруженных взрослых мужчин, эти семьдесят финиковых пальм должны были бы отстоять довольно далеко одна от другой и иметь неимоверно пышную листву. Так иногда обнажается поразительное бахвальство «священных» авторов, не стесняющихся никакими преувеличениями.

Покинув Елим, евреи продолжали путь к югу, пока не добрались до пустыни Син, которая находится на южном склоне холмов побережья Суэцкого залива. Это продвижение на юг привело их к Синайскому горному массиву. Природа там очень величественна, но совершенно дика.

Запасы продовольствия, какие они могли взять с собой, давно иссякли, а в этой возмутительной пустыне, вероятно, не было ни одного трактира, ни одной пивной. Наши три миллиона эмигрантов возроптали: «И возроптало все общество сынов израилевых на Моисея и Аарона в пустыне. И сказали им сыны израилевы: о, если бы мы умерли от руки господней в земле египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом» *(Исход, гл. 16, ст. 2—3)*.

Евреи, вероятно, покончили бы с Моисеем, если бы бог не дал ему возможности удовлетворить желаний этих несчастных путем «чудес», которые в наши дни не смог бы повторить ни один фокусник. Внезапно в этой пустыне появились перепела, целые стаи перепелов. Так как евреи не имели с собой печей, то перепела эти валились к ним на стол, надо думать, совершенно приготовленные.

Но это еще не все: «а поутру лежала роса около стана. Роса поднялась, и вот, на поверхности пустыни *нечто*

мелкое, круповидное, мелкое, как иней на земле. И увидели сыны израилевы, и говорили друг другу: что это? Ибо не знали, что это. И Моисей сказал им: это хлеб, который господь дал вам в пищу... И нарек дом израилев *хлебу* тому имя: манна; она была, как кориандровое семя, белая, вкусом же как лепешка с медом» *(Исход, гл. 16, ст. 13—15, 31)*.

Из этой же главы мы узнаем, что избранный богом народ стал получать каждое утро дневной паек манны в течение всех сорока лет странствования, и все облизывали пальчики. Благоговение, которое мы питаем к «святому духу», не мешает нам прибавить, что манна встречается не только на Синайском полуострове, но и во многих других местах земного шара, именно в Калабрии, Персии, Турции и т. д. Ее употребляют как довольно хорошее слабительное. Остается заключить, следовательно, что бог в высшей степени заботливо относился к здоровью евреев: наполняя им животы, он предупреждал возможность запора. Но давать слабительное ежедневно в течение сорока лет, как прямо говорится об этом в стихе 35 главы шестнадцатой,— на это способно только любящее сердце «отца небесного»!

Евреи оказались теперь около горы Хорив и опять страдали от жажды. Моисей, осаждаемый своими соотечественниками, ударил по скале жезлом. Тотчас же оттуда полилась вода, и три миллиона эмигрантов, утолив жажду, разбили шатры. Но здесь их ожидал неприятный сюрприз. В этих местах находился Амалик и его народ, которым не понравились потомки Иакова. Уместно сказать здесь, что Амалик был потомок Исава: от первой жены своей, Ады, Исав имел старшего сына — Елифаза, а Елифаз имел от наложницы своей Фамны сына Амалика.

Каким образом он оказался жив до сих пор, этот Амалик? «Голубь» забыл сказать это «священному» автору, а этот последний не подумал, что здесь есть чему и удивиться. Факт существования этого Амалика в высшей степени загадочен. Ибо для того, чтобы потомки двенадцати сыновей Иакова успели стать народом, могущим выставить 600 000 вооруженных, потребовалась смена многих поколений. Да, наконец, и Библия сама говорит, что четыреста тридцать лет отделяют прибытие Иакова и его сыновей в Египет от событий, изложенных в книге «Исход» [2]. Следовательно, и Амалику должно было быть примерно лет четыреста, когда он напал на евреев в Синайской пустыне.

Но «священный» автор, по-видимому, совершенно не задумывается над тягостями этого преклонного возраста: с самым невозмутимым и спокойным видом, без какого бы то ни было удивления, он повествует о военных авантюрах Амалика и его рода.

Как бы там ни было, этот Амалик был, по-видимому, ужасный человек. Он нагнал на наших евреев неслыханного страху. Чтобы отразить нападение врага, Моисей приказал Иисусу Навину, командовавшему всеми вооруженными силами эмигрантов, собрать своих лучших солдат, сам же вместе с Аароном и Ором эвакуировался на соседнюю гору. Во все время сражения Моисей стоял, подняв руки. Пока он стоял в этой позе, одолевали евреи; но как только он «опускал руки свои, одолевал Амалик» *(Исход, гл. 17, ст. 11)*. В конце концов, устав держать руки все время вверх, он предложил Аарону и Ору поддерживать его руки «до захождения солнца» *(ст. 12)*. Дело кончилось тем, что Иисус задал господину Амалику и его племени порядочную взбучку.

«Низложил Иисус Амалика и народ его острием меча» *(Исход, гл. 17, ст. 13)*.

В главе 18 мы видим мадиамского «священника» Иофора в гостях у своего зятя Моисея. Моисей рассказал тестю о «чудесах» и приключениях, имевших место со времени бегства евреев из Египта, и это соблазнило «священника» принять веру Моисееву. «Ныне узнал я, что господь велик паче всех богов» *(ст. 11)*. И он принес жертву богу Яхве. Раньше чем возвратиться домой, Иофор дал своему зятю несколько советов, и между прочим порекомендовал ему сложить часть своих дел на подчиненных, которые управляли бы тысячами, сотнями и т. д. Моисей нашел совет прекрасным и тотчас установил иерархическую лестницу. Именно в ту же эпоху Моисей учредил, также в подражание египтянам и другим народам, институт священнослужителей, предоставив им множество привилегий. Племя Левия, к которому принадлежал он сам, сделалось жреческой кастой, а Аарон, его старший брат, стал первым великим жрецом. Так, по Библии, был организован культ еврейской веры.

Все это было выполнено будто бы по приказу самого бога, с которым Моисей разговаривал на горе Синай. Зять Иофора один взобрался на вершину, и там старый бог дал ему десять заповедей, которым надлежало стать впоследствии основой религиозной веры еврейского народа. В эти

минуты Синай был окружен блеском страшных небесных огней, и отовсюду слышался невероятный грохот и шум — явные признаки того, что совершались важные события. Бог продиктовал Моисею также и гражданские законы.

Переговоры между Моисеем и богом евреев тянулись не один день. «И когда (бог) перестал говорить с Моисеем на горе Синае, дал ему две скрижали откровения, скрижали каменные, на которых написано было перстом божиим» *(Исход, гл. 31, ст. 18)*.

А пока продолжалась аудиенция, данная богом Моисею, эти неблагодарные евреи, совершенно позабыв о великолепном репертуаре чудес, выполненных в их пользу, и даже явлении им самого бога, сделали золотого тельца и стали ему поклоняться. Самое любопытное здесь то, что золотой телец был изготовлен для них самим братом Моисея — первосвященником Аароном. Аарон потребовал для этого все драгоценности и все золотые украшения у женщин и девушек. Не сказано только, какие скульпторы, литейщики и золотых дел мастера работали в пустыне для этого верховного жреца-ренегата. Изготовление колоссального идола, которое отняло бы месяцы работы у хорошей фабрики, нашими пустынниками было выполнено в одну ночь. Можно представить себе справедливый гнев Моисея, когда, спустившись с горы с божьими документами — скрижалями под мышкой, он увидел золотого тельца и евреев, приносящих ему жертвы с плясками и пением, и все это под руководством его святого напарника Аарона. Моисей «воспламенился гневом, и бросил из рук своих скрижали и разбил их под горою» *(Исход, гл. 32, ст. 19)*.

Описание процесса уничтожения святотатственного тельца стоит точной цитаты: Моисей «взял тельца, которого они сделали, и сжег его в огне, и стер в прах, и рассыпал по воде, и дал ее пить сынам израилевым» *(Исход, гл. 32, ст. 20)*.

Надо признать, что не каждому дано обращать золото в «прах», бросив его в огонь. Секрет этой операции был известен, видимо, одному только Моисею и никому никогда больше. Кроме того, Библия пояснила, что золотой порошок можно пить, разведя его в воде: это тоже не просто. Вообще-то золото растворяется с серой [3]. Легко вообразить себе, как отвратительно было это питье! Но самое прекрасное здесь то, что Моисей не стал обвинять Аарона, сделав-

шего идола, и приказал левитам, которые в конце концов вместе с его братом были более других виновны в происшедшем, вооружиться и пройти по лагерю, избивая «каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего». Библия говорит, что руками священников за их же собственные грехи было перебито около трех тысяч человек *(Исход, гл. 32, ст. 27—28)*.

Успокоившись, бог приказал Моисею построить скинию — нечто вроде шатра, расположив ее вне стана, для того чтобы «пророку» можно было не взбираться каждый раз на гору, когда ему захочется поболтать с богом. Вот как это происходило.

«Когда же Моисей входил в скинию, тогда спускался столп облачный и становился у входа в скинию, и (господь) говорил с Моисеем. И видел весь народ столп облачный, стоявший у входа в скинию; и вставал весь народ, и поклонялся каждый у входа в шатер свой. И говорил господь с Моисеем лицем к лицу, как бы говорил кто с другом своим» *(Исход, гл. 33, ст. 9—11)*.

Став близким другом самого бога, Моисей решил использовать приятельские отношения со всемогущим «творцом» всего мира. Он набрался смелости и попросил бога показаться ему во всем своем величии. Как же встретил эту просьбу бог-отец? Учебники «священной истории» заботливо пропускают это место из Библии. Мы еще раз прибегнем к длинной цитате.

Моисей сказал богу: «покажи мне славу твою. И сказал (господь Моисею): я проведу пред тобою всю славу мою, и провозглашу имя Иеговы пред тобою; и, кого помиловать, помилую, кого пожалеть, пожалею.

И потом сказал он: лица моего не можно тебе увидеть; потому что человек не может увидеть меня и остаться в живых.

И сказал господь: вот место у меня: стань на этой скале.

Когда же будет проходить слава моя, я поставлю тебя в расселине скалы, и покрою тебя рукою моею, доколе не пройду. И когда сниму руку мою, ты увидишь меня сзади, а лице мое не будет видимо (тебе)» *(Исход, гл. 33, ст. 18—23)*.

Это место из «священного писания» следовало бы особенно вдумчиво прочитать всякому, кто смиренно слушает разглагольствования религиозных проповедников о боге вообще и о библейском в частности.

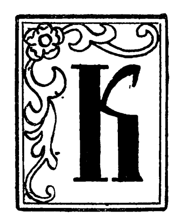
Так как скрижали были разбиты Моисеем, то бог-отец потрудился выгравировать их заново. Неизвестно почему, но второе издание было выпущено не из скинии; по-видимому, эту работу можно было технически выполнить только на вершине Синая, куда Моисей и был вынужден взобраться вновь. Он провел там без еды и питья еще раз сорок суток.

«Когда сходил Моисей с горы Синая, и две скрижали откровения были в руке у Моисея при сошествии его с горы, то Моисей не знал, что лице его стало сиять лучами от того, что *бог* говорил с ним. И увидел Моисея Аарон и все сыны израилевы, и вот, лице его сияет, и боялись подойти к нему» *(Исход, гл 34, ст. 29—30)*. То же происходило и при выходе его из скинии: по этой причине его и изображают обыкновенно с двумя снопами лучей на лбу, похожими на рога.

Книга «Исход» заканчивается шестью главами (35—40), в которых изложены еще очень многие мелкие и мельчайшие еврейские законы, продиктованные Моисею самим богом.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ТРЕТЬЯ КНИГА МОИСЕЕВА – «ЛЕВИТ»

нига «Левит», состоящая из 27 глав, не представляет никакого интереса. Из эпизодов она содержит только описание посвящения Аарона и его сыновей в жрецы *(гл. 8)*, а также благочестивую историю Надава и Авиуда, зажегших свою кадильницу перед богом чужим огнем, за что они были заживо сожжены богом перед святилищем *(гл. 10)*. Книга «Левит» — это, в сущности, долгое и скучное перечисление и описание разного рода жертвоприношений, богослужений и обрядов евреев. «Священный» автор излагает взгляды на жречество, на животных «чистых» и «нечистых», на разные виды осквернений. Он, в частности, много говорит о проказе и прокаженных, удостоверяет святость жрецов, вновь приказывает почитать праздники, приносить в жертву первые плоды, подробно рассматривает разные очищения, в частности очищение женщин после родов *(гл. 12)*, говорит о богохульстве, требуя за него смертной казни и т. д. и т. п. Значительное место отведено правилам гражданской жизни. Это целая куча непоследовательных и странных предписаний, которые нельзя читать без скуки.

Именно здесь заяц объявляется животным «нечистым», так как хотя он якобы и жует жвачку, но его «копыта» не раздвоены *(гл. 11, ст. 5—6)*: «священный» автор наивно принял частое движение заячьих губ и носа за жевание жвачки.

В книге «Левит» объясняются с религиозной точки зрения болезни. В рассмотрении этого вопроса «священный» автор столь же неисчерпаем, сколь и отвратителен. Некоторые из его откровений совершенно уродливы: «если имеющий истечение плюнет на чистого, то сей должен вымыть одежды свои и омыться водою, и нечист будет до вечера» *(Левит, гл. 15, ст. 8)*. Но господин, страдающий истечениями, может очиститься... верою. Вы думаете, быть может, что Библия прописывает ему какое-либо лечение? Не угадали! «Когда имеющий истечение освободится от истечения своего, тогда должен он отсчитать себе семь дней для

очищения своего, и вымыть одежды свои, и омыть тело свое живою водою, и будет чист. И в восьмый день возьмет он себе двух горлиц или двух молодых голубей, и придет пред лице господне ко входу скинии собрания, и отдаст их священнику» *(Левит, гл. 15, ст. 13—14)*.

Библия указывает больному, как поступить по излечении, но просто бессильна чем-либо помочь ему в его болезни.

Замечательны некоторые запреты. Надо по справедливости признать, что «священный» законодатель не оставляет места ни малейшим сомнениям в том, сколь возмутительны были тогдашние нравы потомков Иакова. Осуждается скотоложство, видимо часто совершавшееся в «израиле». В 20-й главе перечисляются все мыслимые виды разврата, и за каждый вид — смертная казнь.

В этой главе бог говорит даже: «если кто ляжет с женою во время болезни *кровоочищения,* и откроет наготу ее, то он обнажил истечения ее, и она открыла течение кровей своих; оба они да будут истреблены из народа своего» *(ст. 18)*.

Вот, в заключение, несколько указаний, могущих служить образцом стиля «богодухновенной» книги «Левит». Место это надо читать с наивысшим благоговением, ибо слова эти говорит сам бог: «никто ни к какой родственнице по плоти не должен приближаться с тем, чтобы открыть наготу. Я господь.

Наготы отца твоего и наготы матери твоей не открывай. Она мать твоя, не открывай наготы ее.

Наготы жены отца твоего не открывай; это нагота отца твоего.

Наготы сестры твоей, дочери отца твоего или дочери матери твоей, родившейся в доме или вне дома, не открывай наготы их.

Наготы дочери сына твоего или дочери дочери твоей, не открывай наготы их, ибо они твоя нагота.

Наготы дочери жены отца твоего, родившейся от отца твоего, она сестра твоя (по отцу), не открывай наготы ее.

Наготы сестры отца твоего не открывай, она единокровная отцу твоему.

Наготы сестры матери твоей не открывай, ибо она единокровная матери твоей.

Наготы брата отца твоего не открывай, и к жене его не приближайся; она тетка твоя.

Наготы невестки твоей не открывай; она жена сына твоего, не открывай наготы ее.

Наготы жены брата твоего не открывай, это нагота брата твоего.

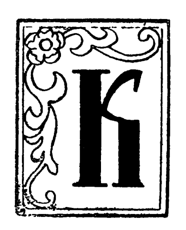
Наготы жены и дочери ее не открывай; дочери сына ее и дочери дочери ее не бери, чтоб открыть наготу их, они единокровные ее; это беззаконие.

Не бери жены вместе с сестрою ее, чтобы сделать ее соперницею, чтоб открыть наготу ее при ней, при жизни ее» *(Левит, гл. 18, ст. 6—18)*.

До чего же все это благочестиво и высоконравственно! Только сама же Библия не раз говорит, что «святые угодники» и «друзья божии» частенько нарушали эти предписания.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА МОИСЕЕВА — «ЧИСЛА»

Книга «Числа» называется так потому, что первые четыре главы ее содержат исчисление евреев во второй месяц второго года странствования. Всего евреев было насчитано 603 550 вооруженных *(Числ., гл. 1, ст. 46)*.

Тридцать две остальных главы этой книги продолжают описание скитаний евреев в пустыне. Тем не менее еще и в этой главе встречаются разного рода правила, столь же незначительные и мелкие, сколь и однообразные; половина главы 8 посвящена, например, наставлениям, как зажигать светильники. В книге «Числа» можно, между прочим, найти указания для ревнивых мужей, подозревающих своих жен в измене, но не установивших этого факта по каким-либо причинам.

Бог, разговаривая с Моисеем, сказал: «если изменит кому жена, и нарушит верность к нему, и переспит кто с нею и излиет семя, и это будет скрыто от глаз мужа ее, и она осквернится тайно, и не будет на нее свидетеля, и не будет уличена... пусть приведет муж жену свою к священнику, и принесет за нее в жертву десятую часть ефы ячменной муки... и возьмет священник святой воды в глиняный сосуд, и возьмет священник земли с полу скинии и положит в воду»... Далее «заклянет ее священник, и скажет жене: если никто не переспал с тобою, и ты не осквернилась и не изменила мужу своему, то невредима будешь от сей горькой воды. Но если ты изменила мужу твоему и осквернилась, и если кто переспал с тобою кроме мужа твоего: тогда священник пусть заклянет жену клятвою проклятия, и скажет священник жене: да предаст тебя господь проклятию и клятве в народе твоем, и да соделает господь лоно твое опавшим и живот твой опухшим. И да пройдет вода сия, наводящая проклятие, во внутренность твою... И скажет жена: аминь, аминь. И даст жене выпить горькую воду, наводящую проклятие... ко вреду ее... Тогда, если она не чиста и сделала преступление против мужа своего, горькая вода, наводящая проклятие, войдет в нее, ко вреду ее, и

опухнет чрево ее и опадет лоно ее, и будет эта жена проклятою в народе своем» *(Числ., гл. 5, ст. 12, 13, 19—22, 24, 27).*

Это божественное установление названо богом «законом о ревновании».

Вернемся же теперь к евреям, которые под руководством Моисея продолжают свой путь по пустыне. По приказу бога Моисей заказал две серебряные трубы, которыми и подавались сигналы к отъезду. В этот период пути евреи, справедливо полагая, что одной манны недостаточно, однажды возроптали и потребовали мяса. Позвольте! Не сказал ли нам «священный голубь» в книге «Исход» *(гл. 12, ст. 38),* что наши эмигранты, оставляя Египет, увели с собой бесчисленные стада? Было, правда, несколько случаев, когда бог требовал, чтобы ему в жертву принесли перворожденных от овец,— это в то время, когда евреи проторчали около года под Синаем. Верно и то, что Аарон и левиты (церковники) закалывали жертвы в честь золотого тельца. Но неужели же был вырезан весь скот?

Надо признать, что все это очень непонятно: когда «святой дух» описывает жертвоприношение в пустыне, евреи имеют весь скот, угнанный из Египта. Но как только его повествование переходит на что-нибудь другое, так те же евреи голодают и питаются одной слабительной манной. Мы не позволим себе сказать, что «священный голубь» противоречит сам себе: это ведь было бы бесчестием и богохульством! Мы вынуждены просто заключить, что, по-видимому, бесчисленные стада были съедены богом во время жертвоприношений и что «святой дух» просто забыл сказать об этом. Как бы там ни было, раз евреи, покидая окрестности Синая, требовали мяса громкими воплями, значит, не было больше ни одного быка, ни одной овцы, ни одного барана, ни одного ягненка.

Моисей донес об этих требованиях богу. «И поднялся ветер от господа, и принес от моря перепелов, и набросал их около стана, на путь дня по одну сторону и на путь дня по другую сторону около стана, на два почти локтя от земли» *(Числ., гл. 11, ст. 31).*

Само собой разумеется, бог-отец должен был сделать эту уступку своему народу: ведь ему евреи скормили в качестве жертвы свои бесчисленные стада. Можно представить себе, как собрались кутнуть евреи! Но «мясо еще было в зубах их и не было еще съедено, как гнев господень возгорелся на народ, и поразил господь народ весьма великою

язвою. И нарекли имя месту сему: Киброт-Гаттаава (гробы прихоти), ибо там похоронили прихотливый народ» *(Числ., гл. 11, ст. 33—34)*.

Прихоть заключалась в том, чтобы поесть мяса! За это-то евреи и были наказаны.

После этого странники направились на север. Местность, в которую вступили эмигранты, в Библии называется пустыней Фаран: это северо-восточная часть Синайского полуострова. «Священный» автор умудрился влепить в эту местность еще одну землю Мадиамскую. Моисей приказал остановиться и послать разведчиков по одному от каждого колена. Эти разведчики дошли до Хеврона, к западу от Мертвого моря, в сердце Ханаана, населенного в ту пору аморреянами. Разведчики возвратились через сорок дней с рапортом и в подтверждение своих слов принесли чудесные плоды — гранаты, инжир и виноград. Грозди виноградные были так велики, что требовалось несколько человек, чтобы нести их. Это являлось неоспоримым доказательством плодородия страны, которой мечтали овладеть наши эмигранты *(гл. 13)*.

Но продолжение доклада разведчиков подействовало на евреев как ледяной душ: их вожделения тотчас же остыли.

— Нигде мы еще не видали таких прекрасных плодов,— сказали разведчики.— Но жители страны — здоровенные парни, а города их обнесены крепкими стенами.

«Там видели мы и исполинов, сынов енаковых, от исполинского рода; и мы были в глазах наших пред ними, как саранча» *(Числ., гл. 13, ст. 34)*.

Десять разведчиков держались мнения, что лучше не соваться в эту прекрасную страну. Народ склонился на их сторону. Только Иисус и Халев считали, что страна, которую они видели, была слишком прекрасна, чтобы не попытаться завоевать ее. Они объявили, что игра стоит свеч и что риск — благородное дело. Но так как народ не разделял их энтузиазма, бог заявил, что все евреи вымрут, не дойдя до цели своего путешествия, за исключением Иисуса и Халева. Несколько дней спустя появились амаликитяне и ханаанеяне. Они закатили евреям неслыханную взбучку *(гл. 14)*.

Среди событий, описанных книгой «Числа», достоин упоминания заговор Корея, Дафана и Авирона, которые вместе с 250 единомышленниками решили, что Моисей и Аарон не достойны стоять во главе левитов. Заговорщики эти были

внезапно проглочены землей, которая разверзлась под ними; исчезли и они, и их семейства, а 250 евреев — их единомышленников сгорели в огне, который «вышел от господа». Кроме того, бог дополнительно закатил язву 14 700 эмигрантам, которые в заговоре не участвовали: эти несчастные тоже умерли. И тогда левиты воскурили благодарственные благовония господу *(гл. 16)*.

После этого по приказу бога Моисей попросил начальников племен принести ему по одному жезлу из сухого дерева, подобных жезлу, который всегда имел при себе Аарон; на каждом жезле было написано название колена. Все они были сложены в скинии, и к этим жезлам прибавили двенадцатый, принесенный коленом Левия, на котором было написано имя Аарона. На другой день, ко всеобщему удивлению, жезл Аарона расцвел, в то время как остальные жезлы совершенно не изменились. Этот жезл был усыпан цветами и даже спелым миндалем!

Это «чудо» ясно показало, что бог утверждает именно Аарона в его жреческом звании. Народ посчитал себя убежденным и обещал больше не ревновать к левитам *(гл. 17)*.

Вопрос: если это чудо было так убедительно, зачем же и за что же бог поразил язвой и смертью 14 700 человек, неповинных ни в каком заговоре?

Глава 19 книги «Числа» целиком посвящена очень «важному» эпизоду: бог потребовал, чтобы для него закололи молодую рыжую телицу, не имевшую никаких недостатков и никогда не носившую ярма. Телицу нашли, привели ее к жрецу Елеазару, и он побрызгал кровью зарезанной телки «к передней стороне скинии собрания семь раз» *(ст. 4)*.

В 20-й главе говорится, что странники прибыли опять в пустыню Син. Местность была лишена воды. Опять ропот в народе, опять удар жезлом по скале, опять вода — новое «чудо»! «И поднял Моисей руку свою, и ударил в скалу жезлом своим дважды, и потекло много воды, и пило общество и скот его» *(ст. 11)*.

Очень просто! Не имея мяса, эмигранты все-таки имеют стада!

В дальнейшем бог-отец приказал Моисею, Аарону и сыну его Елеазару подняться на гору Ор. Взобравшись на вершину, Моисей, применительно к полученным свыше распоряжениям, снял с Аарона его одежды и надел их на Елеазара, а Аарон тотчас же скончался. Ему было тогда 123 года.

В этой пустыне «царствовал» некий Арада. Узнав о приближении евреев, он выступил в поход, разбил их многочисленную армию и взял пленных. Глубоко огорченный еврейский народ обратился к богу с молитвой: «если предашь народ сей в руки мои, то положу заклятие (на них и) на города их. Господь услышал голос израиля, и предал хананеев в руки ему» *(Числ., гл. 21, ст. 2—3)*.

При втором сражении наши эмигранты победили хананеян, истребили их и произвели обещанное богу разрушение их городов. Но затем они повернули к югу и опять углубились в пустыню Фаран. Теперь добрый боженька послал им за их новый ропот «ядовитых змей», которые «жалили народ, и умерло множество народа из сынов израилевых». Тогда Моисей сделал медное изображение змеи и поместил его на высоком месте. И каждый ужаленный, взглянув на изображение, немедленно исцелялся *(гл. 21, ст. 6—9)*.

Побродив неопределенное время по пустыне, евреи снова очутились на севере, вблизи аморреян, живших под властью царя Сигона. Евреи устроили им благочестивую баню. Весь народ был «истреблен мечом». «Царь васанский» Ог также был побежден и умерщвлен, равно как и все его подданные. Народ божий овладел еще одной территорией *(ст. 21—35)*.

Египетские эмигранты достигли теперь южных берегов Мертвого моря. Им предстояло перейти небольшую цепь гор, которая служит границей страны потомков Моава, сына патриарха Лота от его дочери, рожденного после одной прекрасной пьяной ночи. Но страна моавитян с востока была ограничена землей Мадиамской (в третий раз Мадиам!), а мадианитяне и моавитяне жили в добром соседстве.

Царь моавитян, по имени Валак, узнав о приближении евреев к столице, поспешил посоветоваться со своими министрами и еще с некоторыми умными людьми. Вот какое решение было принято. В те времена в городе Пефоре жил некий Валаам, сын Веоров, ремесло которого заключалось в предсказывании будущего и в заклинании судьбы. Валак решил послать к нему делегацию, дабы испросить у него благословения для моавитян и союзных им мадианитян, не забыв также истребовать какое-нибудь крепкое проклятие для евреев.

Сначала Валаам отказался отправиться благословлять царя Валака, его народ и его союзников. Тем не менее ему

показалось, что бог позволял ему удовлетворить просьбу Валака. Он отправился в путь вместе с депутацией, прибывшей за ним. И вот он плелся на своей ослице, как вдруг эта последняя увидела ангела, вооруженного мечом и преграждавшего ей путь. Ослица пустилась наутек в поле, дабы избежать встречи с ангелом.

«Валаам стал бить ослицу, чтобы возвратить ее на дорогу. И стал ангел господень на узкой дороге, между виноградниками, *где* с одной стороны стена и с другой стороны стена.

Ослица, увидев ангела господня, прижалась к стене, и прижала ногу Валаамову к стене; и он опять стал бить ее.

Ангел господень опять перешел, и стал в тесном месте, где некуда своротить, ни направо, ни налево.

Ослица, увидев ангела господня, легла под Валаамом. И воспылал гнев Валаама, и стал он бить ослицу палкою.

И отверз господь уста ослицы, и она сказала Валааму: что я тебе сделала, что ты бьешь меня вот уже третий раз?

Валаам сказал ослице: за то, что ты поругалась надо мною; если бы у меня в руке был меч, то я теперь же убил бы тебя. Ослица же сказала Валааму: не я ли твоя ослица, на которой ты ездил с начала до сего дня? имела ли я привычку так поступать с тобою? Он сказал: нет.

И открыл господь глаза Валааму, и увидел он ангела господня, стоящего на дороге с обнаженным мечом в руке, и преклонился, и пал на лице свое.

И сказал ему ангел господень: за что ты бил ослицу твою вот уже три раза? Я вышел, чтобы воспрепятствовать (тебе), потому что путь (твой) не прав предо мною.

И ослица, видев меня, своротила от меня вот уже три раза. Если бы она не своротила от меня, то я убил бы тебя, а ее оставил бы живою.

И сказал Валаам ангелу господню: согрешил я, ибо не знал, что ты стоишь против меня на дороге; итак, если это неприятно в очах твоих, то я возвращусь.

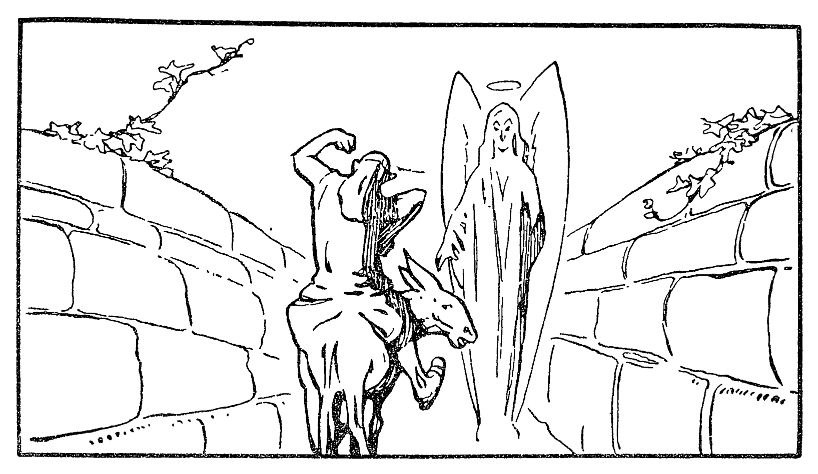
И сказал ангел господень Валааму: пойди с людьми сими, только говори то, что я буду говорить тебе. И пошел Валаам с князьями Валаковыми» *(Числ., гл. 22, ст. 23—35)*.

Заключение этой истории выразилось в том, что еврейский народ получил троекратное благословение из уст Валаама, к великой ярости царя моавитян, который воскликнул: «я призвал тебя проклясть врагов моих, а ты благословляешь их вот уже третий раз. Итак, беги в свое место;

я хотел почтить тебя, но вот, господь лишает тебя чести» *(Числ., гл. 24, ст. 10—11)*.

Вскоре мы увидим, как отплатили евреи Валааму за его благословения.

Царь Валак сменил гнев на милость: глава 25 сообщает, что потомки Иакова очень спокойно расположились между моавитянами и мадианитянами. Эта армия в 600 000 вооруженных воинов, готовая истребить и подданных, и союзников царя Валака, больше не помышляет о битвах. Без пере-

«И стал ангел господень на узкой дороге, между виноградниками, где с одной стороны стена и с другой стороны стена» *(Числ., гл. 22, ст. 24)*.

мирия, без переговоров воцарился мир: еврейский народ дружески сливается с соседями — мадианитянами и моавитянами. «И жил израиль в Ситтиме, и начал народ блудодействовать с дочерями Моава. И приглашали они (дочери.— *В. Ш.)* народ к жертвам богов своих, и ел народ (жертвы их), и кланялся богам их» *(Числ., гл. 25, ст. 1—2)*.

Это, конечно, совершенно не устраивало левитов, у которых языческие жрецы отбивали заработок. И тогда Финеес, сын первосвященника Елеазара, увидев, как некий еврей, по имени Зимри, входил в дом прекрасной мадианитянки Хазвы, последовал за ним «в спальню, и пронзил обоих их, израильтянина и женщину в чрево ее» *(ст. 8)*. Незадолго до того бог послал своему народу в наказание очередной мор: двадцать четыре тысячи человек уже успело

вымереть. Удар меча Финееса очень обрадовал бога, и он немедленно ликвидировал эпидемию. Теперь бог прямо приказал Моисею подготовить всеобщее истребление моавитян и мадианитян *(ст. 16—18)*.

Раньше чем выполнить этот божественный план, Моисей снова прибег к переписи, ибо прошло уже 38 лет, как евреи ушли из Египта. За эти 38 лет народ еврейский обновился, ибо, как мы уже отметили, бог предупредил эмигрантов, что ни один из покинувших Египет не войдет в «землю обетованную», за исключением Иисуса и Халева. Статистика Моисея вновь дала число 601 730 человек «от 20 лет и выше», способных носить оружие, теперь уже не считая левитов, которых было 23 000 *(гл. 26)*.

Исполняя «божье повеление», «израиль» занялся истреблением народов, оказавших им братское гостеприимство Было отобрано для этой цели по тысяче человек от каждого колена — всего 12 000 «мстителей божьих» *(гл. 31)*. Особенно досталось мадианитянам: все мужчины этого народа были истреблены, включая и «пять царей». Евреи «убили мечом» также Валаама, сына Веора, этого великолепного пророка, который так недавно благословил их.

«А жен мадиамских и детей их сыны израилевы взяли в плен, и весь скот их, и все стада их и все имение их взяли в добычу; И все города их во владениях их и все селения их сожгли огнем» *(Числ., гл. 31, ст. 9—10)*.

Но Моисею этого побоища показалось мало, и он прогневался «на военачальников, тысяченачальников и стоначальников, пришедших с войны, и сказал им Моисей: (для чего) вы оставили в живых всех женщин?.. Итак, убейте всех детей мужеского пола, и всех женщин, познавших мужа на мужеском ложе, убейте. А всех детей женского пола, которые не познали мужеского ложа, оставьте в живых для себя» *(Числ., гл. 31, ст. 14—15, 17—18)*.

Добыча была подсчитана, и оказалось: мелкого скота — 675 000, крупного скота — 72 000, ослов — 61 000 и женщин, которые «не знали мужеского ложа»,— 32 000 *(ст. 32—35)*. Часть этой добычи была оставлена для бога, и в том числе 32 мадианитянские девушки *(ст. 40)*.

В остальных главах книги «Числа» нет ничего интересного: это правила наследования, расписание жертвоприношений в праздники и предписания относительно будущего раздела «обетованной земли». Все это Книга Иисуса Навина повторяет с еще более скучными подробностями.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПЯТАЯ КНИГА МОИСЕЕВА — «ВТОРОЗАКОНИЕ»

торозаконие» — пятая, и последняя, книга «Пятикнижия» — представляет еще меньше интереса, чем книги «Левит» и «Числа». Здесь в форме речей, произнесенных будто бы Моисеем, повторяются разные законы, ранее уже изложенные [1]. В первой речи, занимающей четыре главы, резюмируется все, что произошло со времени ухода из Египта, и напоминается евреям, каким «потоком благодеяний» осыпал их бог. Во второй речи, занимающей двадцать одну главу, снова повторяется то, что для еврейского народа представляет свод его гражданских и религиозных законов. Затем следует целый ряд условий, связанных с исполнением законов: евреи будут благословенны и дела их будут успешны, если они будут выполнять приказания бога; наоборот, все проклятия посыплются на их головы и все самые разнообразные и многочисленные кары свалятся на них, если они нарушат какое-нибудь из его приказаний.

Так как «священный» автор позаботился предупредить, что сам бог говорил устами Моисея, следует привести некоторые образцы этого божественного красноречия.

«Одежда твоя не ветшала на тебе, и нога твоя не пухла, вот уже 40 лет» *(Второзак., гл. 8, ст. 4).* Вот, конечно, «чудо», которое не менее чудесно, чем все прочие религиозные «чудеса», и не лишено забавности.

Согласно упомянутым нами двум переписям, среди эмигрантов было круглым счетом 600 000 одних только воинов и в момент исхода из Египта и в момент прибытия в страну моавитян. Пришли в Моав не те, которые вышли из Египта, а их потомки. Старшие поколения вымерли «по слову господню». По числу вооруженных можно считать, что покинуло Египет три миллиона человек, включая стариков, женщин, девочек, мальчиков.

Если эти три миллиона человек нашли смерть в пустыне в течение этих сорока лет, значит, и три миллиона перемен платья, белья и обуви перешли от одних к другим. Но по

последней переписи воинов было 601 730, не считая 23 000 левитов.

Если предположить, что каждый воин и каждый левит имели только по одной жене, что они имели всего только по трое детей, что только половина супругов имела отцов и матерей, можно посчитать, что всех пришедших в Моав было около четырех с половиной миллионов человек. Их всех нужно было одеть и обуть. Это делает «чудо» еще более величественным и загадочным, ибо, значит, потребовалось, чтобы старый бог раздобыл для своего народа где-нибудь в пустыне около полутора миллионов пар готовой обуви, не считая такого же количества мужского и дамского платья.

Впрочем, «святой» Юстин, отвечая на эти соображения скептиков в «Диалоге с Трифоном иудеем», утверждает, что не только платье евреев не износилось во время их сорокалетних скитаний под зноем и дождями пустыни, но что платье их детей росло на них и увеличивалось чудесным образом, по мере того как с возрастом развивались их тела. А «святой» Иероним в XXXVIII послании говорит даже следующее: «напрасно брадобреи изучали свое ремесло; они не пользовались им в течение сорока лет, проведенных в пустыне, потому что у евреев не росли ни волосы, ни ногти». Может быть, хоть это убедит вас, наконец, и заставит уверовать в «чудеса божьи»!

Отметим теперь божий завет, который не удивит никого: «смотри, не оставляй левита во все дни, (которые будешь жить) на земле твоей» *(Второзак., гл. 12, ст. 19)*. Если вспомнить, что левиты — это духовные лица, все это становится очень понятным!

«Когда выйдешь на войну против врагов твоих, и господь, бог твой, предаст их в руки твои, и возьмешь их в плен.

И увидишь между пленными женщину, красивую видом, и полюбишь ее, и захочешь взять ее себе в жену:

То приведи ее в дом свой, и пусть она острижет голову свою и обрежет ногти свои.

И снимет с себя пленническую одежду свою, и живет в доме твоем, и оплакивает отца своего и матерь свою в продолжение месяца; и после того ты можешь войти к ней и сделаться ее мужем, и она будет твоею женою.

Если же она *после* не понравится тебе, то отпусти ее, *куда* она захочет, но не продавай ее за серебро и не обращай

ее в рабство, потому что ты смирил ее» *(Второзак., гл. 21, ст. 10—14)*.

Это очень благочестиво, не правда ли?

«У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество господне» *(Второзак., гл. 23, ст. 1)*. Комментарии не требуются!

«Если (во время военного похода.— *Л. Таксиль*) у тебя будет кто нечист от случившегося (ему) ночью, то он должен выйти вон из стана и не входить в стан. А при наступлении вечера должен омыть (тело свое) водою, и по захождении солнца может войти в стан» *(Второзак., гл. 23, ст. 10—11)* [2].

Это значит, другими словами, что он не примет участия в сражении. Вольтер счел полезным высказать несколько соображений по этому поводу. «Многие знатоки военного дела утверждают,— говорит он,— что эротические сновидения посещают главным образом здоровых молодых людей, и приказ удалять их на целый день из армии был бы очень неблагоразумен и опасен, ибо обыкновенно именно в дневные часы и происходят бои. Такого рода приказ поощрял бы трусость. Наконец, гораздо легче умыться у себя в палатке или хотя бы в лагере, где можно достать воду, чем уходить из стана и искать воду бог весть где».

Бог устанавливает для своего народа даже порядок отправления естественных надобностей в военное время: «место должно быть у тебя вне стана, куда бы тебе выходить.

Кроме оружия твоего должна быть у тебя лопатка; и когда будешь садиться вне *стана,* выкопай ею (яму), и опять зарой (ею) испражнение твое.

Ибо господь, бог твой, ходит среди стана твоего, чтобы избавлять тебя и предавать врагов твоих (в руки твои); а *посему* стан твой должен быть свят, чтобы он не увидел у тебя чего срамного и не отступил от тебя» *(Второзак., гл. 23, ст. 12—14)*.

Это место Библии требует особо важных замечаний. Мы уже знаем, что бог имеет руки, которыми творит, что он имеет ноги для хождения по нашей планете, когда ему заблагорассудится; мы недавно узнали, что у него есть спина и что он показал ее Моисею; у него есть нос, которым он «обоняет приятное благоухание». Сейчас мы узнаем, что божий нос не только украшает лицо «творца» мира, чтобы не возбуждать смеха отсутствием этой естественной

детали лица. Нет, настоящий нос! Точно так же, как бог любит как следует поесть (вспомните знаменитый обед у Авраама!), он в один из дней «творения» создал себе для собственных нужд нос, который «обоняет приятное благоухание» и не переносит дурных запахов.

С другой стороны, не трудно сообразить, что всемогущему богу ничего не стоило бы оградить свой нос от дурных запахов. Ведь еврейский народ — «народ божий», избранный богом. Но богу никак не пришло в голову избавить этот народ от противных последствий пищеварения, раз уж запах испражнений неприятен его вездесущему обонянию. Сделать так, чтобы пища целиком рассасывалась в еврейских организмах, отменить всякую эвакуацию отбросов из организма — вот, нам кажется, самый простой и остроумный выход из затруднения. В крайнем случае, евреи были бы немного иначе устроены анатомически, и это еще более отличало бы их от остального человечества, чем обрезание. Или же, если всемогущий бог не хотел давать своему народу такой замечательной привилегии, как отсутствие прямой кишки, если он очень уж дорожил тем, чтобы евреи имели стул, как все люди, все же легко было устроиться так, чтобы, находясь среди них в их лагерях, не чувствовать дурных запахов. Мы — если бы мы обладали прерогативами всемогущего! — просто-напросто издали бы декрет о том, чтобы в военное время выделения евреев имели бы запах фиалки или какой-нибудь другой, по нашему выбору. Ничего не может быть легче и проще для обладающего всемогуществом!

Говорят, что один безукоризненный сонет стоит целой поэмы. Право же, нам кажется, что стихи 12, 13 и 14 главы 23 «Второзакония» одни стоят больше, чем все псалмы Давида. Как несравненно велик горизонт, который эти три стиха открывают науке богословия! В этом божьем носе, не любящем дурных запахов, есть непостижимые теологические глубины, если только пожелать получше в них вдуматься и хорошо их проанализировать!

Мы призываем в судьи римского папу и всех христианских патриархов и почтительно просим их поставить на обсуждение всесвятейших соборов следующий вопрос: существование трех вышеупомянутых стихов, коим каждый верующий обязан безусловно верить, ибо они принадлежат «святому духу», — не осложняет ли оно «таинства причащения», уж и без того достаточно сложного? Коротко

говоря, если во время богослужения служитель культа, произнося священные слова, случайно поведет себя неприлично, решится ли сойти бог в храм и произойдет ли его перевоплощение в хлеб и кровь?

Не скажите, что такие вещи невозможны. В моей ранней юности, в гимназии св. Людовика в Париже, я часто пел в церковном хоре, и мне доводилось служить одному святому человеку — аббату Журдану, который имел...— как бы это выразиться поделикатнее?..— очень ветреный желудок. Быть может, был виноват горох, которым кормили в гимназии? Я хотел бы так думать в его оправдание. Как бы там ни было, я вспомнил, как однажды утром, когда, стоя на коленях позади священника, я поддерживал его ризу, внутренности святого старика разбушевались так — конечно, помимо его воли,— что мне очень трудно было выполнять мои обязанности.

В те времена я оценивал расстройство желудка священнослужителя во время службы только с точки зрения неприятности дурного запаха для моего человеческого носа. Но ныне, когда я перелистываю «священное писание» и благоговейно погружаюсь в его выспреннюю красоту, три стиха «Второзакония», остававшиеся для меня до сих пор незамеченными, возбуждают мое усердие и заставляют меня думать, что на мне лежит высокий долг — поднять важный и необходимый вопрос о значении запаха, который распространяет священнослужитель, произнося слова: «сие есть истинное тело мое; сия есть кровь моя».

Поскольку недопустимо, чтобы Новый завет противоречил Ветхому, часть которого составляет «Второзаконие», поскольку оба завета одинаково являются произведениями одного и того же «святого духа», является в высшей степени логичным предположить, что бог, отвращение которого к дурным запахам есть доказанный факт, очень неохотно воплощается в просфору, что его чуть ли не за уши приходится тащить в это дело, когда службу совершает священник, страдающий скоплением газов в желудке. Переходит ли он в просфору или не переходит? Ожидает ли он, чтобы рассеялся дурной запах, или тотчас же в скверном настроении возвращается на небо? Вот вопрос общечеловеческого значения, который я смиренно и благоговейно ставлю «матери» моей — «святой церкви».

Как видите, нет ничего более важного, ибо если причастие, раздаваемое таким священником, есть не больше,

как обыкновенный хлеб, в который не попал даже ни один волос из бороды господа бога, то причащающиеся могут быть обмануты самым бесстыдным образом. А теперь представьте себе верующего человека, который рассчитывает на это причастие и связанное с ним отпущение грехов. Рассчитайте, прошу вас, всю громадность этого бедствия! Святые отцы, пожалуйста, созывайте поскорее собор!

Не закроем книги «Второзакония», приводящей божественные приказы, не остановившись еще и на этом: «когда дерутся между собою мужчины, и жена одного (из них) подойдет, чтобы отнять мужа своего из рук бьющего его, и, протянув руку свою, схватит его за срамной уд: то отсеки руку ее, да не пощадит (ее) глаз твой» *(Второзак., гл. 25, ст. 11—12)*.

Вот что значит всезнающий бог! Он все предвидел, все, решительно все!

Бог объявил еще Моисею, что его соотечественники, войдя в «землю обетованную», должны будут посвятить две горы довольно любопытному обряду: на одной, под названием Гаризим, будут благословлять народ; на другой горе, которая называется Гевал, будут произноситься всякого рода проклятия.

Вот несколько образцов божьих угроз, извлеченных из главы 28: «пошлет господь на тебя проклятие, смятение и несчастье во всяком деле рук твоих, какое ни станешь ты делать, доколе не будешь истреблен,— и ты скоро погибнешь за злые дела твои, за то, что ты оставил меня» *(ст. 20)*; «поразит тебя господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною; и они будут преследовать тебя, доколе не погибнешь» *(ст. 22)*; «поразит тебя господь проказою египетскою, почечуем, коростою и чесоткою, от которых ты не возможешь исцелиться» *(ст. 27)*; «сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца» *(ст. 28)*; «с женою обручишься, и другой будет спать с нею» *(ст. 30)*; «поразит тебя господь злою проказою, на коленях и голенях... от подошвы ноги твоей до самого темени» *(ст. 35)*; «и будешь ужасом, притчею и посмешищем у всех народов» *(ст. 37)*; «семян много вынесешь в поле, а соберешь мало, потому что поест их саранча» *(ст. 38)*; «сынов и дочерей родишь, но их не будет у тебя, потому что пойдут в плен» *(ст. 41)*; «пошлет на тебя господь народ издалека, от края земли; как орел налетит народ, которого языка ты не разумеешь, народ наглый,

который не уважит старца и не пощадит юноши» *(ст. 49—50)*; «и ты будешь есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих» *(ст. 53)*; «и живший между вами в великой роскоши, безжалостным оком будет смотреть на брата своего, на жену недра своего и на остальных детей своих, которые останутся у него, и не даст ни одному из них плоти детей своих, которых он будет есть» *(ст. 54—55)* и так далее до конца главы.

Из всех кар, которыми бог грозит своему народу, ни одна не является карой духовной. Народ божий явно не знал христианских церковных наказаний. Это стоит отметить наряду с тем, что нигде в Ветхом завете нет речи ни об аде, ни о чистилище. Мы уже видели, что бог заботился об отхожих местах евреев, но нигде не замечали, чтобы он позаботился об их душах. До такой степени, что слова «бессмертие души» не встречаются ни в одной из «священных» книг, из которых христиане почерпнули свою религию.

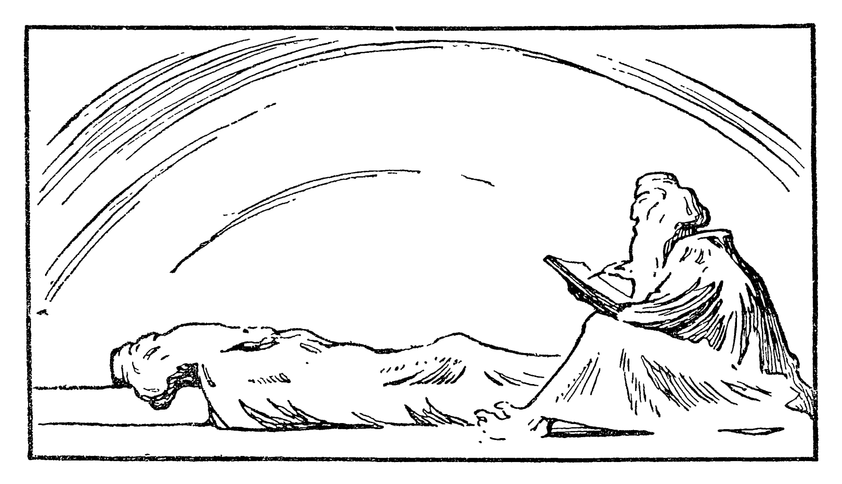
После угроз идет исторический отрывок: Моисей, достигший 120 лет, слагает свои полномочия в пользу Иисуса Навина, к великому неудовольствию главного жреца Елеазара, и поручает этому Иисусу привести евреев в землю Ханаанскую. Мы избавляем читателя от песни, которую поет Моисей при прощании с своими соплеменниками. Пропустим также и благословения, которые он призывает на каждое из колен израилевых. Библейский герой, повинуясь приказу свыше, восходит наконец на гору Нево, где его ждет смерть, но откуда он может перед «праведной кончиной» увидеть «землю обетованную».

Христианская церковь и еврейская синагога единодушно утверждают, что «Пятикнижие» — это произведение Моисея. Не вздумайте сказать, что комментированные нами пять книг были написаны кем-нибудь другим, а не зятем Иофора. Если вам придет в голову говорить такие вещи, вы будете отлучены от церкви. Эти пять книг, упрямо твердят богословы, от первой до последней строчки написаны Моисеем под диктовку «божественного голубя».

Обыкновенная книга, просто человеческая книга, закончилась бы в таком случае на моменте восшествия Моисея на гору Нево. В крайнем случае, обычный человек написал бы следующие строки: «я чувствую, что ухожу; я кладу перо, потому что приближается моя смерть». Но Моисей — «священный» писатель. Он не мог этого сделать. Поэтому

в последней главе книги «Второзаконие» он сам увековечил свою смерть, свое погребение, народную скорбь и даже любезно сказал несколько слов посмертной похвалы по своему адресу.

«И умер там Моисей, раб господень, в земле Моавитской, по слову господню. И погребен на долине в земле Моавитской против Беф-Фегора, и никто не знает *места* погребения его даже до сего дня. И оплакивали Моисея сыны израилевы на равнинах моавитских (у Иордана близ

«И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого господь знал лицем к лицу» *(Второзак., гл. 34, ст. 10)*.

Иерихона) тридцать дней. И Иисус, сын Навин, исполнился духа премудрости, потому что Моисей возложил на него руки свои, и повиновались ему сыны израилевы, и делали так, как повелел господь Моисею. И не было более у израиля пророка такого, как Моисей, которого господь знал лицем к лицу» *(Второзак., гл. 34, ст: 5—6, 8—10)*.

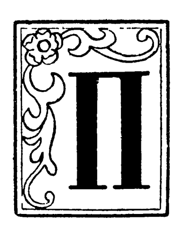
Иной читатель, глядя на эти строки, покачает головой: ему покажется, что Моисей не мог быть причастен к написанию их. Ошибка, друг мой! Богословы прямо скажут вам, что это стиль самого Моисея и что даже в предыдущих главах он никогда не говорил от первого лица, а всегда от третьего, говоря о себе самом.

Раз церковь высказалась — возражать нечего! А точное мнение церкви изложено ученым-богословом Павлом Гереном в следующих выражениях: ««Пятикнижие» есть общее наименование первых пяти книг Библии. Автор «Пятикнижия» — Моисей. «Пятикнижие» подлинно, и его подлинность так же несомненна, как подлинность самых подлинных книг. Она так же несомненна, как несомненно само существование Моисея. Нельзя отказать в подлинности книге, которую считает таковой всеобщая исконная вера народа, историю которого она описала, законодательство и религиозный культ которого она создала, в особенности когда эта книга носит характер приписываемой ей древности. Невозможно, чтобы она была задумана и написана кем-нибудь другим, кроме как автором, имя которого она носит. Таково «Пятикнижие». Исконная народная вера евреев, дух древности, отличающий эту книгу, невозможность подмены — все это доказывает ее подлинность. Моисей написал «Пятикнижие», вдохновленный святым духом». (Католическая энциклопедия, франц. издание, т. V, стр. 690.) [3]

Преклонимся, братие, и не будем больше ничему удивляться!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

«СВЯЩЕННЫЕ» ПОДВИГИ ПРАВЕДНОГО ИИСУСА НАВИНА, ВОЖДЯ ИЗРАИЛЬСКОГО

После смерти Моисея вождем еврейского народа сделался Иисус Навин. Для ободрения евреев бог тотчас же пришел навестить Иисуса и дал ему несколько типичных для Библии обещаний.

«Встань, перейди через Иордан сей, ты и весь народ сей, в землю, которую я даю им, сынам израилевым.

Всякое место, на которое ступят стопы ног ваших, я даю вам, как я сказал Моисею:

От пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата, всю землю хеттеев; и до великого моря к западу солнца будут пределы ваши.

Никто не устоит пред тобою во все дни жизни твоей; и как я был с Моисеем, так буду и с тобою; не отступлю от тебя и не оставлю тебя.

Будь тверд и мужествен; ибо ты народу сему передашь во владение землю, которую я клялся отцам их дать им» *(Иис. Нав., гл. 1, ст. 2—6)*.

Уже не в первый раз со времени выхода из Египта бог повторял обещание, данное некогда Аврааму, Исааку и Иакову. Какое громадное царство он клятвенно обещал дать своему народу! Все земли, ограниченные Синайским полуостровом, Средиземным морем и Евфратом! Это царство должно было быть обширнее самой Ассирии [1]. Но какое обширное банкротство, какое низменное нарушение своего слова показал бог! Евреи освоили ничтожную территорию, да и то после многих мучений. На берегах же обещанного им Евфрата они жили не как хозяева, а как жалкие пленники — в тяжелом рабстве у вавилонян. А их «великой» рекой был только тощий Иордан [2].

Что сделал преемник Моисея в ответ на приказание божье?

«И послал Иисус, сын Навин, из Ситтима двух соглядатаев тайно, и сказал: пойдите, осмотрите землю и Иерихон.

(Два юноши) пошли и пришли (в Иерихон и вошли) в дом блудницы, которой имя Раав, и остались ночевать там» *(Иис. Нав., гл. 2, ст. 1)*.

Некоторые переводы Библии величают госпожу Раав содержательницей харчевни. Но подлинный библейский текст указывает, что Раав живет доходом от своих женских прелестей. Почему встречается эта неточность в переводах? Не потому ли, что поименованная выше Раав фигурирует в евангелии в числе предков Иисуса Христа?[3]

«Царь иерихонский послал сказать Рааве: выдай людей, пришедших к тебе, которые вошли в дом твой (ночью); ибо они пришли высмотреть всю землю.

Но женщина взяла двух человек тех, и скрыла их, и сказала: точно приходили ко мне люди, но я не знала, откуда они.

Когда же в сумерки надлежало затворять ворота, тогда они ушли; не знаю, куда они пошли. Гонитесь скорее за ними; вы догоните их» *(Иис. Нав., гл. 2, ст. 3—5)*.

По уходе царской полиции Раав заключила сделку с обоими шпионами. Она сообщила им, что страна знает уже о чудесах еврейского «исхода из Египта» и очень боится еврейской армии. Они же дали ей отличительный знак, который должен был ей послужить для спасения ее жизни и ее дома во время предстоящего взятия и истребления Иерихона. Затем шпионы спустились по веревке через окно, так как дом Раав стоял «в городской стене» *(ст. 9—24)*.

«Что заставило его (Иисуса),— замечает Вольтер,— прибегнуть к услугам этой несчастной, раз бог своими собственными устами обещал ему содействие и помощь, раз он не мог не быть уверен, что бог сражался за него? Он был во главе шестисоттысячной армии и отрядил 40 000 человек для взятия Иерихона, города, который никогда не был укреплен и принадлежал народу настолько неопытному в военном деле, что он даже свою столицу имел в долине и тем самым лишал себя возможности серьезно защищать ее. От Иерихона ныне осталось всего несколько жалких хижин, в которых ютится всего около 300 жителей».

По поводу Раав богослов Кальмет в свое время вопрошал: была ли она виновна во лжи или нет, утверждая, что еврейские соглядатаи уже ушли, в то время как они были у нее? Он находил, что Раав поступила хорошо.

«Будучи осведомлена,— пишет этот богослов,— о замыслах божьих истребить хананеян и передать их землю евреям, она не могла сопротивляться этому, не впадая в грех против бога; кроме того, она была убеждена в благих намерениях божьих и знала несправедливости хананеян. Таким образом, она не могла поступить ни более справедливо, ни более разумно».

Ученый Фрере[4] ответил: «Если это так, значит, проститутка Раав была также вдохновлена самим богом, как и Иисус, что довольно странно. Скорее нужно признать, что эта Раав, предавая свою родину чужому варварскому народу, была попросту преступная тварь, достойная самого жестокого наказания».

Пойдем дальше. Иисус приказал выступить в поход против Иерихона: для этого раньше всего нужно было перейти Иордан. Жрецы, носившие «ковчег завета», шли во главе народа. Они смело вступили в воду, как люди, твердо уверенные, что не может не произойти чуда. Как только они омочили ноги, воды реки остановились, точно перерезанные невидимой дамбой.

Священники оставались посреди реки, пока не прошел еврейский народ. В память этого чуда двенадцать больших камней были сложены возле Иордана. Затем, как только «ковчег завета» был перенесен на правый берег, воды снова потекли по руслу *(гл. 3 и 4)*. Узнав об этих чудесах, цари разных окрестных народов, вплоть до берегов Средиземного моря, пришли в отчаяние.

Тут, между прочим, бог обратил внимание Иисуса на то, что со времени «исхода из Египта» обряд обрезания, установленный богом «навечно», совсем вышел из употребления. Библия не объясняет причины этого странного явления: она только ставит нас перед совершившимся фактом. Ни один младенец мужского пола, родившийся в пустыне, не подвергся операции. А всего еврейский народ насчитывал тогда около 4 000 000 душ обоего пола и, значит, приблизительно около 2 000 000 мужчин. Можно себе представить фантастическое количество кожи, срезанной по приказу Иисуса с детородных членов. Библия довольно картинно называет место, где эта операция была произведена, «холмом обрезания» *(гл. 5, ст. 3)*.

Четырнадцать дней спустя была пасха, и у евреев оказалось достаточно зерна, чтобы изготовить опресноки; манна с тех пор «перестала падать» *(гл. 5, ст. 12)*.

Согласно божественным распоряжениям еврейская армия окружила Иерихон, и солдаты в течение шести дней грозно маршировали под стенами города, а жрецы играли на духовых инструментах. Осажденные были крайне изумлены этим военным приемом, но не сдавались. На седьмой день, опять-таки согласно распоряжению, еще семь раз прошли в полном боевом порядке вокруг стен, на сей раз с другой музыкой, более сильной, сопровождавшейся криками всего народа. Тогда рушились твердыни города, пали стены иерихонские.

Иисус приказал истребить всех: мужчин и женщин, детей и стариков, и даже «волов, овец и ослов». Были пощажены только проститутка Раав и ее родные, которых она собрала у себя. «А город и все, что в нем, сожгли огнем, только серебро и золото и сосуды медные и железные отдали (,чтобы внести господу,) в сокровищницу дома господня» *(Иис. Нав., гл. 6, ст. 23)*.

«Возможно ли,— писал лерд Болингброк [5],— чтобы бог, отец всех людей, сам водил и сопровождал варвара, на которого не хотел бы быть похожим самый кровожадный людоед? Великий боже! Прийти из безвестной пустыни для того, чтобы уничтожить чужой город, истребить всех его жителей, в том числе женщин и детей, перерезать всех животных, сжечь дома и утварь в то время, когда у самих победителей нет ни кола, ни двора, и пощадить одну только гнусную проститутку, предательницу, достойную пытки. Если бы эта сказка не была такой бессмысленной, она была бы самой отвратительной. Только пьяный негодяй мог написать ее и только пьяный дурак может ей поверить».

Не забудем, что автор этих слов был одним из самых видных и почетных мужей Англии. Будучи министром иностранных дел, лорд Болингброк был истинным вдохновителем и создателем знаменитого Утрехтского мира, положившего конец долгим кровавым войнам Людовика XIV. Можно сказать, что это было великое дело, гордость его жизни. Он возвратил мир Европе, создав при этом условия, возможно более справедливые для всех государств. Полезно напомнить заслуги этого почтенного человека, украшающего человечество и употребившего свой гений на то, чтобы приостановить взаимное истребление народов; это необходимо для того, чтобы заставить молчать фанатиков, которые захотели бы видеть в приведенной выше ци-

тате богохульственные речи какого-нибудь непросвещенного нечестивца. Лорд Болингброк сказал о Библии: «Было бы хулой богу и обидой людям серьезно смотреть на это жалкое сплетение небылиц, в которых каждое слово есть или верх смешного или верх ужасного».

По словам «священного» автора, взятие и разгром Иерихона послужили причиной составления заговоров против «израиля». Видя, что понимает еврейский народ под завоеванием и как он обращается с покоренными городами, цари этой местности решили, что гораздо лучше истребить завоевателей, чем ожидать, пока завоеватели истребят их,— они заключили союз и приняли очень важные решения *(гл. 9)*.

Однако они не подумали об одном обстоятельстве, которое имело свое «священное» значение: с Иисусом был бог. Бог поселил смятение в их войсках, и израильтяне «поразили их в Гаваоне сильным поражением, и преследовали их по дороге к возвышенности Вефорона, и поражали их до Азека и до Македа» *(Иис. Нав., гл. 10, ст. 10)*. Больше того, милостивый бог, подстрекаемый, вероятно, тщеславием, сам принял участие в сражении: «когда же они бежали от израильтян по скату горы Вефоронской, господь бросал на них с небес большие камни (града), до самого Азека, и они умирали; больше было тех, которые умерли от камней града, нежели тех, которых умертвили сыны израилевы мечом (на сражении)» *(ст. 11)*.

Но Иисус не считал свою победу полной.

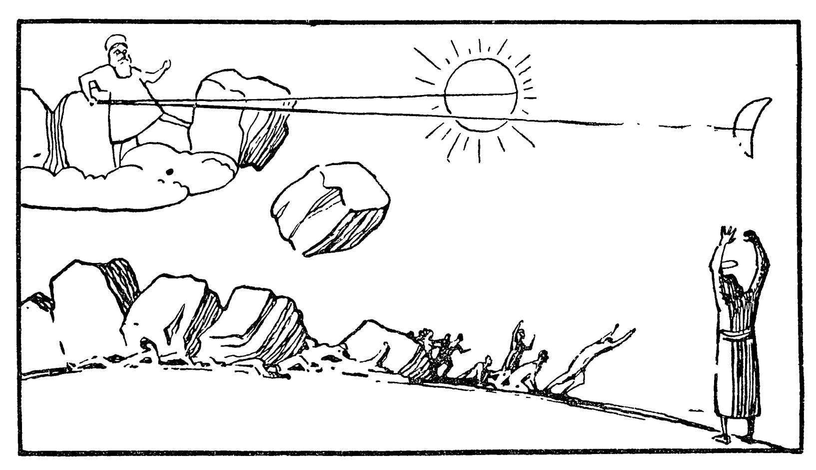
«Иисус воззвал к господу в тот день, в который предал господь (бог) аморрея в руки израилю, когда побил их в Гаваоне, и они побиты были пред лицем сынов израилевых, и сказал пред израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою!

И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: «стояло солнце среди неба, и не спешило к западу почти целый день»?

И не было такого дня ни прежде ни после того, в который господь (так) слушал бы гласа человеческого. Ибо господь сражался за израиля» *(Иис. Нав., гл. 10, ст. 12—14)*.

Читая это повествование, удивляешься, что после града камней, посыпавшихся на головы врагов, Иисусу понадобилось еще прибегать к новому чуду и останавливать Солнце

и Луну. Рассказ говорит, что дневное светило было еще довольно высоко. Казалось, хватило бы времени перебить всех беглецов до наступления ночи на Вефоронской дороге, даже если допустить, что кое-кто и спасся от небесных камней. Правда, богословы возразят нам, пожалуй, что некоторые из этих беглецов удирали так быстро, что понадобилось больше семи часов, чтобы настигнуть их. Но наука еще не сумела объяснить, каким это образом Солнце, которое вообще не ходит вокруг Земли, остановило свой

«...господь бросал на них с небес большие камни... И остановилось солнце, и луна стояла» *(Иис. Нав., гл. 10, ст. 11, 13).*

бег. Нельзя понять также, каким это образом день, бывший вдвое длиннее всех прочих дней, мог не вызвать ни малейших нарушений движений планет и правильности затмения.

Это великолепное «чудо» Иисуса вызывало у просвещенных людей много смеху.

Рассказывают, что один ученый, которого обвиняли в поддержке учения Коперника о движении Земли вокруг Солнца, находчиво ответил инквизиторам: «По-видимому, именно после чуда Иисуса Навина Солнце больше и не движется вокруг Земли».

Во главе армии аморреев, которая была уничтожена во время библейского бедствия, выступали пять царей. Они спаслись от града камней и от еврейских мечей. Цари

скрылись в пещере *(ст. 16)*. Узнав об этом, Иисус приказал завалить вход в пещеру большими камнями *(ст. 18)*. Пять царей попались, как в мышеловку. Затем Иисус приказал отвалить камни от пещеры и вывести всех пятерых царей. Своим военачальникам Иисус приказал: «наступите ногами вашими на выи царей сих». Избитых царей убили и повесили трупы их на пяти виселицах. Вечером трупы были обратно перенесены в пещеру, которую снова завалили большими камнями. «Священный» автор серьезно уверяет нас, что все это так и осталось «даже до сего дня» *(ст. 22—27)*.

Иисус же продолжал свои благочестивые подвиги.

«И поразил Иисус всю землю нагорную и полуденную, и низменные места, и землю, лежащую у гор, и всех царей их; никого не оставил, кто уцелел бы, и все дышащее предал заклятию, как повелел господь, бог израилев» *(Иис. Нав., гл. 10, ст. 40)*.

Он преследовал всех оставшихся царей до Сидона и перебил их так, что никого из них не осталось. «Коням их перерезал жилы, и колесницы их сожег огнем. В то же время, возвратившись, Иисус взял Асор, и царя его убил мечом (Асор же прежде был главою всех царств сих). И побили все дышащее, что было в нем, мечом, (все) предав заклятию; не осталось ни одной души; а Асор сожег он огнем» *(Иис. Нав., гл. 11, ст. 9—11)*. «Долгое время вел Иисус войну со всеми сими царями» *(ст. 18)*. «В то же время пришел Иисус, и поразил (всех) енакимов на горе» *(ст. 21)*. «Не осталось (ни одного) из енакимов в земле сынов израилевых; остались только в Газе, в Гефе и в Азоте» *(ст. 22)*. «Всех царей тридцать один»,— заканчивает Библия описание этих благочестивых подвигов «святого праведного» Иисуса Навина *(Иис. Нав., гл. 12, ст. 24)*.

Черт возьми! Поразить тридцать одного царя! Это довольно много для страны протяжением в несколько десятков километров.

Когда же, наконец, «народы», населявшие «землю обетованную», были полностью уничтожены, евреи оказались единственными хозяевами ее. Оставалось только поделить ее. Это и было сделано. От главы 13 до 21 включительно книга Иисуса с мельчайшими подробностями указывает, какой участок был отведен какому «колену». В этих главах мы встречаем перечисление огромного количества

«городов». Можно составить об их «количестве» ясное представление хотя бы по одному тому, что колено Иуды получило более 100 городов, не считая деревень. Все наименования этих городов указаны *(Иис. Нав., гл. 15, ст. 20—63)*. Левиты получили 48 городов, из коих 6 — так называемые «города-убежища» *(гл. 20—21)*. Сам бог определил эту цифру для них: левиты некогда, сказал он, займут 48 городов, рассеянных на земле двенадцати колен; они будут жить в этих городах, а пригороды их будут для скота. Кроме того, пригороды городов левитов будут иметь тысячу локтей в окружности *(Числ., гл. 35)*. Шесть «городов-убежищ» были предназначены служить приютом убийцам, совершившим преступление без обдуманного намерения.

Лорд Болингброк полагает, что эти места Библии могли быть написаны не кем иным, как каким-нибудь жадным и невежественным левитом и только во времена междуцарствия, то есть много позднее времени Иисуса Навина. Вот как этот мыслитель формулирует свои соображения: «Никогда даже весь еврейский народ и даже в годы своего наивысшего могущества не имел 48 укрепленных городов. Навряд ли были такие города даже у Ирода, единственного могущественного их царя. Иерусалим времен Давида был единственным местом поселения евреев, которое могло бы называться городом. Маленький кочевой народец еврейский не имел никаких городов ни во времена Иисуса, ни даже во времена судей. Длинный перечень городов в книге Иисуса есть только смешная ложь... Левит, сделавший подлог, когда писал эти горделивые глупости, утверждает, что под власть левитов были отданы еще 6 городов, бывших прибежищем убийц. Какое неожиданное, прекрасное поощрение для преступников! Не знаешь, чем больше возмущаться — нелепостью ли отведения 48 городов жрецам в пустыне или же бессмысленностью устройства 6 городов, которые в той же пустыне должны служить прибежищем для всевозможных злодеев».

Этот знаменитый раздел подразумевает приблизительно 600 городов для всех племен израилевых. Поистине, в религиозной фантазии не знает меры даже и «святой дух» — вдохновитель Библии! Заметьте при этом, что вся эта местность имеет два градуса долготы в самом широком месте и два с половиной широты в самом длинном месте, да и то в эпоху, когда еврейское могущество достигало

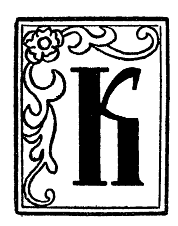
самого высшего расцвета, то есть отнюдь не во времена Иисуса.

Когда раздел был закончен, Иисус почел свою миссию выполненной, почему и умер, «будучи 110 лет от роду» *(Иис. Нав., гл. 24, ст. 29)*. До самой смерти он все истреблял: главы его книги повторяют непрестанно, что при всех своих «блистательных победах» он не оставлял в живых ни одного из побежденных народов.

Однако что еще интереснее, после смерти Иисуса мы встречаем в Библии всех этих истребленных до последнего человека врагов еще более могущественными, чем когда бы то ни было, и даже больше: именно эти народы держат евреев в самом жестоком рабстве вплоть до эпохи царей Саула и Давида.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

БЛАГОЧЕСТИВОЕ ВВЕДЕНИЕ В «СВЯЩЕННУЮ» ИСТОРИЮ СУДЕЙ ИЗРАИЛЬСКИХ

нига «Судей» — следующая после Книги Иисуса Навина (в ней 21 глава) — начинает с первой же главы описывать войну колен Иудова и Симеонова против 10 000 хананеян, управляемых царем по имени Адони-Везек. Само собою разумеется, что все эти полчища, появившиеся здесь невесть откуда, были поражены израильским мечом. Но Адони-Везек перед смертью подвергся пытке: ему отсекли большие пальцы рук и ног. Тогда сказал Адони-Везек: «семьдесят царей с отсеченными на руках и на ногах их большими пальцами собирали (крохи) под столом моим; как делал я, так и мне воздал бог. И привели его в Иерусалим, и он умер там» *(Суд., гл. 1, ст. 7)*.

Этот Адони-Везек был, по-видимому, исключительно могущественный монарх, раз он взял в плен и поработил семьдесят царей. Его столица, рассказывает Библия, называлась Везек. И опять, ни этот город, ни этот ужасный властелин, ни все царство его совершенно неизвестны историкам. Это очень удивительно, ибо громадный стол, под которым семьдесят изувеченных царей собирали крохи, мог бы создать Адони-Везеку вечную память и всеобщую славу.

Как бы там ни было, если прибавить этих семьдесят царей к тридцати одному царю, уже истребленным Иисусом, мы получим в общем сто два царя, включая Адони-Везека жестокого, и, следовательно, сто два царства в земле ханаанской. Если бросить взгляд на географическую карту и разделить эту маленькую территорию на сто частей, на долю каждого царства придется не больше одной-двух сотен квадратных километров. Маловато, казалось бы, для царства. Но так как «священное писание» говорит только истину, надо думать, что эти 102 царя должны были жить в очень большой тесноте на своих территориях и, следовательно, евреям надо было навести здесь поря-

док и поселиться в «земле обетованной» вместо хананеян.

Однако вот что еще смущает недостаточно верующих людей: как это бог, при всем своем всемогуществе, не сумел справиться с некоторыми из хананеян? После поголовного истребления их Иисусом они снова вырастали как из-под земли в этой необыкновенной стране.

«Господь был с Иудою, и он овладел горою. Но жителей долины не мог прогнать; потому что у них были железные колесницы» *(Суд., гл. 1, ст. 19)*.

Вероятно, запасы камней, которые бог имел в небесах, уже иссякли к этому времени. Если углубиться в изучение этого места Библии, надо подумать, как хананеяне, спасшиеся благодаря военным походным колесницам, могли пользоваться ими: ведь продвижение на них было совершенно невозможно в этой стране, сплошь покрытой горами и скалами. Из истории известно, что военные колесницы были изобретены в равнинных местах. Первыми использовали это изобретение вавилоняне и персы, спустя, однако, не менее трех веков после времени Иисуса Навина.

Главы вторая и третья книги «Судей» показывают, что евреям и теперь была чужда признательность по отношению к богу. Он вскоре наказал их за это разгромом и обращением в рабство. После смерти Иисуса евреи избрали судей, которые должны были управлять ими. Этот период их истории был не из особенно блестящих. Сыны израиля «оставили господа, бога отцов своих, который вывел их из земли египетской, и обратились к другим богам, богам народов, окружавших их, и стали поклоняться им, и раздражили господа; оставили господа, и стали служить Ваалу и Астартам» *(Суд., гл. 2, ст. 12—13)*.

«И жили сыны израилевы среди хананеев, хеттеев, аморреев, ферезеев, евеев (гергесеев) и иевусеев; И брали дочерей их себе в жены... и служили богам их» *(Суд., гл. 3, ст. 5—6)*.

Чтобы лучше оценить эти странные браки, вспомним еще раз, что шестисоттысячная еврейская армия под начальством Иисуса без милосердия истребила уже всех жителей этой страны. Если Моисей еще как-то раз сохранил жизнь тридцати двум тысячам девственниц, то его преемник не оставлял в живых ни одного существа: «ни человека, ни скота».

«И воспылал гнев господень на израиля, и предал их в руки Хусарсафема, царя месопотамского, и служили сыны израилевы Хусарсафему восемь лет» *(Суд., гл. 3, ст. 8)*.

Английский критик Вулстон[1] заметил по поводу этого места, что нужно сделать выбор между историей судей и историей Иисуса Навина: одна из них неизбежно лжива ввиду того, что между обеими «священными» книгами есть разительные и друг друга исключающие противоречия. «Невозможно,— писал он,— чтобы евреи попали в рабство непосредственно после истребления шестисоттысячной их армией всех жителей Ханаана. Что это за Хусарсафем, царь месопотамский, который вдруг надевает цепи на сынов израилевых? Как пришел он из своей далекой страны? Почему ничего неизвестно о его походе? Правда, в «священном» тексте сказано, что это было наказание божие евреям за то, что они вступали в брак с женщинами из народов хананейских и отдавали им своих дочерей в жены. Но слишком недостаточно сказать, что победители победили благодаря тому, что оставались верными, и что побежденные были побеждены только за свои грехи. Нет ни одного дикого народца, который не сумел бы сказать это. И никогда нельзя разумно понять, каким образом народ, насчитывавший четыре миллиона человек, имевший армию в шестьсот тысяч воинов, мог быть обращен в рабство в той самой земле, которую он только что завоевал. Равным образом невозможно, чтобы эти внушительные полчища воинов бесследно истребили бы прежних жителей и чтобы вслед за этим брачные узы связали завоевателей с истребленными народами. Такую кучу противоречий нельзя защищать».

Ну, а теперь в книге «Судей» говорится, что спустя восемь лет судья Гофониил освободил евреев от рабства и что они убили царя месопотамского Хусарсафема *(ст. 9—10)*. Библия, однако, не дает никаких сведений об этой борьбе, которая должна была быть очень ожесточенной и о которой, кстати сказать, никакие историки никогда ничего не слыхали.

Сорок лет спустя *(ст. 11—14)* евреи попали в рабство к царю моавитскому Еглону, хотя царство моавитское уже давным-давно перестало существовать, согласно той же Библии, а население его — мадианитяне и моавитяне — неоднократно поголовно истреблялось евреями.

Моавитское рабство продолжалось 18 лет. Положил ему конец Аод. Этот еврей, о котором Библия говорит только, что он «был левша», поднося дары Еглону, попросил царя принять его отдельно в его «кабинете» под тем предлогом, что имеет поведать ему лично некую тайну. Еглон, доверившись, заперся в комнате наедине с Аодом, а этот последний «вонзил в чрево его» меч и удалился, никем не замеченный *(ст. 21—22)*. Террористический акт воодушевил евреев; они взбунтовались, и «около десяти тысяч» моавитян были убиты. В стране наступил мир на восемьдесят лет.

«После него (Аода.— *В. Ш.*) был Самегар, сын Анафов, который шестьсот человек филистимлян побил воловьим рожном; и он также спас израиля» *(Суд., гл. 3, ст. 31)*.

Евреи были затем рабами царя ханаанского Иавина. По счастью, некая госпожа Дебора, почтенная пророчица, пригласила к себе некоего Варака, подогрела в нем мужество, равно и геройство в 10 000 солдат из колен Завулона и Неффалима и повела их в бой. Войска Иавина, которыми командовал «генерал» Сисара, были изрублены на мелкие куски при первой же встрече с войсками Варака и Деборы.

Главнокомандующий Сисара бежал и скрылся в шатре Иаили — жены Хевера, которого «священный» автор называет кенеянином. Любезная Иаиль, которой бог шепнул пару теплых слов, сама предложила убежище Сисаре. Она вышла к нему навстречу и сказала: «господин мой, зайди ко мне, не бойся» *(Суд., гл. 4, ст. 18)*. Она укрыла Сисару ковром и дала ему молока. Сисара заснул. Тогда Иаиль взяла кол от шатра и молот, подошла к нему тихонько и вонзила кол в висок, так что приколола его к земле. «И вот, Варак гонится за Сисарою. Иаиль вышла навстречу ему, и сказала ему: войди, я покажу тебе человека, которого ты ищешь» *(Суд., гл. 4, ст. 22)*.

Что касается царя Иавина, то и его евреи не замедлили убить по общему образцу, многократно освящавшемуся богом. Пророчица госпожа Дебора пропела по этому поводу одну из своих самых прекрасных песен *(гл. 5)*. Мы избавляем читателя от этой нудно-благочестивой воинственной трескотни.

Злоключения евреев и на сей раз не кончились. Появились мадианитяне (еще призраки!) [2], поставившие себе задачей отравить существование несчастным потомкам

Иакова. Эти последние хотя и не были, собственно говоря, в рабстве у мадианитян, однако подвергались всяким обидам и поношениям: когда они сеяли и долго работали в надежде на обильную жатву, мадианитяне приезжали на их поля на бесчисленном множестве верблюдов, и посевы пропадали. Они уводили быков, ослов и мелкий скот и портили сады. Несчастные евреи якобы были вынуждены поселиться в горных пещерах, чтобы оградить свои собственные жизни от тысяч козней со стороны бешеных преследователей *(Суд., гл. 6, ст. 1—6)*.

Все эти неприятности тянулись семь лет, пока, наконец, добрый боженька, сжалившись над своим народом, решил призвать нового героя. А чтобы пример был более разителен, он остановил выбор на тщедушном юноше Гедеоне, который был настолько слаб и хил, что с трудом работал у своего отца. И вот в одно прекрасное утро «ангел господень» явился Гедеону «и сказал ему: господь с тобою, муж сильный» *(Суд., гл. 6, ст. 12)*.

Гедеон не поверил ангелу на слово, в особенности когда узнал, что ему предстоит освободить израиль от ига мадианитян. «Если я обрел благодать пред очами твоими, то сделай мне знамение, что ты говоришь со мною:

Не уходи отсюда, доколе я не приду к тебе, и не принесу дара моего, и не предложу тебе. Он сказал: я останусь до возвращения твоего.

Гедеон пошел, и приготовил козленка и опресноков из ефы муки; мясо положил в корзину, а похлебку влил в горшок, и принес к нему под дуб и предложил.

И сказал ему ангел божий: возьми мясо и опресноки, и положи на сей камень, и вылей похлебку. Он так и сделал.

Ангел господень, простер конец жезла, который был в руке его, прикоснулся к мясу и опреснокам; и вышел огонь из камня, и поел мясо и опресноки; и ангел господень скрылся от глаз его» *(Суд., гл. 6, ст. 17—21)*.

Тогда Гедеон позвал десять лучших слуг своего отца и ночью отправился разрушить престол Ваала и вырубить деревья рощи, посвященной мадианитским богам; из дров этих он сделал костер и на нем принес в жертву богу целого быка. Велик был гнев жителей города, когда они увидели, что жертвенник Ваала разрушен и вырублена священная чаща. Но так как Иоас, отец Гедеона, не хотел выдать им сына, то жестокий гнев охватил всех врагов

израиля, и «все мадианитяне и амаликитяне, и жители востока» объединились, перешли Иордан и расположились лагерем в долине изреельской. «И дух господень объял Гедеона» *(Суд., гл. 6, ст. 34)*.

Однако Гедеон все еще колебался, действительно ли бог избрал его, чтобы через него всыпать врагам израиля. Он созвал колена Манассии, Асира, Завулона и Неффалима, на которых больше всего рассчитывал, и обратился к богу с просьбой посредством чуда окончательно доказать ему, что он действительно ему покровительствует.

«И сказал Гедеон богу: если ты спасешь израиля рукою моею, как говорил ты,

То вот, я расстелю здесь на гумне стриженую шерсть: если роса будет только на шерсти, а на всей земле сухо, то буду знать, что спасешь рукою моею израиля, как говорил ты.

Так и сделалось: на другой день, встав рано, он стал выжимать шерсть, и выжал из шерсти росы целую чашу воды.

И сказал Гедеон богу: не прогневайся на меня, если еще раз скажу и еще только однажды сделаю испытание над шерстью: пусть будет сухо на одной только шерсти, а на всей земле пусть будет роса.

Бог так и сделал в ту ночь: только на шерсти было сухо, а на всей земле была роса» *(Суд., гл. 6, ст. 36—40)*.

Вот это действительно архибожественные чудеса! Полагаю, что и вы восхищены ими до глубины души.

Слухи об этих великих чудесах распространились в израиле, и весь народ пожелал пойти сражаться рядом с Гедеоном. Но энтузиазм держался недолго. Так как герой сказал в одном из своих воззваний: «пусть робкие возвратятся домой»,— то всего осталось с ним десять тысяч человек, все же остальные воспользовались разрешением и возвратились восвояси.

Однако бог судил, что и этих десяти тысяч слишком много, и по его совету Гедеон отобрал горсть храбрецов, которые одни должны были сопровождать его в походе. Он приказал всем десяти тысячам солдат спуститься к реке и пить воду прямо из реки. Пока они пили, он наблюдал за ними с напряженным вниманием. Дело в том, что сказал «господь Гедеону: кто будет лакать воду языком своим, как лакает пес, того ставь особо, также и тех всех, которые будут наклоняться на колени свои и пить.

И было число лакавших ртом своим с руки триста человек; весь же остальной народ наклонялся на колени свои пить воду.

И сказал господь Гедеону: тремя стами лакавших я спасу вас, и предам мадианитян в руки ваши; а весь народ пусть идет, каждый в свое место» *(Суд., гл. 7, ст. 5—7).*

Итак, Гедеон удержал триста «лакавших по-собачьи», вероятно не без расчета на то, что у них окажутся в нужную минуту собачьи клыки. А теперь — внимание! Не потеряйте ни одной строки из повествования о новых библейских подвигах: вы увидите, что Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон — все это были мальчишки и щенки рядом с Гедеоном, предводителем армии его величества «царя небесного».

Лагерь мадианитян был внизу, в долине. Герой разделил своих 300 лакавших на три отряда. Он дал каждому трубу, глиняный кувшин и светильник. «И сказал им: смотрите на меня и делайте то же; вот, я подойду к стану, и что буду делать, то и вы делайте. Когда я и находящиеся со мною затрубим трубою, трубите и вы трубами вашими вокруг всего стана и кричите: (меч) господа и Гедеона!» *(Суд., гл. 7, ст. 17—18).*

Дождались ночи. Тогда он спустился с тремястами лакавших к мадианитскому лагерю. Потихоньку они пробрались к аванпостам. Затем, когда каждый зажег свой светильник и поставил его в кувшин, Гедеон и его солдаты внезапно затрубили в трубы и с шумом стали разбивать свои посудины, сопровождая все это криками, из которых громче всего выделялся отмеченный «священный» лозунг. Мадианитяне, разбуженные шумом, были очень напуганы и, ничего не понимая, мало-помалу истребили друг друга.

Далее Библия приводит подсчет жертв этого побоища: два мадианитских «генерала» — Орив и Зив были убиты ефремлянами и два «царя» — Зевей и Салман были собственноручно убиты Гедеоном. «Священный» текст гласит: «Зевей же и Салман были в Каркоре и с ними их ополчение до пятнадцати тысяч, все, что осталось из всего ополчения жителей востока; пало же сто двадцать тысяч человек, обнажающих меч» *(Суд., гл. 8, ст. 10).*

Выходит, что мадианитян, амаликитян и других восточных народов, расположившихся лагерем в долине Изреель, было 135 000 человек. Лагерь довольно значительный! Расположение ста тысяч человек требует площади более

15 квадратных километров. Солдаты Гедеона оставались «всякий на своем месте». Следовательно, чтобы окружить лагерь, триста «лакавших» должны были раскинуться цепью с интервалами не менее 50—70 метров. Дело было ночью. Как же могли они на таком расстоянии видеть друг друга и повторять вместе жесты господина Гедеона, разбивавшего глиняные горшки? И в конце концов, какое жалкое впечатление должно было произвести битье 300 горшков на линии в 15—20 километров! Триста человек, даже если бы они вошли в лагерь сомкнутыми рядами, произвели бы тоже не очень большой эффект на площади в 15 квадратных километров. Между тем они были разбросаны и оставались на внешней линии укреплений. Эффекта, конечно, не могло получиться никакого. Хитроумный замысел Гедеона не сыграл во всей этой истории ни малейшей роли. Если же он действительно смог что-нибудь сделать, то это просто одно из «великих религиозных чудес» и ничего более. Вероятно, бог тремястами труб поднял такой же шум, как и тремястами тысяч; он усилил в тысячи раз шум разбиваемых горшков; он повторил крики лакавших необыкновенным громоподобным эхо. Впрочем, Библия об этом не говорит. Ясно, что рассказ божественного «голубя» так, как он есть,— неправдоподобная, невозможная и уродливая небылица.

Как бы там ни было, после этого необыкновенного военного подвига Гедеон сделался чрезвычайно популярным в израиле. Соотечественники предложили ему царство. Но наш герой оказался столь же скромным, сколь и практичным. Он отказался от царских почестей, но скромно попросил: «дайте мне каждый по серьге из добычи своей». И вес этих серег, в которых ему не отказали, был 1700 золотых сиклей *(Суд., гл. 8, ст. 22—26)*.

Мы узнаем дальше, что Гедеон был многоженец и имел 70 детей *(ст. 30)*. От одной наложницы, жившей в Сихеме, у него был сын по имени Авимелех. Библия сообщает, что этот Авимелех в один прекрасный день зарезал всех своих братьев «на одном камне», за исключением младшего Иофама, которому удалось скрыться. Жители Сихема, очень гордые этим своим земляком, сыном Гедеона, провозгласили его царем. Но через три года Авимелех потерял популярность. В столице его началось «революционное брожение», возбуждаемое некиим Гаалом. Авимелех овладел взбунтовавшимся городом и перебил население. Вожди

восстания укрылись в Сихемской башне, и он ее осадил, а затем сжег.

Некоторое время спустя Авимелех осадил также город Тевец; но там он получил на голову жернов, который какая-то женщина сбросила на него с крепостной стены. Этот большой камень, как всякий догадается, размозжил «царю» голову. Однако Авимелех успел позвать своего оруженосца и сказал ему: «умертви меня, чтобы не сказали обо мне: «женщина убила его»» *(Суд., гл. 9, ст. 54)*. Чтобы угодить «царю», юноша пронзил его мечом. Авимелех не был лишен самолюбия и показал его даже с размозженным черепом.

Так кончил свои дни знаменитый сын Гедеона. После него Библия отмечает господ Фола и Иаира, которые были судьями израиля: один — 23 года, другой — 22 года. У последнего Библия отмечает 30 сыновей, ездивших на 30 молодых ослах. Кроме этой «священной» подробности, больше ничего о них не сказано.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

СВЯТЫЕ СУДЬИ ИЕФФАЙ И САМСОН

есчисленные уроки не шли впрок евреям того времени: у них все время проявлялись языческие наклонности и они часто оставляли культ своего бога — Яхве, заменяя его поклонением другим богам, хотя, казалось бы, им-то уж никак нельзя было забывать, во что обходилось поклонение Ваалу, Астарте, тельцу и другим идолам, к которым воинственный библейский бог был чрезвычайно ревнив. Впав снова в идолопоклонничество, они были опять наказаны рабством: на сей раз они были отданы аммонитянам. Вот, следовательно, шестой раз евреи впадают в рабство в стране, завоеванной оружием своей шестисоттысячной армии, в стране, все население которой Иисус в свое время уже предал поголовному истреблению.

После 18 лет рабства евреи снова нашли «милость» в глазах бога, и он снова подыскал им освободителя. «Иеффай, галаадитянин, был человек храбрый. Он был сын блудницы; от Галаада родился Иеффай. И жена Галаадова родила ему сыновей. Когда возмужали сыновья жены, изгнали они Иеффая, сказав ему: ты не наследник в доме отца нашего, потому что ты сын другой женщины. И убежал Иеффай от братьев своих, и жил в земле Тов; и собрались к Иеффаю праздные люди, и выходили с ним» *(Суд., гл. 11, ст. 1—3)*.

Проще говоря, Иеффай был атаманом шайки разбойников. Бог и остановил свой выбор на нем.

Справедливость требует признать, что у Иеффая было одно качество: он был прекрасный отец. Он имел единственную дочь, и стоило посмотреть, как он ее баловал, как он ее любил, как обожал, как он каждый день осыпал ее драгоценными подарками. Впрочем, ему, как бандиту, эти подарки особенно дорого не стоили.

И вот его соплеменники обратились к нему с просьбой взять на себя дело свержения ига аммонитян. Он принял предложение и выступил в поход. Известно, что никакой разбой не исключает благочестия: Иеффай помолился богу

и дал ему обет принести в жертву за дарование победы первого человека, которого он встретит по возвращении в родной город.

Для бога, конечно, нет ничего легче, как устроить победу своему протеже. И так как, с одной стороны, старый Саваоф возлюбил Иеффая, а с другой стороны, предвкушал обещанную ему жертву, то он удесятерил силы еврейского военачальника, и тот искрошил аммонитян на мелкие куски. Двадцать городов было разгромлено!

Каково же было изумление победоносного героя, когда он возвратился в свой город Массифу. Хор молодых девушек «с тимпанами и ликами» вышел приветствовать победителя, а во главе девушек выступала любимая дочь Иеффая, ничего, конечно, не знавшая об отцовском обете.

У разбойника нет ничего, кроме честного слова. Судьба девушки решена. Впрочем, она и сама очень охотно согласилась быть принесенной в жертву; она попросила только два месяца «для того, чтобы оплакать свою девственность», и получила их, ибо для девушек этого народа самым большим несчастьем считалось умереть, не отдавшись ни разу мужчине. Вероятно, поэтому у евреев никогда и не было монахинь.

Жертвоприношение состоялось под председательством самого Иеффая. Несчастного отца раздирала скорбь, он обливался слезами. В это самое время кто-то надрывался от смеха и облизывал пальцы от удовольствия. Это был бог. Богословы говорят, что он принял девушку в лоно свое. Старый шутник!

Однако как смеют церковники утверждать после этой истории, что народ божий не знал человеческих жертвоприношений? Не хуже, чем Молох финикиян и карфагенян, бог евреев, то есть нынешний официальный христианский бог, с удовольствием принимал жертвы из человеческой крови и мяса, спокойно, без отвращения и естественного ужаса, какой должны вызывать подношения этого рода.

Иеффай не ограничился аммонитянами. Он угодил господу богу еще и истреблением 42 000 своих единоплеменников, имевших дурное произношение. Ефремляне, говорится в Библии, произносили «са», «се», «си» вместо «ша», «ше», «ши». Иеффай собрал своих солдат у перехода через Иордан и там... Впрочем, надо привести подлинный текст: это место слишком прекрасно.

«И перехватили галаадитяне переправу чрез Иордан от ефремлян, и когда кто из уцелевших ефремлян говорил: «позвольте мне переправиться», то жители галаадские говорили ему: «не ефремлянин ли ты?» Он говорил: «нет». Они говорили ему: «скажи: шибболет», а он говорил: «сибболет», и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, заколали у переправы чрез Иордан. И пало в то время из ефремлян сорок две тысячи» *(Суд., гл. 12, ст. 5—6)*. Просто, хорошо и благочестиво!

Иеффай оставался судьей в течение шести лет и умер. После него судьями были Есевон, Елон и Авдон. О них сообщается только, сколько детей произвели они на «свет божий»: у Есевона, например, было тридцать сыновей и тридцать дочерей!

Теперь мы подошли к истории знаменитого Самсона, библейского Геркулеса. Филистимляне, о которых мы почти ничего не слышали до сих пор, неожиданно выступают на сцену и начинают серьезно портить кровь избранному богом народу. Эти «неверные» прежде всего обращают евреев в сорокалетнее рабство и доставляют им массу страданий. Когда бог заключил, что пора опять заняться освобождением сынов израиля, он приступил к делу, начав его обычным старым способом: послал ангела к некоему господину Маною, из племени данова, жена которого была бездетна. После визита ангела госпожа Маной почувствовала себя в интересном положении[1]. Ангел заставил будущую мать поклясться, что ее сын никогда не будет стричь волос. Госпожа Маной родила. Мы не в силах описать радости господина Маноя. Этого сына своего он и назвал Самсоном *(гл. 13)*.

Мальчишка с малых лет обнаруживал сверхъестественную силу. Однажды, забавы ради, он убил льва, наводившего ужас на всю округу. Возмужав, он задумал жениться и, как это ни покажется странным для избранника божьего, наметил себе в жены филистимлянку. Сколько ни напоминали ему родители, что закон Моисея воспрещает браки с идолопоклонницами, Самсон говорил, что из каждого правила должно быть исключение, и в конце концов женился на своей возлюбленной.

Во время свадебного пира, который продолжался несколько дней, он загадал загадку молодым людям из семьи своей жены. Ставка была 30 рубашек и столько же верхнего платья, которые должен платить проигравший. Молодая

жена, которая очень хотела, чтобы ее родственники выиграли такое значительное количество вещей, выведала у Самсона разгадку ночью в постели и сообщила ее молодым филистимлянам.

Самсону ничего не оставалось, как заплатить проигрыш. Для этого он отправился в Аскалон, затеял там драку с тридцатью филистимлянами, убил их, что, конечно, не составило для него, как божьего избранника, никакого труда, снял с них одежды и честно рассчитался за проигрыш. Что же касается его жены, которая уже стала водить его за нос, то с ней вышла такая неожиданность. Был всего только седьмой день свадебного пиршества. И вот тесть, не предупреждая Самсона, отдал новобрачную другому молодому парню, которого Самсон считал своим лучшим другом *(гл. 14)*.

Не подозревая этой измены, Самсон, проболтавшийся где-то несколько дней, пришел к своей жене с намерением подарить ей козленка. Но на пороге комнаты он встретился с тестем, который отказался пропустить его: «я подумал, что ты возненавидел ее, и я отдал ее другу твоему. Вот, меньшая сестра красивее ее; пусть она будет тебе вместо ее. Но Самсон сказал им: теперь я буду прав пред филистимлянами, если сделаю им зло» *(Суд., гл. 15, ст. 2—3)*.

Самсон начал благочестиво мстить всему филистимскому народу. Вот какова была первая месть избранника божьего: он взял 300 лисиц (именно триста!) «и взял факелы, и связал хвост с хвостом, и привязал по факелу между двумя хвостами. И зажег факелы, и пустил их на жатву филистимскую, и выжег и копны и нежатый хлеб, и виноградные сады *и* масличные» *(Суд., гл. 15, ст. 4—5)*.

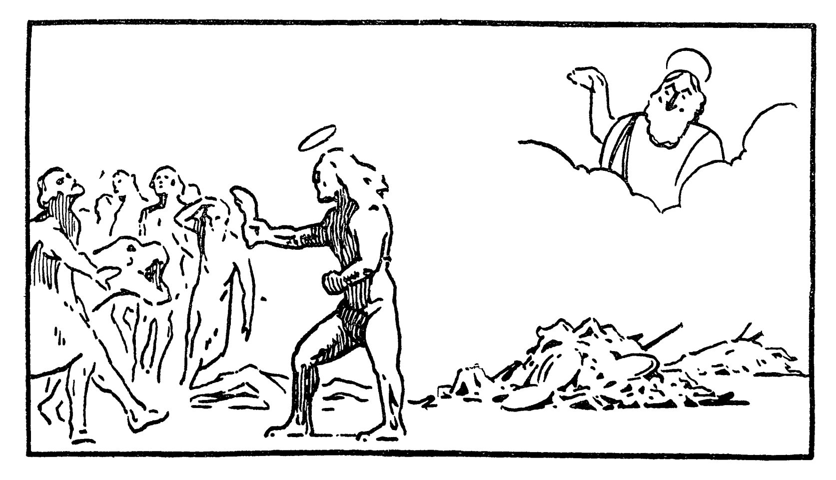
Филистимляне, удрученные горем, узнав об истинных причинах этой мести, отправились к тестю Самсона и сожгли старика заживо вместе с его дочерью: они полагали, что это смягчит гнев Самсона. Ничего подобного: он заявил им, что его мщение направлено против всех филистимлян без разбора и только еще началось.

«И перебил он им голени и бедра» *(ст. 8)*. Библия не говорит, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло и сделал ли он это сам или в обществе других евреев. Как бы там ни было, положение усложнилось: теперь филистимляне, очевидно те, у кого уцелели ноги, собрались учинить кровавую баню евреям.

А Самсон в это время засел на скале. Три тысячи человек из колена Иуды пришли к нему и осыпали его упреками, говоря, что он навлек новые беды на еврейский народ и что из-за него их окружили филистимляне, с которыми им не по силам бороться.

— Ну, что ж? — сказал Самсон.— Свяжите меня крепко и отдайте меня нашим врагам. Таким образом они вас оставят в покое.

Так и было сделано. Филистимляне были очень рады, когда им выдали парня, причинившего им столько беспо-

«И сказал Самсон: челюстью ослиною убил я тысячу человек» *(Суд., гл. 15, ст. 16).*

койства. Но едва торжествующие враги подхватили Самсона, как он порвал свои оковы, подобрал с земли ослиную челюсть и перебил ею тысячу филистимлян, охранявших его.

После этого атлетического упражнения Самсон почувствовал некоторую усталость и жажду. Но дело было в чистом поле, и кругом до самого горизонта не видно было ни одного колодца.

«И почувствовал сильную жажду, и воззвал к господу и сказал: ты соделал рукою раба твоего великое спасение сие; а теперь умру я от жажды, и попаду в руки необрезанных. И разверз бог ямину в лехе, и потекла из нее вода.

Он напился, и возвратился дух его, и он ожил» *(Суд., гл. 15, ст. 18—19)*.

Эти подвиги доставили Самсону место верховного судьи у израиля, и он нес эти свои обязанности в течение 20 лет.

Стоит отметить, что в своей должности судьи Самсон не проявлял никакой строгости нравов: этот избранник божий посещал публичные дома на глазах у всех. Однажды с ним произошла история, которая могла очень дурно для него кончиться, если бы бог не покровительствовал ему... даже в его шалостях. Вот что было. Самсону продолжали нравиться филистимлянки. Однажды он пошел в Газу, укрепленный город, принадлежавший врагам израиля, и, «увидев там блудницу, вошел к ней. Жителям Газы сказали: Самсон пришел сюда. И ходили они кругом, и подстерегали его всю ночь в воротах города, и таились всю ночь, говоря: до света утреннего *подождем, и* убьем его. А Самсон спал до полуночи; в полночь же встав, схватил двери городских ворот с обоими косяками, поднял их вместе с запором, положил на плечи свои, и отнес их на вершину горы, которая на пути к Хеврону» *(Суд., гл. 16, ст. 1—3)*.

Как неисправимый бабник, Самсон в одно прекрасное утро снова влюбился, и на сей раз опять в филистимлянку, некую Далиду, с которой познакомился, прогуливаясь по берегу потока Сорек. Когда его враги узнали, что он влюбился в эту красавицу, они предложили ей огромную сумму за то, чтобы она выдала им своего возлюбленного в возможно более расслабленном состоянии. Далида пошла к цели напролом: она прямо спросила у Самсона, в чем секрет его силы. Еврейский Геркулес попался в ловушку так глупо, что совершенно необходимо еще раз в точности воспроизвести «священный» текст.

«И сказала Далида Самсону: скажи мне, в чем великая сила твоя и чем связать тебя, чтобы усмирить тебя?

Самсон сказал ей: если свяжут меня семью сырыми тетивами, которые не засушены, то я сделаюсь бессилен, и буду, как и прочие люди.

И принесли ей владельцы филистимские семь сырых тетив, которые не засохли, и она связала его ими.

(Между тем один скрытно сидел у нее в спальне.) И сказала ему: Самсон! филистимляне идут на тебя. Он разорвал тетивы, как разрывают нитку из пакли, когда пережжет ее огонь. И не узнана сила его.

И сказала Далида Самсону: вот, ты обманул меня и говорил мне ложь; скажи же теперь мне, чем связать тебя?

Он сказал ей: если свяжут меня новыми веревками, которые не были в деле, то я сделаюсь бессилен, и буду, как прочие люди.

Далида взяла новые веревки, и связала его, и сказала ему: Самсон! филистимляне идут на тебя. (Между тем один скрыто сидел в спальне.) И сорвал он их с рук своих, как нитки.

И сказала Далида Самсону: все ты обманываешь меня и говоришь мне ложь; скажи мне, чем бы связать тебя? Он сказал ей: если ты воткешь семь кос головы моей в ткань, и прибьешь ее гвоздем к ткальной колоде, (то я буду бессилен, как и прочие люди).

(И усыпила его Далида на коленях своих. И когда он уснул, взяла Далида семь кос головы его,) и прикрепила их к колоде, и сказала ему: филистимляне идут на тебя, Самсон! Он пробудился от сна своего и выдернул ткальную колоду вместе с тканью; (и не узнана сила его).

И сказала ему (Далида): как же ты говоришь: «люблю тебя», а сердце твое не со мною? вот, ты трижды обманул меня, и не сказал мне, в чем великая сила твоя.

И как она словами своими тяготила его всякий день и мучила его, то душе его тяжело стало до смерти.

И он открыл ей все сердце свое, и сказал ей: бритва не касалась головы моей; ибо я назорей божий от чрева матери моей. Если же остричь меня, то отступит от меня сила моя; я сделаюсь слаб, и буду, как прочие люди.

Далида, видя, что он открыл ей все сердце свое, послала и звала владельцев филистимских, сказав им: идите теперь; он открыл мне все сердце свое. И пришли к ней владельцы филистимские, и принесли серебро в руках своих.

И усыпила его (Далида) на коленях своих, и призвала человека, и велела ему остричь семь кос головы его. И начал он ослабевать, и отступила от него сила его.

Она сказала: филистимляне идут на тебя, Самсон! Он пробудился от сна своего, и сказал: пойду, как и прежде, и освобожусь. А не знал, что господь отступил от него.

Филистимляне взяли его, и выкололи ему глаза, привели его в Газу, и оковали его двумя медными цепями, и он молол в доме узников» *(Суд., гл. 16, ст. 6—21)*.

Трудно изобрести более глупую небылицу! От первой строки до последней во всем этом эпизоде все бестол-

ково. Здесь нечем развлечь даже самых незатейливых детишек.

Лорд Болингброк заметил, что ослиная челюсть, которая фигурировала в рассказе о Самсоне, была, вероятно, изо рта «священного» автора. Это — грубое подражание, неловкий и уродливый плагиат языческого предания о Геркулесе. Подобно этому история жертвоприношения Ифигении [2] вдохновила автора рассказа об Иеффае, принесшем в жертву свою дочь. Правда, богословы предполагают, что скорее всего греческая мифология скопировала и исказила Библию. Но эта наглая передержка профессиональных лжецов опрокидывается точными датами, из которых некоторые указываются ими же.

Они сами говорят, что книга «Судей» была написана Самуилом во времена царя Саула. Однако у греков миф о Геркулесе был в ходу задолго до Троянской войны, а между временем Троянской войны и временем избрания Саула на царство прошло более двухсот лет.

Кроме того, языческое предание задумано и изложено гораздо более умно, чем еврейское: конец Геркулеса менее бессмыслен, чем конец Самсона. В греческой мифологии полубог настолько пленился красотой Омфалы, что забыл свои военные подвиги и привычку к скитаниям. Он поселился возле своей возлюбленной, которая приобрела большое влияние на него. В то время как царица Лидии развлекалась, надевая на себя одежды победителя немейского льва и вооружаясь грозной дубиной героя, этот последний, сидя у ног красавицы, накрытый женским платьем, пробовал ткать шерсть, ломал спицы и со смехом принимал шлепки, которыми наделяла его веселая любовница. Этот эпизод достаточно характеризует влияние, которое может получить любимая женщина над мужчиной, даже над героем. Но здесь аллегория не переходит границ возможного и остается до конца правдоподобной.

Если Геркулес и забывает свое достоинство, то надо признать, что это все-таки происходит в забавных отношениях двух влюбленных. Они путешествуют, перерядившись: Омфала сама забывает, где ее царство, и уводит Геркулеса на ночь в какую-то пещеру, далеко от ее дворца. В один прекрасный день Геркулес изменяет Омфале и влюбляется в одну из ее приближенных. Следуют еще любовные похождения мифического богатыря. Наконец Деянира, жена Геркулеса, придя в отчаяние от беспрестанных его измен,

посылает ему тунику центавра Несса, которую она считает талисманом, способным вернуть ветреного мужа к исполнению супружеских обязанностей. И Геркулес, измученный страданиями, причиняемыми ему прилипшей к телу туникой, которую он не может оторвать, решает покончить с собой, лишь бы положить конец мучениям: он складывает громадный костер, зажигает его и бросается в пламя.

Что эпизод с Самсоном и Далидой есть подражание приключениям Геркулеса и Омфалы — это вне всяких сомнений. Тем не менее мы позволяем себе думать, что «святой дух» мог бы гораздо лучше представить своих героев, чем он это сделал. Самсон, по-видимому, не доверяет своей любовнице и три раза обманывает ее относительно истинных источников его силы. Трижды увидев, что его доверчивость может привести его к действительной стычке с врагами, он по четвертому требованию своей любовницы открывает этой вероломной и коварной женщине свою самую сокровенную тайну. В этом и есть бессмыслица, которая бросается в глаза, если только этот судья израиля не был самым последним дураком. Мы уже не говорим о том, что непонятно, каким образом Самсон, потеряв свою силу, был принужден в неволе ворочать тяжелые мельничные жернова. Казалось бы наоборот: здесь был случай унизить его, заставив делать какое-нибудь женское дело, вроде Геркулеса, который был усажен за прялку.

Но чем дальше в лес, тем больше дров. Чем дальше читаешь эту историю, тем большее нагромождение глупостей обнаруживаешь в ней. Раз филистимляне узнали, что сила пленника заключается в его гриве, то, при самой минимальной предусмотрительности, они должны были бы брить ему голову хотя бы раз в неделю. Но ничего подобного не было. Они дают ему возможность отрастить себе новые волосы и ни о чем не беспокоятся. «Между тем волосы на голове его начали расти, где они были острижены» *(Суд., гл. 16, ст. 22)*.

Вскоре филистимляне устраивают большое празднество в честь своего бога Дагона. Самсона из тюрьмы приводят в громадный дворец, «где было три тысячи человек мужчин и женщин». Пленника поместили между двумя колоннами, на которых держалось здание (!).

«И сдвинул Самсон с места два средних столба, на которых утвержден был дом, упершись в них, в один правою рукою своею, а в другой левою. И сказал Самсон: умри, душа моя, с филистимлянами. И уперся всею силою, и

обрушился дом на владельцев и на весь народ, бывший в нем. И было умерших, которых умертвил (Самсон) при смерти своей, более, нежели сколько умертвил он в жизни своей» *(Суд., гл. 16, ст. 29—30)*.

Не нужно питать никакого тяготения к языческим верованиям, чтобы просто признать смерть Геркулеса более поэтичной и интересной, чем смерть Самсона. Если же сравнить жизнь обоих героев, то каким жалким кажется существование Самсона. И как его скудные подвиги могут радовать сердце верующего, если смотреть на них с точки зрения религиозной? Ибо если, согласно Библии, Самсон разоряет филистимлян и поджигает их поля, то это отнюдь не потому, что в нем бушует национальная ненависть против народа, угнетающего его братьев, и не для того, чтобы отомстить за библейского бога, отодвинутого в тень филистимским богом Дагоном. Он удовлетворяет личное чувство мести и делает это после того, как долго прожил в самых хороших отношениях с притеснителями своих братьев. Задетый за живое тем, что филистимлянка, в которую он влюблен, пробыла его женой всего только шесть дней, а затем, по капризу тестя, стала женой одного из его лучших друзей, он удовлетворяет жажду мести тем, что изливает на филистимлян яд личной злобы, не имеющей ничего общего с чувством национальной мести. Больше того, он презирает девушек израиля и всегда ищет женщин только среди филистимлянок. Где же тут бог? Самсон думает о нем не более, чем о прошлогоднем снеге.

Наоборот, Геркулес является действительным национальным героем Греции. Если мы и не признаем действительности его подвигов, необходимо считаться с тем, что рассказы о них подсказываются самыми благородными чувствами. Подвиги Геркулеса отнюдь не являются проявлением одной только грубой силы: Геркулес всегда использует эту силу в защиту слабых и делает это с подкупающим великодушием. В юности Геркулес встретил на своем пути Порок и Добродетель, которые, в виде двух прелестных женщин, притягивают его, каждая к себе. Какой выбор делает Геркулес? Одна из них сверкает в его глазах тысячью соблазнов, способных подкупить молодого человека; она обращает его взоры на широкий, удобный и усеянный цветами путь. А в это время другая влечет его на узкую, извилистую и опасную тропинку. Сын Алкмены, с рассудительностью, несвойственной его возрасту, предпочитает тро-

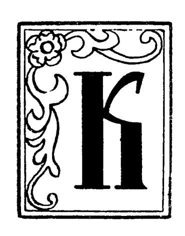
пинку Добродетели, несмотря на ее трудности. Он понимает, что именно это есть путь к счастью, в конце же соблазнительной широкой дороги лежат внутренние страдания.

Пускай все непогрешимые папы и патриархи надрывают глотки, крича, что язычество есть дело дьявола: они не могут все-таки отрицать, что эта языческая аллегория насквозь проникнута самой возвышенной нравственностью.

Затем: Геркулес проводит всю свою жизнь в борьбе с тиранами и чудовищами и действует всегда на благо людей. Он борется против всякого рода бичей человечества и истребляет самых жестоких разбойников. Параллель эта — самая убийственная для героя Библии. Нужно быть преисполненным религиозной предвзятости или благочестивого кретинизма для того, чтобы предпочесть Самсона Геркулесу. Возвышая этого последнего на своих алтарях, язычники поклонялись симпатичному герою. Заставляя же почитать любовника Далиды, как святого, как избранника божьего, церковь выполняет дело самого отвратительного и подлого обмана, ибо в конце концов ореол святости она надевает на голову довольно-таки непривлекательной и темной личности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

БЛАГОЧЕСТИВО-НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛЕВИТА

Книга «Судей» заканчивается одной благочестивой историей, которая, впрочем, подобно многим другим библейским сказаниям, вряд ли может способствовать поднятию престижа избранного богом народа. Один левит (служитель религии) имел наложницу. Находясь в путешествии, эта почтенная пара остановилась в «городе» вениамитян Гиве, в доме одного старика, гостеприимно предложившего пришельцам пообедать.

Давайте теперь читать «священный» текст. «Тогда как они развеселили сердца свои, вот, жители города, люди развратные, окружили дом, стучались в двери и говорили старику, хозяину дома: выведи человека, вошедшего в дом твой, мы познаем его.

Хозяин дома вышел к ним и сказал им: нет, братья мои, не делайте зла, когда человек сей вошел в дом мой, не делайте этого безумия;

Вот у меня дочь девица, и у него наложница, выведу я их, смирите их, и делайте с ними, что вам угодно; а с человеком сим не делайте этого безумия.

Но они не хотели слушать его. Тогда муж взял свою наложницу, и вывел к ним на улицу. Они познали ее, и ругались над нею всю ночь до утра. И отпустили ее при появлении зари.

И пришла женщина пред появлением зари, и упала у дверей дома того человека, у которого был господин ее, *и лежала* до света.

Господин ее встал поутру, отворил двери дома, и вышел, чтоб идти в путь свой: и вот, наложница его лежит у дверей дома, и руки ее на пороге.

Он сказал ей: вставай, пойдем. Но ответа не было, (потому что она умерла). Он положил ее на осла, встал и пошел в свое место.

Придя в дом свой, взял нож, и, взяв наложницу свою,

разрезал ее по членам ее на двенадцать частей, и послал во все пределы израилевы» *(Суд., гл. 19, ст. 22—29)*.

Лорд Болингброк, комментируя этот эпизод, называет его копией рассказа о содомлянах, пожелавших изнасиловать двух ангелов.

Было почти простительно, говорит Болингброк, когда чувственные греки, надушенные и напомаженные молодые люди, в минуты разнузданных оргий давали волю дурным чувствам, внушающим отвращение человеку в зрелом возрасте. Но что сказать об этих жителях Гивы, более отвратительных, чем собаки в период течки? Спрашивается, можно ли найти где бы то ни было, кроме книги, приписываемой «святому духу», что-нибудь более отталкивающее, чем случай с этим священником, имевшим, вероятно, по обычаю восточных священнослужителей, большую окладистую бороду, покрытым пылью дальнего пути и все-таки внушающим нездоровые страсти всему мужскому населению города?

«Во всех самых возмутительных историях древности,— восклицает Болингброк,— нет ничего, что хотя бы сколько-нибудь приближалось к этой неправдоподобной гнусности. Ангелы содомские были, по крайней мере, цветущие молодые люди; они могли быть ослепительно красивы, как и подобает ангелам, и это могло соблазнить несчастных содомлян; но жители Гивы достигли, по-видимому, последних пределов развращенности».

Что касается решения послать по куску тела умершей женщины каждому из двенадцати еврейских племен, то оно тоже беспримерно и вызывает только омерзение. Надо было, значит, снарядить двенадцать посланцев и нагрузить их этими ужасными дарами. Но где находились двенадцать колен? Кому в каждом племени надлежало вручить двенадцатую часть трупа, раз племена жили без официальных начальников, в рабстве, под игом филистимлян?

«И вышли все сыны израилевы, и собралось все общество, как один человек, от Дана до Вирсавии, и земля Галаадская пред господа в Массифу. И собрались (пред господа) начальники всего народа, все колена израилевы, в собрание народа божия, четыреста тысяч пеших, обнажающих меч» *(Суд., гл. 20, ст. 1—2)*.

Вы, конечно, не забыли, что все это происходит непосредственно вслед за смертью Самсона, когда филистимляне еще держат евреев в самом жестоком рабстве. Как

собрались двенадцать колен? Как потерпели поработители столь многочисленное вооруженное собрание? Библия не говорит этого: похоже на то, что «священный голубь» совершенно забыл о плачевном положении избранного народа. Тем не менее именно к филистимлянам, владельцам земли, надлежало обращаться, чтобы выговорить наказание за преступление, совершенное в их среде: таково право властителей, право, которое они всегда ревниво охраняли.

Несколько далее Библия говорит, что 26 700 «обнажающих меч из колена вениаминова» *(ст. 15)* вступились за виновных. Одиннадцать же других колен выставили четыреста тысяч боеспособных человек *(ст. 17)*.

«Если,— говорит Вольтер,— прибавить к этому числу воинов стариков, женщин и детей, следует считать, что число всех евреев достигало одного миллиона семисот тысяч человек, не считая священников». Но для того, чтобы держать в рабстве такое количество народа, среди которого было 426 000 вооруженных, нужно было бы располагать по меньшей мере восьмисоттысячной армией. И как это владельцы оставили своим рабам оружие, когда в Первой книге Царств *(гл. 13, ст. 19)* сказано, что филистимляне не позволяли евреям иметь ни одного кузнеца из опасения, чтобы они не сделали себе мечей и пик, и что все сыны израиля бывали вынуждены обращаться к господам своим — филистимлянам всякий раз, когда им бывало нужно отточить свои хозяйственные орудия.

В каком же из этих двух противоречащих друг другу мест Библии острее пошутил «божественный голубь»? В каком именно из стихов «святой дух» больше насмехается над доверчивостью и глупостью верующих?

Мы увидим сейчас, какую серию побоищ вызвало массовое изнасилование наложницы левита. На собрании четырехсот тысяч вооруженных еврейский священник рассказал о происшедшем. Заметим мимоходом, что для выступления на столь многочисленном собрании надо было иметь довольно-таки сильный голос.

Библия приводит его речь. Упоминая вскользь и в скрытых выражениях о том виде возбуждения жителей Гивы, жертвой которого он сам едва не стал, левит потребовал отмщения за свою любовницу. «Наложницу мою так замучили, что она умерла»,— воскликнул он.

Не бесполезно отметить, что в первом повествовании сказано, будто все мужчины города изнасиловали несчаст-

ную, а в речи пострадавшего любовника «голубь» сообщает, что «из всего народа сего было 700 человек отборных, которые, бросая из пращей камни в волос, не бросали мимо» *(гл. 20, ст. 16)*. Это великолепно! Не правда ли?

Возмутительное изнасилование, совершенное всеми мужчинами города Гивы, продолжалось всю ночь — и только одну ночь! Если считать виновными одних только этих семьсот здоровых воинов и принять во внимание, что ночь в Палестине не продолжается более десяти часов, надо признать, что эти взбесившиеся люди что-то уж очень быстро справлялись со своей задачей! Совершенно естественно, что несчастная жертва не могла защищаться против такого количества насильников и вскоре обратилась в бесчувственную массу, над которой они могли надругаться без помехи. Тем не менее весьма удивительно, что наложница левита могла выдерживать насилие 70 человек в час. Меньше минуты на каждого! Неизбежно приходится думать, что с самого начала преступления разбойники организовали между собой определенный порядок, стали в очередь, каждый со своим номером, чтобы не терять ни секунды времени. Можете ли вы после этого отрицать, что Библия подлинно есть книга самых изумительных, действительно единственных в мире «чудес».

Серия побоищ, последовавших после этого ужасного преступления, не менее изумительна.

«И встали сыны израилевы поутру, и расположились станом подле Гивы. И выступили израильтяне на войну против Вениамина, и стали сыны израилевы в боевой порядок близ Гивы. И вышли сыны вениаминовы из Гивы, и положили в тот день двадцать две тысячи израильтян на землю» *(Суд., гл. 20, ст. 19—21)*.

Стоит ли удивляться, что бог покровительствует именно колену вениаминову, которое стало на сторону виновных против всех остальных израильтян, заступившихся за пострадавшего?

«Вениамин вышел против них из Гивы во второй день, и еще положили на землю из сынов израилевых восемнадцать тысяч человек, обнажающих меч» *(Суд., гл. 20, ст. 25)*.

Вот уже истреблено, таким образом, 40 000 защитников правого дела. Это ужасно! Но подождите конца. Сыны израиля выйдут победителями, и это нас утешит. Единственно что может причинить нам горе, так это совершенно

фантастическое количество евреев, умерщвленных своими же кровными братьями.

Еврейская армия одержала окончательную победу, но не потому, что она сражалась за правое дело, а единственно лишь благодаря Финеесу — сыну Елеазара и внуку Аарона. Он вознес горячую молитву по этому поводу господу богу. Финеес?! Значит, он еще не умер, наш старый приятель Финеес? Вот уже, однако, сколько времени, как о нем не было ни слуху ни духу!

«И пришли пред Гиву десять тысяч человек отборных из всего израиля, и началось жестокое сражение; но *сыны Вениамина* не знали, что предстоит им беда. И поразил господь Вениамина пред израильтянами, и положили в тот день израильтяне из сынов Вениамина двадцать пять тысяч человек, обнажавших меч... Сыны Вениамина увидели, что они поражены» *(Суд., гл. 20, ст. 34—36)*.

Тогда они показали армии израиля спины и ускорили шаг по направлению к пустыне. Но армия израиля следовала за ними по пятам. Евреи окружили «сынов Вениамина» и преследовали их до Менухи и «поражали до самой восточной стороны Гивы». И «сыны Вениамина», будучи окружены своими врагами, потеряли 18 000 убитыми *(ст. 42—44)*. Уцелевшие бежали по направлению к скале Риммон, и израильтяне истребили там еще 5000, настигнутых в пути, а затем продолжали преследование до Гидома и «еще убили из них две тысячи человек» *(ст. 45)*. Шестьсот человек спаслись, скрывшись на скале Риммон, и оставались там четыре месяца. А израильтяне, возвратившись с поля битвы, истребили всех уцелевших в Гиве: и людей, и животных. Они сожгли также все города и деревни племени Вениамина *(ст. 47—48)*.

В этом повествовании «святой дух», так расточающий человеческие жизни, по-видимому, несколько запутался. Только недавно он поведал нам, что солдат племени Вениамина было всего 26 700, считая в том числе отборных бойцов Гивы. Но, если мы только не ошибаемся в счете, вот уже 50 000 из колена вениаминова убиты в сражениях, следующих одно за другим с головокружительной быстротой. Следовательно, или во время боев сыны вениаминовы плодились и размножались до того, что число их удвоилось, а это было бы особенно любопытным «чудом»; или же «святой дух», диктуя эти вымыслы, забыл правила сложения, и тогда это «чудо» еще более удивительно!

В этой истории интересно еще и появление нашего замечательного Финееса. Он вдруг оказался в деле в минуту, когда никто его не ожидал, когда все, и не без основания, должны были считать его исключенным из списков живых. Мы давным-давно утешились, предполагая, что он похоронен, если не рядом со своим дедом Аароном, то по крайней мере рядом со своим отцом Елеазаром. Ничего подобного! Мы огорчались совершенно напрасно. Стих 28 главы 20 книги «Судей» исключает возможность каких бы то ни было ошибок: речь идет не о тезке и не об однофамильце, ибо Финеес, просящий бога даровать победу израильтянам против «сынов вениаминовых», есть именно «Финеес, сын Елеазара, сына Ааронова».

Вы еще не соображаете, в чем дело? Тогда посчитайте по пальцам, и вы будете изумлены.

Это тот самый Финеес, о котором мы читали, что он при жизни Моисея поразил еврея Зимри и прекрасную мадианитянку Хазву своим карающим мечом в минуту, когда эта пара издавала любовные вздохи. Книга «Числа», которая в главе 25 дает нам официальный отчет о подвиге этого левита, так и величает Финееса — «сын Елеазара, сына Аарона» *(ст. 7 и 11)*. Это было, как помнит читатель, в Моаве, до прибытия евреев в «землю обетованную», задолго до перехода через Иордан. Следовательно, немало воды утекло с тех пор — со времени смерти Зимри до побоища, учиненного колену вениаминову. Это побоище произошло после смерти Самсона. Оно заканчивает книгу «Судей».

Вы, конечно, не забыли еще, что между евреями, достигшими двадцатилетнего возраста с момента исхода из Египта, генерал Иисус и господин Халев были единственными, кому бог пообещал вступление в землю Ханаанскую. С другой стороны, Библия говорит, что Иисус прожил 110 лет. Если сложить 40 лет его скитания по пустыне с двадцатью годами его возраста к моменту перехода через Красное море, то окажется, что ему было лет шестьдесят, когда он сменил Моисея. Следовательно, он командовал и управлял евреями лет пятьдесят.

Сколько же времени прошло со времени перехода евреев через Иордан под водительством Иисуса до истребления «сынов вениаминовых»?

Правление Иисуса — 50 лет. Стих 10 главы 2 книги «Судей» говорит, что было целое поколение, «которое не знало господа и дел его». Посчитаем на это поколение 20 лет.

Наступает первое рабство евреев у царя месопотамского — 8 лет. Освобождение, правление судьи Гофониила — 40 лет. Второе рабство, при царе Еглоне,— 18 лет. Благодаря судье Аоду иго сброшено, и избранный народ получает долгий отдых — 80 лет. Наступает третье рабство, при царе Иавине,— 20 лет. Торжество Деборы и Варака и новый отдых — 40 лет. Новое появление мадианитян, четвертое рабство — 7 лет. Подвиги Гедеона и освобождение от мадианитян — 40 лет мира. Евреи снова попадают под иго, но на сей раз под иго собственного тирана — Авимелеха — 3 года. Правление судьи Фолы — 23 года. Правление судьи Иаира — 22 года. Шестое рабство, аммонитянское,— 18 лет. Освобождение благодаря Иеффаю и правление этого судьи — 6 лет. Мирное правление трех судей: Есевона — 7 лет, Елона — 10 лет и Авдона — 8 лет. Седьмое рабство, филистимское,— 40 лет. Подвиги и правление Самсона — 20 лет. Итого 480 лет! Столько времени прошло со времени перехода Иордана евреями, в числе которых был Финеес, сопровождавший отца своего Елеазара, до смерти Самсона.

Заключение: жрец Финеес имел по меньшей мере *пятьсот* лет от роду, когда он обратился к богу с молитвой за израильтян против «сынов вениаминовых», прося бога отомстить за наложницу левита, изнасилованную 700 раз в течение одной ночи бешеными самцами города Гивы!

Но почему библейский текст забывает упомянуть точный возраст великого жреца Финееса? Немного точности здесь было бы не без пользы. Ведь скептики могут сказать, что «священный голубь», поссорившись с арифметикой, забыл также и хронологию, официальную и священную хронологию! Шутка ли сказать?!

Одиннадцать колен израиля, разгромив колено вениаминово, вскоре раскаялись в своих разрушительных действиях. Евреи стонали, говоря: «горе нам! Зачем исчезло одно из наших колен?»

Затем вспомнили о шестистах сынах вениаминовых, которые прозябали, скрывшись на скале Риммон. Почему не стать им семенем, из которого снова разрастется древо Вениамина? Да, но... с самого начала враждебных действий в Массифе евреями сгоряча была дана клятва никогда не выдавать дочерей израиля замуж за человека из колена Вениамина *(Суд., гл. 21, ст. 1)*. Стали искать выход из затруднительного положения. И вот один неглупый человек подсказал: надобно порасспросить, поискать, и, вероятно,

найдутся семьи, которые не находились в Массифе в момент клятвы.

Началось расследование. Оно обнаружило, что евреи, жители города Иавис, не участвовали в митинге, вынесшем резолюцию об истреблении «сынов вениаминовых». Тогда началось истребление добрых евреев, живших в Иависе, и люди, посланные туда с этой благочестивой миссией, успокоились только тогда, когда из всего населения города осталось четыреста девственниц, которых и послали на Риммонскую скалу.

Но жители этой скалы заметили, что полученного количества женщин мало, что двести «сынов вениаминовых» обойдены в дележе. Дело опять становилось затруднительным. Тогда старики вспомнили о великом празднестве в честь бога, которое должно было состояться в городе Силоме, и вынесли следующее мудрое решение: «сынам вениаминовым», не получившим жен, разрешить похитить женщин во время религиозных церемоний и народных празднеств в Силоме. Они и похитили для своего удовольствия двести силомских танцовщиц. Папы и мамы не имели права протестовать, и, исключая их, все были довольны. Потомки Вениамина сейчас же после этого восстановили и отстроили свои сожженные города.

Этот способ восстановления целого племени показался довольно странным всем критикам. Но так как критики нечестивцы, то чего стоят их замечания? «Ковчег завета» находился в Силоме во время празднества, значит, сам бог здесь присутствовал. И если он не стал извергать огня и пламени, которое пожрало бы преступников, то нужно ли еще какое-нибудь доказательство его благосклонного отношения к похитителям молодых прелестниц?

Умолкните, критики! Преклонитесь перед неисповедимыми путями божественного «провидения»!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ТРОГАТЕЛЬНАЯ ИДИЛЛИЯ СВЯТОЙ ПРАМАТЕРИ ИИСУСА ХРИСТА — РУФИ

Мы подошли к той библейской истории, которая вызывает слезы восторга. Это история Руфи и Ноемини. С умилением в душе мы приступаем к пересказу этой истории[1]. Ноеминь, овдовев, потеряла двух своих сыновей, женатых на моавитянках. Одна ее невестка сдалась на уговоры свекрови и «возвратилась к народу своему», а другая — Руфь — объявила: «куда ты пойдешь, туда и я пойду, и где ты жить будешь, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой бог моим богом» *(Руфь, гл. 1, ст. 15—16)*.

Ноеминь и Руфь были до того бедны, что считали счастливым день, в который им удавалось подобрать на чьем-либо сжатом поле немного неубранных ячменных колосьев. Случилось так (вот оно «благостное провидение»!), что Руфь стала собирать колосья на поле некоего Вооза, которого Библия величает человеком «весьма знатным» *(Руфь, гл. 2, ст. 1)*. Он не только не стал гнать Руфь, как ему разрешал закон, но даже сказал ей: «вот, я приказал слугам моим не трогать тебя. Когда захочешь пить, иди к сосудам и пей, откуда черпают слуги мои. Она пала на лице свое, и поклонилась до земли, и сказала ему: ...да буду я в милости пред очами твоими, господин мой! Ты утешил меня, и говорил по сердцу рабы твоей, между тем как я не стою ни одной из рабынь твоих» *(Руфь, гл. 2, ст. 9, 10, 13)*.

Богатый Вооз до того «раздобрел», что даже пригласил Руфь пообедать с его слугами: «ешь хлеб, и обмакивай кусок твой в уксус... она ела, наелась, и еще осталось» *(ст. 14)*.

Утрите слезы умиления! Дальше еще более трогательные образцы религиозной «доброты».

Узнав, на каком поле невестка ее собирала колосья и обедала, Ноеминь всплеснула руками: «человек этот близок к нам; он из наших родственников» *(ст. 20)*. И вот в голове свекрови созрел благочестивый план — пристроить невестку за этого богатого «родственника».

«И сказала ей Ноеминь: Вооз, со служанками которого ты была, родственник наш. Вот, он в эту ночь веет на гумне ячмень.

Умойся, помажься, надень на себя (нарядные) одежды твои, и пойди на гумно, но не показывайся ему, доколе не кончит есть и пить.

Когда же он ляжет спать, узнай место, где он ляжет; тогда придешь и откроешь у ног его, и ляжешь. Он скажет тебе, что тебе делать.

(Руфь) сказала ей: сделаю все, что ты сказала мне.

И пошла на гумно, и сделала все так, как приказывала ей свекровь ее.

Вооз наелся и напился, и развеселил сердце свое, и пошел и *лег* спать подле скирда. И она пришла тихонько, открыла у ног его, и легла.

В полночь он содрогнулся, приподнялся, и вот, у ног его лежит женщина.

И сказал (ей Вооз): кто ты? Она сказала: я Руфь, раба твоя; простри крыло твое на рабу твою, ибо ты родственник.

(Вооз) сказал: благословенна ты от господа (бога), дочь моя! это последнее твое доброе дело сделала ты еще лучше прежнего, что ты не пошла искать молодых людей, ни бедных, ни богатых. Итак, дочь моя, не бойся, я сделаю тебе все, что ты сказала» *(Руфь, гл. 3, ст. 1—11)*.

Вооз, однако, точно соблюдая библейские правила принятия к себе новых жен из овдовевших родственниц, сослался на то, что есть еще один мужчина, более близкий родственник Ноемини и Руфи. Но тот почему-то отказался от прелестной моавитянки. Тогда Вооз созвал народ и объявил, что он берет к себе Руфь.

«И вошел он к ней, и господь дал ей беременность, и она родила сына. И говорили женщины Ноемини: благословен господь, что он не оставил тебя ныне без наследника! И да будет славно имя его в израиле! Он будет тебе отрадою и питателем в старости твоей; ибо его родила сноха твоя... И нарекли ему имя: Овид. Он отец Иессея, отца Давидова» *(Руфь, гл. 4, ст. 13—17)*.

Такова религиозно-назидательная история Руфи, примерной невестки библейской, и Ноемини, красы всех свекровей. Надо попутно воздать дань восхищения великодушию Вооза, который тотчас же, как только Руфь приглянулась ему, позволил ей есть с его жнецами, обмаки-

вая «кусок в уксус», чтобы он не застрял у нее поперек горла.

Критики находят, однако, странным, что богач Вооз, вместо того чтобы ночевать у себя, растянулся на гумне, как делают простые рабочие после жатвы. Но еще более странным кажется им, что Руфь тайком легла рядом с Воозом, как рассказывает автор этой «священной истории». Они видят признаки довольно странного вкуса в том, что библейскому автору кажется естественным и что он заставляет молодую женщину проделывать непристойности без естественного стыда. Если этот Вооз, говорят они, должен был, являясь родственником, жениться на Руфи, то долгом Ноемини, заменявшей ей мать, было честным образом сватать ее. Она не должна была внушать своей невестке поступков, недостойных порядочной женщины. Кроме того, Ноеминь должна была знать сама, что есть родственник ближе Вооза и ей надлежало обратиться именно к нему.

Теперь еще: известно, что христианская церковь производит Иисуса Христа от Давида, следовательно, от Вооза и Руфи. Таким образом, проституция и кровосмесительство еще один раз встречаются в роду того, кого бог избрал якобы для своего земного воплощения. Вооз происходит по прямой линии от Фареса, родившегося от кровосмесительства Фамари, которая притворилась блудницей, чтобы соблазнить своего тестя Иуду. Кроме того, сам Вооз — сын Салмона и Раав, блудницы иерихонской. Что касается Руфи, то она родом моавитянка и, следовательно, принадлежит к племени, происшедшему от кровосмесительства Лота с его старшей дочерью. Вот почтенные предки Иисуса Христа! Вот «чистая» кровь бога, ставшего человеком.

Однако самое любопытное здесь для исследователя то, что, диктуя книгу «Руфь», «голубь» вновь совершенно не заметил, как его грубый обман проглядывает из всех углов.

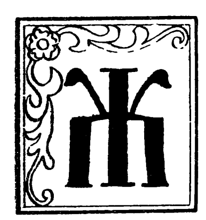
Между Салмоном, супругом Раав, и Иессеем, отцом Давида, имеются только Вооз и Овид. Но Раав и Салмон — современники Иисуса Навина; Раав вышла замуж за Салмона после взятия Иерихона. С другой стороны, Овид жил во времена великого жреца Илия, а преемник Илия Самуил был современником Иессея; правление судей оканчивается Самуилом, который благословил первого иудейского

царя — Саула, затем низложил его и «помазал на царство» Давида.

Хронология книги «Руфь» категорически противоречит Книге Иисуса Навина и книге «Судей», ибо физически невозможно, чтобы имел место описанный в этих книгах длинный ряд разнообразных бедствий еврейского народа, его победоносных войн и его продолжительных и многочисленных состояний рабства и мирной независимости, период, тянувшийся до смерти Самсона, то есть 480 лет, и чтобы Салмон и Вооз, жившие в начале этого периода, были также современниками и его конца.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

СВЯТОЙ ПРОРОК САМУИЛ

ил в некие библейские времена один человек, по имени Елкана, имевший двух наизаконнейших жен — Анну и Феннану. Из них первая не имела детей. Каждый день между ней и ее почтенным супругом происходили скандальнейшие сцены, потому что плодовитая Феннана, которая была противна, как грех, и кисла̀, как уксус, насмехалась над ее бесплодием. Чтобы положить конец этому, Анна решила совершить религиозное паломничество. Но куда идти? Библия говорит, что «ковчег завета» находился тогда в Силоме, под охраной верховного жреца Илия, двух его сыновей и Финееса. (Этого уж не надо смешивать с Финеесом, сыном Елеазара.) Елкана и отправился со своим семейством в Силом.

Приехав в Силом, «ходила она в дом господень... плакала, и не ела. И сказал ей Елкана, муж ее: Анна!.. что ты плачешь, и почему не ешь, и отчего скорбит сердце твое? не лучше ли я для тебя десяти сыновей?

И встала Анна после того, как они ели и пили в Силоме, (и стала пред господом).

Илий же священник сидел тогда на седалище у входа в храм господень.

И была она в скорби души, и молилась господу, и горько плакала.

И дала обет, говоря: господи (всемогущий боже) Саваоф! если ты призришь на скорбь рабы твоей, и вспомнишь обо мне, и не забудешь рабы твоей, и дашь рабе твоей дитя мужеского пола, то я отдам его господу (в дар) на все дни жизни его, (и вина и сикера не будет он пить,) и бритва не коснется головы его.

Между тем, как она долго молилась пред господом, Илий смотрел на уста ее.

И как Анна говорила в сердце своем, а уста ее только двигались, и не было слышно голоса ее, то Илий счел ее пьяною.

И сказал ей Илий: доколе ты будешь пьяною? вытрезвись от вина твоего, (и иди от лица господня)» *(1 Царств, гл. 1, ст. 7—14)*.

Анна не растерялась. Она бойко объяснила, что не пила «ни вина, ни сикера». Первосвященник, увидев свою ошибку, заинтересовался ею. Известно, как осуществляются чудеса вроде того, о котором молила Анна. Тот же испытанный способ практикуется и в наши дни. Нетрудно догадаться, что произошло. С разрешения Елкана, мужа благочестивой плакальщицы, Илий пригласил бесплодную жену навестить его в святилище. Анна, правда, несколько колебалась, но муж сам успокаивал ее: иди, говорил он, с этим господином, он даст тебе подержать священный талисман, и это тебе поможет. Таким образом, Анна была допущена в «святилище».

Пребывание Анны в храме несколько затянулось, и Елкана присел отдохнуть под внешней колоннадой храма. Наконец дорогая супруга появилась, сопровождаемая Офни и Финеесом, сыновьями жреца, лица которых сияли неизвестно по какой причине. Они уверили доброго Елкану, что, вне всяких сомнений, бог на сей раз оросит Анну своей всемогущей благодатью. И правда, спустя девять месяцев в семействе Елканы появился здоровенный бутуз, которого назвали Самуилом. Анна, торжествуя, повторяла свой обет никогда не срезать ни одного локона с головы этого желанного ребенка.

Когда Самуил подрос, Анна привела его к верховному жрецу Илию. Мальчик был посвящен богу. Его заставили петь в церковном хоре и стеречь алтарь. Илий заверил мать своим словом «пророка», что отроку предстоит необыкновенная карьера. Добрая Анна была так довольна, что тут же, не сходя с места, сложила длинную песнь, целиком изложенную в главе 2. Читатель должен благодарить нас за то, что мы пропускаем ее.

Но нельзя обойти молчанием стихов, исполненных негодования, которыми «святой дух» поносит поведение господ Офни и Финееса, двух «негодяев», причинявших большие убытки господу богу.

«Сыновья же Илия были люди негодные; они не знали господа и долга священников в отношении к народу. Когда кто приносил жертву, отрок священнический, во время варения мяса, приходил с вилкою в руке своей, и опускал ее в котел, или в кастрюлю, или на сковороду, или

в горшок, и что вынет вилка, то брал себе священник. Так поступали они со всеми израильтянами, приходившими туда в Силом. Даже прежде, нежели сожигали тук, приходил отрок священнический и говорил приносившему жертву: «дай мяса на жаркое священнику; он не возьмет у тебя вареного мяса, а дай сырое». И *если* кто говорил ему: «пусть сожгут прежде тук, как должно, и *потом* возьми себе, сколько пожелает душа твоя», то он говорил: «нет, теперь же дай, а если нет, то силою возьму». И грех этих молодых людей был весьма велик пред господом: ибо они отвращали от жертвоприношений господу» *(1 Царств, гл. 2, ст. 12—17).*

Это еще не все! Сыновья Илия «спят с женщинами, собиравшимися у входа в скинию собрания» *(ст. 22).*

Великий жрец знал обо всех этих возмутительных поступках его сыновей, но профессиональное спокойствие служителя религии за то, что верующие все это снесут, заставляло его молча взирать на эти столь обычные для духовенства поступки своих сыновей.

Купно с сим похвальным негодованием Библия рассказывает в той же главе, что мать Самуила аккуратно навещала своего сына в Силоме. «И благословил Илий Елкану и жену его, и сказал: да даст тебе господь детей от жены сей вместо данного, которого ты отдал господу! И пошли они в место свое. И посетил господь Анну, и зачала она, и родила еще трех сыновей и двух дочерей; а отрок Самуил возрастал у господа» *(1 Царств, гл. 2, ст. 20—21).*

Скептики, пожалуй, подумают, что увеличение семейства Елканы произошло опять не без участия Офни и Финееса. Но верующие возразят, что один только папаша Саваоф занялся оплодотворением любезной Анны и что это-то и было благо, тогда как сыновья Илия, спавшие с другими богомолками, были обыкновеннейшими негодяями. Было бы большим святотатством забирать себе прекрасных женщин, избранных богом, не меньше, пожалуй, чем совать вилки в священную кастрюлю, где варилось мясо для самого господа бога.

«Отрок Самуил служил господу при Илии; слово господне было редко в те дни, видения *были* не часты.

И было в то время, когда Илий лежал на своем месте,— глаза же его начали смежаться, и он не мог видеть,—

И светильник божий еще не погас, и Самуил лежал в храме господнем, где ковчег божий;

Возвал господь к Самуилу: (Самуил, Самуил!). И отвечал он: вот я!

И побежал к Илию, и сказал: вот я! ты звал меня. Но тот сказал: я не звал тебя; пойди назад, ложись. И он пошел и лег.

Но господь в другой раз воззвал к Самуилу: (Самуил, Самуил!). Он встал, и пришел к Илию вторично, и сказал: вот я! ты звал меня. Но тот сказал: я не звал тебя, сын мой; пойди назад, ложись.

Самуил еще не знал тогда *голоса* господа, и еще не открывалось ему слово господне.

И воззвал господь к Самуилу еще в третий раз. Он встал, и пришел к Илию, и сказал: вот я! ты звал меня. Тогда понял Илий, что господь зовет отрока.

И сказал Илий Самуилу: пойди назад и ложись, и когда (зовущий) позовет тебя, ты скажи: «говори, господи; ибо слышит раб твой». И пошел Самуил, и лег на месте своем.

И пришел господь, и стал, и воззвал, как в тот и другой раз: Самуил, Самуил! И сказал Самуил: говори, (господи,) ибо слышит раб твой.

И сказал господь Самуилу: вот, я сделаю дело в израиле, о котором кто услышит, у того зазвенит в обоих ушах.

В тот день я исполню над Илием все то, что я говорил о доме его; я начну и окончу.

Я объявил ему, что я накажу дом его на веки за ту вину, что он знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их.

И посему клянусь дому Илия, что вина дома Илиева не загладится ни жертвами, ни приношениями хлебными вовек» *(*1 *Царств, гл. 3, ст. 1—14).*

Наутро первосвященник захотел узнать конец ночного приключения; можно себе представить все затруднения, которые испытывал молодой левит — его ученик. Илий стал настаивать, требовать всю правду, и в конце концов Самуил разоткровенничался.

«И объявил ему Самуил все, и не скрыл от него *ничего.* Тогда сказал (Илий): он — господь; что ему угодно, то да сотворит. И возрос Самуил, и господь был с ним; и не осталось ни одного из слов его не исполнившимся. И узнал весь израиль, от Дана до Вирсавии, что Самуил удостоен быть пророком господним» *(ст. 18—20).*

Эта первая часть истории знаменитого пророка, который вместе с тем был и последним из судей израилевых, возбудила некоторые критические замечания. По поводу самой книги, приписываемой Самуилу, Фрере представил следующие общие соображения. Он отмечает ошибку, в которую не впал бы ни один серьезный историк, заключающуюся в том, что читатель оставлен в полном неведении относительно общего положения народа, о котором идет речь. Действительно, очень трудно заключить, какое пространство занимали евреи во времена жречества Илия, в каких именно местах они жили, были ли они еще рабами или только данниками финикиян, которых невежественные еврейские писатели, кстати сказать, упрямо называют филистимлянами. Автор был, по-видимому, жрецом, которого интересовали исключительно только вопросы его профессии, все же остальное он считал пустяками.

Автор указывает на город Силом как на резиденцию верховного жреца Илия. По этому поводу Вольтер замечает, что деревня, называвшаяся Силом, принадлежала финикиянам и что маловероятно, чтобы они потерпели у себя пребывание верховного жреца чужой веры. Если «ковчег завета» и находился в этой деревне, то держать его могли там только втайне, ибо, как мы узнаем далее, филистимляне овладели им лишь много времени спустя, в результате довольно ожесточенной битвы. Но тогда как объяснить паломничество евреев в Силом?

В описании происшествий с Самуилом автор дает понять, что бог не удостаивал евреев столь частых собеседований, как раньше. Здесь еще раз проглядывает идеология всех первобытных народов, веровавших, что когда народ побежден, то побежден и его бог, и что, когда он снова подымается, подымается и его бог.

Многие считают, что если иудео-христианский бог действительно творец вселенной, то его заставляют играть, в конце концов, самую глупую роль: он сидит в сундуке, откуда посреди ночи три раза напрасно зовет мальчика, раньше чем высказать, чего он хочет. Вулстон высказывает удивление по поводу того, что маленький Самуил не сумел отличить голос «всевышнего» потому-де, что бог никогда еще с ним не разговаривал. Конечно, трудно «узнать» голос, если никогда дотоле его не слышал. Но выражаясь так, «священный» автор представляет своего бога имеющим человеческий голос, и притом определенного характера,

подобно тому, как голос каждого человека имеет свои индивидуальные особенности.

Отсюда можно вывести еще одно доказательство того, что евреи представляли себе своего бога во плоти и видели в нем только человека высшего порядка, живущего обыкновенно в облаках и спускающегося иногда на землю, чтобы посетить своих любимцев, иногда покровительствующего им, иногда оставляющего их; то побежденного, то победителя. Одним словом, таким же, каким являются древнегреческие и другие «языческие» боги.

Вот уже вырос молодой Самуил, а «священный голубь» все еще не пресекает поведения Офни и Финееса. Продолжали ли они совать вилки в котел господа бога? Мы знаем только, что Самуил все сказал израильтянам; следовательно, осуждение Илия и его семейства сделалось «секретом полишинеля». Но это не мешало, однако, верующим продолжать содержать осужденного жреца и его сыновей. Может быть, эти последние, опасаясь кары, теперь отказались от своих святотатственных привычек? Но мы знаем также, что библейский бог очень злопамятен. И вот что произошло далее. Здесь нужно привести «слово божие» текстуально.

«Выступили израильтяне против филистимлян на войну... И выстроились филистимляне против израильтян, и произошла битва, и были поражены израильтяне филистимлянами, которые побили на поле сражения около четырех тысяч человек.

И пришел народ в стан; и сказали старейшины израилевы: за что поразил нас господь сегодня пред филистимлянами? возьмем себе из Силома ковчег завета господня, и он пойдет среди нас, и спасет нас от руки врагов наших.

И послал народ в Силом, и принесли оттуда ковчег завета господа Саваофа, седящего на херувимах; а при ковчеге завета божьего были и два сына Илиевы Офни и Финеес.

И когда прибыл ковчег завета господня в стан, весь израиль поднял такой сильный крик, что земля стонала.

И услышали филистимляне шум восклицаний, и сказали: отчего такие громкие восклицания в стане евреев? И узнали, что ковчег господень прибыл в стан.

И устрашились филистимляне; ибо сказали: бог тот пришел к ним в стан. И сказали: горе нам! ибо не бывало подобного ни вчера, ни третьего дня.

Горе нам! кто избавит нас от руки этого сильного бога? Это — тот бог, который поразил египтян всякими казнями в пустыне.

Укрепитесь и будьте мужественны, филистимляне, чтобы вам не быть в порабощении у евреев, как они у нас в порабощении; будьте мужественны и сразитесь с ними.

И сразились филистимляне, и поражены были израильтяне, и каждый побежал в шатер свой, и было поражение весьма великое, и пало из израильтян тридцать тысяч пеших.

И ковчег божий был взят, и два сына Илиевы, Офни и Финеес, умерли.

И побежал один вениамитянин с места сражения, и пришел в Силом в тот же день; одежда на нем была разодрана и прах на голове его.

Когда пришел он, Илий сидел на седалище при дороге у ворот и смотрел; ибо сердце его трепетало за ковчег божий. И когда человек тот пришел и объявил в городе, то громко восстенал весь город.

И услышал Илий звуки вопля, и сказал: отчего такой шум? И тотчас подошел человек тот, и объявил Илию.

Илий был тогда девяноста восьми лет; и глаза его померкли, и он не мог видеть.

И сказал тот человек Илию: я пришел из стана, сегодня же бежал я с места сражения. И сказал *Илий:* что произошло, сын мой?

И отвечал вестник и сказал: побежал израиль пред филистимлянами, и поражение великое произошло в народе, и оба сына твои, Офни и Финеес, умерли, и ковчег божий взят.

Когда упомянул он о ковчеге божием, *Илий* упал с седалища навзничь у ворот, сломал себе хребет и умер; ибо он *был* стар и тяжел. Был же он судьею израиля сорок лет.

Невестка его, жена Финеесова, была беременна уже пред родами. И когда услышала она известие о взятии ковчега божия и о смерти свекра своего и мужа своего, то упала на колени и родила; ибо приступили к ней боли ее.

И когда умирала она, стоявшие при ней женщины говорили ей: не бойся, ты родила сына. Но она не отвечала и не обращала внимания.

И назвала младенца: Ихавод, сказав: «отошла слава от израиля» — со взятием ковчега божия и (со смертью) свекра ее и мужа ее.

Она сказала: отошла слава от израиля; ибо взят ковчег божий» *(1 Царств, гл. 4, ст. 1—22).*

«Священный» автор не рассказывает, ни как возмутились евреи против своих поработителей филистимлян, ни в чем заключался предмет войны, ни какую территорию занимали евреи. «Священный» автор говорит только, что 30 000 евреев были истреблены, несмотря на присутствие «ковчега завета».

«Как поверить,— говорит Вольтер,— что народ, находящийся в рабстве и понесший такие большие потери, мог так быстро подняться?»

Критики всегда подозревали «священного» автора в склонности к преувеличениям как в описании успехов, так и в описании неудач. В данном месте Библии он гораздо больше занят прославлением Самуила, нежели внесением ясности в еврейскую историю. Напрасно ждать верного описания страны евреев; обстоятельств, среди которых произошло восстание; крепостей или по крайней мере пещер, которые они занимали; мер обороны, которые они приняли; военачальников, которые вели бои,— ничего из всех этих важных и существенных обстоятельств! Именно отсюда Болингброк заключает, что левит, автор этой истории, писал так, как писали средневековые монахи, записывая отдельные события в духе своих взглядов. И Вольтер прибавляет со своей едкой иронией: «Без сомненья, Самуил, став пророком, к которому бог обращал свое слово еще с детства, был гораздо более важен, чем 30 000 человек убитых, которые ни разу не были удостоены божьего слова. Вот, вероятно, почему священное писание гораздо более тщательно описывает еврейских пророков, чем еврейский народ».

Теперь внимание, читатель! Будем серьезны! Мы приближаемся к такому месту Библии, которое располагает к веселью не больше, чем искусственная нога инвалида. Речь идет об истории с золотыми геморроидальными шишками.

Не смейтесь же! Это очень серьезно и, конечно, вполне благочестиво, ибо рассказано «духом святым».

Чтобы наказать Офни и Финееса, которые в течение продолжительного времени совали вилки в божьи кастрюли, бог-отец придумал попасться в руки филистимлян в своем знаменитом «ковчеге завета». Офни и Финеес защищали ковчег, то есть защищали и самого бога, но он пожелал (такова уж непостижимость божественной воли!), чтобы оба

левита были умерщвлены за него, в обществе еще 30 000 других евреев, которые, однако, никогда не ели из его кастрюли. Это было сенсационное наказание!

В конце концов, предавая сам себя в руки язычников-филистимлян, бог сам и совершал святотатство против себя же. Быть может, все это не кажется вам логичным? Зато оно божественно, и любой богослов подтвердит вам это.

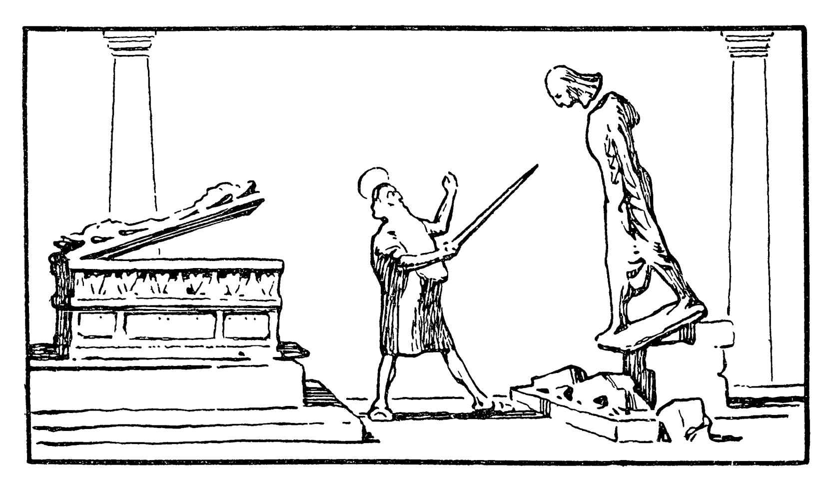
Отметим сначала, что эти филистимляне, которые в отношении преданности богам были, в сущности, хорошими людьми, обнаружили самое большое почтение и к плененному израильскому богу. Мы только что видели, что они страшились его могущества. Далекие от нетерпимого фанатизма, позволяющего оскорблять святыни чужих религий, они окружили сундук еврейского бога всяческим почетом.

Если бы какой-нибудь Юпитер или Будда попал в руки христианских инквизиторов, они бросили бы его в помойную яму. Филистимляне, наоборот, зная, что в «ковчеге», доставшемся им в результате кровопролития, сидел еврейский бог, торжественно перенесли священную коробку в Азот, где находился один из самых пышных филистимских храмов — храм бога Дагона. Там они и поместили «ковчег завета» в наиболее почитаемой части святилища, рядом с самим Дагоном.

Филистимляне рассуждали, очевидно, так: бог израиля есть бог первоклассный. Мы-де знаем, какие чудеса он творил, когда ему надо было вывести евреев из Египта; раз уж нам посчастливилось поймать его, постараемся быть к нему внимательны, чтобы расположить его в нашу пользу; окажем ему почести наравне с Дагоном; лишний бог-покровитель никогда не повредит.

Увы! Эти простодушные филистимляне попали пальцем в небо: они очень скоро изведали на себе скверный характер библейского бога. В вечер водворения «ковчега» в храме азотском жрецы Дагона возвратились домой, оставив на ночь своего бога с глазу на глаз с еврейским богом. Если бы вместо еврейского бога Яхве финикиянам посчастливилось завладеть каким-нибудь египетским Анубисом, или персидским Ормуздом, или греческим Аполлоном, все сошло бы благополучно в эту и в последующие ночи. Оба бога приятельски покалякали бы, рассказали бы друг другу курьезы из области религиозного помешательства своих верующих и легли бы спать. Они сделались бы добрыми товарищами, и жители Азота благоденствовали бы.

Ничего подобного! Старый ворчун Саваоф воспользовался отсутствием жрецов бога Дагона и обошелся с ним, как с непримиримым соперником; ему очень хотелось доказать, что он более могуч, чем официальный идол филистимлян. А Дагон был, в сущности, незлобивый бог; он не заставлял приносить ему человеческие жертвы и был вообще добряк. Следовательно, он должен был быть весьма удивлен, когда среди ночи Яхве внезапно вырвался из своей коробки, набросился на него как бешеный и свалил его.

«...и вот, Дагон лежит ниц на земле пред ковчегом господним» (1 *Царств, гл. 5, ст. 4*).

Библия не описывает подробностей этого ночного происшествия, но из всего текста ясно, что именно так и было. «И взяли филистимляне ковчег божий, и внесли его в храм Дагона, и поставили его подле Дагона. И встали азотяне рано на другой день, и вот, Дагон лежит лицем своим к земле пред ковчегом господним. И взяли они Дагона, и опять поставили его на свое место» (1 *Царств, гл. 5, ст. 1—3*).

Вторая ночь оказалась еще ужаснее первой. Яхве было обидно делить поклонение азотян с Дагоном. Быть может, он и сам чувствовал, что его ревность смешна и манеры его грубы. Целый день он лежал спокойно в глубине ковчега.

Ах, если бы набожные люди того времени вдруг увидели, как бог высовывается из коробки, если бы он хоть немного

поагитировал их. Азотяне отказались бы тогда от культа своего идола. Но нет же! Бог Саваоф лежал смирно и не показывался. Он молча злился. Он желал оставаться в темноте, чтобы затем, дав исход дурному настроению, насытить свою злобу.

На этот раз Дагону влетело очень жестоко: «и встали они поутру на следующий день, и вот, Дагон лежит ниц на земле пред ковчегом господним; голова Дагонова и (обе ноги его и) обе руки его (лежали) отсеченные, каждая особо, на пороге, осталось только туловище Дагона» (1 *Царств, гл. 5, ст. 4*).

Все это, конечно, не могло не смутить жителей города. Они, однако, опять ничего не поняли и, в чистоте своей душевной, были очень далеки от подозрений, чтобы виновником ночного разрушения оказался обитатель священного ящика. Но страшный бич вскоре поразил их. Здесь опять нужно привести подлинный текст: «И отяготела рука господня над азотянами, и он поражал их, и наказал их мучительными наростами, в Азоте и в окрестностях его, (а внутри страны размножились мыши, и было в городе великое отчаяние)» (*ст. 6*) [1]. Тут-то азотяне поняли, что только перст израильского бога мог причинить им такое бедствие.

Старейшины приказали перенести «ковчег завета» в другой город. Для этой цели был избран Геф. Прибытие «ковчега» в Геф тотчас же ознаменовалось появлением наростов у всех жителей также и этого города. Из Гефа «ковчег» был перенесен в Аскалон, где бедствие повторилось. По-видимому, несчастная страна изнывала под ударами «бича господня». «И те, которые не умерли, поражены были наростами, так что вопль города восходил до небес» (*ст. 12*).

В течение семи месяцев филистимляне таскали злополучный «ковчег божий» из города в город, и повсюду появление этого божьего логова сопровождалось распространением все той же тяжелой и изнурительной болезни. В конце концов, решили посоветоваться с прорицателями. Это были жрецы «ложной» религии, ложной, конечно, с точки зрения христианства. Но все же они оказались великолепными пророками! Филистимляне решили возвратить «ковчег».

«Те сказали: если вы хотите отпустить ковчег (завета господа) бога израилева, то не отпускайте его ни с чем, но принесите ему жертву повинности; тогда исцелитесь и узнаете, за что не отступает от вас рука его.

И сказали они: какую жертву повинности должны мы принести ему? Те сказали: по числу владетелей филистимских пять наростов золотых и пять мышей золотых; ибо казнь одна на всех вас и на владетелях ваших.

Итак сделайте изваяния наростов ваших и изваяния мышей ваших, опустошающих землю, и воздайте славу богу израилеву; может быть, он облегчит руку свою над вами, и над богами вашими, и над землею вашею.

И для чего вам ожесточать сердце ваше, как ожесточили сердце свое египтяне и фараон? вот, когда господь показал силу свою над ними, то они отпустили их, и те пошли.

Итак возьмите, сделайте одну колесницу новую, и возьмите двух первородивших коров, на которых не было ярма, и впрягите коров в колесницу, а телят их отведите от них домой.

И возьмите ковчег господень, и поставьте его на колесницу; а золотые вещи, которые принесете ему в жертву повинности, положите в ящик сбоку его; и отпустите его, и пусть пойдет.

И смотрите, если он пойдет к пределам своим, к Вефсамису, то он великое сие зло сделал нам; если же нет, то мы будем знать, что не его рука поразила нас, а сделалось это с нами случайно» (1 *Царств, гл. 6, ст. 3—9*).

Читая эту историю, невольно вспоминаешь девяностолетнюю Сарру, взятую за красоту царем герарским, который считал ее сестрой Авраама. Вы помните, что, пока царь не отпустил жены патриарха, у всех герарских женщин «чрева» были «заключены» по божьему повелению. Здесь перст божий коснулся другого места филистимлян-мужчин. Несчастные чрева! Их невинность во всех происшедших событиях не оставляла никаких сомнений, а вместе с тем они так жестоко пострадали! Почему этот странный библейский бог простил сводничество Авраама, единственного виновника герарского несчастья? Ведь он один спекулировал чарами своей супруги, выдавая ее за сестру. И почему тот же бог наказал филистимлян за то, что они овладели им самим, взяв его вместе с его ковчегом? Ведь он сам заставил себя взять. Священная тайна и божественная путаница!

Однако филистимляне послушались совета своих прорицателей. Они изготовили пять золотых мышей и пять золотых геморроидальных шишек, представлявших жертву пяти главных городов: Азота, Гефа, Аскалона, Газы и Аккарона.

Они взвалили ковчег и эти жертвы на колесницу, запрягли в нее двух молодых коров, от которых отняли телят, и пустили без погонщика через поля.

«И пошли коровы прямо на дорогу к Вефсамису; одною дорогою шли, шли и мычали, но не уклонялись ни направо, ни налево; владетели же филистимские следовали за ними до пределов Вефсамиса» *(1 Царств, гл. 6, ст. 12)*.

Как все это чудесно и как вправе верующие гордиться содержанием такой прекрасной религии! В Библии поистине нет недостатка в пророках. Даже филистимские прорицатели, сыны проклятого народа, рассматриваются как истинные пророки. Каждая страна имеет своих пророков, и авторы Библии, будучи сами пророками, уважают свое звание даже в чужеземных идолопоклонниках, имеющих ту же профессию. В своем необыкновенном могуществе бог производит сверхъестественное, вдохновляя прорицателей и пророков даже «ложных» религий, чему пример Валаам. Бог не отказывает даже и в чудесах волхвам и магам враждебных ему верований, как мы это видели на примерах египетских волхвов, сумевших повторить некоторые чудеса Моисея. А коровы, возвращающие на место «ковчег завета»,— разве это не блистательное чудо? Они идут в Вефсамис, к евреям, сами по себе, без возницы, управляемые невидимым перстом божьим! Не стали ли и они пророчицами? Для бога ведь все возможно! Вспомним, кстати, «валаамову ослицу», говорившую человечьим голосом.

«*Жители* Вефсамиса жали тогда пшеницу в долине, и, взглянув, увидели ковчег господень, и обрадовались, что увидели его.

Колесница же пришла на поле Иисуса вефсамитянина и остановилась там; и был тут большой камень, и раскололи колесницу на дрова, а коров принесли во всесожжение господу.

Левиты сняли ковчег господа и ящик, бывший при нем, в котором *были* золотые вещи, и поставили на большом том камне; жители же Вефсамиса принесли в тот день всесожжения и закололи жертву господу» *(1 Царств, гл. 6, ст. 13—15)*.

И это еще не все! Уже довольно давно бог что-то никого не испепелял и не истреблял из своего возлюбленного народа. Чем же мог он лучше ознаменовать свое возвращение в «лоно израиля», как не соответственной бойней? И вот, любуйтесь! Да радуются сердца верующих! «И поразил он

жителей Вефсамиса за то, что они заглядывали в ковчег господа, и убил из народа пятьдесят тысяч семьдесят человек; и заплакал народ, ибо поразил господь народ поражением великим» (1 *Царств, гл. 6, ст. 19)*.

Господь бог вообще не любит шуток и не переносит праздного любопытства в отношении своей персоны. Не объявлял ли он несколько раз, что, за исключением редких случаев, всякий, кто увидит его в лицо, умрет? Так что эти вефсамистские зеваки были, в конце концов, достаточно предупреждены. Скажите на милость, что за дурацкая мысль — заглядывать в «ковчег»? Очевидно, филистимляне были более почтительны и воздержались от желания приподнять крышку «священной» коробки. Поэтому бог и ограничился тем, что наслал на них только ...геморрой.

Еще одно замечание мимоходом: хотя город Вефсамис абсолютно неизвестен географии, однако это должен был быть, вероятно, очень значительный город, раз там могло найтись одних только любопытных 50 070 человек, истребленных на месте. Эта внезапная смерть стольких тысяч вефсамитян еще и еще раз показывает нам самым точным образом, что собой представляет «святой дух». Давайте рассуждать так.

Физически невозможно, чтобы 50 070 человек окружили «ковчег» все вместе одновременно. Не правда ли? Допустим, десять, двадцать, ну, если хотите, тридцать человек единовременно, сразу, все вместе, подняли крышку и вперились взглядом в ящик. Эти первые тридцать любопытных тотчас же поплатились за свою смелость и пали замертво. Мы допускаем, что еще тридцать человек не поняли урока и повторили дерзость предыдущих с тем же жестоким результатом. Допустим еще и третью очередь неустрашимых. Но в конце концов вефсамитянам делается все труднее и труднее подойти к «ковчегу»: им приходится шагать по трупам для того, чтобы заглянуть в «священную» коробку. Надо, в самом деле, слишком много упрямства для того, чтобы настойчиво желать быть уничтоженным на месте, когда видно, к чему приводит это любопытство. Как бы они ни были упрямы, эти вефсамитяне, они, однако, поневоле должны были бы наконец остановиться, ибо нагромождение трупов сделало бы «ковчег» просто недоступным. Надо скорее допустить обратное: как только свалились первые несколько десятков, естественный ужас должен был заставить толпу панически разбежаться.

Конечно, число, названное в «священном» тексте, очень уж сильно преувеличено, это вне всякого сомнения. К допустимым 70 жертвам «священный голубь» просто приворковал еще 50 000.

Постараемся никого не удивить, напоминая, что, согласно Библии, вефсамитяне, уцелевшие от побоища, поспешили угнать «ковчег» подальше. Текст говорит в Кириаф-Иарим. Смертоносный сундук оставался там 20 лет. Лишь по истечении этого срока бог решил наконец даровать своему избранному народу победу над филистимлянами между Массифой и Вефхором *(1 Царств, гл. 7, ст. 11)*.

Самуил же продолжал быть судьей израиля. Во исполнение обета своей матери он не стриг волос. Библия прибавляет, что он сумел снискать любовь евреев всяческими благодеяниями и что его популярность была громадна. Впоследствии, когда сын Анны постарел, он назначил своих обоих сыновей — Иоиля и Авию своими помощниками. Но эти молодцы стоили, вероятно, немногим больше Офни и Финееса. «Сыновья его не ходили путями его, а уклонились в корысть, и брали подарки, и судили превратно» *(1 Царств, гл. 8, ст. 3)*.

Любопытный факт: бог, умертвивший сыновей Илия, на этот раз не обрушил своих молний на беззаконников, как ни скандально и ни возмутительно было поведение этих сыновей Самуила: судьи-взяточники не затрагивали личных интересов господа бога, и их преступления были поэтому в его глазах сущими пустяками рядом со святотатственными попытками Офни и Финееса, которые смели совать свои вилки в обеденную кастрюльку самого господа бога.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ И СВЯЩЕННОЕ КОРОНОВАНИЕ ПОМАЗАННИКА БОЖИЯ — ЦАРЯ САУЛА

Было бы ошибкой думать, что история Самуила кончается в момент, когда, удрученный старостью, он был вынужден переложить свои обязанности на сыновей: до самой своей смерти Самуил играл первенствующую роль. Мы еще увидим, как он выступает лично при своей жизни и даже после смерти.

В одно прекрасное утро старейшины израиля собрались у Самуила для того, чтобы просить у него царя:

— У соседних народов есть цари; почему бы и нам не иметь царя?

Пророк, посоветовавшись с богом, в ответ представил им картину, не особенно благоприятно рисующую царскую власть.

— Вы хотите царя? — сказал он старейшинам.— Хорошо! Но зато знайте, каковы будут нравы и обычаи царя: «сыновей ваших он возьмет, и приставит их к колесницам своим, и *сделает* всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; и поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его. И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. И поля ваши, и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет, и отдаст слугам своим. И от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть, и отдаст евнухам своим и слугам своим. И рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет, и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете ему рабами. И восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет господь отвечать вам тогда» (*1 Царств, гл. 8, ст. 11—18*).

Несмотря на все свое красноречие, Самуилу не удалось убедить слушателей. Надо признать, что его в общем вполне правильная речь против царского режима сильно

отдает досадой против желания евреев ограничить власть жрецов. Дело-то сводилось к тому, что наивные евреи, которых так хорошо стригли их священники, просили переменить им стригущего.

Кончилось тем, что бог сказал своему пророку: «Послушай голоса их, и поставь им царя» *(ст. 22)*.

Для кого же приберег бог первую корону израиля?

«Был некто из сынов Вениамина, имя его Кис, сын Авиила, сына Церона, сына Бехорафа, сына Афия, сына некоего вениамитянина, человек знатный. У него был сын, имя его Саул, молодой и красивый; и не было никого из израильтян красивее его; он от плеч своих был выше всего народа» *(1 Царств, гл. 9, ст. 1—2)*.

Саул был очень нехитрый парень; он пас ослиц своего отца.

Кис отправил его в сопровождении слуги на поиски ослиц. Без успеха бродили они по окрестностям. Слуга посоветовал спросить «прозорливца», куда запропастились ослицы. Саул заметил, что «прозорливцу» надо заплатить, а у них ничего нет.

— Пусть это вас не беспокоит,— ответил слуга,— у меня есть четверть сикля серебра. Его мы и предложим «божьему человеку».

Библия далее рассказывает, что Саул и его слуга прибыли в городок и спрашивали, где живет «прозорливец», и что местные девицы указали им дом, где жил этот «провидец». Саул и его спутник вошли туда.

«А господь открыл Самуилу за день до прихода Саулова и сказал: завтра в это время я пришлю к тебе человека из земли вениаминовой; и ты помажь его в правителя народу моему — израилю, и он спасет народ мой от руки филистимлян; ибо я призрел на народ мой, так как вопль его достиг до меня. Когда Самуил увидел Саула, то господь сказал ему: вот человек, о котором я говорил тебе; он будет управлять народом моим» *(1 Царств, гл. 9, ст. 15—17)*.

Саул спросил Самуила, где живет «прозорливец». Самуил сказал, что он и есть «прозорливец», и пригласил Саула отобедать у него. У «прозорливца» в этот день было 30 человек гостей. За столом он отвел Саулу почетное место, и повар поднес ему особо приготовленное блюдо. Чтобы прежде всего успокоить Саула насчет пропажи, Самуил сказал ему, что ослицы нашлись и что, возвратившись домой, он увидит их у своего отца. А на другое утро, перед

расставанием, Самуил помазал маслом голову Саула и сообщил ему, что он стал царем и что в него вошел «божий дух».

И действительно оно так и было: произошло полное преображение сына Киса. Он перестал быть самим собою. Возвратившись в отчий дом, он увидел у самых ворот милых своих ослиц. Это так на него подействовало, что он тут же стал «пророчествовать», и притом с такой уверенностью, как будто «прорицание» всегда было его ремеслом и как будто всю жизнь он ничем другим не занимался *(*1 *Царств, гл. 10, ст. 1—16).*

В это время «ковчег завета» был в Массифе. Здесь Самуил и собрал народ израилев; «священный голубь» ничего не говорит ни относительно времени этого собрания, ни относительно того, каким образом многомиллионные массы могли собраться в одном городке.

Самуил «сказал сынам израилевым: так говорит господь, бог израилев: я вывел израиля из Египта, и избавил вас от руки египтян и от руки всех царств, угнетавших вас.

А вы теперь отвергли бога вашего, который спасает вас от всех бедствий ваших и скорбей ваших, и сказали ему: «царя поставь над нами». Итак предстаньте теперь пред господом по коленам вашим и по племенам вашим.

И велел Самуил подходить всем коленам израилевым, и указано колено вениаминово.

И велел подходить колену вениаминову по племенам его, и указано племя Матриево; и приводят племя Матриево по мужам, и назван Саул, сын Кисов; и искали его, и не находили» *(*1 *Царств, гл. 10, ст. 18—21).*

Самуил не сказал народу: «Саул был указан мне богом некоторое время тому назад, и я уже натер его маслом. Ему и быть вашим царем». Процедура выборов предотвращала излишнюю зависть и недовольство. Хозяином судьбы являлся бог, и старый пророк мог быть совершенно спокоен, что избранным окажется Саул. Не мог же господь, оставляя выбор на произвол случая, независимо ни от какой подтасовки, ни от какого злоупотребления, свести на нет «священное помазание», только что совершенное над его избранником.

А сейчас вспомним «пророчество» Иакова: он-то ведь обещал царство колену иудину *(Быт., гл. 49, ст. 8 и сл.).* Значит, бог совсем забыл об этом пророчестве в момент установления еврейской монархии. Но не беспокойтесь: он

вспомнит об этом впоследствии. Мы вскоре увидим, как корона переходит с головы Саула на голову одного из потомков Иуды. Таким образом божественная забывчивость будет исправлена и «пророчество» патриарха все-таки сбудется.

А пока что народ преклонился перед результатами выборов. Но в эту минуту не оказалось самого избранного.

— Где Саул? Что стало с Саулом?

Эти вопросы передавались из уст в уста. Запрашивали самого бога, чтобы узнать, найдется ли наконец Саул.

«И сказал господь: вот, он скрывается в обозе. И побежали, и взяли его оттуда, и он стал среди народа, и был от плеч своих выше всего народа. И сказал Самуил всему народу: видите ли, кого избрал господь? подобного ему нет во всем народе. Тогда весь народ воскликнул и сказал: да живет царь!» (1 *Царств, гл. 10, ст. 22—24*).

Из последующих стихов видно, что Самуил был сначала премьер-министром нового монарха. Он составил основные законы еврейского царства, и именно его драгоценная рукопись была положена на хранение в «ковчег завета». Вскоре, однако, обнаружились разногласия между Саулом и Самуилом. Прошло около месяца. Добродушный и отнюдь не гордый царь Саул ни в какой мере не олицетворял собою беспощадного тирана, деспотизмом которого Самуил грозил евреям, чтобы разбить их монархические настроения. Вместо того чтобы создать себе пышный двор, построить дорогой дворец, окружить себя раззолоченными придворными, сын Киса возвратился на свою ферму и продолжал вести деревенский образ жизни. В это время Наас, царь аммонитский, задумал овладеть еврейским городом Иависом.

«И осадил Иавис Галаадский. И сказали все жители Иависа Наасу: заключи с нами союз, и мы будем служить тебе.

И сказал им Наас аммонитянин: я заключу с вами союз, но с тем, чтобы выколоть у каждого из вас правый глаз и тем положить бесчестие на всего израиля.

И сказали ему старейшины Иависа: дай нам сроку семь дней, чтобы послать нам послов во все пределы израильские, и если никто не поможет нам, то мы выйдем к тебе.

И пришли послы в Гиву Саулову, и пересказали слова сии вслух народа; и весь народ поднял вопль и заплакал» (1 *Царств, гл. 11, ст. 1—4*).

Тем временем царь Саул вернулся с пахоты со своими волами. «И сошел дух божий на Саула... И сильно воспламенился гнев его.

И взял он пару волов, и рассек их на части, и послал во все пределы израильские чрез тех послов, объявляя, что так будет поступлено с волами того, кто не пойдет вслед Саула и Самуила. И напал страх господень на народ, и выступили все, как один человек.

Саул осмотрел их в Везеке, и нашлось сынов израилевых триста тысяч, и мужей иудиных тридцать тысяч.

И сказали пришедшим послам: так скажите жителям Иависа Галаадского: завтра будет к вам помощь, когда обогреет солнце. И пришли послы, и объявили жителям Иависа, и они обрадовались.

И сказали жители Иависа (Наасу): завтра выйдем к вам, и поступайте с нами, как вам угодно.

В следующий день Саул разделил народ на три отряда, и они проникли в средину стана во время утренней стражи, и поразили аммонитян до дневного зноя; оставшиеся рассеялись, так что не осталось из них двоих вместе» (1 *Царств, гл. 11, ст. 6—11*).

Этот «священный» подвиг «царя-земленашца» восхитил народ. Евреи отпраздновали блистательную победу своей «гигантской армии» и, как говорит Библия, «весьма веселились» (*ст. 12—15*).

Критики ничуть не удивляются, что царь Саул, возглавивший немногочисленный народец, отдавался земледелию и уходу за отцовскими стадами. Но они отказываются допустить, что такой «царь» мог в пять дней поднять армию в 330 000 воинов в эпоху, когда сам автор представляет евреев переживающими филистимское иго; в эпоху, когда, по словам Библии, избранный народ не имел ни мечей, ни пик и когда поработители не позволяли ему иметь ни одного железного инструмента, ни даже чинить металлические орудия без их особого разрешения (1 *Царств, гл. 13, ст. 19—22*).

«И Гулливер,— пишет лорд Болингброк,— знает такие же небылицы, но у него нет таких противоречий».

В главе 12 приводится ворчливая речь Самуила, который, ссылаясь на старость, попросился в отставку. Правление судей окончилось, и началась эпоха царей. Но Самуил не удалился от дел по доброму своему желанию: в своей речи он объявил, что, потребовав себе царя, евреи прибавили к

обилию других своих грехов новый грех. Но уж, заключает Самуил, когда у вас есть царь, берегите его; он помазанник божий. А главное — народ должен удвоить религиозное рвение. Чтобы вновь доказать евреям свою близость к богу, Самуил, не сходя с места, осуществил одно из таких чудес, какие встречаются только в Библии.

Самуил «сказал всему израилю:... теперь станьте, и посмотрите на дело великое, которое господь совершит пред глазами вашими: не жатва ли пшеницы ныне? Но я воззову к господу, и пошлет он гром и дождь, и вы узнаете и увидите, как велик грех, который вы сделали пред очами господа, прося себе царя. И воззвал Самуил к господу, и господь послал гром и дождь в тот день; и пришел весь народ в большой страх от господа и Самуила» (1 *Царств, гл. 12, ст. 16—18*).

После этого старый пророк удалился, обещав, однако, своим соотечественникам, что никогда не забудет их в своих молитвах.

Однако отставка Самуила была в высшей степени похожа на дипломатический фортель.

Узнав о происшедших переменах в составе «царского правительства», филистимляне стали готовиться к новым нападениям. Это не вызвало подъема духа у подданных Саула. А 330 000 воинов, недавно окружавших его, растворились, как соль в воде. «И собрались филистимляне на войну против израиля: тридцать тысяч колесниц и шесть тысяч конницы, и народа множество, как песок на берегу моря; и пришли и расположились станом в Михмасе, с восточной стороны Беф-Авена. Израильтяне, видя, что они в опасности, потому что народ был стеснен, укрывались в пещерах и в ущельях, и между скалами, и в башнях, и во рвах. А *некоторые* из евреев переправились за Иордан, в страну Гадову и Галаадскую; Саул же находился еще в Галгале, и весь народ, бывший с ним, находился в страхе» (1 *Царств, гл. 13, ст. 5—7*).

Саул счел полезным предложить богу жертву. Самуил дал знать, что явится служить богу лично.

«И ждал он семь дней, до срока, *назначенного* Самуилом, а Самуил не приходил в Галгал; и стал народ разбегаться от него.

И сказал Саул: приведите ко мне, что *назначено* для жертвы всесожжения и для жертв мирных. И вознес всесожжение.

Но едва кончил он возношение всесожжения, вот, приходит Самуил; и вышел Саул к нему навстречу, чтобы приветствовать его.

Но Самуил сказал: что ты сделал? Саул отвечал: я видел, что народ разбегается от меня, а ты не приходил к назначенному времени; филистимляне же собрались в Михмасе;

Тогда подумал я: «теперь придут на меня филистимляне в Галгал, а я еще не вопросил господа»; и потому решился принести всесожжение.

И сказал Самуил Саулу: худо поступил ты, что не исполнил повеления господа, бога твоего, которое дано было тебе; ибо ныне упрочил бы господь царствование твое над израилем навсегда.

Но теперь не устоять царствованию твоему; господь найдет себе мужа по сердцу своему, и повелит ему господь быть вождем народа своего, так как ты не исполнил того, что было повелено тебе господом.

И встал Самуил и пошел из Галгала в Гиву вениаминову; (оставшиеся люди пошли за Саулом навстречу неприятельскому ополчению, которое нападало на них, когда они шли из Галгал в Гиву вениаминову;) а Саул пересчитал людей, бывших с ним, до шестисот человек» *(1 Царств, гл. 13, ст. 8—15).*

Для царя, который перед этим командовал трехсоттысячной армией, этот отрядец смехотворно мал. Между нами говоря, нельзя не признать, что Самуил проявил только личную злую волю. Библия нигде не изображает его верховным жрецом; верховным жрецом был «Ахия, сын Ахитува, брата Иохаведа, сына Финееса, сына Илия» *(1 Царств, гл. 14, ст. 3).*

Самуил был просто жрецом и пророком. Саул имел те же достоинства, ибо и он стал «пророчествовать» с момента помазания. Следовательно, Саул не сделал никакой ошибки, считая себя вправе совершить жертвоприношение. Кроме того, не кажется ли вам, что Самуил, который, по-видимому, не мог переварить своего отрешения от старейшинства в пользу царя, нарочито задержался, чтобы иметь предлог порицать Саула и сделать его ненавистным народу? Если уж кто-нибудь не строил никаких интриг, чтобы добиться царства в израиле, так это, конечно, сын Киса — погонщик ослов скромный Саул. Как бы там ни было, положение было нерадостное. «Кузнецов не было во всей земле израиль-

ской; ибо филистимляне опасались, чтобы евреи не сделали меча или копья.

И должны были ходить все израильтяне к филистимлянам оттачивать свои сошники, и свои заступы, и свои топоры, и свои кирки.

Когда сделается щербина на острие у сошников, и у заступов, и у вил, и у топоров, или нужно рожон поправить.

Поэтому во время войны (михмасской) не было ни меча, ни копья у всего народа, бывшего с Саулом и Ионафаном, а только нашлись они у Саула и Ионафана, сына его» (1 *Царств, гл. 13, ст. 19—22*).

Ясно, что силы были неравные: 330 000 воинов, которые год тому назад смяли аммонитян в окрестностях Иависа, надо думать, также не имели никакого оружия. Но тогда победу решила, вероятно, их численность. А с шестьюстами солдат, да еще и без вооружения, дело значительно менялось, и легко понять, что Саул имел очень скверный цвет лица, встретившись с филистимлянами под Михмасом.

К счастью, юный Ионафан, сын царя, был первоклассный силач и вместе с тем парень решительного нрава. Не говоря ни слова отцу, он в одно прекрасное утро взял слугу-оруженосца и отправился с ним к аванпостам филистимской армии. Там они заметили вражеских солдат, расположившихся на возвышенном месте, господствовавшем над скалами.

Филистимляне тоже заметили их и сказали: «вот, евреи выходят из ущелий, в которых попрятались они. И закричали люди, составлявшие отряд, к Ионафану и оруженосцу его, говоря: взойдите к нам, и мы вам скажем нечто. Тогда Ионафан сказал оруженосцу своему: следуй за мною, ибо господь предал их в руки израиля.

И начал всходить Ионафан, *цепляясь* руками и ногами, и оруженосец его за ним. И падали *филистимляне* пред Ионафаном, а оруженосец добивал их за ним.

И пало от этого первого поражения, нанесенного Ионафаном и оруженосцем его, около двадцати человек, на половине поля, обрабатываемого парою волов в день» (1 *Царств, гл. 14, ст. 11—14*).

В это время Саул, пригласив верховного жреца Ахию, собирался присутствовать при жертвоприношении. Вдруг послышался какой-то шум со стороны расположения филистимского войска. «Там меч каждого *обращен* был против ближнего своего; смятение *было* очень великое.

Тогда и евреи, которые вчера и третьего дня были у филистимлян и которые повсюду ходили с ними в стане, пристали к израильтянам, находившимся с Саулом и Ионафаном.

И все израильтяне, скрывавшиеся в горе Ефремовой, услышав, что филистимляне побежали, также пристали к своим в сражении.

И спас господь в тот день израиля; битва же простерлась даже до Беф-Авена» *(1 Царств, гл. 14, ст. 20—23).*

Подумать только: даже «до Беф-Авена»! Вот это победа!

«Люди израильские были истомлены в тот день; а Саул (весьма безрассудно) заклял народ, сказав: проклят, кто вкусит хлеба до вечера, доколе я не отомщу врагам моим. И никто из народа не вкусил пищи.

И пошел весь народ в лес, и был там на поляне мед.

И вошел народ в лес, говоря: вот, течет мед. Но никто не протянул руки своей ко рту своему; ибо народ боялся заклятия.

Ионафан же не слышал, когда отец его заклинал народ, и, протянув конец палки, которая была в руке его, обмокнул ее в сот медовый и обратил рукою к устам своим, и просветлели глаза его.

И сказал ему один из народа, говоря: отец твой заклял народ, сказав: «проклят, кто сегодня вкусит пищи»; от этого народ истомился.

И сказал Ионафан: смутил отец мой землю; смотрите, у меня просветлели глаза, когда я вкусил немного этого меду.

Если бы поел сегодня народ из добычи, какую нашел у врагов своих, то не большее ли было бы поражение филистимлян?» *(1 Царств, гл 14, ст. 24—30).*

«Священный» автор далее повествует, что истомленный народ «кинулся на добычу, и брали овец, волов и телят, и заколали на земле, и ел народ с кровью.

И возвестили Саулу, говоря: вот, народ грешит пред господом, ест с кровью. И сказал Саул: вы согрешили; привалите ко мне теперь большой камень.

Потом сказал Саул: пройдите между народом и скажите ему: пусть каждый приводит ко мне своего вола, и каждый свою овцу, и заколайте здесь и ешьте, и не грешите пред господом, не ешьте с кровью. И приводили все из народа, каждый своею рукою, вола своего (и свою овцу) ночью, и заколали там» *(1 Царств, гл. 14, ст. 32—34).*

Вы представляете себе, какая это была бойня?

«И устроил Саул жертвенник господу; то был первый жертвенник, поставленный им господу.

И сказал Саул: пойдем в *погоню* за филистимлянами ночью, и оберем их до рассвета, и не оставим у них ни одного человека. И сказали: делай все, что хорошо в глазах твоих. Священник же сказал: приступим здесь к богу.

И вопросил Саул бога: идти ли мне в *погоню* за филистимлянами? предашь ли их в руки израиля? Но он не отвечал ему в тот день» *(1 Царств, гл. 14, ст. 35—37)*.

Напрасно Саул приникал ухом к «ковчегу завета», который верховный жрец Ахия приказал доставить к этому месту; напрасно надеялся он услышать оттуда голос божий. Бог заупрямился и не проронил ни звука. Тогда Саул понял, что старик чем-то недоволен.

За что бы мог Саваоф рассердиться? Верховный жрец Ахия, внук Финееса, вероятно, не ел из «священной» кастрюли, ибо он не мог не знать, что это нечестивое обжорство стоило жизни его деду. Саул также чувствовал себя совершенно неповинным ни в каком грехе. Он ничего не совершил предосудительного; по крайней мере, Библия ничего не говорит об этом. Ионафан, поевший меда, не зная о заклятии отца, очевидно, был также безгрешен. Кроме того, еще неизвестно, утвердил ли в самом деле бог столь бессмысленное заклятие Саула. Ведь запрет войскам принимать пищу в день сражения есть просто бездарная нелепость.

Следовательно, если бог был чем-нибудь недоволен, то, казалось бы, тому мог быть причиной народ, слопавший весь филистимский скот, не выпуская крови животных, вопреки закону. Этот прожорливый народ в ту же ночь съел и свой собственный скот, но уже в соответствии с религиозными предписаниями. Библия, между прочим, ничего не говорит о расстройстве желудков у евреев. Вероятно, у них были железные организмы с желудками «богодухновенного» размера.

Так или иначе, бог отказался отвечать. Значит, надлежало найти виновного.

«И сказал *Саул* всем израильтянам: станьте вы по одну сторону, а я и сын мой Ионафан станем по другую сторону. И отвечал народ Саулу: делай, что хорошо в глазах твоих.

И сказал Саул: господи, боже израилев! (отчего ты ныне не отвечал рабу твоему? моя ли в том вина или сына моего Ионафана?..) дай знамение. (Если же она в народе твоем

израиле, дай ему освящение). И уличены были Ионафан и Саул, а народ вышел *правым*.

Тогда сказал Саул: бросьте жребий между мною и между Ионафаном, сыном моим; (и кого объявит господь, тот да умрет. И сказал народ Саулу: да не будет так! Но Саул настоял. И бросили жребий между ним и Ионафаном, сыном его,) и пал жребий на Ионафана.

И сказал Саул Ионафану: расскажи мне, что сделал ты? и рассказал ему Ионафан, и сказал: я отведал концом палки, которая в руке моей, немного меду; и вот, я должен умереть.

И сказал Саул: пусть то и то сделает мне бог, и еще больше сделает; ты, Ионафан, должен сегодня умереть!

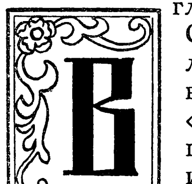
Но народ сказал Саулу: Ионафану ли умереть, который доставил столь великое спасение израилю? Да не будет этого! Жив господь: и волос не упадет с головы его на землю; ибо с богом он действовал ныне. И освободил народ Ионафана, и не умер он» (1 *Царств, гл. 14, ст. 40—45*).

Из продолжения этой чрезвычайно благочестивой и важной истории мы узнаем, что филистимляне благополучно возвратились домой и что они еще неоднократно воевали с евреями «во все время Саулово» (*ст. 52*).

В течение некоторого времени, продолжительности которого «священный» автор не указывает, царствование сына Киса было покрыто славой. Глава 14 сообщает в заключение, кто были главнейшие члены семьи Саула. Мы отметим здесь только, что кроме Ионафана Саул имел еще двух сыновей и двух дочерей — Мерову и Мелхолу. С этими девицами мы далее еще встретимся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ЗЛОЧЕСТИЕ ЦАРЯ САУЛА И НАКАЗАНИЕ ЕГО ВСЕМИЛОСТИВЫМ БОГОМ

В главе 15 снова выступает на сцену старый Самуил: он подстрекает объявить войну амаликитянам, хотя эти последние ведут себя совершенно спокойно.

«И сказал Самуил Саулу: господь послал меня помазать тебя царем над народом его, над израилем; теперь послушай гласа господа.

Так говорит господь Саваоф: вспомнил я о том, что сделал Амалик израилю, как он противостал ему на пути, когда он шел из Египта.

Теперь иди и порази Амалика (и Иерима), и истреби все, что у него... и не давай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла» (1 *Царств, гл. 15, ст. 1—3*).

Даже самые умеренные критики говорят об этом отрывке Библии не иначе, как с ужасом и омерзением.

«Как? — восклицает верующий лорд Болингброк.— Заставить творца вселенной спуститься в какой-то безвестный угол несчастного земного шара единственно для того, чтобы сказать евреям:

— Кстати, я только что вспомнил, что приблизительно лет 500 тому назад некий маленький народец не хотел пропустить вас через свои владения. Вы хотите объявить жестокую войну поработителям вашим — филистимлянам, против которых вы возмутились. Оставьте-ка эту трудную борьбу и отправляйтесь лучше в поход против того маленького народа, который некогда воспротивился вашим предкам, хотевшим разрушить его владения. Истребите мужчин, женщин, детей и стариков. Истребите крупный и мелкий скот, верблюдов и ослов; ибо, ввиду предстоящей войны вашей с могущественным филистимским царством, вам весьма полезно не иметь ни крупного, ни мелкого скота для еды, ни ослов, ни верблюдов для ваших походных обозов...»

Между тем Библия невозмутимо повествует далее:

«И собрал Саул народ, и насчитал их в Телаиме двести тысяч израильтян пеших и десять тысяч из колена иудина» *(ст. 4)*.

В добрый час! Вот у Саула уже немного больше войска, чем в тощем лагере Галгала, где стояло всего 600 человек. Впрочем, мы так и не знаем, что стало со 120 000 других солдат, во главе которых Саул сражался в первое время своего царствования. Еще так недавно еврейская армия насчитывала 330 000 героев, пришедших сражаться с аммонитянами без малейшего вооружения. Из них теперь осталось всего 210 000. Куда же девались остальные 120 000? Неужели полегли на поле брани? Ах, милый «голубок», как слаба твоя память!

Победа еврейской армии была полной и блестящей: амаликитяне были разбиты вдребезги, «от Авилы до Суры». Саул забрал громадное количество пленных, и евреи истребили их без малейшей жалости. Однако Саул пощадил амаликитянского царя Агага, считая, по-видимому, что следует оказать некоторое предпочтение человеку, который был в одних чинах с ним.

Это милосердие не понравилось богу. Саваоф явился к Самуилу и сказал ему: «жалею, что поставил я Саула царем; ибо он отвратился от меня, и слова моего не исполнил. И опечалился Самуил, и взывал к господу целую ночь» (1 *Царств, гл. 15, ст. 11)*. Каковы же были результаты божественного видения и «целой ночи» раздирающих душу воплей Самуила? Эта глава Библии представлена Вольтером в его драме «Саул». Сцена происходит в Галгале, и действие начинается с беседы между царем иудейским и его приближенным — Вазой.

«В а з а. О великий Саул! О могущественный из царей! Ты, господствующий над тремя озерами, над пространством обширностью в 500 стадий! Ты, победитель великого Агага, царя амаликитянского, военачальники коего оседлали самых сильных ослов! Ты, который, без сомнения, подчинишь законам своим всю Землю, как это бог обещал евреям столько раз! Какое же горе могло смутить твое благородное торжество и твои великие надежды?

С а у л. О дорогой Ваза! Блажен тысячу раз, кто в покое выпасает блеющие стада Вениамина и выжимает сладкий виноград в долине Энгади! Увы! Я искал ослиц отца моего и нашел царство; с того дня я знаю одни только горести... Было бы лучше, чтобы я, наоборот, искал царство и нашел

ослиц. Как ты знаешь, Самуил помазал меня по воле божией. Он сделал все, чтобы воспрепятствовать народу избрать другого царя, и, как только я был избран, он сделался самым жестоким из моих врагов.

В а з а. Тебе надлежало ожидать этого: он был жрецом, ты же был воином. Он правил до тебя. Люди всегда ненавидят своих преемников.

С а у л. Мог ли он надеяться править еще дольше? Он приобщил к своей власти своих недостойных сыновей, развращенных и подкупных, публично торговавших правосудием. Народ наконец восстал против такой жреческой власти. Царь был избран: священные знамения провозгласили волю неба, народ утвердил ее, и Самуил затрепетал. Мало того что он ненавидит во мне властителя, избранного небом; он ненавидит во мне и пророка. Ведь он знает, что, подобно ему, я имею дар провидения и что я пророчествовал, как он. Новая поговорка, распространившаяся в израиле,— «Саул также в ряду пророков» — сильно оскорбляет его слух. И его почитают еще, к моему несчастью; он жрец, поэтому он опасен.

В а з а. Твоя царская власть достаточно укреплена твоими победами, а царь Агаг, твой блистательный пленник, может служить тебе здесь залогом верности своего народа, одинаково восхищенного и твоей победой и твоим милосердием... Вот, ведут его пред очи твои. *(Входит Агаг под стражей.)*

А г а г. Милосердный и могущественный победитель, образец князей, умеющих побеждать и прощать! Припадаю к священным стопам твоим: удостой приказать, что должен я представить как выкуп мой. Впредь я буду твоим соседом, верным союзником, преданным подданным. Я вижу в тебе лишь благодетеля и господина. Я буду преклоняться и любить в тебе образ твоего карающего и милующего бога.

С а у л. Великий государь, еще более возвеличенный горем! Я выполнил только долг свой, спасая твои дни: цари должны уважать себе подобных. Мстящий после победы недостоин быть победителем. Я не назначаю выкупа за твою особу, ибо она выше всякой цены. Будь свободен! Дань, которую народ твой будет платить израилю, будет знаком дружбы, а не знаком порабощения. Так должны мириться цари.

А г а г. О добродетель! О великое мужество! Как могущественно влияние твое на мое сердце! Я буду жить и

умру подданным великого Саула. Все мое царство принадлежит ему. *(Появляется Самуил, окруженный священниками.)*

Саул. Самуил, какие вести ты приносишь? Приходишь ли ты от имени бога, от имени народа или от своего имени?

Самуил. От имени бога!

Саул. Какова воля его?

Самуил. Он приказывает мне известить тебя, что раскаялся, возведя тебя на царство.

Саул. Бог? Раскаялся? Каяться могут только те, кто может совершать ошибки. Бог же не может совершать ошибок!

Самуил. Но он может раскаяться в возведении на трон человека, который совершает ошибки.

Саул. Да, но какой человек не делает ошибок? Скажи, в чем я виновен?

Самуил. В том, что простил одного царя.

Агаг. Как? Прекраснейшая из добродетелей рассматривается вами как преступление?

Самуил *(Агагу)*. Умолкни, не богохульствуй! *(К Саулу.)* Саул, бывший царь иудейский, не приказал ли тебе господь устами моими истребить всех амаликитян, не щадя ни женщин, ни девушек, ни грудных младенцев?

Агаг. Твой бог повелел тебе это? Ты ошибаешься! Ты хочешь сказать: твой дьявол!

Самуил *(к жрецам)*. Приготовьтесь повиноваться мне А ты, Саул, повиновался ли богу?

Саул. Я не считал такое приказание твердым: я думал, что милосердие есть первое качество высшего существа, что сердце, исполненное жалости, не может быть ему неприятно.

Самуил. Ты ошибся, неверный человек: бог порицает тебя! Твой скипетр перейдет в другие руки.

Ваза *(к Саулу)*. Какая дерзость! Государь, позволь мне наказать этого бесчеловечного жреца!

Саул. Остерегайся сделать это. Разве ты не видишь, что за ним весь народ и что мы будем уничтожены, если я стану сопротивляться, ибо действительно я обещал...

Ваза. Неужели ты обещал столь ужасную вещь?

Саул. Неважно! Евреи еще более ужасны. Они примут сторону Самуила против меня.

Ваза *(в сторону)*. О несчастный государь!

Саул. Ну, и что же, господа жрецы? Что должен я сделать?

Самуил. Я покажу тебе, как надо повиноваться господу. *(Обращаясь к жрецам.)* О священные жрецы, сыны Левия! Покажите здесь ваше усердие: пусть принесут стол и да разложат на столе этого царя, крайняя плоть которого есть преступление против господа. *(Жрецы хватают Агага, связывают его и кладут на стол.)*

«И разрубил Самуил Агага пред господом в Галгале»
(1 *Царств, гл. 15, ст. 33*).

Агаг. Что хотите вы от меня, безжалостные чудовища?

Саул. Священный Самуил, именем господа!..

Самуил. Не взывай к нему! Ты недостоин. Оставайся здесь, бог приказывает тебе. Будь свидетелем этого жертвоприношения, которое, быть может, искупит вину твою.

Агаг *(Самуилу)*. Итак, ты предаешь меня смерти? О смерть, как ты горька!..

Самуил. Да, ты жирен. И жертва будет тем приятнее господу.

Агаг. Увы, Саул! Как я жалею, что ты подчинен подобным чудовищам.

Самуил *(Агагу)*. Послушай, язычник! Хочешь ли ты стать евреем? Хочешь ли ты обрезаться?

Агаг. А если я окажусь достаточно слабым, чтобы принять твою веру, пощадишь ли ты мою жизнь?

Самуил. Нет! Ты будешь иметь удовольствие умереть евреем, и этого с тебя довольно.

Агаг. Бейте, палачи!

Самуил. Подайте мне этот топор, во имя господне: и покуда я буду резать руку, рубите вы ногу и так дальше, кусок за куском. *(Жрецы рубят вместе с Самуилом во имя божие.)*

Агаг. О смерть! О муки! О мучители!

Саул. Зачем мне быть свидетелем подобных злодеяний?

Ваза. Бог накажет тебя за то, что ты стерпел.

Самуил *(к жрецам)*. Унесите это тело и этот стол. Пусть сожгут останки этого неверного, и пусть над телом его тешатся наши слуги! *(К Саулу.)* А ты государь, знай всегда, что повиновение превыше жертвоприношения.

Саул *(падая в кресло)*. Я умираю! Я не переживу такого ужаса и такого стыда!»

Было бы напрасно думать, что в этом литературном изложении есть какое-нибудь преувеличение. Глава 15 Первой книги Царств с беспримерной жестокостью описывает убийство Агага жрецом, который сам руководит мучительной казнью. Кроме того, Самуил объявил Саулу, что с этого момента он низложен, что бог отверг его. «И обратился Самуил, чтобы уйти. Но (Саул) ухватился за край одежды его, и разодрал ее. Тогда сказал Самуил: ныне отторг господь царство израильское от тебя, и отдал его ближнему твоему, лучшему тебя» (1 *Царств, гл. 15, ст. 27—28)*.

Затем, не теряя времени, Самуил отправился в Вифлеем. Там он вызвал к себе некоего Иессея, потомка Вооза и Руфи, и все его семейство. После всеобщего очищения, сопровождавшегося жертвоприношением, Самуил сказал Иессею: «Все ли дети здесь? И отвечал Иессей: есть еще меньший; он пасет овец. И сказал Самуил Иессею: пошли и возьми его; ибо мы не сядем обедать, доколе не придет он сюда. И послал *Иессей*, и привели его. Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицем. И сказал господь: встань, помажь его; ибо это он. И взял Самуил рог с елеем, и помазал его среди братьев его, и почивал дух господень на Давиде с того дня и после; Самуил же встал и отошел в Раму. А от Саула отступил дух господень, и возмущал его злой дух от господа» (1 *Царств, гл. 16, ст. 11—14)*.

Критики отмечают как нечто удивительное, что бог стал разговаривать с Самуилом на дому у отца Давида, в присутствии посторонних, причем неизвестно в точности, было ли «видение» или не было. Богословы склоняются к тому мнению, что бог разговаривал со своим пророком внутренним голосом. Но как же тогда присутствующие могли догадаться, что Самуил выполнял особое божественное поручение?

Вольтер замечает: «Саул царствовал, потому что Самуил лил масло на его голову. Следовательно, когда он начал делать то же самое с Давидом, его отец, мать, братья и все присутствовавшие не могли не заметить, что тут фабрикуют нового царя и что тем самым все семейство рискует навлечь на себя месть Саула. Здесь что-то не так!»

В итальянском народном театре не было более комической сцены, чем благочестивое появление в крестьянском доме священника с бутылкой масла в кармане, пришедшего помазать белокурого мальчика с целью произвести переворот в государстве. И это государство, и этот мальчик не заслуживают лучшего места для постановки примитивной комедии.

«И сказали слуги Сауловы ему: вот, злой дух от бога возмущает тебя.

Пусть господин наш прикажет слугам своим, *которые* пред тобою, поискать человека, искусного в игре на гуслях; и когда придет на тебя злой дух от бога, то он, играя рукою своею, будет успокоивать тебя.

И отвечал Саул слугам своим: найдите мне человека, хорошо играющего, и представьте его ко мне.

Тогда один из слуг его сказал: вот, я видел у Иессея вифлеемлянина сына, умеющего играть, человека храброго и воинственного, и разумного в речах, и видного собою, и господь с ним.

И послал Саул вестников к Иессею, и сказал: пошли ко мне Давида, сына твоего, который при стаде.

И взял Иессей осла с хлебом и мех с вином и одного козленка, и послал с Давидом, сыном своим, к Саулу.

И пришел Давид к Саулу, и служил пред ним, и очень понравился ему, и сделался его оруженосцем.

И послал Саул сказать Иессею: пусть Давид служит при мне; ибо он снискал благоволение в глазах моих.

И когда дух от бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, играл,— и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух злой отступал от него» (1 *Царств, гл. 16, ст. 15—23)*.

Что за ерунда? Давид, которого автор представляет простым пастушком, является в то же время талантливым и известным в стране музыкантом. Нам представляют Давида совсем молодым, едва ли не отроком: как же можно тогда называть его «человеком храбрым и воинственным»? Затем: слуга Саула, который так хорошо осведомлен о Давиде, не знает разве, что юноша был помазан Самуилом и что, следовательно, он является опасным в своей роли придворного музыканта? А эти подарки Иессея главе государства — разве они не кажутся смешными: мешок хлеба, мех вина и козленок? Что сказать, наконец, о боге, который насылает на Саула один за другим нервные припадки и излечивает его музыкой его же соперника? Все это бессмысленно и глупо!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СВЯЩЕННОЕ СКАЗАНИЕ О СЛАВНОЙ ПОБЕДЕ ДАВИДА НАД НЕЧЕСТИВЫМ ГОЛИАФОМ

лава 17 Первой книги Царств подробно описывает единоборство Давида с Голиафом: «Филистимляне собрали войска свои для войны, и собрались в Сокхофе, что в Иудее, и расположились станом между Сокхофом и Азеком в Ефес-Даммиме.

А Саул и израильтяне собрались и расположились станом в долине дуба, и приготовились к войне против филистимлян.

И стали филистимляне на горе с одной стороны, и израильтяне на горе с другой стороны, а между ними была долина.

И выступил из стана филистимского единоборец, по имени Голиаф, из Гефа; ростом он — шести локтей и пяди.

Медный шлем на голове его; и одет он был в чешуйчатую броню, и вес брони его — пять тысяч сиклей меди.

Медные наколенники на ногах его, и медный щит за плечами его.

И древко копья его, как навой у ткачей; а самое копье его в шестьсот сиклей железа. И пред ним шел оруженосец.

И стал *он*, и кричал к полкам израильским, говоря им: зачем вышли вы воевать? Не филистимлянин ли я, а вы рабы Сауловы? Выберите у себя человека, и пусть сойдет ко мне.

Если он может сразиться со мною и убьет меня, то мы будем вашими рабами; если же я одолею его и убью его, то вы будете нашими рабами, и будете служить нам.

И сказал филистимлянин: сегодня я посрамлю полки израильские; дайте мне человека, и мы сразимся вдвоем.

И услышали Саул и все израильтяне эти слова филистимлянина, и очень испугались и ужаснулись» (1 *Царств, гл. 17, ст. 1—11*).

Внесем некоторую ясность в описание Голиафа. Его чешуйчатая броня весила, как сказано, 5000 сиклей меди —

более 80 килограммов, и копье весило 600 сиклей железа — около 10 килограммов. Всего, следовательно, он нес на себе почти 90 килограммов, и это еще не все его вооружение.

Этот гигант, имевший, кроме того, более трех метров роста, не должен нам казаться необыкновенным после того, как мы встречались уже с исполинами в книге «Бытие». Правда, в наши дни больше не бывает людей такого сложения; устройство человеческого тела таково, что чрезмерный рост не мог бы не отразиться самым пагубным образом на всех функциях организма и просто сделал бы гиганта слабым и почти неспособным защищаться. Вольтер иронически говорит, что Голиафа надо рассматривать как чудовище, специально выведенное богом для того, чтобы послужить возвеличению неприметного Давида.

«Три старших сына Иессеевы пошли с Саулом на войну... Давид же был меньший. Трое старших пошли с Саулом, а Давид возвратился от Саула, чтобы пасти овец отца своего в Вифлееме» (1 *Царств, гл. 17, ст. 13—15*). Довольно странно, что этот Давид, которого царь сделал своим оруженосцем, в самый разгар войны бросает свои обязанности для того, чтобы отправиться пасти каких-то овец.

«И выступал филистимлянин тот утром и вечером, и выставлял себя сорок дней.

И сказал Иессей Давиду, сыну своему: возьми для братьев своих ефу сушеных зерен и десять этих хлебов, и отнеси поскорее в стан к твоим братьям;

А эти десять сыров отнеси тысяченачальнику, и наведайся о здоровье братьев, и узнай о нуждах их.

Саул и они и все израильтяне *находились* в долине дуба, и готовились к сражению с филистимлянами.

И встал Давид рано утром, и поручил овец сторожу, и, взяв ношу, пошел, как приказал ему Иессей, и пришел к обозу, когда войско выведено было в строй и с криком готовилось к сражению.

И расположили израильтяне и филистимляне строй против строя.

Давид оставил свою ношу обозному сторожу, и побежал в ряды, и, придя, спросил братьев своих о здоровье.

И вот, когда он разговаривал с ними, единоборец, по имени Голиаф, филистимлянин из Гефа, выступает из рядов филистимских, и говорит те слова, и Давид услышал *их*.

И все израильтяне, увидев этого человека, убегали от него, и весьма боялись.

И говорили израильтяне: видите этого выступающего человека? Он выступает, чтобы поносить израиля. Если бы кто убил его, одарил бы того царь великим богатством, и дочь свою выдал бы за него, и дом отца его сделал бы свободным в израиле.

И сказал Давид людям, стоящим с ним: что сделают тому, кто убьет этого филистимлянина и снимет поношение с израиля? ибо кто этот необрезанный филистимлянин, что так поносит воинство бога живаго?

И сказал ему народ те же слова, говоря: вот что сделано будет тому человеку, который убьет его» (1 *Царств, гл. 17, ст. 16—27*).

Из этого места Библии совсем не заметно, чтобы Давид рвался в бой, движимый любовью к родине. Им больше руководила жажда наживы.

«И сказал Давид Саулу: пусть никто не падает духом из-за него; раб твой пойдет и сразится с этим филистимлянином.

И сказал Саул Давиду: не можешь ты идти против этого филистимлянина, чтобы сразиться с ним; ибо ты еще юноша, а он воин от юности своей.

И сказал Давид Саулу: раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада,

То я гнался за ним, и нападал на него, и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы, и поражал его, и умерщвлял его.

И льва и медведя убивал раб твой, и с этим филистимлянином необрезанным будет то же, что с ними, потому что так поносит воинство бога живаго. (Не пойти ли мне и поразить его, чтобы снять поношение с израиля? Ибо кто этот необрезанный?)

И сказал Давид: господь, который избавлял меня от льва и медведя, избавит меня и от руки этого филистимлянина. И сказал Саул Давиду: иди, и да будет господь с тобою» (1 *Царств, гл. 17, ст. 32—37*).

Царь Саул был ошеломлен, и так было бы с каждым на его месте, до такой степени рассказ этого юнца невероятен. Представьте себя на минуту свидетелями этого приключения: лев или медведь хватают овцу из стада старика Иессея и удаляются с добычей. В это время пастушонок

бросается вдогонку за похитителями и отбивает у них овцу, нанося им удары руками и ногами куда попало и хватая их прямо за челюсти. Что за картина! Найдете ли вы где-нибудь, кроме Библии, подобные подвиги? О Тартарен, о барон Мюнхаузен и прочие классические врали, вас, очевидно, воспитала Библия!

Еще из описания жизни Самсона мы узнали, что лев водился в Палестине. Это уже и тогда было сюрпризом для читателя. Но с Давидом мы встречаем в Палестине и медведя. Натуралисты утверждают, что там, где живет медведь, не водится лев, и наоборот. Плевать на натуралистов! Значит, их наука врет. О «божественный голубь»! Тебе остается только поведать нам о медведях, живущих на экваторе, и львах северного полюса.

«И одел Саул Давида в свои одежды, и возложил на голову его медный шлем, и надел на него броню. И опоясался Давид мечом его сверх одежды и начал ходить; ибо не привык *к такому вооружению*. Потом сказал Давид Саулу: я не могу ходить в этом; я не привык. И снял Давид все это с себя» (1 *Царств, гл. 17, ст. 38—39)*. Не привык к ношению оружия? Ладно! Но тогда почему стих 18 предыдущей главы воспевает Давида как человека «храброго» и «воинственного»?

«И взял посох свой в руку свою, и выбрал себе пять гладких камней из ручья, и положил их в пастушескую сумку, которая была с ним; и с сумкою и с пращею в руке своей выступил против филистимлянина. Выступил и филистимлянин, идя и приближаясь к Давиду, и оруженосец шел впереди его» (1 *Царств, гл. 17, ст. 40—41)*.

Оруженосец Голиафа? О нем упоминают только полные тексты Библии. Но этот оруженосец упразднен в учебниках «священной истории», и Голиаф представлен там простым пехотинцем. Почему же современная церковь так урезывает «священный» текст? Оруженосец филистимского гиганта вовсе не заслуживает того, чтобы его упраздняли по произволу. В армиях прошлого времени был солдат, сопровождавший конного офицера и оберегавший его вооружение; в наши дни его назвали бы вестовым. Следовательно, если Голиаф имел оруженосца, значит, он был кавалерийским офицером филистимской армии. Библия говорит в нескольких местах, что филистимляне располагали значительной кавалерией. Но этот неописуемый «голубь-утка» забыл сказать нам, каковы были размеры коня

Голиафа. Конь Голиафа тоже должен был быть исполинским. «Священное писание», однако, не говорит, какая страна производила феноменальных жеребцов, способных вынести наездника ростом в три метра. Досадный пропуск!

Вернемся к библейскому тексту.

«И взглянул филистимлянин, и, увидев Давида, с презрением посмотрел на него; ибо он был молод, белокур и красив лицем.

И сказал филистимлянин Давиду: что ты идешь на меня с палкою (и с камнями)? разве я собака? (И сказал Давид: нет, но хуже собаки.) И проклял филистимлянин Давида своими богами.

И сказал филистимлянин Давиду: подойди ко мне, и я отдам тело твое птицам небесным и зверям полевым.

А Давид отвечал филистимлянину: ты идешь против меня с мечом и копьем и щитом, а я иду против тебя во имя господа Саваофа, бога воинств израильских, которые ты поносил.

Ныне предаст тебя господь в руку мою, и я убью тебя, и сниму с тебя голову твою, и отдам (труп твой и) трупы войска филистимского птицам небесным и зверям земным, и узнает вся земля, что есть бог в израиле.

И узнает весь этот сонм, что не мечом и копьем спасает господь, ибо это война господа, и он предаст вас в руки наши.

Когда филистимлянин поднялся и стал подходить и приближаться навстречу Давиду, Давид поспешно побежал к строю навстречу филистимлянину.

И опустил Давид руку свою в сумку, и взял оттуда камень, и бросил из пращи, и поразил филистимлянина в лоб, так что камень вонзился в лоб его, и он упал лицем на землю.

Так одолел Давид филистимлянина пращею и камнем, и поразил филистимлянина и убил его; меча же не было в руках Давида.

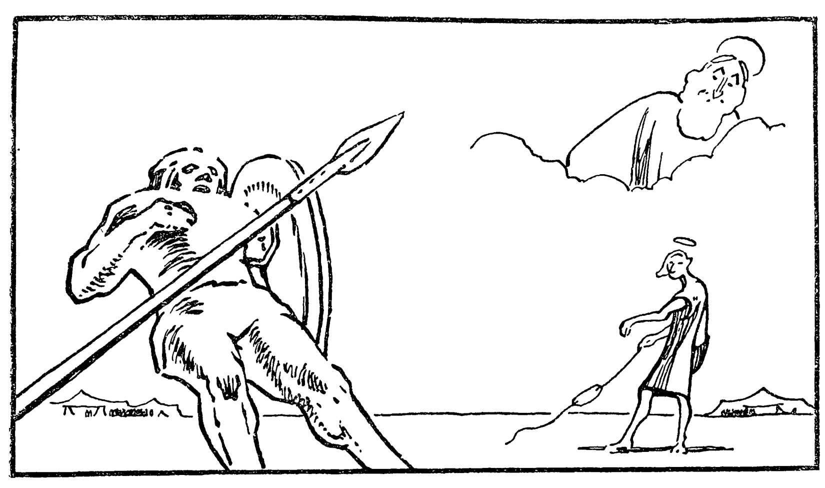
Тогда Давид подбежал, и, наступив на филистимлянина, взял меч его и вынул его из ножен, ударил его, и отсек им голову его; филистимляне, увидев, что силач их умер, побежали.

И поднялись мужи израильские и иудейские, и воскликнули, и гнали филистимлян до входа в долину и до ворот Аккарона. И падали поражаемые филистимляне по дороге шааримской до Гефа и до Аккарона.

И возвратились сыны израилевы из погони за филистимлянами, и разграбили стан их.

И взял Давид голову филистимлянина, и отнес ее в Иерусалим, а оружие его положил в шатре своем» (1 *Царств, гл. 17, ст. 42—54)*.

Стоп! Значит, он имел и шатер, этот молодой Давид? И голову филистимского гиганта он торжественно отнес в Иерусалим? Это еще более странно, ибо в ту эпоху Иерусалим еще не принадлежал евреям. Мы увидим дальше, ка-

«...Одолел Давид филистимлянина пращею и камнем... и убил его; меча же не было в руках Давида» (1 *Царств, гл. 17, ст. 50*).

ким образом взят был этот город, и именно Давидом, царствовавшим после смерти Саула. Впрочем, нам уже не привыкать к противоречиям в «священном писании».

И вот, «когда Саул увидел Давида, выходившего против филистимлянина, то сказал Авениру, начальнику войска: Авенир! чей сын этот юноша? Авенир сказал: да живет душа твоя, царь; я не знаю. И сказал царь: так спроси, чей сын этот юноша? Когда же Давид возвращался после поражения филистимлянина, то Авенир взял его и привел к Саулу, и голова филистимлянина была в руке его. И спросил его Саул: чей ты сын, юноша? И отвечал Давид: сын раба твоего, Иессея из Вифлеема» (1 *Царств, гл. 17, ст. 55—58)*.

Что еще за нелепая белиберда? Где у него мозги, у этого «божественного вдохновителя» Библии? В предыдущей главе нам рассказали с самыми мельчайшими подробностями, что Саул для успокоения своих нервов пожелал иметь человека, который играл бы ему на гуслях. Один из его слуг достал такого человека: это был Давид, и царь знал его семью. Больше того, Саул послал к Иессею посланца просить старика отпустить сына, который ему очень понравился. «Голубь» нам сказал также, что Давид часто возвращался от Саула в Вифлеем, в общем, курсировал между царским дворцом и отцовскими стадами. И вдруг ни Саул, ни Авенир, никто из слуг царя не знают, кто такой Давид, борющийся с Голиафом? Музыкант царя, услада его слуха, его оруженосец вдруг стал неизвестен никому?! Что думать о подобной галиматье? Был ли он в трезвом уме, «святой голубь», когда диктовал эту главу? В этом можно усомниться!

Извлечем из рассказа эти выводы и будем продолжать поучительное чтение.

Нимало не смущаясь своими противоречиями, «священный» автор повествует, что на этот раз Саул больше не позволял Давиду возвращаться в отчий дом. С другой стороны, Ионафан внезапно воспылал великой дружбой к молодому придворному гусляру, о существовании коего он также, по-видимому, ничего не знал доселе. «Ионафан же заключил с Давидом союз, ибо полюбил его, как свою душу. И снял Ионафан верхнюю одежду свою, которая была на нем, и отдал ее Давиду, также и прочие одежды свои, и меч свой и лук свой и пояс свой» *(1 Царств, гл. 18, ст. 3—4)*.

Вот это дружба! Что должны были думать «генерал» Авенир, весь его штаб, придворные и свита, видя, как «цесаревич» раздевается до рубашки и отдает свое оружие и все свои одежды победителю Голиафа? К сожалению, Библия забывает привести соображения тех, кто видел это замечательное зрелище.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

БОРЬБА ЗА ЦАРСКИЙ ПРЕСТОЛ И УКАЗУЮЩАЯ ДЕСНИЦА ГОСПОДА БОГА

Началась новая жизнь для юнца, которого Самуил помазал в цари и который до поры до времени, не желая соперничать с Саулом, довольствовался службой оруженосца и гусляра. Однако, несмотря на скромность, Давид вскоре омрачил дух «его величества» царя Саула.

«Когда они шли, при возвращении Давида с победы над филистимлянином, то женщины из всех городов израильских выходили навстречу Саулу царю с пением и плясками, с торжественными тимпанами и с кимвалами. И восклицали игравшие женщины, говоря: Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч» (1 *Царств, гл. 18, ст. 6—7*).

Трудно, конечно, допустить, чтобы покойный Голиаф, каким бы великаном он ни был, один стоил бы десятков тысяч человек. Саул, который отличился на войне многими ратными подвигами, нашел, что овации, устроенные его оруженосцу-гусляру, выходили за пределы благоразумия и принимали непочтительный по отношению к нему характер.

«И Саул сильно огорчился, и неприятно ему было это слово, и он сказал: Давиду дали десятки тысяч, а мне тысячи; ему недостает только царства.

И с того дня и потом подозрительно смотрел Саул на Давида.

И было на другой день: напал злой дух от бога на Саула, и он бесновался в доме своем, а Давид играл рукою своею на струнах, как и в другие дни; в руке у Саула было копье.

И бросил Саул копье, подумав: пригвожду Давида к стене. Но Давид два раза уклонился от него» (1 *Царств, гл. 18, ст. 8—11*).

Некоторое время спустя царь, для того чтобы отдалить юношу от себя, назначил его тысяченачальником (*ст. 13*). И Давид, которому все удавалось, стал завоевывать все большую и большую популярность среди сынов израилевых.

Имя его стало передаваться из уст в уста. Мы вскоре увидим, что сам бог увеличил число доказательств своего покровительства Давиду.

Позвав однажды Давида, Саул сказал ему: «вот старшая дочь моя, Мерова; я дам ее тебе в жену, только будь у меня храбрым и веди войны господни» *(ст. 17)*. В глубине души Саул рассчитывал на то, что филистимляне в конце концов убьют Давида. Но Давид сказал Саулу: «кто я, и что жизнь моя и род отца моего в израиле, чтобы мне быть зятем царя» *(ст. 18)*. Он все еще скрывал, что Самуил помазал его.

«А когда наступило время отдать Мерову, дочь Саула, Давиду, то она выдана была в замужество за Адриэла из Мехолы» *(ст. 19)*. Автор не говорит почему. «Но Давида полюбила *другая* дочь Саула, Мелхола; и когда возвестили *об этом* Саулу, то это было приятно ему... И сказал Саул Давиду: чрез другую ты породнишься ныне со мною» *(ст. 20—21)*.

Из последующего можно с вероятностью заключить, что победитель Голиафа рад был бы жениться на прелестной Мелхоле хоть сейчас. Но Саул, вероятно, пожалел, что так быстро высказал свое согласие: как только он узнал о желании молодого человека жениться, он стал предъявлять ему совершенно непостижимые требования. Никто никогда не догадается, какие трудности придумал Саул. «И сказал Саул: так скажите Давиду: царь не хочет вена, кроме ста краеобрезаний филистимских» *(ст. 25)*.

Другими словами, царь не собирался давать никакого приданого за дочерью. По его мнению, приданое жене должен был принести Давид. И какое приданое? Сто обрезков крайней плоти! Совершенно непонятно, для чего такое количество могло бы понадобиться в хозяйстве молодоженов или в царском обиходе.

Но «еще не прошли назначенные дни, как Давид встал и пошел сам и люди его с ним, и убил двести человек филистимлян, и принес Давид краеобрезания их, и представил их в полном количестве царю, чтобы сделаться зятем царя. И выдал Саул за него Мелхолу, дочь свою, в замужество» *(1 Царств, гл. 18, ст. 27)*.

Можно себе представить собрание, на котором был подписан брачный договор, и сцену, когда «царский нотариус» торжественно отсчитывал двести кусков крайней плоти один за другим, а влюбленная Мелхола ворковала

на плече у Давида, совершенно очарованная столь прекрасным свадебным подарком! Но филистимляне сочли крайне неудобным, чтобы евреи приходили к ним, как на какой-то базисный склад, снабжаться краеобрезаниями. Война возобновилась. «Вожди филистимские вышли *на войну*, Давид, с самого выхода их, действовал благоразумнее всех слуг Сауловых, и весьма прославилось имя его» *(*1 *Царств, гл. 18, ст. 30).*

Именно в эту пору у царя стали учащаться припадки нервного расстройства. Но все же непонятно, почему «священный» автор тщится изобразить несчастного монарха самыми отвратительными красками? Согласно тому же библейскому тексту, сам бог иногда нагонял на несчастного Саула злого духа, другими словами, сам сводил его с ума. Никакой сумасшедший неповинен в своих действиях, а Саул тем более.

«И говорил Саул Ионафану, сыну своему, и всем слугам своим, чтобы умертвить Давида; но Ионафан, сын Саула, очень любил Давида. И известил Ионафан Давида, говоря: отец мой Саул ищет умертвить тебя» *(*1 *Царств, гл. 19, ст. 1—2).*

Кроме того, Ионафан старался примирить враждующих. «И говорил Ионафан доброе о Давиде Саулу, отцу своему, и сказал ему: да не грешит царь против раба твоего Давида; ибо он ничем не согрешил против тебя, и дела его весьма полезны для тебя;

Он подвергал опасности душу свою, чтобы поразить филистимлянина, и господь соделал великое спасение всему израилю; ты видел это и радовался; для чего же ты хочешь согрешить *против* невинной крови и умертвить Давида без причины?

И послушал Саул голоса Ионафана, и поклялся Саул: жив господь, *Давид* не умрет.

И позвал Ионафан Давида, и пересказал ему Ионафан все слова сии, и привел Ионафан Давида к Саулу, и он был при нем, как вчера и третьего дня» *(*1 *Царств, гл. 19, ст. 4—7).*

Ясно, что ненависть оставляла монарха, как только он приходил в нормальное состояние, и лишь во время припадка, «когда господь наводил на него злого духа», Саул продолжал помышлять об убийстве своего зятя.

В это время война с филистимлянами была в полном разгаре, и молодой музыкант время от времени, между

двумя серенадами, наносил врагам довольно значительные поражения. «И злой дух от бога напал на Саула, и он сидел в доме своем, и копье его было в руке его, а Давид играл рукою своею на струнах» *(ст. 9)*. Читатель уже догадывается, что́ должно произойти.

«И хотел Саул пригвоздить Давида копьем своим к стене, но Давид отскочил от Саула, и копье вонзилось в стену; Давид же убежал и спасся в ту ночь» *(ст. 10)*.

Молодой гусляр-военачальник спасся у своей нежной супруги, которая и старалась его утешить.

«И послал Саул слуг в дом к Давиду, чтобы стеречь его и убить его до утра. И сказала Давиду Мелхола, жена его: если ты не спасешь души твоей в эту ночь, то завтра будешь убит.

И спустила Мелхола Давида из окна, и он пошел, и убежал и спасся.

Мелхола же взяла статую и положила в постель, а в изголовье ее положила козью кожу, и покрыла одеждою.

И послал Саул слуг, чтобы взять Давида; но Мелхола сказала: он болен.

И послал Саул слуг, чтобы осмотреть Давида, говоря: принесите его ко мне на постели, чтоб убить его.

И пришли слуги, и вот, на постели статуя, а в изголовье ее козья кожа.

Тогда Саул сказал Мелхоле: для чего ты так обманула меня, и отпустила врага моего, чтоб он убежал? И сказала Мелхола Саулу: он сказал мне: «отпусти меня, иначе я убью тебя» *(1 Царств, гл. 19, ст. 11—17)*.

Не надо упускать из виду, что мы воспроизводим наисвященнейшую книгу, божественное произведение, основу основ веры, которая претендует подчинить своим законам всех людей. Можно ли, однако, найти где-нибудь более глупую историю, чем эта? Этот анекдот с переодеванием не годится даже для дрянного водевиля. Он ниже уровня самых дешевых представлений в ярмарочных балаганах. Под страхом обратиться в жаркое на вечном огне преисподней мы обязаны, однако, верить, что Мелхола помогла своему мужу, помазаннику божьему Давиду, бежать через окно и заменила его в постели манекеном, одетым в козлиную кожу. Должно быть, эта козлиная кожа была похожа на обычный ночной колпак Давида.

В еврейском тексте «статуя» называется словом «терафим». Это слово в современных изданиях Библии перево-

дится как «статуя». Но «терафим» буквально значит «идол». Следовательно, Мелхола еще имела идола? Думала ли она, что убийцы, присланные ее отцом, легковерно примут идола за ее мужа? И надеялась ли она, что козлиная кожа, которой она накрыла голову своего идола, сможет сойти за шевелюру ее мужа? Вот прекрасный сюжет для серьезного экзамена господам преосвященным богословам.

Далее рассказ Библии начинает прямо походить на бред: «И убежал Давид, и спасся, и пришел к Самуилу в Раму, и рассказал ему все, что делал с ним Саул. И пошел он с Самуилом, и остановились они в Навафе. И донесли Саулу, говоря: вот, Давид в Навафе, в Раме.

И послал Саул слуг взять Давида, и *когда* увидели они сонм пророков пророчествующих и Самуила, начальствующего над ними, то дух божий сошел на слуг Саула и они стали пророчествовать.

Донесли *об этом* Саулу, и он послал других слуг, но и эти стали пророчествовать. Потом послал Саул третьих слуг, и эти стали пророчествовать.

Саул сам пошел в Раму, и дошел до большого источника, что в Сефе, и спросил, говоря: где Самуил и Давид? И сказали: вот, в Навафе, в Раме.

И пошел он туда в Наваф в Раме, и на него сошел дух божий, и он шел и пророчествовал, доколе не пришел в Наваф в Раме.

И снял и он одежды свои, и пророчествовал пред Самуилом, и весь день тот и всю ту ночь лежал неодетый; поэтому говорят: «неужели и Саул во пророках?» (1 *Царств, гл. 19, ст. 18, 20—24*).

Мы намеренно привели буквально этот причудливый текст. Пророком называют человека, берущегося предсказывать будущее. Следовательно, надо быть вдохновленным богом для того, чтобы сказать, какие события произойдут в грядущие времена. Так верующие и понимают название «пророк». Обыкновенно пророк пророчествует только для того, чтобы предсказать какой-нибудь один факт: спрашивают у оракула, оракул отвечает. Или же «человек божий» отправляется в какой-нибудь город или ко двору царя и предсказывает такую-то катастрофу или такое-то счастливое событие. Так действуют пророки, то есть те, кто выдает себя за вдохновленных и посвященных в знание наиболее таинственных вещей. Однако никому не придет в голову представить себе целый сонм, то есть собрание, пророков,

извергающих свои пророчества непрерывно, наподобие фонтана. Разве только в сумасшедшем доме?!

Даже полицейские делаются пророками и присоединяются к Самуилу, Давиду и прочим и начинают пророчествовать вместе с ними. Наконец, и сам Саул, отправляющийся на поиски зятя с целью убить его, начинает пророчествовать в пути, раздевается почти донага в собрании святых, или пророков, действующих скопом. Это очень похоже на клинические картины сумасшествия.

Ученый XVIII века Буланже заметил, что эта глупая небылица похожа на историю одного деревенского судьи из Нижней Бретани. Он послал судебного пристава за свидетелем. Свидетель же выпивал в кабачке, и пристав задержался с ним. Судья послал другого пристава, который также застрял за бутылкой. Наконец, судья отправился сам, но тоже присоединился к компании и напился. Дело было отложено.

В главе 20 рассказывается, что Давид бежал из Навафа и скрывался у Ионафана. Ионафан снова попробовал защитить его перед свирепым Саулом, когда этот последний кончил пророчествовать. Защита была предпринята по случаю парадного обеда, данного царем в праздник «новомесячия». Саул заметил, что место Давида за столом пусто, и тогда Ионафан начал свою речь. Но царь ничего не хотел слушать, а только багровел от злобы.

«И отвечал Ионафан Саулу, отцу своему, и сказал ему: за что умерщвлять его? Что он сделал?

Тогда Саул бросил копье в него, чтобы поразить его. И Ионафан понял, что отец его решился убить Давида.

И встал Ионафан из-за стола в великом гневе, и не обедал во второй день новомесячия; потому что скорбел о Давиде, и потому что обидел его отец его» (1 *Царств, гл. 20, ст. 32—34*).

Ионафан отправился предупредить зятя, что ему, повидимому, не удастся сломить упорство царя. И Давид слушал его, и «поднялся с южной стороны, и пал лицем своим на землю, и трижды поклонился; и целовали они друг друга, и плакали оба вместе, но Давид плакал более» (*ст. 41*).

Давид отправился к священнику Ахимелеху, жившему в Номве, просить у него приюта. Священник принял его, накормил его священным хлебом, но намекнул, что не может гарантировать ему безопасности. И так как молодой

гусляр, раньше чем навострить лыжи, просил Ахимелеха дать ему какое-нибудь оружие, чтобы иметь чем защищаться в случае нужды, священник ответил ему: «вот меч Голиафа филистимлянина, которого ты поразил в долине дуба, завернутый в одежду, позади ефода; если хочешь, возьми его; другого, кроме этого, нет здесь. И сказал Давид: нет ему подобного; дай мне его» *(1 Царств, гл. 21, ст. 9)*.

Давид ушел с мечом Голиафа и направился в Геф, филистимский город, где царствовал царь Анхус; он надеялся, что враг израиля окажет ему покровительство. Приближаясь к Гефу, он был узнан несколькими слугами Анхуса. Этого было достаточно для того, чтобы нагнать на Давида большого страху. Удостоит ли царь филистимский снизойти к его бедственному положению? Это представлялось ему весьма сомнительным. «Давид... сильно боялся Анхуса, царя гефского. И изменил лице свое пред ними, и притворился безумным в их глазах, и чертил на дверях, (кидался на руки свои,) и пускал слюну по бороде своей. И сказал Анхус рабам своим: видите, он человек сумасшедший; для чего вы привели его ко мне?» *(1 Царств, гл. 21, ст. 12—14)*.

«И вышел Давид оттуда, и убежал в пещеру Одолламскую, и услышали братья его и весь дом отца его, и пришли к нему туда. И собрались к нему все притесненные и все должники и все огорченные душею, и сделался он начальником над ними; и было с ним около четырехсот человек» *(1 Царств, гл. 22, ст. 1—2)*. После этого, поручив своих престарелых родителей царю моавитскому, Давид выступил в поход. Между Давидом и его тестем Саулом началась открытая война.

Саул узнал о приеме, какой жрец Ахимелех оказал Давиду. Тогда Саул вызвал Ахимелеха и всех священников на свой суд. «И сказал ему Саул: для чего вы сговорились против меня, ты и сын Иессея, что ты дал ему хлебы и меч, и вопросил о нем бога, чтоб он восстал против меня и строил мне ковы, как это ныне видно?

И отвечал Ахимелех царю и сказал: кто из всех рабов твоих верен, как Давид? он и зять царя, и исполнитель повелений твоих, и почтен в доме твоем.

Теперь ли я стал вопрошать для него бога? Нет, не обвиняй в этом, царь, раба твоего и весь дом отца моего; ибо во всем этом деле не знает раб твой ни малого, ни великого.

И сказал царь: ты должен умереть, Ахимелех, ты и весь дом отца твоего» *(1 Царств, гл. 22, ст. 13—16)*.

Телохранители отказались, однако, выполнить этот смертный приговор, не решаясь поднять руку на священнослужителей. «И сказал царь Доику: ступай ты, и умертви священников. И пошел Доик идумеянин, и напал на священников, и умертвил в тот день восемьдесят пять мужей, носивших льняной ефод. И Номву, город священников, поразил мечом; и мужчин и женщин, и юношей и младенцев, и волов и ослов и овец поразил мечом» *(ст. 18—19)*. Новая священная бойня! Один из сыновей Ахимелеха, по имени Авиафар, спасся от бойни и успел присоединиться к Давиду, который сказал ему: «останься у меня, не бойся; ибо, кто будет искать моей души, будет искать и твоей души; ты будешь у меня под охранением» *(ст. 23)*.

Мы сокращаем изложение, насколько это возможно. Но руководства по «священной истории», составленные для верующих, настолько неполны, что необходимо восстановить при помощи подлинных библейских цитат множество эпизодов, которые наши церковники обходят сконфуженным молчанием. Странные подробности «святого писания» подчас не лишены самого пикантного интереса. Мы бы постарались быть еще более лаконичными, если бы дело касалось какой-нибудь другой, обыкновенной книги. Но это ведь произведение самого бога, и мы не решаемся пропускать божественные перлы, которых так много в чудесной оправе Ветхого завета.

Сын Иессея стал скитаться по пустыне Зиф. Численность сопровождавшего его разношерстного сброда увеличилась на 200 человек. Саул преследовал эту банду, но не мог догнать. Тем не менее у Давида была встреча с Ионафаном в лесу. Оба вновь поклялись друг другу в вечной любви и дружбе.

Узнав, что филистимляне снова выступили в поход, Саул прекратил преследование зятя, чтобы вести борьбу с национальным врагом. Филистимляне были отброшены, и царь снова взялся за Давида, который основал в пустыне Эн-Гадди свою «ставку», откуда распространял на округу свою плодотворную деятельность. Да, именно плодотворную, ибо сын Иессея, согласно самой Библии, сделался настоящим атаманом шайки разбойников: он собрал 600 головорезов и носился по горам и долинам со всем сбродом, не щадя ни друзей, ни врагов, грабя и обирая всех встречных.

Два раза Саул, имея с собой 3000 отборных солдат, уже близко подступал к Давиду. В обоих этих случаях зять про-

явил трогательное великодушие. Оба эпизода слишком забавны, чтобы их не процитировать. Диктуя это повествование, «божественный голубь» был воистину в приподнятом настроении. Бог управлял всем этим. Ему не трудно было предоставить Давиду возможность проявить свое великодушие при менее смешных обстоятельствах. Если уж эти приключения уродливы, так это оттого, что «святая троица» просто захотела немного поразвлечься и шутливо поразнообразить свою нудную диктовку. Мы, впрочем, отнюдь не хотим отнять у этих приключений их божественность: то и хорошо, что они взяты из подлинной «священной истории».

Итак, вперед,— точная цитата!

«И взял Саул три тысячи отборных мужей из всего израиля, и пошел искать Давида и людей его по горам, где живут серны.

И пришел к загону овечьему, при дороге; там была пещера, и зашел туда Саул для нужды; Давид же и люди его сидели в глубине пещеры.

И говорили Давиду люди его: вот день, о котором говорил тебе господь: «вот, я предам врага твоего в руки твои, и сделаешь с ним, что тебе угодно». Давид встал, и тихонько отрезал край от верхней одежды Саула.

Но после сего больно стало сердцу Давида, что он отрезал край от одежды Саула.

И сказал он людям своим: да не попустит мне господь сделать это господину моему, помазаннику господню, чтобы наложить руку мою на него; ибо он помазанник господень.

И удержал Давид людей своих сими словами и не дал им восстать на Саула. А Саул встал, и вышел из пещеры на дорогу.

Потом встал и Давид, и вышел из пещеры, и закричал вслед Саула, говоря: господин мой, царь! Саул оглянулся назад, и Давид пал лицем на землю и поклонился (ему).

И сказал Давид Саулу: зачем ты слушаешь речи людей, которые говорят: «вот, Давид умышляет зло на тебя?»

Вот, сегодня видят глаза твои, что господь предавал тебя ныне в руки мои в пещере; и мне говорили, чтоб убить тебя; но я пощадил тебя, и сказал: «не подниму руки моей на господина моего; ибо он помазанник господа».

Отец мой! посмотри на край одежды твоей в руке моей; я отрезал край одежды твоей, а тебя не убил. Узнай и убедись, что нет в руке моей зла, ни коварства, и я не

согрешил против тебя; а ты ищешь души моей, чтоб отнять ее.

Да рассудит господь между мною и тобою, и да отмстит тебе господь за меня; но рука моя не будет на тебе;

Как говорит древняя притча: «от беззаконных исходит беззаконие». А моя рука не будет на тебе.

Против кого вышел царь израильский? За кем ты гоняешься? За мертвым псом, за одною блохою.

Господь да будет судьею, и рассудит между мною и тобою. Он рассмотрит, разберет дело мое, и спасет меня от руки твоей.

Когда кончил Давид говорить слова сии к Саулу, Саул сказал: твой ли это голос, сын мой Давид? И возвысил Саул голос свой, и плакал.

И сказал Давиду: ты правее меня, ибо ты воздал мне добром, а я воздавал тебе злом.

Ты показал это сегодня, поступив со мною милостиво; когда господь предавал меня в руки твои, ты не убил меня.

Кто, найдя врага своего, отпустил бы его в добрый путь? Господь воздаст тебе добром за то, что сделал ты мне сегодня.

И теперь я знаю, что ты непременно будешь царствовать, и царство израилево будет твердо в руке твоей.

Итак поклянись мне господом, что ты не искоренишь потомства моего после меня и не уничтожишь имени моего в доме отца моего.

И поклялся Давид Саулу. И пошел Саул в дом свой, Давид же и люди его взошли в место укрепленное» *(*1 *Царств, гл. 24, ст. 3—23).*

Эта сцена весьма патетична, хотя и трудно понять, почему Давид в своем самоуничижении сравнивает себя с мертвым псом и блохой. Эпизод был бы действительно прекрасен, если бы его сопровождали другие обстоятельства. Но Саул, пощаженный Давидом в пещере, куда пришел отправить свои естественные надобности?! «Святой дух» мог бы создать для великодушия Давида какую-нибудь другую декорацию. Но раз уж богу угодно, чтобы обстоятельства сложились именно так, то надо признать, что здесь с его стороны проявляется творческое вдохновение довольно сомнительного вкуса. Клерикалы рычат против некоторых книг Эмиля Золя, где этот знаменитый романист-натуралист описывает дурной запах, распространяемый мужиками. Но ведь романы Эмиля Золя не священные книги,

и никому никогда не придет в голову основывать на них религию. Покуда он был в ударе, этот «голубь-утка», он смело мог бы прибавить, что, спеша из пещеры, Давид попал ногой в следы пребывания в ней Саула и что это принесло ему счастье. Верующие и эту деталь приняли бы с благоговением.

Но не станем задерживаться на этом.

Во второй раз сын Иессея проявил величие души при несколько иных обстоятельствах. В то время как Саул и его армия расположились лагерем на Гахиле, Давид, сопровождаемый некиим Авессой, пробрался ночью в палатку царя. На сей раз бог был прямым сообщником своего любимого Давида.

«И вот, Саул лежит, спит в шатре, и копье его воткнуто в землю у изголовья его; Авенир же и народ лежат вокруг него.

Авесса сказал Давиду: предал бог ныне врага твоего в руки твои; итак позволь, я пригвожду его копьем к земле одним ударом, и не повторю *удара*.

Но Давид сказал Авессе: не убивай его; ибо кто, подняв руку на помазанника господня, останется ненаказанным?

И сказал Давид: жив господь! пусть поразит его господь, или придет день его, и он умрет, или пойдет на войну и погибнет; меня же да не попустит господь поднять руку мою на помазанника господня.

А возьми его копье, которое у изголовья его, и сосуд с водою, и пойдем к себе.

И взял Давид копье и сосуд с водою у изголовья Саула, и пошли они к себе; и никто не видел, и никто не знал, и никто не проснулся, но все спали; ибо сон от господа напал на них.

И перешел Давид на другую сторону, и стал на вершине горы вдали; большое расстояние *было* между ними.

И воззвал Давид к народу и Авениру, сыну Нирову, говоря: отвечай, Авенир. И отвечал Авенир и сказал: кто ты, что кричишь и *беспокоишь* царя?

И сказал Давид Авениру: не муж ли ты, и кто равен тебе в израиле? Для чего же ты не бережешь господина твоего, царя? ибо приходил некто из народа, чтобы погубить царя, господина твоего.

Нехорошо ты это делаешь; жив господь! вы достойны смерти за то, что не бережете господина вашего, помазан-

ника господня. Посмотри, где копье царя и сосуд с водою, что были у изголовья его?

И узнал Саул голос Давида, и сказал: твой ли это голос, сын мой Давид? И сказал Давид: мой голос, господин мой, царь» (1 *Царств, гл. 26, ст. 7—17*).

Этот эпизод кончается так же, как и предыдущий, с той малой разницей, что сын Иессея не сравнивает себя больше с мертвым псом, но только с блохой; кроме того, он возвращает копье, оставляя себе сосуд с водой царя.

Спрашивается, почему, собственно говоря, среди библейских героев Саул причислен к проклятым? Если держаться чисто человеческого рассуждения, этот царь производит в общем впечатление довольно неплохого человека: его приступы ярости против Давида являются результатами «злого духа», а кроме того, и сам сын Иессея довольно жалкий субъект. Когда Саул свободен от влияния «злого духа», когда он находится в своем естественном и нормальном состоянии, жестокость противна ему; кроме того, он патриот, в то время как Давид (мы это увидим дальше) вместе со своим сбродом поступает на службу к филистимлянам. Но... но церковники говорят нам, что здесь обыкновенный разум неприменим, а требуется непременно боговдохновенный и что все, что касается веры, должно быть принято на веру.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ПЕЧАЛЬНЫЙ КОНЕЦ НЕЧЕСТИВОГО САУЛА

ог никогда не пропускал случая показать, что он покровительствовал именно Давиду, ибо этот последний во всем соответствовал его желаниям. Полюбуйтесь, например, историей Навала и Авигеи. Постараемся резюмировать библейское повествование, придерживаясь «священного» текста и отбрасывая только повторения и длинноты.
Был некто в Маоне, человек очень богатый. Был он при стрижке овец своих на Кармиле. Имя человека того — Навал, а имя жены его — Авигея... Давид послал десять отроков к Навалу с требованием дать, «что найдет рука твоя». Навал ответил: «кто такой Давид?.. Ныне стало много рабов, бегающих от господ своих. Неужели мне взять хлебы мои и воду мою, (и вино мое,) и мясо, приготовленное мною для стригущих овец у меня, и отдать людям, о которых не знаю, откуда они?.. Тогда Давид сказал людям своим: опояшьтесь каждый мечом своим... Опоясался и сам Давид своим мечом и пошли за Давидом около четырехсот человек, а двести остались при обозе... Авигея поспешно взяла двести хлебов, и два меха с вином, и пять овец приготовленных, и пять мер сушеных зерен, и сто связок изюму, и двести связок смокв, и навьючила на ослов».

Ничего не сказав об этом мужу, она пошла навстречу Давиду. «Когда Авигея увидела Давида, то поспешила сойти с осла, и пала пред Давидом на лице свое, и поклонилась до земли»... Давид сказал ей: «благословен господь, бог израилев, который послал тебя ныне навстречу мне и благословен разум твой, и благословенна ты за то, что ты теперь не допустила меня идти на пролитие крови и отмстить за себя... Если бы ты не поспешила и не пришла навстречу мне, то до рассвета утреннего я не оставил бы Навалу мочащегося к стене»...

Дней через десять Навал умер. «И услышал Давид, что Навал умер, и сказал: благословен господь, воздавший за посрамление, нанесенное мне Навалом... господь обратил злобу Навала на его же голову. И послал Давид сказать

Авигее, что он берет ее себе в жену... Она встала, и поклонилась лицем до земли, и сказала: вот, раба твоя *готова* быть служанкою, чтобы омывать ноги слуг господина моего. И собралась Авигея поспешно, и села на осла, и пять служанок сопровождали ее; и пошла она за послами Давида, и сделалась его женою. И Ахиноаму из Изрееля взял Давид, и обе они были его женами. Саул же отдал дочь свою Мелхолу, жену Давидову, Фалтию, сыну Лаиша, что из Галлима» *(1 Царств, гл. 25, ст. 2—44)*.

Если бы потребовалось написать историю грабителя с большой дороги, то едва ли надо было бы писать иначе, чем написана эта история. Восторгаясь Давидом, Библия выставляет Навала человеком грубым и жестоким. Но ведь поведение Давида не менее возмутительно. Однако сам бог участвовал в убийстве супруга, ненавидимого своей женой. Этим злодейским вмешательством бог одновременно благословляет прелюбодеяние Давида, своего святого «помазанника». Довольно странная мораль!

В эту пору умер Самуил. «И умер Самуил; и собрались все израильтяне, и плакали по нем, и погребли его в доме его, в Раме» *(1 Царств, гл. 25, ст. 1)*. Смерть не помешала ему, однако, как и Моисею, описать в своей книге события, имевшие место после его кончины. Надо признать, что в этой области Самуил побивает рекорд Моисея. Этот последний ограничился лишь описанием своих похорон и печали народной. Посмертное же сочинение Самуила охватывает конец царства Саула и все царствование Давида. Целых 38 глав наполнены описаниями событий, которые автор видел после своей смерти! Чудо из чудес! Каким образом Самуил, видевший все это с небесных высот глазами своей души, мог написать книгу руками своего бренного тела, умершего и с почестями погребенного? Это божественная тайна.

Не будем искать ее разгадки и удовольствуемся тем, что покойный пророк согласился добровольно быть бытописателем царствования двух помазанных им царей. «Самуил» сообщает без малейшего негодования, что «встал Давид, и отправился сам и шестьсот мужей, бывших с ним, к Анхусу, сыну Маоха, царю гефскому» *(гл. 27, ст. 2)*. Анхус отвел ему для местожительства город Секелаг, и святой помазанник божий прожил год и четыре месяца среди врагов своего народа.

«И выходил Давид с людьми своими, и нападал на гес-

сурян и гирзеян и амаликитян, которые издавна населяли эту страну до Сура и даже до земли египетской.

И опустошал Давид ту страну, и не оставлял в живых ни мужчины, ни женщины, и забирал овец, и волов, и ослов, и верблюдов, и одежду; и возвращался, и приходил к Анхусу... И не оставлял Давид в живых ни мужчины, ни женщины, и не приводил в Геф, говоря: они могут донести на нас и сказать: «так поступил Давид, и таков образ действий его во все время пребывания в стране филистимской».

И доверился Анхус Давиду, говоря: он опротивел народу своему израилю и будет слугою моим вовек» *(1 Царств, гл. 27, ст. 8—12)*.

Как вам нравится этот святой помазанник, величайший из предков господа Иисуса Христа, любимец бога?

Критики напоминают, что сначала он притворился дурачком перед царем филистимским; это, конечно, не особенно хороший способ внушать доверие царю, которому собираешься служить на бранном поле, как это случилось впоследствии. Но, прибавляют критики, способ, которым Давид служил царю — своему благодетелю, еще более необычен: он заставляет его верить, что занимается грабежом евреев, в то время как на самом деле он грабит и убивает его союзников. Он истребляет все. Он убивает всех, не щадя и детей, из боязни, чтобы они не донесли на него.

Но каким образом Анхус мог в течение 16 месяцев ничего не знать обо всем этом? Надо было ему быть еще большим дураком, чем когда-то притворялся Давид. Богословы, впрочем, отнюдь не смущаются поведением этого «помазанника»; они говорят, что совсем неважно, если он истреблял и уничтожал своих союзников, ибо это были язычники. Они видят в Давиде даже выразителя божественного гнева и прощают ему все грехи вообще, воспевая его «святость».

В следующей главе филистимляне собираются в поход против евреев, и Давид из оруженосца и зятя еврейского царя Саула делается командиром гвардии царя филистимского. Здесь мы приближаемся к известному эпизоду с аэндорской волшебницей.

«И собрались филистимляне, и пошли и стали станом в Сонаме; собрал и Саул весь народ израильский, и стали станом на Гелвуе.

И увидел Саул стан филистимский, и испугался, и крепко дрогнуло сердце его.

И вопросил Саул господа; но господь не отвечал ему ни во сне, ни чрез урим [1], ни чрез пророков.

Тогда Саул сказал слугам своим: сыщите мне женщину волшебницу, и я пойду к ней, и спрошу ее. И отвечали ему слуги его: здесь в Аэндоре есть женщина волшебница.

И снял с себя Саул одежды свои и надел другие, и пошел сам и два человека с ним, и пришли они к женщине ночью. И сказал ей *Саул:* прошу тебя, поворожи мне, и выведи мне, о ком я скажу тебе.

Но женщина отвечала ему: ты знаешь, что сделал Саул, как выгнал он из страны волшебников и гадателей; для чего же ты расставляешь сеть душе моей, на погибель мне?

И поклялся ей Саул господом, говоря: жив господь! не будет тебе беды за это дело.

Тогда женщина спросила: кого же вывесть тебе? И отвечал он: Самуила выведи мне.

И увидела женщина Самуила, и громко вскрикнула; и обратилась женщина к Саулу, говоря: зачем ты обманул меня? ты — Саул.

И сказал ей царь: не бойся; (скажи,) что ты видишь? И отвечала женщина: вижу как бы бога, выходящего из земли.

Какой он видом? — спросил у нее *Саул.* Она сказала: выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицем на землю и поклонился.

И сказал Самуил Саулу: для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышел? И отвечал Саул: тяжело мне очень; филистимляне воюют против меня, а бог отступил от меня и более не отвечает мне ни чрез пророков, ни во сне, (ни в видении); поэтому я вызвал тебя, чтобы ты научил меня, что мне делать.

И сказал Самуил: для чего же ты спрашиваешь меня, когда господь отступил от тебя и сделался врагом твоим?

Господь сделает то, что говорил чрез меня; отнимет господь царство из рук твоих, и отдаст его ближнему твоему, Давиду.

Так как ты не послушал гласа господня и не выполнил ярости гнева его на Амалика, то господь и делает это над тобою ныне.

И предаст господь израиля, вместе с тобою, в руки филистимлян: завтра ты и сыны твои *будете* со мною; и стан израильский предаст господь в руки филистимлян.

Тогда Саул вдруг пал всем телом своим на землю, ибо сильно испугался слов Самуила; притом и силы не стало в нем, ибо он не ел хлеба весь тот день и всю ночь.

И подошла женщина та к Саулу, и увидела, что он очень испугался, и сказала: вот, раба твоя послушалась голоса твоего, и подвергала жизнь свою опасности, и исполнила приказание, которое ты дал мне.

Теперь прошу, послушайся и ты голоса рабы твоей: я предложу тебе кусок хлеба, поешь, и будет в тебе крепость, когда пойдешь в путь.

Но он отказался и сказал: не буду есть. И стали уговаривать его слуги его, а также и женщина; и он послушался голоса их, и встал с земли и сел на ложе.

У женщины же был в доме откормленный теленок, и она поспешила заколоть его и, взяв муки, замесила и испекла опресноки.

И предложила Саулу и слугам его, и они поели, и встали, и ушли в ту же ночь» *(1 Царств, гл. 28, ст. 4—25).*

Этот эпизод вызывал многочисленные споры среди богословов. Что касается комментаторов-скептиков, то они немало им развлекались. Правду сказать, есть чем.

Всегда и везде мошенники и шарлатаны злоупотребляли доверчивостью наивных людей, заставляя их дорого оплачивать разного рода таинственные и, конечно, выдуманные ответы. А вот здесь Саул не только ничего не платит волшебнице, но она сама угощает его ужином и даже закалывает в его честь откормленного теленка.

Прорицатели, гадалки, ворожеи обыкновенно показывают что-нибудь смутное, обладающее способностью передвигаться благодаря скрытому и не всегда достаточно замысловатому трюку. Аэндорская же прорицательница не дает себе даже и такого нехитрого труда: она просто говорит, что видит тень, а Саул верит ей на слово.

«Во всякой другой книге, кроме священного писания,— говорит Вольтер,— это повествование сошло бы за обыкновенную и даже плохо скроенную сказку. Но, раз автором является все тот же «святой дух»,— сказка бесспорна и заслуживает столько же почтения, как и все остальное».

Что касается богословов, то, не беря под сомнение правдивости эпизода, они, однако, в точности не знают, кого именно вывела колдунья. Святой Юстин в своем «Диалоге с Трифоном иудеем» допускает, что в былые времена по особому соизволению божьему волхвы могли вызывать

души пророков и праведников, которые все были в аду, несмотря на праведную жизнь, и оставались там до тех пор, пока туда не пришел сам Иисус, чтобы вывести их, как об этом говорят христианские богословы. Следовательно, согласно святому Юстину, аэндорское видение могло быть душой самого Самуила.

Другой отец церкви — Ориген — идет еще дальше: он говорит, что волшебница вывела Самуила, и не только душу его, но и тело. Как на признак реальности видения он указывает на его одежду. Это позволяет любопытным спрашивать, носят ли вообще в аду одежды и, в особенности, есть ли там несгораемые платья.

Современные богословы уже отошли от наивных утверждений первых веков христианства; они хорошо чувствуют смешную сторону толкования Оригена и Юстина, согласно коим волхвы и колдуньи, эти сосуды дьявола, имели власть вызывать даже и «святых». Они заявляют, что волшебница вызвала дьявола, выдававшего себя за Самуила.

Библейский текст ясно говорит против этих казуистических толкований. Библия неоднократно повторяет: «и сказал Самуил Саулу», «Саул испугался слов Самуила», и, наконец, Самуил спрашивает: «для чего ты тревожишь меня?»

С другой стороны, возникает еще один вопрос, который не особенно легко разрешить. Саул представлен как человек, на котором лежит печать проклятия с того самого дня, как он оказал милосердие своему пленнику царю Агагу. Поэтому верующие видят в нем обреченного. Имя первого царя израиля было столько раз проклинаемо жрецами, что многим внушает ужас.

Если внимательно прочитать «священный» текст, начинает казаться, будто бог в последнюю минуту сам себя опроверг, а Саул был спасен. Самуил заявляет ему: «завтра ты и сыновья твои *будете* со мною». А Самуил находился в аду праведников. Согласно христианскому богословию, до воскресения Иисуса Христа было два ада: ад отверженных, который поглотил Корея, Дафана и Авирона, и ад избранных, где патриархи, пророки и все святые Ветхого завета ожидали, пока «воскресение Христа» открыло им «врата небесные». Следовательно, если Саул соединился с Самуилом, то это могло быть только в аду праведных; значит, несмотря на проклятие, Саул все же был из избранных.

Наконец, вот что еще могло бы значительно упростить

все эти сомнения. Есть ли вообще сколько-нибудь твердая уверенность в том, что существовали когда-нибудь Саул и Самуил в действительности? Не является ли вся их история еще одной мистификацией со стороны соответствующих авторов Библии? Вольнодумцы отмечают, что одни только еврейские книги упоминают об этом царе и об этом пророке и что летописи города Тира, говорящие о Соломоне, не содержат ни одного слова о Давиде.

Что поделаешь? Есть немало людей, которые удивляются молчанию современников относительно многих персонажей, выведенных на сцену «священным историком». Немало есть людей, которым трудно переварить такие, например, рассказы Библии, как сражение юнца Давида с Голиафом ростом более трех метров, как приданое в двести филистимлянских краеобрезаний, снятых Давидом и отсчитанных им Саулу в виде свадебного подарка его дочери, и пр. и пр. Когда ко всему этому присоединяется еще и аэндорская волшебница, переваривать весь этот вздор становится еще труднее.

Ну, ударь раз, ударь два, но нельзя же до бесчувствия!

В это время Давид продолжал служить в филистимской армии, но в тылу. Глава 29 сообщает, что начальники лагеря в Афеке не особенно были довольны его пребыванием в рядах войск и требовали от царя Анхуса его удаления. Во время этих переговоров амаликитяне сожгли Секелаг, где жил святой помазанник божий. По возвращении из филистимского лагеря Давид и его 600 головорезов не нашли больше своих жен и детей; амаликитяне увели их в плен *(гл. 30, ст. 1—3)*. Это показывает, по крайней мере, что враги библейских евреев не имели бесчеловечности последних и не истребляли побежденных. Обе супруги Давида — Авигея и Ахиноама были среди пленных. Давид бросился преследовать амаликитян, догнал и перебил всех, а пленных освободил и увел домой.

Первая книга Царств заканчивается описанием смерти Саула. Саул дал филистимлянам сражение при Гелвуе. Армия израиля потерпела поражение. «И догнали филистимляне Саула и сыновей его, и убили филистимляне Ионафана, и Аминадава, и Малхисуа, сыновей Саула.

И битва против Саула сделалась жестокая, и стрелки из луков поражали его, и он очень изранен был стрелками.

И сказал Саул оруженосцу своему: обнажи твой меч, и заколи меня им, чтобы не пришли эти необрезанные, и не

убили меня, и не издевались надо мною. Но оруженосец не хотел, ибо очень боялся. Тогда Саул взял меч свой и пал на него.

Оруженосец его, увидев, что Саул умер, и сам пал на свой меч и умер с ним.

Израильтяне, жившие на стороне долины и за Иорданом, видя, что люди израильские побежали и что умер Саул и сыновья его, оставили города свои и бежали, а филистимляне пришли и засели в них.

На другой день филистимляне пришли грабить убитых, и нашли Саула и трех сыновей его, павших на горе Гелвуйской.

И (поворотили его и) отсекли ему голову, и сняли с него оружие и послали по всей земле филистимской, чтобы возвестить о сем в капищах идолов своих и народу.

И положили оружие его в капище Астарты, а тело его повесили на стене Беф-Сана.

И услышали жители Иависа галаадского о том, как поступили филистимляне с Саулом.

И поднялись все люди сильные, и шли всю ночь, и взяли тело Саула и тела сыновей его со стены Беф-Сана, и пришли в Иавис, и сожгли их там.

И взяли кости их, и погребли под дубом в Иависе, и постились семь дней» (1 *Царств, гл. 31, ст. 2—13*).

Вторая книга Царств начинается повествованием о смерти Саула, но излагает это событие совершенно иначе. Противоречие вопиющее. Оно вновь и вновь обнаруживает бесстыдство, с каким «священный голубь» и его представители насмехаются над верующими.

«По смерти Саула, когда Давид возвратился от поражения амаликитян и пробыл в Секелаге два дня»... («Богодухновенный» автор уже успел забыть, что этот город был дотла уничтожен пожаром несколько дней тому назад.) (1 *Царств, гл. 30, ст. 1*).

«Вот, на третий день приходит человек из стана Саулова; одежда на нем разодрана и прах на голове его. Придя к Давиду, он пал на землю и поклонился (ему).

И сказал ему Давид: откуда ты пришел? И сказал тот: я убежал из стана израильского.

И сказал ему Давид: что произошло? расскажи мне. И тот сказал: народ побежал со сражения, и множество из народа пало и умерло, и умерли и Саул и сын его Ионафан.

И сказал Давид отроку, рассказывавшему ему: как ты знаешь, что Саул и сын его Ионафан умерли?

И сказал отрок, рассказывавший ему: я случайно пришел на гору Гелвуйскую, и вот, Саул пал на свое копье, колесницы же и всадники настигали его.

Тогда он оглянулся назад и, увидев меня, позвал меня.

И я сказал: «вот я». Он сказал мне: «кто ты?» И я сказал ему: «я — амаликитянин».

Тогда он сказал мне: «подойди ко мне, и убей меня, ибо тоска смертная объяла меня, душа моя все еще во мне».

И я подошел к нему и убил его, ибо знал, что он не будет жив после своего падения; и взял я (царский) венец, бывший на голове его, и запястье, бывшее на руке его, и принес их к господину моему сюда.

Тогда схватил Давид одежды свои, и разодрал их, также и все люди, бывшие с ним, (разодрали одежды свои).

И рыдали и плакали, и постились до вечера о Сауле, и о сыне его Ионафане, и о народе господнем, и о доме израилевом, что пали они от меча.

И сказал Давид отроку, рассказывавшему ему: откуда ты? И сказал он: я — сын пришельца, амаликитянина.

Тогда Давид сказал ему: как не побоялся ты поднять руку, чтобы убить помазанника господня?

И призвал Давид одного из отроков и сказал ему: подойди, убей его.

И *тот* убил его, и он умер» *(2 Царств, гл. 1, ст. 1—16)*.

После этого Давид сочинил плачевную песнь (Библия ее приводит) по поводу жестокой судьбы Саула и Ионафана. Мы приведем из нее только маленький отрывок: «скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской» *(ст. 26)*.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ И СЛАВНОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ СВЯТОГО КРОТКОГО ЦАРЯ ДАВИДА

Мы подошли теперь к эпохе, когда действительно начинается более или менее достоверная история еврейского народа. Именно со времени Саула сомнительное и неясное в этой истории как будто начинает понемногу исчезать. Правду сказать, мы и далее встретим еще немало необыкновенных и изумительных «чудес». Но эти «чудеса» будут только своеобразно украшать биографии лиц, существование которых все же не всегда приходится оспаривать.

Книги, составляющие Библию, вызывают большие споры. Богословы утверждают, что книги эти были написаны такими-то и такими-то лицами, рассказывавшими о современных им событиях: «Пятикнижие» приписывается Моисею, Иисус Навин почитается автором Книги Иисуса Навина, Самуил — автором первых двух Книг Царств. Внушая эту версию, богословы стараются придать Библии достоверный вид. Они приходят в бешенство, когда им говорят, что все это было написано много позже времени описанных в Библии событий, главным образом после вавилонского пленения.

В подтверждение взглядов ученых — критиков Библии следует отметить здесь мимоходом одну фразу из Второй книги Царств, позволяющую еще раз показать лживость позиции богословов: «как написано в книге Праведного» *(гл. 1, ст. 18)*. Та же Книга Праведного отмечена и Иисусом Навином по поводу чуда с остановкой Солнца и Луны: «не это ли написано в книге Праведного: «стояло солнце среди неба, и не спешило к западу почти целый день» *(Иис. Нав., гл. 10, ст. 13)*.

Если сам Иисус не мифическая личность, то его «чудо» приключилось лет за пятьсот до царствования Давида. Следовательно, физически невозможно, чтобы Иисус мог в книге, написанной им, цитировать другую книгу, которая

воспроизводит через 500 лет плачевную песнь Давида о Сауле и Ионафане.

Эта Книга Праведного, упоминаемая Библией несколько раз, была упразднена иудейскими жрецами; они сами ее уничтожили, но говорят, что она, «к несчастью, пропала». Ее существование было неудобно, ибо она с наглядностью доказывала, что Ветхий завет не был написан постепенно и последовательно Моисеем, Самуилом, Давидом и др., будто бы записывавшими современные им события.

Два библейских стиха, которые мы только что сопоставили, доказывают с несомненностью «священные» подтасовки и позволяют догадаться, кому принадлежат торчащие здесь длинные уши.

Давид, уже давно помазанный Самуилом на царство, сам себя стал считать царем только после смерти Саула; только тогда стал он обнаруживать царское величие. Прежде всего он посоветовался с богом, какой город избрать столицей своего царства. Бог прямо указал ему: «Хеврон» *(гл. 2, ст. 1)*. Затем он воззвал к народу, но одни только вожди колена Иуды признали Давида, «и помазали там Давида на царство над домом иудиным» *(ст. 4)*. Это было вторичное помазание.

После этого Давид водворился в Хевроне с Авигеей и Ахиноамой. Вероятно, чтобы забыть первую жену свою — Мелхолу, дочь Саула, он заменил ее четырьмя другими новыми женщинами — Аггифой, Авиталой и Эглой, а также Маахой, дочерью его величества Фалмая, царя гессурского *(гл. 3, ст. 2—5)*. Следует полагать, что все эти шесть царственных супруг мирно уживались.

Давиду понадобился главнокомандующий. Мы еще не забыли Авессу, который сопровождал его ночью в Гекхильский лагерь, где они вдвоем похитили у Саула его алебарду и сосуд с водой. Авесса имел двух братьев — Иоава и Асаила. Иоава Давид и поставил во главе своей армии. Мы увидим еще, какую большую роль он будет играть во время царствования Давида.

«Всего времени, в которое Давид царствовал в Хевроне над домом иудиным, было семь лет и шесть месяцев» *(2 Царств, гл. 2, ст. 11)*.

Но с другой стороны, Авенир, бывший «главковерх» Саула, не признал избранника колена иудина. Он представил народу Иевосфея, младшего сына Саула. Будучи признан остальными одиннадцатью коленами израилевыми,

Иевосфей тоже принял титул царя и основал столицу свою в Маханаиме, где процарствовал всего два года.

Итак, гражданская война! Встретились у пруда Гаваонского. Авенир предложил Иоаву устроить единоборство между двенадцатью молодыми людьми из колена вениаминова и столькими же сторонниками Давида. Иоав согласился.

«Они схватили друг друга за голову, *вонзили* меч один другому в бок, и пали вместе» *(ст. 16)*. После этого пошла общая свалка. Сторонники Давида обратили своих врагов в бегство. Увидев свое поражение, бежал и сам Авенир. Его преследовал брат Иоава Асаил, который «был легок на ноги, как серна в поле» *(ст. 18)*.

«И погнался Асаил за Авениром и преследовал его, не уклоняясь ни направо, ни налево от следов Авенира.

И оглянулся Авенир назад и сказал: ты ли это, Асаил? Тот сказал: я.

И сказал ему Авенир: «уклонись направо или налево, и выбери себе одного из отроков, и возьми себе его вооружение. Но Асаил не захотел отстать от него.

И повторил Авенир еще, говоря Асаилу: отстань от меня, чтоб я не поверг тебя на землю; тогда с каким лицем явлюсь я к Иоаву, брату твоему?

Но тот не захотел отстать. Тогда Авенир, поворотив копье, поразил его в живот; копье прошло насквозь его, и он упал там же, и умер на месте. Все, проходившие чрез то место, где пал и умер Асаил, останавливались.

Слуги же Давидовы поразили вениамитян и людей Авенировых; пало их триста шестьдесят человек.

И взяли Асаила, и похоронили его во гробе отца его, что в Вифлееме. Иоав же с людьми своими шел всю ночь, и на рассвете прибыл в Хеврон» *(2 Царств, гл. 2, ст. 19—23, 31—32)*.

Было бы обидно пропустить описание этой знаменитой битвы, ибо все это из «священной истории», продиктованной самим богом, и, следовательно, божественные «глаголы» вроде только что прочитанных получают особое значение и заслуживают быть отмеченными. Мы никогда не должны упускать из виду, что во имя этих бессмыслиц и нелепостей, объявленных священными, служители религии считаются во многих странах государственными чиновниками, пользуются привилегиями, собираемые же с населения деньги идут на их содержание, как если бы они были

учеными самых благородных наук или учителями самых возвышенных и общеполезных истин.

В то время как одиннадцать племен отказались признать Давида царем, он укреплял дом свой, рождая детей. Святой «помазанник» божий отнюдь не терял времени. «И родились у Давида (шесть) сыновей в Хевроне» *(2 Царств, гл. 3, ст. 2)*.

Из-за женщины Авенир перешел на сторону Давида. Цитируем этот «священный» анекдот.

«У Саула была наложница, по имени Рицпа, дочь Айя, (и вошел к ней Авенир). И сказал (Иевосфей) Авениру: зачем ты вошел к наложнице отца моего?

Авенир же сильно разгневался на слова Иевосфея, и сказал: разве я — собачья голова? Я против Иуды оказал ныне милость дому Саула, отца твоего, братьям его и друзьям его, и не предал тебя в руки Давида, а ты взыскиваешь ныне на мне грех из-за женщины.

То и то пусть сделает бог Авениру, и еще больше сделает ему. Как клялся господь Давиду, так и сделаю ему (в сей день):

Отниму царство от дома Саулова, и поставлю престол Давида над израилем и над иудою, от Дана до Вирсавии.

И не мог Иевосфей возразить Авениру, ибо боялся его.

И послал Авенир от себя послов к Давиду (в Хеврон, где он находился), сказать: чья эта земля? И еще сказать: заключи союз со мною, и рука моя будет с тобою, чтобы обратить к тебе весь народ израильский.

И сказал (Давид): хорошо, я заключу союз с тобою, только прошу тебя об одном, именно — ты не увидишь лица моего, если не приведешь с собою Мелхолы, дочери Саула, когда придешь увидеться со мною.

И отправил Давид послов к Иевосфею, сыну Саулову, сказать: отдай жену мою Мелхолу, которую я получил за сто краеобрезаний филистимских.

И послал Иевосфей, и взял ее от мужа, от Фалтия, сына Лаишева.

Пошел с нею и муж ее и с плачем провожал ее до Бахурима; но Авенир сказал ему: ступай назад. И он возвратился» *(2 Царств, гл. 3, ст. 7—16)*.

Вот каким образом Давид возвратил себе супругу номер один, которой он, по-видимому, дорожил. Это, впрочем, не заставило его отречься от шести остальных.

Что касается Авенира, то его измена Иевосфею не принесла ему счастья. Когда он отправлялся в Хеврон, к сыну Иессея, его сопровождало 20 слуг. Давид устроил пир в его честь, затем отпустил его с миром и отправил его агитировать среди евреев, что он один является их законным царем. Узнав об этом, Иоав вызвал своих молодцов, которые перехватили Авенира в пути и привезли его в Хеврон под предлогом, что Давид имеет еще кое-что сообщить ему. Там «Иоав отвел его внутрь ворот, как будто для того, чтобы поговорить с ним тайно, и там поразил его в живот» *(ст. 27)*. Кровь Асаила была отмщена.

Узнав об этом убийстве, Давид заявил, что он здесь ни при чем.

— Пусть кровь Авенира,—воскликнул он,— падет на голову Иоава.

Он устроил даже пышные похороны бывшему главнокомандующему армии его противника *(ст. 20—39)*.

Положение Иевосфея было невеселое; большинство сторонников покинули его. Двое из его военачальников — Баана и Рихав пробрались однажды в жаркий день, когда он отдыхал после обеда, к нему в комнату и задушили его. Гордые этим сомнительным подвигом и рассчитывая на царскую награду, они принесли Давиду голову Иевосфея. Давид в награду приказал сначала отрубить им руки и ноги, а затем оба они были повешены на одной виселице на берегу Хевронского пруда. Голову же Иевосфея погребли в Хевроне, в гробнице Авенира *(гл. 4)*.

Процарствовав семь с половиной лет в Хевроне, Давид царствовал еще 33 года в Иерусалиме, который принадлежал иевусеям и которым он овладел, когда все двенадцать колен израильских объединились под его скипетром. Давид жил в крепости, которую назвал городом Давидовым и обстроил кругом и внутри. Хирам, царь тирский, прислал к нему плотников и каменщиков, «и они построили дом Давиду» *(гл. 5, ст. 9—11)*.

Отметим, что летописи Тира ничего не говорят об этом посольстве и нигде не упоминают имени Давида. Как бы там ни было, история оседлого еврейского народа начинается, собственно говоря, со взятия Иерусалима. До тех пор евреи были бродячими ордами. Они жили грабежами и странствовали от одной горы к другой, из пещеры в пещеру, не умея устроиться по-человечески и укрепиться на одном месте. Иерусалим был расположен на пути карава-

нов, ведших торговлю с финикиянами. Местоположение его было очень удобное. Почва, правду сказать, там камениста и бесплодна, но зато три холма, на которых расположен Иерусалим, значительно укрепляли его в военном отношении. По-видимому, у Давида ничего не было для того, чтобы строить более или менее прочные дома, раз тирский царь Хирам послал ему и лес, и каменщиков, и плотников. Не понятно, однако, чем мог бы платить Давид Хираму и какие вообще взаимоотношения могли быть у них.

«Давид находился,— говорит Вольтер,— во главе народа, который, после долголетнего рабства, должен был быть очень беден. Добыча, которую он мог собрать во время своих набегов, не могла особенно обогатить его, ибо и сам он не упоминает ни одного богатого разграбленного им города. В конце концов еврейская история не дает никаких подробностей относительно тогдашнего состояния Иудеи, и мы совершенно не знаем, как взялся Давид за управление страной».

Как только Давид увидел себя хозяином Иерусалима и его окрестностей на расстоянии 25—30 километров, он взял «еще наложниц и жен из Иерусалима... И родились еще у Давида сыновья и дочери» *(гл. 5, ст. 13—14)*.

Закончив свои личные дела, Давид стал подумывать о приличной квартире и для бога, вернее, для «ковчега завета».

«И собрал снова Давид всех отборных *людей* из израиля, тридцать тысяч.

И встал и пошел Давид и весь народ, бывший с ним из Ваала иудина, чтобы перенести оттуда ковчег божий, на котором нарицается имя господа Саваофа, сидящего на херувимах.

И поставили ковчег божий на новую колесницу, и вывезли его из дома Аминадава, что на холме. Сыновья же Аминадава, Оза и Ахио, вели новую колесницу» *(2 Царств, гл. 6, ст. 1—3)*.

Но когда кортеж добрался до гумна Нахона, быки чуть было не опрокинули «ковчег». Оза схватил его руками. Тогда зажегся против Озы гнев божий за дерзновение, и бог поразил его смертью там же, «у ковчега» *(ст. 6—7)*. «И устрашился Давид в тот день господа, и сказал: как войти ко мне ковчегу господню? И не захотел Давид везти ковчег господень к себе, в город Давидов, а обратил его в дом Аведдара гефянина» *(2 Царств, гл. 6, ст. 9—10)*.

Если автор данной части Библии и не Самуил, то он все-таки священнослужитель, ибо из его повествования особенно явствует забота воспретить непосвященным мирянам дотрагиваться до «ковчега». Мы уже видели ужасное истребление 50 070 любопытных вефсамитян, пораженных молниеносной смертью, когда они только заглянули в «священный» ящик. Чтобы внушить побольше страху, автор не постеснялся неправдоподобности своего анекдота. В конце концов, служителям религии совсем неважно, что богу придаются черты вопиющей несправедливости. Главное, бойся его!

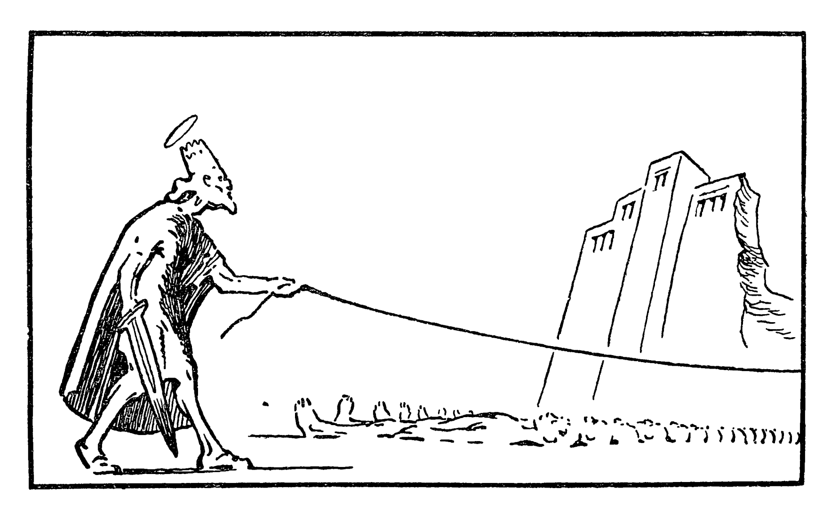
Вот, например, «ковчег», который, несмотря на божественность, не должен был занимать особенно большого места, раз его взвалили на простую повозку. А повозка эта должна была быть очень узкой, если она могла пройти через горные ущелья от Газы до Иерусалима. Однако священники не сопровождают «святой» сундук, что совершенно непонятно. Если принять во внимание, что не было предпринято никаких мер предосторожности, чтобы оградить ношу от случайностей пути, то этот добрый Оза, который удерживал «ковчег» в момент падения, поступил хорошо, но был вознагражден за свое религиозное усердие внезапной смертью. Нельзя не признать, что это все-таки жестоко.

Скептики, с лордом Болингброком во главе, подчеркивали оскорбительность этого повествования для «милосердного» бога. Если кто-нибудь и был виновен, так это левиты, оставившие «ковчег» на произвол судьбы, а не мирянин, который поддержал его. Но дело в том, что именно при помощи такого рода россказней в невежественном народе и поддерживается вера в «священные» привилегии, данные богом жреческой касте.

Еще одно замечание: это жестокое начало царствования Давида лишний раз показывает, что народ еврейский был в ту пору так же груб, как и беден, и что в действительности у него не было даже ни одного приличного дома, где он мог бы поместить предметы своего культа.

Господин Аведдар, назначенный хранителем «ковчега», всячески остерегался дотронуться до него: «и благословил господь Аведдара и весь дом его» *(ст. 11)*. Через три месяца Давид потребовал «ковчег» у Аведдара. «Ковчег» был перенесен в Иерусалим. Церемония перенесения была очень торжественна, и царь высказал по этому поводу большую

радость. «Одет был Давид в льняной ефод и сказал изо всей силы пред господом» *(ст. 14)*. В своем веселье он, вероятно, позволил себе поднять ногу немного выше, чем полагается, и обнаружил... то, что обнаруживать не следовало. Мелхола, его супруга номер один, не скрыла от него своих мыслей по этому поводу, после того как «священная» коробка была наконец водворена на приготовленное для нее место.

«И поразил моавитян, и смерил их веревкою, положив их на землю; и отмерил две веревки на умерщвление, а одну веревку на оставление в живых» (*2 Царств, гл. 8, ст. 2*).

«Когда Давид возвратился, чтобы благословить дом свой, то Мелхола, дочь Саула, вышла к нему навстречу, (и приветствовала его) и сказала: как отличился сегодня царь израилев, обнажившись сегодня пред глазами рабынь, рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек!» *(2 Царств, гл. 6, ст. 20)*.

Что касается бога, то он, наоборот, был весьма удовлетворен резвостью Давида. Он даже наказал Мелхолу за то, что она в этот день была невнимательна к своему мужу. В наказание «у Мелхолы, дочери Сауловой, не было детей до дня смерти ее» *(ст. 23)*.

Давид хотел построить храм в честь Яхве, но бог евреев воспротивился этому, ибо приберегал эту честь для Соломона *(гл. 7)*.

Глава 8 посвящена победам Давида. «После сего Давид поразил филистимлян, и смирил их, и взял Давид Мефег-Гаамма из рук филистимлян. И поразил моавитян, и смерил их веревкою, положив их на землю; и отмерил две веревки на умерщвление, а одну веревку на оставление в живых. И сделались моавитяне у Давида рабами, платящими дань» *(ст. 1—2)*.

«И поразил Давид Адраазара, сына Рехова, царя сувского, когда тот шел, чтоб восстановить свое владычество при реке (Евфрате).

И взял Давид у него тысячу семьсот всадников и двадцать тысяч человек пеших, и подрезал Давид жилы у всех коней колесничных, оставив (себе) из них для ста колесниц.

И пришли сирийцы дамасские на помощь к Адраазару, царю сувскому; но Давид поразил двадцать две тысячи человек сирийцев.

И поставил Давид охранные войска в Сирии дамасской, и стали сирийцы у Давида рабами, платящими дань. И хранил господь Давида везде, куда он ни ходил.

И взял Давид золотые щиты, которые были у рабов Адраазара, и принес их в Иерусалим» *(2 Царств, гл. 8, ст. 3—7)*.

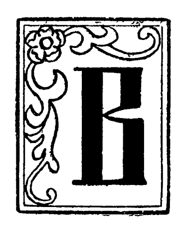
Давид заключил впоследствии союз с некиим Фоем, царем Имафа, столь же неизвестным в истории, как и царь, войско которого Давид разбил. Давид покорил «сирийцев, и моавитян, и аммонитян, и филистимлян, и амаликитян... Адраазара, сына Рехова, царя сувского. И сделал Давид себе имя, возвращаясь с поражения восемнадцати тысяч сирийцев в долине Соленой» *(ст. 12—13)*.

Ни один историк нигде не отмечает таких побед Давида в Сирии и до Евфрата. Никому не известен и царь Адраазар. Если бы Давид распространил свои владения до берегов Евфрата, он был бы одним из самых могущественных властелинов в ту эпоху. Эти мнимые победы вождя маленького народца, «царя», владевшего едва одним, да и то еще недостроенным городом, есть хвастливое, беззастенчивое вранье.

Давид воевал также с аммонитянами *(гл. 10)*. Война вспыхнула в результате скверной шутки аммонитского царя Аннона. Несколько евреев путешествовали по его земле. «И взял Аннон слуг давидовых, и обрил каждому из них половину бороды, и обрезал одежды их наполовину, до чресл, и отпустил» *(ст. 4)*. Всякому понятно, что аммонитяне были за это как следует наказаны.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

РОМАНИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВЯТОГО ДАВИДА, ПРОРОКА И ЦАРЯ ИУДЕЙСКОГО

«священном писании» были только что перечислены сыновья, рождавшиеся у Давида в Иерусалиме *(2 Царств, гл. 5, ст. 15—16)*. Среди них указан Соломон. Обстоятельства рождения этого сына Давидова составляют предмет описания главы 11. Однажды во время прогулки царь издали заметил прелестную купальщицу. Несмотря на свою святость, он тотчас же почувствовал потребность рассмотреть ее вблизи.

«И послал Давид разведать, кто эта женщина? И сказали ему: это Вирсавия, дочь Елиама, жена Урии хеттеянина.

Давид послал слуг взять ее; и она пришла к нему, и он спал с нею. Когда же она очистилась от нечистоты своей, возвратилась в дом свой.

Женщина эта сделалась беременною и послала известить Давида, говоря: я беременна.

И послал Давид *сказать* Иоаву: пришли ко мне Урию хеттеянина. И послал Иоав Урию к Давиду.

И пришел к нему Урия, и расспросил *его* Давид о положении Иоава, и о положении народа, и о ходе войны.

И сказал Давид Урии: иди домой, и омой ноги свои. И вышел Урия из дома царского, а вслед за ним понесли и царское кушанье.

Но Урия спал у ворот царского дома со всеми слугами своего господина, и не пошел в свой дом.

И донесли Давиду, говоря: не пошел Урия в дом свой. И сказал Давид Урии: вот, ты пришел с дороги; отчего же не пошел ты в дом свой?

И сказал Урия Давиду: ковчег (божий), и израиль, и иуда находятся в шатрах, и господин мой Иоав и рабы господина моего пребывают в поле, а я вошел бы в дом свой есть и пить и спать со своею женою! Клянусь твоею жизнью и жизнью души твоей, этого я не сделаю.

И сказал Давид Урии: останься здесь и на этот день, а завтра я отпущу тебя. И остался Урия в Иерусалиме на этот день до завтра.

И пригласил его Давид, и ел *Урия* пред ним, и пил, и напоил его *Давид*. Но вечером *Урия* пошел спать на постель свою с рабами господина своего, а в свой дом не пошел.

Поутру Давид написал письмо к Иоаву, и послал *его* с Уриею.

В письме он написал так: поставьте Урию там, где *будет* самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер.

Посему, когда Иоав осаждал город, то поставил он Урию на таком месте, о котором знал, что там храбрые люди.

И вышли люди из города, и сразились с Иоавом, и пало несколько из народа, из слуг Давидовых; был убит также и Урия хеттеянин.

И послал Иоав донести Давиду о всем ходе сражения.

И приказал посланному, говоря: когда ты расскажешь царю о всем ходе сражения,

И увидишь, что царь разгневается, и скажет тебе: «зачем вы так близко подходили к городу сражаться? разве вы не знали, что со стены будут бросать на вас?

Кто убил Авимелеха, сына Иероваалова? не женщина ли бросила на него со стены обломок жернова (и поразила его), и он умер в Тевеце? Зачем же вы близко подходили к стене?»; тогда ты скажи: и раб твой Урия хеттеянин также (поражен и) умер» *(2 Царств, гл. 11, ст. 3—21)*.

Посланный выполнил поручение. «Тогда сказал Давид посланному: так скажи Иоаву: «пусть не смущает тебя это дело; ибо меч поядает иногда того, иногда сего; усиль войну твою против города, и разрушь его». Так ободри его.

И услышала жена Урии, что умер Урия, муж ее, и плакала по муже своем.

Когда кончилось время плача, Давид послал, и взял ее в дом свой; и она сделалась его женою, и родила ему сына. И было это дело, которое сделал Давид, зло в очах господа» *(2 Царств, гл. 11, ст. 25—27)*.

Бог прислал к царю пророка Нафана, который рассказал ему следующую историю: некий крупный богач, владелец многочисленных стад, приютил однажды путника и, чтобы угостить его, дал ему поесть мяса овцы, которую он украл у бедняка, вместо того чтобы взять ее из своих обиль-

ных стад. Давид возмутился по поводу этого подлого поступка богача, а Нафан перебил его: «Ты — тот человек, (который сделал это). Так говорит господь, бог израилев: я помазал тебя в царя над израилем, и я избавил тебя от руки Саула. И дал тебе дом господина твоего и жен господина твоего на лоно твое, и дал тебе дом израилев и иудин, и, если этого (для тебя) мало, прибавил бы тебе еще больше. Зачем же ты пренебрег слово господа, сделав злое пред очами его?.. И сказал Давид Нафану: согрешил я пред господом. И сказал Нафан Давиду: и господь снял *с тебя* грех твой; ты не умрешь. Но как ты этим делом подал повод врагам господа хулить его, то умрет родившийся у тебя сын» *(2 Царств, гл. 12, ст. 7—9, 13—14)*.

Вслед за этим пророк величественно удалился. Следует молитва и пост Давида; а через семь дней — смерть новорожденного.

«И молился Давид богу о младенце, и постился Давид, и, уединившись, провел ночь, лежа на земле.

И вошли к нему старейшины дома его, чтобы поднять его с земли; но он не хотел, и не ел с ними хлеба.

На седьмой день дитя умерло...

И утешил Давид Вирсавию, жену свою, и вошел к ней, и спал с нею; и она (зачала и) родила сына, и нарекла ему имя: Соломон. И господь возлюбил его;

И послал пророка Нафана, и он нарек ему имя: Иедидиа (возлюбленный богом), по слову господа» *(2 Царств, гл. 12, ст. 16—18, 24—25)*.

Вот один из несомненно наиболее поучительных эпизодов. Вольтер заметил, что женщина, совершавшая прелюбодеяние, не могла бы выйти замуж за своего любовника, убийцу законного мужа, разве только если «непогрешимый» — римский папа дал бы ей специальное благословение. Папы имеют такую власть. Но совершенно несомненно, что ни у одного цивилизованного народа убийце не разрешается жениться на вдове своей жертвы [1].

Здесь кроется еще одна трудность: если считать незаконным брак Давида и Вирсавии, то нельзя утверждать, следовательно, что Иисус Христос есть законный потомок Давида, как представляет его евангельская родословная. Если же, наоборот, считать его законным потомком, то это значит попрать ногами законы общечеловеческие, а заодно и религиозные. Если брак Давида с Вирсавией есть преступление, значит, Христос происходит из самого нечи-

стого источника, ибо Новый завет производит его от Соломона [2].

Для разрешения столь трудной дилеммы богословы указывают на раскаяние Давида, которым он искупил свой «грех». Но его «раскаяние» было очень непродолжительно, да он так и оставил у себя жену своей жертвы. Следовательно, он еще более отягчил свое преступление. Это новая трудность, которую богословы не могут обойти, и здесь они опять прибегают, как всегда в трудных случаях, к необходимости слепой веры в «неисповедимую волю божию».

В случае, который мы рассматриваем, очень трудно, правду говоря, толком распознать эту самую «волю божию». Бог, который убил старого Навала, чтобы облегчить первое прелюбодеяние Давида, вдруг рассердился, когда его любимый «помазанник» провинился, умертвив Урию. Нам кажется, Давиду надлежало и здесь попросить бога самому заняться убийством и дать ему Вирсавию так же просто и без труда с его стороны, как он некогда дал ему Авигею. Тогда бог совсем бы и не рассердился.

Затем, бог обнаруживает здесь гнев довольно странный. По-видимому, он сердился, если посылал пророка Нафана обрушить на голову Давида угрозы жестоких наказаний. Однако это не мешает ему благосклонно взирать на брак Давида с женой его жертвы, ибо он тотчас же обнаруживает свое расположение к Соломону, родившемуся у Давида от этой вдовы. Он просто переносит наказание за грех убийцы на новорожденного младенца, умерщвляя его.

Таким образом, благодаря этой странной, но, конечно, божественной комбинации Давид выходит сухим из воды. Впрочем, это не совсем так. Он прощен, ибо ребенок умер; но он не прощен, ибо угроза, что его жены и наложницы будут спать с другими на глазах всего израиля,— эта угроза осталась и, как мы еще увидим, будет частично приведена в исполнение.

В это время Иоав воевал против Раввы аммонитской и взял эту столицу. Давид приехал туда, чтобы вступить во владение «городом». «И взял Давид венец царя их с головы его,— а в нем было золота талант и драгоценный камень,— и возложил его Давид на свою голову, и добычи из города вынес очень много» *(2 Царств, гл. 12, ст. 30)*. Талант — это 36 килограммов золота. Невозможно допустить, чтобы чело-

век носил такую корону: она раздавила бы и библейского Голиафа.

Победив аммонитян, царь израильский и иудейский подверг своих пленных самым немыслимым пыткам. Это были те же самые жители Раввы, которые избавили Давида от нежеланного Урии. Давид был наполовину прощен богом, но бог избрал Давида, чтобы сделать его божественным мстителем против его собственных нечаянных пособников, которые были совершенно неповинны, ибо находились в состоянии законной обороны. Уж если кто-нибудь должен был бы поплатиться, так это Иоав, роль которого была в этом деле не из почтенных.

«А народ, бывший в нем, он вывел, и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами аммонитскими. И возвратился после того Давид и весь народ в Иерусалим» *(2 Царств, гл. 12, ст. 31).*

Было бы очень желательно, чтобы все эти непостижимые варварства оказались бы таким же вздорным вымыслом, как и корона в 36 килограммов. История не знает примеров столь громадной и обдуманной жестокости: о ней рассказывает и ее восхваляет только «священная» книга — Библия!

Католический сверхученый богослов бенедиктинец Кальмет говорит: «Надо предполагать, что Давид следовал обычным в его время законам войны, ибо священное писание во всем этом не упрекает Давида и даже во всем считает его поведение, кроме случая с Урией, правильным и безупречным».

«Это извинение было бы хорошо в истории тигров и пантер,— отвечает ему Гюэ [3].— Какой человек сможет найти подобающее извинение для подобной жестокости? А между тем этот человек — любимец бога. Верна ли эта история или представляет собою вымысел, но такого рода религиозное наставление нужно только порицать. А что думать о тех, которые взяли на себя миссию внушать народу, что такого рода бесчеловечная дикость является поступком славным и достойным?»

В «истории» Давидовой уходишь от одного ужаса только для того, чтобы сразу же узнать о другом.

«И было после того: у Авессалома, сына Давидова, *была* сестра красивая, по имени Фамарь, и полюбил ее Амнон, сын Давида.

И скорбел Амнон до того, что заболел из-за Фамари, сестры своей; ибо она была девица, и Амнону казалось трудным что-нибудь сделать с нею.

Но у Амнона был друг, по имени Ионадав, сын Самая, брата Давидова; и Ионадав был человек очень хитрый.

И он сказал ему: отчего ты так худеешь с каждым днем, сын царев,— не откроешь ли мне? И сказал ему Амнон: Фамарь, сестру Авессалома, брата моего, люблю я.

И сказал ему Ионадав: ложись в постель твою, и притворись больным; и когда отец твой придет навестить тебя, скажи ему: «пусть придет Фамарь, сестра моя, и подкрепит меня пищею, приготовив кушанье при моих глазах, чтоб я видел, и ел из рук ее»» *(2 Царств, гл. 13, ст. 1—5)*.

История знает несколько кровосмесительств, сходных с кровосмесительством Амнона. Во всяком случае, нельзя предположить, чтобы они были скопированы одно с другого: эти явления были довольно распространены у всех древних народов. Но вот что особенно странно здесь: Амнон поведал о своей преступной страсти своему двоюродному брату Ионадаву. Надо было бы, чтобы семья Давида была довольно развращена, если один из сыновей, который мог иметь сколько угодно наложниц, пожелал бы непременно обладать своей собственной сестрой и чтобы его двоюродный брат ему в этом содействовал.

Амнон последовал совету Ионадава, и все произошло, как тот предсказал. Царь, придя к сыну, выслушал его просьбу, принял ее за безобидную фантазию больного, в которой нельзя отказать, и отправил дочь приготовить ему любимое блюдо.

«И пошла она в дом брата своего Амнона; а он лежит. И взяла она муки, и замесила, и изготовила пред глазами его и испекла лепешки.

И взяла сковороду и выложила пред ним; но он не хотел есть. И сказал Амнон: пусть все выйдут от меня. И вышли от него все люди.

И сказал Амнон Фамари: отнеси кушанье во внутреннюю комнату, и я поем из рук твоих. И взяла Фамарь лепешки, которые приготовила, и отнесла Амнону, брату своему, во внутреннюю комнату.

И когда она поставила перед ним, чтоб он ел, то он схватил ее, и сказал ей: иди, ложись со мною, сестра моя.

Но она сказала: нет, брат мой, не бесчести меня; ибо не делается так в израиле; не делай этого безумия.

И я, куда пойду я с моим бесчестием? И ты, ты будешь одним из безумных в израиле. Ты поговори с царем; он не откажет отдать меня тебе.

Но он не хотел слушать слов ее, и преодолел ее, и изнасиловал ее, и лежал с нею.

Потом возненавидел ее Амнон величайшей ненавистью, так что ненависть, какою он возненавидел ее, была сильнее любви, какую имел к ней; и сказал ей Амнон: встань, уйди.

И (Фамарь) сказала ему: нет, (брат); прогнать меня — это зло больше первого, которое ты сделал со мною. Но он не хотел слушать ее.

И позвал отрока своего, который служил ему, и сказал: прогони эту от меня вон и запри дверь за нею» *(2 Царств, гл. 13, ст. 8—17)*.

Как вы находите, читатель? Не правда ли, это очень удачный анекдот для «священной» книги, продиктованной самим богом?

«И посыпала Фамарь пеплом голову свою, и разодрала разноцветную одежду, которую имела на себе, и положила руки свои на голову свою, и так шла и вопила» *(ст. 19)*.

Авессалом, который, подобно ей, был рожден от Маахи, четвертой жены Давида, оставил по себе «длинноволосую» славу. Это еще один из библейских персонажей, знаменитых благодаря своей гриве: длиной волос он превосходил Самсона и Самуила. Узнав об изнасиловании Фамари, Авессалом пытался сначала утешить ее. Мы цитируем:

«Не Амнон ли, брат твой, был с тобою? — но теперь молчи, сестра моя; он — брат твой; не сокрушайся сердцем твоим об этом деле» *(ст. 20)*.

Несмотря на эти добрые слова, Фамарь оставалась безутешной. Что касается Давида, то, когда он узнал, что подразумевал Амнон под вкусным блюдом Фамари, он впал в большой гнев, но гнев его быстро утих: ведь Давид и сам за собой знавал подобные грешки.

«Авессалом же не говорил с Амноном ни худого, ни хорошего; ибо возненавидел Авессалом Амнона» *(ст. 22)*. Авессалом скрывал ненависть свою целых два года *(ст. 23)*. По истечении этого времени у него в Ваал-Гацоре была стрижка овец, и по этому поводу он устроил большое пиршество, на которое пригласил и своих братьев, в том числе и Амнона. Кровосмеситель-насильник перепился и в пьяном виде был убит *(ст. 24—29)*.

«Это ужасное бесчестие — спать со своей сестрой,— говорит Вольтер.— Ужасно грубо прогнать ее после такого оскорбления. Но предательски убить своего брата, пригласив его к себе на пирушку,— это, несомненно, не меньшее преступление».

Все братья Авессалома, свидетели этого братоубийства, быстро встали из-за стола и обратились в бегство на своих мулах, как будто каждый из них боялся разделить участь Амнона.

Здесь впервые в еврейской истории встречаются мулы. Один богослов, страдавший манией придавать необычайность даже тем событиям, которые были совершенно лишены ее,— все тот же наш старый знакомец, неистощимый Кальмет,— в своем комментарии к Библии указывает, что «в Палестине мулы не являются результатом скрещивания ослов с кобылицами, но рождаются от самцов и самок мулов» (!).

Эта неожиданная новость возбудила смех Вольтера, который отвечает бенедиктинцу: «Кальмет воспроизводит здесь мнение Аристотеля; но он, конечно, гораздо лучше сделал бы, если бы посоветовался с каким-нибудь скотопромышленником. Мы знаем несколько путешественников, утверждающих, что Аристотель ошибался, а вместе с ним и почтенный отец Кальмет. В наши дни нет уже ни одного натуралиста, который верил бы в существование самостоятельной породы мулов. Осел может дать хорошего мула от скрещивания с кобылицей. Но природа тут и останавливается, ибо сам мул не обладает способностью воспроизводить потомство. Зачем, спрашивается, «провидение» дало ему органы воспроизведения? Говорят, что оно ничего не делает без цели. Тем не менее самая бесполезная вещь в мире — это воспроизводительные органы мула. Они нужны ему не больше, чем мужчине сосцы, которые тоже существуют для одной видимости».

Давид долго оплакивал Амнона и не скрывал, что порицал Авессалома за убийство. Вот почему Авессалом эмигрировал: он нашел прибежище в царстве гессурском у своего деда и прожил там три года. Иоав прибег к хитрости, чтобы вызвать его обратно. Это удалось ему, и он привел его в Иерусалим. Но Давид не хотел видеть своего сына.

«Не было во всем израиле мужчины столь красивого, как Авессалом, и столько хвалимого, как он; от подошвы ног до верха головы его не было у него недостатка.

Когда он стриг голову свою,— а он стриг ее каждый год, потому что она отягощала его,— то волоса с головы его весили двести сиклей [4] по весу царскому.

И родились у Авессалома три сына и одна дочь, по имени Фамарь; она была женщина красивая (и сделалась женою Ровоама, сына Соломонова, и родила ему Авию).

И оставался Авессалом в Иерусалиме два года, а лица царского не видел.

И послал Авессалом за Иоавом, чтобы послать его к царю; но тот не захотел придти к нему. Послал и в другой раз; но тот не захотел придти.

И сказал (Авессалом) слугам своим: видите участок поля Иоава подле моего, и у него там ячмень; пойдите, выжгите его огнем. И выжгли слуги Авессалома тот участок поля огнем. (И пришли слуги Иоава к нему, разодрав одежды свои, и сказали: слуги Авессалома выжгли участок твой огнем).

И встал Иоав, и пришел к Авессалому в дом, и сказал ему: зачем слуги твои выжгли мой участок огнем?

И сказал Авессалом Иоаву: вот, я посылал за тобою, говоря: приди сюда, и я пошлю тебя к царю сказать: зачем я пришел из Гессура? Лучше было бы мне оставаться там. Я хочу увидеть лице царя. Если же я виноват, то убей меня.

И пошел Иоав к царю, и пересказал ему *это*. И позвал *царь* Авессалома; он пришел к царю, (поклонился ему) и пал лицем своим на землю пред царем; и поцеловал царь Авессалома» *(2 Царств, гл. 14, ст. 25—33)*.

Поведение Авессалома по отношению к Иоаву менее ужасно, чем все остальное, но оно чрезвычайно уродливо. Нигде, кроме Библии, никто никогда не сжигал полей военачальника и премьер-министра для того только, чтобы вызвать его на разговор. Какой странный способ добиваться аудиенции!

«После сего Авессалом завел у себя колесницы и лошадей и пятьдесят скороходов» *(гл. 15, ст. 1)*. Затем он стал искать популярности, обещая народу правосудие, и в конце концов «вкрадывался в сердце израильтян» *(ст. 6)*. Сорок лет спустя Авессалом сказал Давиду: «пойду я, и исполню обет мой, который я дал господу, в Хевроне. Сказал ему царь: иди с миром... И разослал Авессалом лазутчиков во все колена израилевы, сказав: когда вы услышите звук трубы, то говорите: «Авессалом воцарился в

Хевроне». С Авессаломом пошли из Иерусалима двести человек, которые были приглашены им, и пошли по простоте своей, не зная, в чем дело» *(ст. 7—11)*.

Тогда Давид сказал своим слугам, бывшим с ним в Иерусалиме: «встаньте, убежим; ибо не будет нам спасения от Авессалома; спешите, чтоб нам уйти, чтобы он не застиг и не захватил нас, и не навел на нас беды, и не истребил города мечом.

И сказали слуги царские царю: во всем, что угодно господину нашему, царю, мы — рабы твои.

И вышел царь и весь дом его за ним пешком. Оставил же царь десять жен, наложниц (своих), для хранения дома.

И вышел царь и весь народ пешие, и остановились у Беф-Мерхата.

И все слуги его шли по сторонам его, и все хелефеи и все фелефеи, и все гефяне до шестисот человек, пришедшие вместе с ним из Гефа, шли впереди царя» (2 *Царств, гл. 15, ст. 14—18*).

Лорд Болингброк рассказывает, что, когда духовник одного английского генерала читал ему только что цитированное место Библии, генерал вырвал книгу из его рук, бросил ее оземь и воскликнул:

— Тысячу молний! Что это за жалкий трус, ваш несчастный Давид, если он удрал с целым полком солдат? Нет, уж я бы повернул обратно; я догнал бы этого Авессалома и повесил бы его, как собаку, на первой осине!

«Когда дошел царь Давид до Бахурима... оттуда вышел человек из рода дома Саулова, по имени Семей... и злословил, и бросал камнями на Давида и на всех рабов царя; все же люди и все храбрые были по правую и по левую сторону царя. Так говорил Семей, злословя: уходи, уходи, убийца и беззаконник... И шел Давид и люди его *своим* путем, а Семей шел по окраине горы, со стороны его, шел и злословил, и бросал камнями на сторону его и пылью» *(2 Царств, гл. 16, ст. 5—7, 13)*.

Критики отмечают, что, если бы автор был обыкновенный писатель, он привел бы какие-нибудь подробности мятежа Авессалома; он сказал бы, какими силами тот располагал, почему Давид, этот прославленный воин, так постыдно бежал из Иерусалима еще раньше, чем его мятежный сын показался у ворот города. Мы знали бы, был ли Иерусалим укреплен или не был, знали бы, почему народ не оказал никакого сопротивления Авессалому. Возможно

ли, чтобы такой жестокий тиран, как безжалостный Давид, который распиливал надвое своих побежденных врагов, размалывал их на жерновах, сжигал их в печах, бежал бы из своей столицы, как плаксивое дитя, не сделав ни малейшей попытки подавить мятеж непокорного сына? А случай с этим Семеем, который безнаказанно осыпает царя камнями и пылью, в то время когда царь окружен таким количеством вооруженных, а также и всем населением Иерусалима,— не есть ли это одна из самых невероятных выдумок «божественной утки»? Спрашиваешь себя иной раз, не сон ли это, когда читаешь такую белиберду в религиозной книге, каждому слову которой надо верить под страхом анафемы?

«Авессалом же и весь народ израильский пришли в Иерусалим, и Ахитофел с ним. И сказал Ахитофел Авессалому: войди к наложницам отца твоего, которых он оставил охранять дом свой; и услышат все израильтяне, что ты сделался ненавистным для отца твоего, и укрепятся руки всех, которые с тобою. И поставили для Авессалома палатку на кровле, и вошел Авессалом к наложницам отца своего пред глазами всего израиля» *(2 Царств, гл. 16, ст. 15, 21—22)*.

Критики не находят, что публичные сношения со всеми наложницами царя были бы верным шагом к снисканию популярности в народе. Они также отказываются верить, чтобы Авессалом, как бы молод он ни был, мог повторить раз за разом на глазах у всего иерусалимского населения подобные попытки снискать народную любовь, ложась по очереди со всеми десятью наложницами отца. Но что яснее всего, это то, что «священный» автор, составляя основную книгу христианской религии, любит копаться в грязных и порнографических историях. После кровосмесительства Амнона нам подносят десять кровосмесительств Авессалома. Час от часу не легче! С этой «святой» Библией мы выходим из гадости только для того, чтобы попасть в гнусность.

Ахитофел дал еще и другой совет Авессалому, а именно — набрать 12 000 человек и немедленно пуститься преследовать Давида. Но некто Хусий посоветовал ему прежде всего обратиться с воззванием ко всему израилю, от Дана до Вирсавии. Этот последний совет больше понравился Авессалому. Ахитофел, раздосадованный тем, что его не послушали, покончил с собой.

В конце концов мятежники потерпели поражение в Ефраимском лесу, где 20 000 солдат Авессалома были убиты войсками царя под командой Иоава. Во время бегства сын Давида, сидевший верхом на муле, запутался волосами между ветвями дуба и так и повис, а мул убежал. Иоав пронзил Авессалома тремя мечами. Этот эпизод, кажется, притянут-таки за волосы, не правда ли? Что касается Давида, то, когда он узнал о смерти прекрасного молодого человека, он пролил обильные слезы и повторял: «Сын мой, Авессалом! Авессалом, сын мой!» Других надгробных речей на этот раз не последовало.

Итак, Давид возвратился в свою столицу. На радостях он простил Семея[5], закидывавшего его камнями. Затем было еще одно возмущение, вызванное Савеем; оно было преодолено, и люди, у которых он скрывался, отрубили ему голову. Наконец, был некий «капитан» Амессай, которого Авессалом возвел в «генеральский» чин. Иоав сблизился с ним, притворяясь благожелательным, и во время беседы «взял Иоав правою рукою Амессая за бороду, чтобы поцеловать его. Амессай же не остерегся меча, бывшего в руке Иоава; и тот поразил его им в живот, так что выпали внутренности его на землю, и не повторил ему *удара,* и он *умер»* *(2 Царств, гл. 20, ст. 9—10).*

Все это вновь и вновь напоминает о величайшем нравственно-воспитательном содержании и значении иудео-христианского «священного писания», которое не могут-де понять безбожники!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ И ПРИСНОБЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА СВЯТОГО ЦАРЯ ДАВИДА

«Был голод на земле во дни Давида три года, год за годом. И вопросил Давид господа. И сказал господь: это ради Саула и кровожадного дома его, за то, что он умертвил гаваонитян.

Тогда царь призвал гаваонитян, и говорил с ними. Гаваонитяне были не из сынов израилевых, но из остатков аморреев; израильтяне же дали им клятву, но Саул хотел истребить их по ревности своей о потомках израиля и иуды.

И сказал Давид гаваонитянам: что мне сделать для вас, и чем примирить вас, чтобы вы благословили наследие господне?

И сказали ему гаваонитяне: не нужно нам ни серебра, ни золота от Саула, или от дома его, и не нужно нам, чтоб умертвили кого в израиле. Он сказал: чего же вы хотите? Я сделаю для вас.

И сказали они царю: того человека, который губил нас и хотел истребить нас, чтобы не было нас ни в одном из пределов израилевых, —

Из его потомков выдай нам семь человек, и мы повесим их (на солнце) пред господом в Гиве Саула, избранного господом. И сказал царь: я выдам.

Но пощадил царь Мемфивосфея, сына Ионафана, сына Саулова, ради клятвы именем господним, которая была между ними, между Давидом и Ионафаном, сыном Сауловым.

И взял царь двух сыновей Рицпы, дочери Айя, которая родила Саулу Армона и Мемфивосфея, и пять сыновей Мелхолы, дочери Сауловой, которых она родила Адриэлу, сыну Верзеллия, из Мехолы.

И отдал их в руки гаваонитян, и они повесили их (на солнце) на горе пред господом. И погибли все семь вместе; они умерщвлены в первые дни жертвы, в начале жатвы ячменя» *(2 Царств, гл. 21, ст. 1—9).*

Это место Библии всегда затрудняло богословов. Дело в том, что нигде в истории Саула не сказано, чтобы Саул

причинил хотя бы самый малый ущерб гаваонитянам. Напротив Самуил постоянно осыпал его упреками за великодушие и милосердие, которые он неоднократно проявлял к окружающим народам. Мы не забыли еще, что «пророк» объявил Саула низложенным именно за то, что он не уничтожил дотла несколько племен, живших в этой стране: амаликитян, аморреев, идумеян и др. Кроме того, Саул сам был родом из Гивы и, вполне естественно, щадил своих соотечественников; если бы он истребил гаваонитян, не державшихся еврейской веры, Библия, несомненно, отметила бы этот благочестивый подвиг в книгах, посвященных Саулу.

Эта расправа, учиненная столь неожиданно, производит такое впечатление, будто Давид искал какого-нибудь вымышленного повода для того, чтобы отделаться от последних потомков своего предшественника на троне. Но зато этот эпизод так мало правдоподобен, что даже сам автор запутался: Саул выдал за Адриэла из Мехолы свою старшую дочь — Мерову, а не Мелхолу *(*1 *Царств, гл. 18, ст. 19);* что касается Мелхолы, то, когда Давид изменил ей и женился на Авигее и Ахиноаме, Саул выдал ее за Фалтия, сына Лаиша *(гл. 25, ст. 44)*. Впоследствии Давид забрал ее от Фалтия обратно *(*2 *Царств, гл. 3, ст. 14—16)*. Возможно, что «священный» автор имел здесь в виду Мелхолу и сыновей, которых она могла родить не от Давида, а от другого мужа. Но трудно допустить, чтобы писатель, вдохновляемый богом, потерял память и смешал Фалтия с Адриэлом из Мехолы, мужем Меровы.

Что касается голода, который изнурял страну три года при Давиде, то нужно сразу же заявить, что в тех местах не было явления более обычного, чем неурожай. «Священные» книги говорят о голоде в Палестине очень часто. Мы еще неоднократно увидим периоды голода в этой печальной стране, где всегда было гораздо больше бесплодного булыжника, чем питательной растительности.

С еще большим изумлением мы узнаем, что сам бог сказал Давиду, будто бы этот голод он послал из-за того, что Саул так много времени тому назад имел дурные намерения по отношению к народу, не бывшему «народом божьим». Надо признать вместе со всеми критиками, что из многочисленных преступлений Давида это преступление просто отвратительно. В его оправдание нельзя привести ни малейшего порыва страсти, ни даже заблуждения.

Это просто подлость — приказать повесить без видимых причин двух незаконных сыновей Саула, которые не претендовали и не могли претендовать ни на что. И раз он сам вернулся к брошенной им Мелхоле, то было отвратительной жестокостью выдать гаваонитянам на пытку ее детей.

К гнусности этого преступления присоединяется нелепость: Давид выдает семерых невинных людей маленькому народцу, которого ему совсем нечего было бояться, ему — грозному победителю всех врагов.

В этом поступке, говорят критики (лорд Болингброк, Гюэ, Фрере, Вольтер), есть не только варварство, которое возмутило бы даже дикаря, но и подлость, на которую не был бы способен самый гнусный человек. Но к своей подлости и жестокости Давид присоединяет еще клятвопреступление, ибо он клялся Саулу никогда не лишать жизни никого из его потомков (1 *Царств, гл. 24, ст. 22—23*). Оправдывая это клятвопреступление, богословы отмечают, что Давид не собственноручно повесил сыновей Рицпы и Мелхолы, а передал их гаваонитянам. Но это оправдание так же подло, как и само поведение Давида, и только еще более усиливает его жестокость и гнусное лицемерие богословов — ревнителей Библии. Куда ни повернись, во всей этой благочестивой истории «святого помазанника божьего» не найти ничего, кроме нагромождения преступлений, вероломства и гнусности.

Глава 22 содержит одну из песен Давида. В следующей главе еще песни. Здесь мы находим несколько благородных черт друзей царя: «Ванея, сын Иодая, мужа храброго, великий по делам, из Кавцеила; он поразил двух сыновей Ариила моавитского; он же сошел и убил льва во рве в снежное время. Он же убил одного египтянина, человека видного; в руке египтянина было копье, а он пошел к нему с палкою, и отнял копье из руки египтянина, и убил его собственным его копьем. Вот что сделал Ванея, сын Иодаев, и он был в славе» (2 *Царств, гл. 23, ст. 20—22*).

Очень жаль, что автор забыл сказать, в каком месте произошло это поистине замечательное приключение со львом, убитым в снегу; снег так редко встречается в странах, где живут львы, что Ванея хорошо сделал, не захотев терять времени и немедленно прикончив зверя: он сильно рисковал, что снег быстро растает... под лучами критики.

Желая знать число своих подданных, Давид, по внушению божьему, задумал сделать перепись израиля и иуды. Это занятие, столь же долгое, сколь и скучное, было закончено в течение девяти месяцев и двадцати дней *(гл. 24, ст. 1—8)*.

«И подал Иоав список народной переписи царю; и оказалось, что израильтян было восемьсот тысяч мужей сильных, способных к войне, а иудеян пятьсот тысяч» *(ст. 9)*. Но едва лишь была закончена перепись, как Давид понял, что она представляла большой его грех. Библия не говорит, почему именно этот подсчет должен был навлечь на царя гнев бога, тем не менее она указывает, что старик был страшно раздражен.

«Было слово господа к Гаду пророку, прозорливцу Давида: пойди и скажи Давиду: так говорит господь: три *наказания* предлагаю я тебе; выбери себе одно из них, которое совершилось бы над тобою. И пришел Гад к Давиду, и возвестил ему, и сказал ему: избирай себе, быть ли голоду в стране твоей семь лет, или чтобы ты три месяца бегал от неприятелей твоих, и они преследовали тебя, или чтобы в продолжение трех дней была моровая язва в стране твоей? теперь рассуди и реши, что мне отвечать пославшему меня» *(2 Царств, гл. 24, ст. 11—13)*.

Здесь напрашивается несколько важных замечаний. Во-первых, сам текст ясно говорит, что «гнев господень возгорелся на израильтян и возбудил он Давида сказать: пойди, исчисли израиля и иуду». Однако впоследствии бог раздражается еще больше и находит, что настало время нагнать какую-нибудь казнь на народ за исполнение того, что он сам же заставил Давида сделать. Вот, следовательно, бог еще раз представлен «священным писанием» как враг человеческого рода, занимающийся тем, что расставляет людям западни и ловушки.

Во-вторых, в «Пятикнижии» бог сам трижды приказывал произвести перепись.

В-третьих, нет ничего более полезного и разумного, хотя и трудного, чем произвести точный учет населения: это распоряжение Давида было не только предусмотрительным и благоразумным, но еще и священным, ибо оно было внушено свыше.

В-четвертых, все критики отмечают смешную неправдоподобность утверждения, что у Давида было 1 300 000 солдат в его маленькой стране: если считать солдатами даже

одну пятую часть населения, то и это составило бы шесть с половиной миллионов жителей в Палестине. А помимо евреев там жили ханаанеяне и филистимляне.

В-пятых, Первая книга Паралипоменон, которая также составляет не менее каноническую часть Библии, чем все остальные книги, и которая очень часто противоречит другим произведениям «божественного вдохновения», насчитывает 1 570 000 солдат *(гл. 21, ст. 5)*, что увеличивает численность еврейского населения до еще большего неправдоподобия.

В-шестых, критики думают, что посылать «пророка» Гада к «пророку» Давиду для того, чтобы предоставить ему на выбор несколько наказаний, есть ребяческое и нелепое занятие, совершенно недостойное божьего величия. Критики находят в этой божественной жестокости насмешку и какой-то привкус арабской сказки, которой не место в книге, где на каждой странице выступает такой почтенный ее «вдохновитель», как бог[1].

Теперь посмотрим, каков был выбор царя.

«И сказал Давид Гаду: тяжело мне очень; но пусть впаду я в руки господа, ибо велико милосердие его; только бы в руки человеческие не впасть мне. (И избрал себе Давид моровую язву во время жатвы пшеницы.)

И послал господь язву на израильтян от утра до назначенного времени; (и началась язва в народе) и умерло из народа, от Дана до Вирсавии, семьдесят тысяч человек.

И простер ангел (божий) руку свою на Иерусалим, чтобы опустошить его; но господь пожалел о бедствии, и сказал ангелу, поражавшему народ: довольно, теперь опусти руку твою. Ангел же господень был тогда у гумна Орны иевусеянина.

И сказал Давид господу, когда увидел ангела, поражавшего народ, говоря: вот, я согрешил, я (пастырь) поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? пусть же рука твоя обратится на меня и на дом отца моего.

И пришел в тот день Гад к Давиду, и сказал: иди, поставь жертвенник господу на гумне Орны иевусеянина» *(2 Царств, гл. 24, ст. 14—18)*.

Давид повиновался. Орна предоставил все необходимое для жертвоприношения, «и соорудил там Давид жертвенник господу, и принес всесожжения и мирные жертвы... И умилостивился господь над страною, и прекратилось поражение израильтян» *(ст. 25)*.

Возвратимся к замечаниям комментаторов-скептиков. Чума, которая в течение трех дней истребляет 70 000 человек, представляется совершенно непостижимым божьим наказанием по отношению к любимому народу, с которым бог запросто сносится каждый день. Это наказание кажется еще менее оправданным, если вспомнить, что оно обрушилось на народ за проступок одного только Давида, а проступок этот заключался в разумном государственном мероприятии, к тому же еще и внушенном свыше.

Этой чумой кончается Вторая книга Царств.

Третья книга Царств начинается с описания последних дней Давида и прерывается на времени пленения евреев в Вавилоне. Талмудистское предание приписывает составление этого труда пророку Иеремии. Мнение это, принятое большинством раввинов и древнехристианских богословов, нашло себе защиту и в позднейшие времена. Другие богословы считают автором книги ученика Иеремии — Варуха. Но для евреев, равно как и для христиан, автором книги по-прежнему является, конечно, бог. Именно на этой точке зрения будем стоять и мы. Мы постараемся раскрыть подносимые и в этой книге божественные орешки и соберем плодотворные семена, которые выпадут из орехов под ударами здравого смысла.

«Когда царь Давид состарился, вошел в *преклонные* лета, то покрывали его одеждами, но не мог он согреться.

И сказали ему слуги его: пусть поищут для господина нашего, царя, молодую девицу, чтоб она предстояла царю, и ходила за ним, и лежала с ним, — и будет тепло господину нашему, царю.

И искали красивой девицы во всех пределах израильских, и нашли Ависагу сунамитянку, и привели ее к царю.

Девица была очень красива, и ходила она за царем, и прислуживала ему; но царь не познал ее» *(3 Царств, гл. 1, ст. 1—4)*.

Эта девственная перина есть поистине находка, делающая честь воображению «голубя-утки». Бенедиктинец Кальмет, который слепо верил всем мистификациям Библии, отметил, что красивая молодая девушка весьма способна воодушевить семидесятилетнего человека (таков был тогда возраст Давида). В подтверждение священного повествования ученый монах говорит, что один еврейский врач посоветовал императору Фридриху Барбароссе спать с молодыми мальчиками и класть их себе на грудь. Но целую ночь

на груди мальчика не удержишь. Поэтому, прибавляет Кальмет, для тех же целей были удачно применены небольшие собачки.

Библейского утверждения, что Давид только грелся возле прекрасной сунамитянки, даже сын его Соломон не разделял: мы увидим впоследствии, что он приказал убить своего старшего брата Адонию, провинившегося в том, что он просил руки Ависаги, на что Соломон посмотрел как на желание вступить в брак со вдовой или наложницей своего отца.

Адония был сыном Аггифы, на которой Давид женился до Вирсавии, матери Соломона. Со времени смерти Авессалома-длинноволосого Адония был старшим из царских детей и считал, что корона по праву должна принадлежать ему. Но придворные интриги прочили на трон Соломона. Не ожидая смерти отца, оба принца, мало стесняясь, публично оспаривали трон друг у друга.

«Адония, сын Аггифы, возгордившись, говорил: я буду царем. И завел себе колесницы и всадников и пятьдесят человек скороходов.

Отец же никогда не стеснял его вопросом: для чего ты это делаешь? Он же был очень красив, и родился ему после Авессалома.

И советовался он с Иоавом, сыном Саруиным, и с Авиафаром священником, и они помогали Адонии.

Но священник Садок, и Ванея, сын Иодаев, и пророк Нафан, и Семей, и Рисий, и сильные Давидовы не были на стороне Адонии.

И заколол Адония овец и волов и тельцов у камня Зохелет, что у источника Рогель, и пригласил всех братьев своих, сыновей царя, со всеми иудеянами, служившими у царя.

Пророка же Нафана, и Ванею, и тех сильных, и Соломона, брата своего, не пригласил.

Тогда Нафан сказал Вирсавии, матери Соломона, говоря: слышала ли ты, что Адония, сын Аггифин, сделался царем, а господин наш Давид не знает *о том?*

Теперь, вот, я советую тебе: спасай жизнь твою и жизнь сына твоего Соломона.

Иди и войди к царю Давиду, и скажи ему: не клялся ли ты, господин мой, царь, рабе твоей, говоря: «сын твой Соломон будет царем после меня, и он сядет на престоле моем?» Почему же воцарился Адония?

И вот, когда ты еще будешь говорить там с царем, войду и я вслед за тобою, и дополню слова твои» (3 *Царств, гл. 1, ст. 5—14*).

Если вспомнить, что Адония не провозглашал себя царем, а только притязал на будущее и имел сторонников, как и Соломон имел своих, то можно сказать, что пророк Нафан был гнусный лжец и интриган: он организует совместно с Вирсавией, бесстыдной вдовой убитого Урии, какое-то хитросплетение, имеющее целью похитить корону у прямого наследника, и употребляет клевету — он, святой человек! — для того, чтобы достигнуть своей цели.

Порядок престолонаследия, быть может, еще не был твердо установлен у евреев. Но вполне естественно, что Адония, как старший, должен был наследовать своему отцу, тем более что он родился не от наложницы и не от чужой жены, как Соломон. Его право было признано двумя первыми лицами в государстве — главным военачальником и верховным жрецом. Следовательно, если старый царь действительно и намечал в цари Соломона, то, вероятно, из желания сделать приятное своей жене.

Давид поверил клеветническим доносам Вирсавии и Нафана.

«И сказал царь Давид: позовите ко мне священника Садока и пророка Нафана и Ванею, сына Иодаева. И вошли они к царю.

И сказал им царь: возьмите с собою слуг господина вашего, и посадите Соломона, сына моего, на мула моего, и сведите его к Гиону.

И да помажет его там Садок священник и Нафан пророк в царя над израилем, и затрубите трубою и возгласите: да живет царь Соломон» (3 *Царств, гл. 1, ст. 32—34*).

Наконец, пришел час смерти Давида. Вот что говорит этот царь перед смертью сыну Вирсавии, которого он приказал торжественно помазать еще при своей жизни:

«Ты знаешь, что сделал мне Иоав, сын Саруин... как пролил кровь бранную во время мира, обагрив кровью бранною пояс на чреслах своих и обувь на ногах своих. Поступи по мудрости твоей, чтобы не отпустить седины его мирно в преисподнюю» (3 *Царств, гл. 2, ст. 5—6*).

«Вот еще у тебя Семей, сын Геры, вениамитянина из Бахурима; он злословил меня тяжким злословием, когда я шел в Маханаим; но он вышел навстречу мне у Иордана,

и я поклялся ему господом, говоря: «я не умерщвлю тебя мечом».

Ты же не оставь его безнаказанным; ибо ты человек мудрый, и знаешь, что тебе сделать с ним, чтобы низвести седину его в крови в преисподнюю.

И почил Давид с отцами своими, и погребен был в городе Давидовом.

Времени царствования Давида над израилем было сорок лет: в Хевроне царствовал он семь лет, и тридцать три года царствовал в Иерусалиме» *(3 Царств, гл. 2, ст. 8—11)*.

Давид умер, как жил. Он проявил возмутительную неблагодарность, этот избранник божий, приказав умертвить своего военачальника Иоава, самого преданного из его слуг, которому был обязан короной. На смертном одре он совершает клятвопреступление с отвратительным цинизмом, смешанным с лицемерием, по отношению к Семею, которого он якобы простил для того, чтобы составить себе славу царя великодушного, и на жизнь которого он обещал никогда не посягать.

Коротко говоря, он остался вероломным разбойником до самой могилы.

Но, конечно, церковь, между прочим, опять устами того же бенедиктинца Кальмета, оправдывает Давида. Он делает это в выражениях, которые стоит воспроизвести:

«Давид воспользовался громадными услугами Иоава, и безнаказанность, которую он дарил ему в течение столь долгого времени, была наградой за его непоколебимую верность; но это соображение не освобождало Давида от необходимости наказать преступление и совершить правосудие по отношению к Иоаву».

Известно, что Иоав совершил большое преступление — именно тогда, когда он выполнил приказание Давида относительно Урии и оставил его на самом рискованном месте сражения. Церковь, однако, оправдывает Давида, но не оправдывает Иоава.

«С другой стороны,— добавляет бенедиктинец,— побуждения благодарности не существовали для Соломона,— и этот царь имел свои личные и частные мотивы для того, чтобы умертвить Иоава, ибо этот последний принадлежал к сторонникам Адонии».

Кончается дело тем, что Давид — святой, а Соломон — мудрый. На все святая воля господа! Восхитительно, что христианская церковь непременно захотела произвести

Иисуса Христа от Давида и Соломона. Мы уже встретили несколько странных персонажей в родословной «мессии». Но эти два царя, не являются ли они гораздо более омерзительными, чем все предыдущие?

Если бы, по крайней мере, церковь нашла какие-нибудь смягчающие обстоятельства! Ничего подобного. Она проводит губкой по всем преступлениям Давида и делает из него завидного и почтенного предка. Он — образец царей и, как таковой, пользуется единодушным преклонением богословов. Он объявлен святым среди святых. Поются его бессмысленные «псалмы» во время церковных служб. Больше того, церковь — она провозгласила это на своих многочисленных соборах — видит в Давиде человеческое воплощение Иисуса, то есть бога-сына, второго члена «пресвятой троицы»[2].

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

БОГОМУДРОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА СОЛОМОНА

«И сел Соломон на престоле Давида, отца своего, и царствование его было очень твердо» *(3 Царств, гл. 2, ст. 12)*.

Излишне прибавлять, зная библейские нравы, что первым делом нового царя было избавиться от Адонии и обоих первых персонажей израильского народа, которые предпочли бы видеть корону на голове этого сына Аггифы. Адония не мечтал больше о царстве; он давно понял, что его песня спета: все, что ему было нужно из наследства Давида, была молодая девица, согревавшая кости его малопочтенного отца. Он был влюблен в прелестную Ависагу. Как единственное возмещение за убытки, понесенные им от потери короны, он, старший, непосредственный наследник, просил для себя только красивую служанку своего отца. Эта любовь, которая ровно ничего не значила сама по себе, послужила, однако, предлогом для одного из первых «богомудрых» решений Соломона: он распорядился убить Адонию несмотря на то, что этот последний отнюдь не отказывал ему ни в каких знаках покорности и примирился с лишением престола. Адония, который был прост и наивен, обратился за содействием своим любовным планам к самой Вирсавии.

«И пришел Адония, сын Аггифы, к Вирсавии, матери Соломона, (и поклонился ей). Она сказала: с миром ли приход твой? И сказал он: с миром.

И сказал он: у меня есть слово к тебе. Она сказала: говори.

И сказал он: ты знаешь, что царство принадлежало мне, и весь израиль обращал на меня взоры свои, как на будущего царя; но царство отошло от меня и досталось брату моему, ибо от господа это было ему.

Теперь я прошу тебя об одном, не откажи мне... Прошу тебя, поговори царю Соломону, ибо он не откажет тебе, чтоб он дал мне Ависагу сунамитянку в жену.

И сказала Вирсавия: хорошо, я поговорю о тебе царю.

И вошла Вирсавия к царю Соломону говорить ему об Адонии. Царь встал перед нею, и поклонился ей, и сел на престоле своем. Поставили престол и для матери царя, и она села по правую руку его,

И сказала: я имею к тебе одну небольшую просьбу, не откажи мне. И сказал ей царь: проси, мать моя; я не откажу тебе.

И сказала она: дай Ависагу сунамитянку Адонии, брату твоему, в жену.

И отвечал царь Соломон и сказал матери своей: а зачем ты просишь Ависагу сунамитянку для Адонии? проси ему *также* и царства; ибо он мой старший брат, и ему священник Авиафар, и Иоав, сын Саруин, (военачальник, друг).

И поклялся царь Соломон господом, говоря: то и то пусть сделает со мною бог и еще больше сделает, если не на свою душу сказал Адония такое слово.

Ныне же,— жив господь, укрепивший меня и посадивший меня на престоле Давида, отца моего, и устроивший мне дом, как говорил он,— ныне же Адония должен умереть.

И послал царь Соломон Ванею, сына Иодаева, который поразил его, и он умер» *(3 Царств, гл. 2, ст. 13—25)*.

Очередь была за священником Авиафаром; но этот последний убит не был. Прекрасно зная народные предрассудки, Соломон не хотел проливать крови священника. Было бы трудновато сказать, что это убийство внушил сам бог. «А священнику Авиафару царь сказал: ступай в Анафоф на твое поле; ты достоин смерти, но в настоящее время я не умерщвлю тебя, ибо ты носил ковчег владыки господа пред Давидом, отцом моим, и терпел все, что терпел отец мой. И удалил Соломон Авиафара от священства господня» *(ст. 26—27)*.

Зато уж, конечно, для Иоава не было никакой пощады!

«Слух *об этом* дошел до Иоава,— так как Иоав склонялся на сторону Адонии, а на сторону Соломона не склонялся,— и убежал Иоав в скинию господню, и ухватился за роги жертвенника.

И донесли царю Соломону... И послал Соломон Ванею, сына Иодаева, говоря: пойди, умертви его (и похорони его).

И пришел Ванея в скинию господню и сказал ему: так сказал царь: выходи. И сказал тот: нет, я хочу умереть

здесь. Ванея передал это царю, говоря: так сказал Иоав, и так отвечал мне.

Царь сказал ему: сделай, как он сказал, и умертви его и похорони его, и сними невинную кровь, пролитую Иоавом, с меня и с дома отца моего.

Да обратит господь кровь его на голову его за то, что он убил двух мужей невинных и лучших его поразил мечом, без ведома отца моего Давида, Авенира, сына Нирова, военачальника израильского, и Амессая, сына Иеферова, военачальника иудейского.

Да обратится кровь их на голову Иоава и на голову потомства его на веки, а Давиду, и потомству его, и дому его, и престолу его да будет мир на веки от господа.

И пошел Ванея, сын Иодаев, и поразил Иоава, и умертвил его, и он был похоронен в доме своем в пустыне» *(3 Царств, гл. 2, ст. 28—34)*.

Вольтер говорит по этому поводу, что едва ли нужно прибавлять еще какое-нибудь преступление к уже совершенным: Соломон начинает свое царствование со святотатства. Но что, главным образом, должно показаться странным после стольких ужасов, так это то, что бог, поразивший смертью 50 070 человек, заглянувших в его «ковчег», совсем не мстит за эту святыню, когда из нее делают плаху для военачальника, давшего Давиду корону.

Идем дальше.

«И поставил царь Соломон Ванею, сына Иодаева, вместо его над войском; (управление же царством было в Иерусалиме;) а Садока священника поставил царь (первосвященником) вместо Авиафара...

И послав, царь призвал Семея, и сказал ему: построй себе дом в Иерусалиме, и живи здесь, и никуда не выходи отсюда.

И знай, что в тот день, в который ты выйдешь и перейдешь поток Кедрон, непременно умрешь; кровь твоя будет на голове твоей.

И сказал Семей царю: хорошо; как приказал господин мой царь, так сделает раб твой. И жил Семей в Иерусалиме долгое время.

Но через три года случилось, что у Семея двое рабов убежали к Анхусу, сыну Маахи, царю гефскому...

И встал Семей, и оседлал осла своего, и отправился в Геф к Анхусу, искать рабов своих. И возвратился Семей, и привел рабов своих» *(3 Царств, гл. 2, ст. 35—40)*.

А когда Соломон узнал об этом, то он приказал своему верному Ванее, и тот пошел и убил Семея *(ст. 46)*.

В дальнейшем мы узнаем, что царь Соломон заключил союз с царем египетским и даже женился на его дочери. Библия и здесь не сообщает имени этого египетского царя, называя его просто фараоном: это ясно показывает сказочность подобного брака. К этому времени Соломон построил себе дворец, начал возведение храма и принялся за укрепление города. В ожидании окончания постройки храма царь ездил на богомолье в Гаваон, где находилось наиболее значительное святилище во всем царстве. Там-то бог и дал ему дар мудрости. Этот эпизод довольно интересен.

«В Гаваоне явился господь Соломону во сне ночью, и сказал: проси, что дать тебе.

И сказал Соломон: ты сделал рабу твоему Давиду, отцу моему, великую милость; и за то, что он ходил пред тобою в истине и правде, и с искренним сердцем пред тобою, ты сохранил ему эту великую милость, и даровал ему сына, который сидел бы на престоле его, как это и есть ныне...

Но я — отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа.

И раб твой — среди народа твоего, который избрал ты, народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть.

Даруй же рабу твоему сердце разумное, чтобы судить народ твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом твоим?

И благоугодно было господу, что Соломон просил этого.

И сказал ему бог: за то, что ты просил этого, и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе душ врагов твоих, но просил себе разума, чтобы уметь судить.

Вот, я сделаю по слову твоему. Вот, я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе.

И то, чего ты не просил, я даю тебе, и богатство и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои.

И если будешь ходить путем моим, сохраняя уставы мои и заповеди мои, как ходил отец твой Давид, я продолжу и дни твои. И пробудился Соломон, и вот, *это было* сновидение» *(3 Царств, гл. 3, ст. 5—15)*.

Итак, речь идет здесь о сновидении. Бог, не ожидавший, пока Авраам, Иаков или другие заснут, чтобы явиться им,

при Соломоне начинает менять свои привычки и ожидает, пока тот начнет видеть сны. Пусть будет так. Но тогда каким образом все это стало известно? Значит, Соломон сам рассказал кому-то свой сон? И так от одного к другому, переходя из уст в уста, этот рассказ дошел до автора Третьей книги Царств, жившего во времена вавилонского пленения? Довольно все-таки странно, не правда ли?

Богословы скажут — это их конек! — что появление бога во сне не уменьшает божественности видения: церковь признает сны божественные и сны диавольские. Сон человеческий, утверждают служители религии, может быть результатом «сверхъестественного» влияния и не бывает случайным. Примем на минуту это положение. Допустим, что бог действительно явился Соломону. Все-таки Соломон спал и, следовательно, находился не в достаточно полном сознании для того, чтобы говорить или отвечать. Если бы сам римский папа увидел себя во сне богохульником, плюющим на просфору, никто из его кардиналов не вменил бы ему этого в вину. Если бы Соломон выбрал во сне славу и богатство, это не имело бы ровно никакого значения. Лучше было бы, если бы бог, задав вопросы, дал Соломону время проснуться, и тогда тот лучше сообразил бы, что надо ответить богу. Ответ бодрствующего человека, избирающего мудрость и пренебрегающего всем прочим, был бы заслугой. Но раз он спал, ответ не в счет: он ровно ничего не стоит. Тем не менее этот бесподобный бог был очарован.

Итак, награжденный мудростью, которую он испросил и получил во сне, Соломон не замедлил удивить израильтян замечательным правосудием и высотой ума. В доказательство необыкновенной мудрости Библия сообщает один-единственный анекдот о споре двух женщин, которые родили с промежутком в три дня в одном и том же доме двух младенцев. Из них один умер. Одна из женщин упрекает другую в том, что ночью она украла у нее живого сына и заменила его трупом своего родного ребенка, нечаянно задушенного ею во сне.

Разрешение этого спора было предложено царю. Мать, обвиненная в подмене, клянется, что живой ребенок, принесенный в суд, есть ее собственный; другая не менее горячо клянется, что ребенок принадлежит ей, и требует его.

Тогда Соломон приказывает принести меч, разделить ребенка на две части и дать каждой матери по половине.

Тут раздается крик ужаса истинной матери, которая требует, чтобы ребенка оставили у той, которая его украла, лишь бы не убивали. Эта последняя, наоборот, выдает себя следующими неразумными словами:

— Пусть не будет ни мне, ни тебе,— рубите.

Но приказание Соломона было только испытанием. Он присудил возвратить ребенка истинной матери *(гл. 3, ст. 16—28)*.

Верующие приходят в восторг, когда проповедники с амвона рассказывают этот анекдот. Однако Соломон мог и вовсе не прибегать к ужасному испытанию: ему стоило обратиться только к любой повивальной бабке, и она без затруднения определила бы, какой ребенок родился накануне, а какому пошел четвертый день.

Однако не будем придирчивы и преклонимся перед «необыкновенной мудростью» Соломона. Скажем только, что анекдотов этого рода тьма-тьмущая. У всех народов всегда были судьи, сочетавшие проницательность с простотой. Ограничимся только двумя случаями. Судьи, о которых пойдет речь, не получали от бога дара мудрости во сне.

Некто взобрался на самую верхушку колокольни, чтобы что-то поправить там. Он имел несчастье свалиться, но вместе с тем имел счастье даже не ушибиться. Однако падение его было роковым для человека, на которого он упал: этот человек умер. Родственники убитого привлекли упавшего к суду. Они обвинили его в убийстве и требовали или смертной казни, или возмещения убытков. Как разрешить такой спор? Надо было дать какое-нибудь удовлетворение родственникам умершего. Вместе с тем судья не считал себя в праве обвинять в убийстве, даже и невольном, человека, который сам был жертвою несчастного случая. Судья приказал тому из родственников умершего, который был особенно настойчив в тяжбе и громче всех требовал мести, самому взобраться на верхушку колокольни и броситься оттуда на подсудимого — невольного убийцу, коему вменил в обязанность находиться в это время на том самом месте, где испустил дух потерпевший. Нечего и говорить, что назойливый сутяга сейчас же отказался от своего нелепого иска.

Второй любопытный случай произошел с греческим судьей. Один молодой грек копил деньги, чтобы уплатить их куртизанке Феониде за обладание ею. Тем временем ему однажды ночью приснилось, что он насладился преле-

стями Феониды. Проснувшись, он решил, что было бы неразумно расходовать деньги ради одного мгновения. В свое время он сообщил друзьям о своих любовных намерениях, а теперь поведал им о своем сновидении и решении отказаться от удовольствия стать любовником Феониды Куртизанка, обиженная таким оборотом дела, а главное, раздосадованная тем, что не получила деньги, привлекла юношу к суду, требуя вознаграждения. Она утверждала, что сохранила право на сумму, которую молодой человек собирался предложить ей, ибо именно она, хотя и во сне, удовлетворила его желание. Судья, который отнюдь не был никаким Соломоном, вынес постановление, перед которым наши священники обязаны преклониться: этот язычник, которого бог не просветил светом истинного благочестия, предложил молодому греку принести обещанную сумму и бросить деньги в бассейн, чтобы куртизанка могла насладиться звуком и созерцанием золотых монет, точно так же, как юноша насладился призрачной близостью.

Бьемся об заклад, что если бы «святому духу», который любит веселенькие истории не без клубнички, пришла бы на ум только что изложенная, он вывел бы ее в Библии и записал бы ее в актив мудрости Соломона. К сожалению, воображение его, как явствует из всего содержания Библии, довольно скудное.

После анекдота с судом Третья книга Царств переходит к перечислению главнейших слуг Соломона. Читатель не рассердится на нас, если мы пропустим эти нудные строки. Зато немного дальше мы находим кое-что интересное относительно славы и богатства сына Давидова.

«Иуда и израиль, многочисленные как песок у моря, ели, пили и веселились. Соломон владел всеми царствами от реки *Евфрата* до земли филистимской и до пределов Египта. Они приносили дары и служили Соломону во все дни жизни его» *(3 Царств, гл. 4, ст. 20—21)*.

Здесь «святой дух» уж очень густо пошутил, если принять во внимание, что дело не касается тех отдаленных времен, о которых историки не имеют никаких данных: кто слышал когда-нибудь, чтобы евреи царствовали от Евфрата до Средиземного моря? Верно, что разбоем они завоевали себе небольшой уголок земли среди скал и пещер Палестины — от Вирсавии до Дана; но ниоткуда неизвестно, чтобы Соломон завоевал или каким-нибудь образом приобрел хотя бы один квадратный километр вне

Палестины. Наоборот, «царь египетский» владел частью Палестины, а несколько округов ханаанейских просто не повиновались Соломону. Где же это хваленое могущество?

«Продовольствие Соломона на каждый день составляли: тридцать кóров муки пшеничной и шестьдесят кóров прочей муки, десять волов откормленных и двадцать волов с пастбища, и сто овец, кроме оленей, и серн, и сайгаков, и откормленных птиц» *(ст. 22—23)*. Черт возьми! Какое, на самом деле, хвастовство! Приближенные, которых Соломон приглашал к столу, во всяком случае, никак не рисковали умереть от голода.

Некоторые богословы, озадаченные этими явными преувеличениями, растолковали, что Соломон, подражая царям вавилонским, кормил своих слуг и что это подразумевается в «священном» тексте. Беда только в том, что царек еврейский был не более похож на царя Вавилона, чем какой-нибудь мелкопоместный землевладелец на императоров всероссийских.

«И было у Соломона сорок тысяч стойл для коней колесничных и двенадцать тысяч для конницы» *(ст. 26)*. Эти 40 000 стойл еще прекраснее, чем 30 волов и 100 овец ежедневного пайка его величества царя израильского и иудейского.

«И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости египтян. Он был мудрее всех людей, мудрее и Ефана езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола, и имя его было в славе у всех окрестных народов. И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять» *(ст. 30—32)*.

Конечно, никто не знает, кто такие эти Ефан, и Еман, и Халкол, и Дарда, которые так уверенно поставлены здесь для сравнения с Соломоном и которых «священный» автор цитирует с невозмутимым апломбом, как если бы речь шла о мудрецах, известных всему миру. Эта манера ссылаться на никому не известные знаменитости, время от времени проскальзывающая в «священном писании», есть один из наиболее характерных признаков того духа злостного надувательства, который беспристрастному исследователю кажется единственным «духом», вдохновлявшим авторов всей книги.

Что касается 3000 притчей и 1005 песен, то из них сохранилось всего несколько, и то только *приписываемых Соломону*. Было бы все-таки лучше, заметил Вольтер, чтобы

этот царь всю свою жизнь только и занимался писанием древнееврейских од, вместо того чтобы проливать кровь своего брата.

Мы подходим к знаменитому иерусалимскому храму, на постройку которого Соломон ухлопал семь лет, да еще тринадцать лет на постройку дворца. Этой теме посвящены четыре главы Третьей книги Царств. Мы бегло проследим самое существенное.

«И послал Хирам, царь тирский, слуг своих к Соломону, когда услышал, что его помазали в царя на место отца его; ибо Хирам был другом Давида во всю жизнь.

И послал также и Соломон к Хираму сказать:

Ты знаешь, что Давид, отец мой, не мог построить дом имени господа, бога своего, по причине войн с окрестными народами, доколе господь не покорил их под стопы ног его.

Ныне же господь, бог мой, даровал мне покой отовсюду: нет противника и нет более препон.

И вот, я намерен построить дом имени господа, бога моего, как сказал господь отцу моему Давиду, говоря: «сын твой, которого я посажу вместо тебя на престоле твоем, он построит дом имени моему».

Итак прикажи нарубить для меня кедров с Ливана; и вот, рабы мои будут вместе с твоими рабами, и я буду давать тебе плату за рабов твоих, какую ты назначишь; ибо ты знаешь, что у нас нет людей, которые умели бы рубить дерева так, как сидоняне...

И давал Хирам Соломону дерева кедровые и дерева кипарисовые, вполне по его желанию.

А Соломон давал Хираму двадцать тысяч ко́ров пшеницы, для продовольствия дома его, и двадцать ко́ров оливкового выбитого масла...

И обложил царь Соломон повинностью весь израиль; повинность же состояла в тридцати тысячах человек.

И посылал их на Ливан, по десяти тысяч на месяц, попеременно; месяц они были на Ливане, а два месяца в доме своем. Адонирам же начальствовал над ними.

Еще у Соломона было семьдесят тысяч носящих тяжести и восемьдесят тысяч каменосеков в горах.

Кроме трех тысяч трехсот начальников...» *(3 Царств, гл. 5, ст. 1—6, 10—11, 13—16).*

«Храм, который построил царь Соломон господу, длиною был в шестьдесят локтей, шириною в двадцать и вышиною в тридцать локтей» *(3 Царств, гл. 6, ст. 2).* Древне-

еврейский локоть равен 52 сантиметрам, как и египетский. Следовательно, строение было длиной в 31 метр, шириной в 10,5 и высотой в 15,5 метра.

«И сделал он в доме окна решетчатые, глухие с откосами.

И сделал пристройку вокруг стен храма, вокруг храма и давира (святая святых); и сделал боковые комнаты кругом.

Нижний *ярус* пристройки шириною был в пять локтей, средний шириною в шесть локтей, а третий шириною в семь локтей; ибо вокруг храма извне сделаны были уступы, дабы пристройка не прикасалась к стенам храма» *(3 Царств, гл. 6, ст. 4—6).*

«А свой дом Соломон строил тринадцать лет» (3 *Царств, гл. 7, ст. 1)*. «Тогда созвал Соломон старейшин израилевых и всех начальников колен, глав поколений... в Иерусалим, чтобы перенести ковчег завета господня... И пришли все старейшины израилевы; и подняли священники ковчег... и внесли.... ковчег завета господня на место его, в давир храма, во святое-святых, под крылья херувимов... И царь и все израильтяне с ним принесли жертву господу. И принес Соломон в мирную жертву... двадцать две тысячи крупного скота и сто двадцать тысяч мелкого скота. Так освятили храм господу царь и все сыны израилевы» *(*3 *Царств, гл. 8, ст. 1, 3, 6, 62—63).*

Подробности, приведенные во всех этих четырех главах, явно и непомерно преувеличены. Все эти божественные описания тают, как снег на солнце, как только подвергаешь их более или менее серьезному анализу. 183 300 человек, не считая каменщиков и других рабочих, которые явятся позже, заняты одними только подготовительными работами по постройке храма, который задуман длиной в 31,5 метра и шириной в 10,5 метра. Эти строители ухлопывают семь лет на постройку здания вышиной в скромных три этажа и занимающего площадь в 325 квадратных метров. Вот числа, заставляющие подскочить всякого имеющего хотя бы поверхностное представление о строительстве. Бесчисленные рабочие Соломона были, вероятно, неслыханные лентяи. Или же они, не получая зарплаты, шатались без дела.

Размеры здания, которые указывает Третья книга Царств, не сходятся с указаниями Второй книги Паралипоменон *(гл. 3, ст. 4)*. Одних только таких расхождений

в текстах «священных» писателей было бы достаточно для того, чтобы внушить сомнение, если бы сам основной текст вообще не представлялся явной бессмыслицей.

Кроме того, невозможно не взяться за бока от смеха, когда читаешь описания этих этажей и пристроек, возведенных внутри постройки и выходящих на локоть одна над другой, причем нижний этаж на метр у́же верхнего. Это совершенно ошеломительно! И эти боковые окна, которые были широки изнутри и узки снаружи,— это тоже недурная архитектурная выдумка.

Празднество освящения храма достойным образом завершает описание его постройки. Таких жертвоприношений не следовало бы делать часто. Этак не мудрено докатиться и до голода. Считайте вес каждого вола в 100 килограммов — вот вам уже 2 200 000 килограммов говядины; прибавьте почти 2 000 000 килограммов баранины. Это все зажарено было совершенно ни к чему, единственно только, чтобы пощекотать «священное» обоняние господа бога. И эти 250 000 пудов мяса представляют жертвоприношение одного только Соломона! Библия особо оговаривает, что общество израилево приносило жертвы из мелкого и крупного скота, которых невозможно исчислить и определить, по множеству их *(3 Царств, гл. 8, ст. 5)*.

После всего этого, если бы бог остался недоволен, он действительно обнаружил бы невыносимо тяжелый характер. Вот почему «явился Соломону господь во второй раз, как явился ему в Гаваоне» *(3 Царств, гл. 9, ст. 2)*. Это выражение позволяет думать, что второе божественное явление также было приключением во сне. Но сын Давида был доволен и не требовал явлений более ощутительных. Не будем упрекать бога и мы. Пусть будет и так — во сне так во сне. На все «воля божья»!

Божья награда Соломону заключалась в небольшом тосте, который он произнес над ухом спящего царя. Тост этот может быть изложен в следующих простых словах: если ты и твой народ будете продолжать почитать меня, все будет обстоять хорошо; но если вы будете поклоняться, ты или твои подданные, каким-нибудь другим богам, тогда берегись! Старая, одним словом, песня.

«Хирам, царь тирский, доставлял Соломону дерева кедровые и дерева кипарисовые и золото, по его желанию,— царь Соломон дал Хираму двадцать городов в земле галилейской. И вышел Хирам из Тира посмотреть города,

которые дал ему Соломон; и они не понравились ему. И сказал он: что это за города, которые ты, брат мой, дал мне?» (3 *Царств, гл. 9, ст. 11—13*).

Решительно нельзя понять, откуда царь Соломон достал двадцать городов, чтобы сделать подарок своему другу Хираму: Самарии не было еще, Иерихон был жалкой деревушкой, Сихем и Вефиль не были еще отстроены после разрушения — они были восстановлены только при Иеровоаме. Вот и все «города» Галилеи тогдашнего времени.

«Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елафе, на берегу Чермного моря, в земле идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, с подданными соломоновыми; и отправились они в Офир, и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов, и привезли царю Соломону» (3 *Царств, гл. 9, ст. 26—28*).

Чтобы заставить верующих проглотить такую невероятную вещь, как флот его величества Соломона, необходимо, конечно, указать и какую-нибудь морскую гавань на принадлежавшем ему берегу. Автор не посмел устроить эту гавань на берегах Средиземного моря, потому что все порты этого побережья принадлежали финикиянам и все слишком известны. Выдумав какой-то порт Ецион-Гавер в глубине Элатского залива Красного моря, то есть на востоке Синайского побережья, «священный» мистификатор не рисковал, что кто-нибудь установит фантастичность этой гавани. В географии библейский Ецион-Гавер имеет такое же значение, как и знаменитые библейские мудрецы Ефан, Еман, Халкол и Дарда имеют в истории.

Что касается результатов экспедиции соломонова флота в Офир — страну, которая так и осталась неотысканной, несмотря на трудолюбивые поиски самых благонамеренных историков и географов,— то они были совершенно ничтожны рядом с тем великолепием и пышностью, которые описаны в предыдущих главах. Снарядить корабль для того, чтобы он, возвратившись, привез каких-нибудь 420 талантов золота, ваше величество, это не густо! Для барина, у которого было 40 000 стойл для дворцовых лошадей и который доставлял себе благочестивые развлечения вроде сожжения 250 000 пудов мяса в одном жертвоприношении, это почти что мелочь. Учтите расходы по экспедиции, которая продолжалась два года. Чистая прибыль сведется к сущим пустякам. Право же, не стоило отмечать этой глупости как

замечательного акта государственной мудрости и великолепия двора царя Соломона.

Мой бедный «святой дух»! Между нами говоря, бывают и у тебя минуты, когда ты спускаешься так низко с высоты своих великолепных шуток, дерзновенная фантазия которых иной раз действительно грандиозна.

Чтобы успокоить верующих читателей, поспешим сказать, что «голубь» спохватился и исправил свою ошибку в главе 9 Второй книги Паралипоменон, важной части Ветхого завета, столь же «подлинной» и «святой», как и все остальное в Библии. Мы узнаем из нее, что «весу в золоте, которое приходило к Соломону в один год, было шестьсот шестьдесят шесть талантов золота» *(ст. 13)*. Далее: «и сделал царь большой престол из слоновой кости, и обложил его чистым золотом, и шесть ступеней к престолу и золотое подножие, к престолу приделанное, и локотники по обе стороны у места сидения, и двух львов, стоящих возле локотников, и еще двенадцать львов, стоящих там на шести ступенях, по обе стороны. Не бывало такого (престола) ни в одном царстве. И все сосуды для питья у царя Соломона были из золота... серебро во дни Соломона вменялось ни во что» *(ст. 17—20)*. «Корабли царя ходили в Фарсис с слугами Хирама, и в три года раз возвращались корабли из Фарсиса, и привозили золото и серебро, слоновую кость, и обезьян и павлинов. И превзошел царь Соломон всех царей земли богатством и мудростью. И все цари земли искали видеть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложил бог в сердце его» *(ст. 21—23)*. «И сделал царь (золото и) серебро в Иерусалиме равноценным простому камню» *(ст. 27)*.

Наконец-то! В час добрый, милый хвастун в образе «святого духа»! Всего этого еще мало: Первая книга Паралипоменон уверяет, что Соломон получил и от отца завидное наследство, исчислявшееся в тысячах талантов золота, серебра, меди и т. д. *(гл. 29)*.

Вольтер, забавы ради, занялся подведением итогов и перевел их на монету его времени. «То, что Давид оставил Соломону, согласно Библии,— говорит он,— составляет ровно восемнадцать миллиардов французских ливров. То, что Соломон собрал сам, можно оценить в не меньшую сумму. Довольно смешно представить себе жалкого царька обладателем 36 миллиардов ливров, или приблизительно полутора миллиардов фунтов стерлингов».

Библия только что сообщила, что все цари земли навещали Иерусалим для того, чтобы поклониться Соломону и принести ему дары. Скажут, пожалуй, что «священный» автор мог бы потрудиться назвать хоть кого-нибудь из этих царей по имени: это не могло бы не произвести благоприятного впечатления. Но точные указания весьма стеснительны для автора: каким бы вралем он ни был, «священный голубь» сам почувствовал необходимость остаться в неопределенной недоговоренности, дабы его вранье не обнаружилось слишком легко.

Тем не менее, так как надо же было назвать хотя бы одного из этих паломничающих монархов, Библия преподносит нам памятный визит одной «могущественной владычицы» — некоей «царицы савской». Глава 10 Третьей книги Царств почти целиком посвящена этому событию, равно как и глава 9 Второй книги Паралипоменон. Что касается самой страны, повелительницей которой была эта дама, то вопрос о ней вызвал многочисленные споры между богословами. К несчастью, никто из этих «ученых» так и не сумел сказать с точностью, в каком месте земного шара находилась эта страна, упомянутая только в Библии.

Итак, «царица савская, услышав о славе Соломона во имя господа, пришла испытать его загадками.

И пришла она в Иерусалим с весьма большим богатством: верблюды навьючены *были* благовониями и великим множеством золота и драгоценными камнями; и пришла к Соломону и беседовала с ним обо всем, что было у нее на сердце.

И объяснил ей Соломон все слова ее, и не было ничего незнакомого царю, чего бы он не изъяснил ей.

И увидела царица савская всю мудрость Соломона и дом, который он построил,

И пищу за столом его, и жилище рабов его, и стройность слуг его, и одежду их, и виночерпиев его, и всесожжения его... И не могла она более удержаться.

И сказала царю: верно то, что я слышала в земле своей о делах твоих и мудрости твоей; но я не верила словам, доколе не пришла, и не увидели глаза мои: и вот, мне и в половину не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели я слышала» (3 *Царств, гл. 10, ст. 1—7*).

Уезжая, «царица» подарила Соломону редкие драгоценные предметы, привезенные ею, и еще прибавила 120 талантов золота. Со своей стороны галантный Соломон и ее осы-

пал подарками. Он дал ей «все, чего она желала и чего просила, сверх того, что подарил ей царь Соломон своими руками» *(ст. 13)*.

Такая широкая слава не могла не повредить благополучию души Соломона: Бог дал ему мудрость и не отнял ее; однако Библия отмечает как начало упадка дружеские связи, которые сын Давида завел с египтянами, аммонитя-

«И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин... И было у него семьсот жен и триста наложниц» *(3 Царств, гл. 11, ст. 1, 3)*.

нами, жителями Сидона и др.: это были, конечно, дурные знакомства.

«И полюбил царь Соломон многих чужестранных женщин, кроме дочери фараоновой, моавитянок, аммонитянок, идумеянок, сидонянок, хеттеянок, из тех народов, о которых господь сказал сынам израилевым: «не входите к ним, и они пусть не входят к вам, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам»; к ним прилепился Соломон любовью. И было у него семьсот жен и триста наложниц» *(3 Царств, гл. 11, ст. 1—3)*.

Известно, что бог взирал очень благосклонно на многоженство многих из его патриархов и пророков. Чтобы не идти далеко, можно напомнить, что Давид очень широко пользовался этой снисходительностью господа бога. Но, откровенно говоря, Соломон-таки злоупотреблял. Тысяча

женщин, которых он всех любил, следовательно, таких, которые жили при нем не для одной только видимости! Тысячу женщин он одевал и раздевал! Как у него должны были уставать руки!

И случилось то, что должно было случиться, то, что бог, впрочем, в качестве существа, знающего будущее лучше, чем кто бы то ни было, должен был знать заранее. Чтобы угодить своим семистам иностранным принцессам, Соломон стал приносить жертвы их богам. На одном холме, по соседству с Иерусалимом, он построил капище «Хамосу, мерзости моавитской, и Молоху, мерзости аммонитской». Астарта и Милхом также получили свои почести *(ст. 4—8)*.

Бог-отец, который в первые времена мироздания вменил в вину Адаму и Еве их желание познать добро и зло, был, наоборот, очарован Соломоном, который пожелал познать ту же науку. Бог даровал ему мудрость, сопровождая свой дар тысячами благословений. Во всем этом надо видеть историческое указание на то, что и в эту эпоху евреи не имели определенного и точно установленного религиозного культа. Это наиболее вероятно. Если бы они имели культ, «священный» автор не рассказал бы, что Иаков и Исав женились на язычницах; Самсон не женился бы на филистимлянке и т. д.

Критики опираются на эти нелепости для того, чтобы подчеркнуть, что ни одна из еврейских книг в том виде, как они дошли до нас, не была создана современниками описываемых в них событий. Они говорят, что во время царствования Соломона евреи едва только начали собираться в государство. Этому народу было совершенно безразлично, поклонялся ли их царь богу по имени Хамос, или Молох, или Адонай, или Яхве...

Как бы там ни было, Библия представляет бога очень раздраженным. Результатом этого раздражения было третье явление его Соломону. На этот раз больше не говорится, что бог показался во сне. Сцена изображена очень живо: бог бросает мудрому Соломону резкие упреки в том, что он перестал быть умницей, хотя у него и не отнята мудрость. Сын Давида получает здоровую, словесную, впрочем, нахлобучку. «За то, что так у тебя делается, и ты не сохранил завета моего и уставов моих, которые я заповедал тебе, я отторгну от тебя царство и отдам его рабу твоему» *(3 Царств, гл. 11, ст. 11)*. Старик настолько взбешен,

что у него явно язык заплетается, ибо он тут же прибавляет *(ст. 12):* «но во дни твои я не сделаю сего ради Давида, отца твоего; из руки сына твоего исторгну его».

Заметьте, что в это время сын, о котором идет речь, Ровоам еще не успел ничем согрешить. Тогда является вопрос: если он остается верным богу, а грешит только один Соломон, то почему же он, Ровоам, должен платить за разбитые горшки? Если, взойдя на престол, он совершит те же преступления, что и его отец, он должен быть наказан, но, конечно, за свой собственный грех. Почему же бог говорит Соломону, что сын его заплатит за него? Можно подумать, право, что, наделяя сына Давидова своей божественной мудростью, бог отдал ему так много, что для своего личного обихода оставил совсем незначительные пустяки.

Итак, бог формально заявил Соломону, что он не исторгнет его царства при его жизни. Однако Библия немедленно прибавляет: «и воздвиг господь противника на Соломона, Адера идумеянина, из царского идумейского рода» *(ст. 14).* Короткая история этого Адера сама по себе вопиюще противоречит всему предыдущему. Трудно постичь, до какого разжижения мозга должен был дойти «священный» автор, чтобы записывать все, что этот «враль-голубь» ему диктовал. Адер, как нам сообщается, был малым ребенком и находился в Идумее, когда Иоав, «генералиссимус» царя Давида, истребил всех мужчин этой страны; ему удалось спастись от резни и скрыться в Египет в сопровождении нескольких слуг отца. Фараон дал ему приют, подружился с ним, подарил ему дом и довольно обширное поместье и даже отдал замуж за него родную сестру своей жены. «Священное писание» до сих пор ни разу не назвало по имени ни одного фараона. Но здесь оно сообщает нам имя египетской принцессы: Тахпенеса — сестра царицы. Нужно ли прибавлять, что нигде никогда ни один историк не обмолвился словом о ее существовании.

Итак, Адер — шурин фараона. Не упускайте из виду, что все это происходило во время царствования Давида. Библия рассказывает дальше, что, едва только Адер узнал о смерти Иоава, он попрощался с царем египетским, вернулся в Идумею и стал одним из тех врагов, которыми бог воспользовался для того, чтобы наказать Соломона за его языческие наклонности. Адер причинил очень много зла Соломону.

Однако глава 11 Третьей книги Царств говорит *(ст. 4):*

«во время старости» Соломон позволил склонить себя к поклонению разным богам, а от культа Яхве отошел; а еще дальше мы узнаем *(ст. 42)*, что он процарствовал сорок лет. Допустим, что преданность Соломона Яхве продолжалась лет тридцать и что последние десять лет его царствования были годами греха. И тогда или Адер, этот бич божий, шурин фараона, больше тридцати лет ничего не слышал о смерти Давида, а это тем более невозможно, что тотчас по восшествии на престол Соломон женился на дочери царя египетского, следовательно, близкой родственнице Адера; или же Адер не терял времени и прошелся с мечом по израильскому царству спустя совсем короткое время после восшествия Соломона на трон. Но тогда верхом необычайного является то, что Соломон был наказан за свои грехи за тридцать лет до их совершения.

Однако вот нечто еще более точное: «И воздвиг бог против Соломона еще противника, Разона, сына Елиады, который убежал от государя своего Адраазара, царя сувского. И был он противником израиля во все дни Соломона. Кроме зла, *причиненного* Адером, он всегда вредил израилю, и сделался царем Сирии» *(3 Царств, гл. 11, ст. 23, 25)*.

Этот Разон, царь сирийский, причинявший столько огорчений Соломону в течение всего его царствования в Иудее, показывает с ясностью, как дважды два четыре, что царь, столь мудрый и первоначально столь преданный богу Яхве, был наказан в молодости за грехи, которые ему предстояло совершить только в дни старости, и что «священный» автор противоречит сам себе, когда говорит выше *(гл. 4, ст. 20—21)*, что Соломон царствовал от Евфрата до Средиземного моря.

Зять царя египетского и шестисот девяноста девяти других царей земли имел еще достаточно возни со своими собственными подданными.

«И Иеровоам, сын Наватов... раб Соломонов, поднял руку на царя. И вот обстоятельство, по которому он поднял руку на царя: Соломон строил Милло, починивал повреждения в городе Давида, отца своего.

Иеровоам был человек мужественный. Соломон, заметив, что этот молодой человек умеет делать дело, поставил его смотрителем над оброчными из дома Иосифова.

В то время случилось Иеровоаму выйти из Иерусалима; и встретил его на дороге пророк Ахия, силомлянин; и на нем была новая одежда. На поле их было только двое.

И взял Ахия новую одежду, которая была на нем, и разодрал ее на двенадцать частей,

И сказал Иеровоаму: возьми себе десять частей; ибо так говорит господь, бог израилев: вот, я исторгаю царство из руки Соломоновой, и даю тебе десять колен;

А одно колено останется за ним, ради раба моего Давида и ради города Иерусалима, который я избрал из всех колен израилевых» *(3 Царств, гл. 11, ст. 26—32).*

Мы уже видели, как один левит разрезал на двенадцать кусков свою наложницу, когда она умерла в Гиве, изнасилованная в одну ночь семьюстами негодяями. А теперь еще и пророк разрывает свои одежды (хорошо, что только одежды!) на двенадцать кусков, дабы убедить Иеровоама, что бог разрешает ему поднять мятеж и что из двенадцати колен израилевых ему перепадет не меньше десяти. Этот пророк Ахия, замечает Вольтер, мог строить заговоры против Соломона с меньшими расходами, не жертвуя своей новой одеждой, тем более что бог не особенно уж баловал своих пророков новыми мундирами. Разве только Ахия рассчитывал, что Иеровоам по восшествии на престол покроет его убытки?

Еще одно замечание, которое нельзя не сделать: из трех врагов, которых бог восставил против Соломона, Иеровоам один только действительно ополчился на него за его отречение от веры и переход в язычество, и он же вместе с тем единственный потерпел фиаско. Остальные два врага очень жестоко и успешно преследовали Соломона и причинили ему очень много огорчений, тревог и унижений. Мятеж Иеровоама окончился полной неудачей. Соломон хотел умертвить Иеровоама, но Иеровоам бежал в Египет, где и жил до смерти Соломона *(ст. 40).*

В стихе 43 главы 11 отмечена смерть повелителя семисот жен и трехсот наложниц. Ничего не говорится, однако, возвратился ли он на «истинный» путь или так и умер безбожным язычником. Богословы вследствие этого много спорят по вопросу о том, проклят ли Соломон «мудрый» или не проклят. Мнения их расходятся.

Другой очень досадный пробел — это молчание Библии относительно многочисленных браков славного царя. Очень легко сообщить, что Соломон содержал на правах законных жен семьсот иностранных принцесс и герцогинь, происходивших из разных царствующих домов земного шара и исповедовавших «дурные» религии. Но было бы инте-

ресно иметь хоть какие-нибудь описания свадебных церемоний и празднеств, которыми эти браки сопровождались. Допустим, что религиозные заблуждения Соломона, привлекшие его к язычеству, продолжались десять лет, что было бы чрезвычайно много. Тогда эти семьсот принцесс и герцогинь — законных жен должны были бы прибывать ко двору Соломона в среднем по семьдесят душ в год, а это составило бы примерно одну царскую свадьбу на каждые пять дней. Как вам нравится страна, проводящая десять лет в беспрерывных публичных торжествах, приемах высочайших особ, обменах дипломатическими вежливостями и т. д. и т. д. и т. д.? Как досадно, что в ту пору не существовало еще Готского альманаха [1]: вот тогда мы знали бы имена всех семисот царствовавших тогда династий.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

НАИВЫСШЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ БИБЛЕЙСКОЙ МУДРОСТИ

ельзя закрыть историю Соломона, не остановившись на четырех книгах, приписываемых ему и также входящих в состав Библии: «Притчей Соломоновых», «Екклесиаста», «Песни Песней» и «Премудрости Соломона». Книга «Притчей Соломоновых» — это собрание мыслей и изречений, которые нам представляются пошлыми, нелепыми, безвкусными и, строго говоря, ничего не стоящими. Трудно поверить, чтобы просвещенный царь мог составить сборник сентенций, среди которых нет ни одной, касающейся, скажем, приемов управления, политики, придворных нравов и обычаев. Мыслители нашего времени удивляются, что целые главы уделяются падшим женщинам, зазывающим к себе прохожих с улицы; они не приходят в восторг от сентенций вроде следующих: «три ненасытимых, и четыре, которые не скажут: «довольно!» Преисподняя и утроба бесплодная, земля, которая не насыщается водою, и огонь, который не говорит: «довольно!»» *(Притч., гл. 30, ст. 15—16)*. «Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря, и пути мужчины к девице» *(ст. 18—19)*. «Вот четыре малых на земле; но они мудрее мудрых: муравьи — народ не сильный, но летом заготовляют пищу свою; горные мыши — народ слабый, но ставят домы свои на скале; у саранчи нет царя, но выступает вся она стройно; паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах» *(ст. 24—28)*.

«Можно ли,— спрашивает Вольтер,— приписать подобные благоглупости великому царю, мудрейшему из смертных?»

Книга «Премудрости Соломона» выдержана в более серьезном стиле. Критики находят, впрочем, что вся эта книга производит впечатление скучного и удручающего набора ничего не говорящих общих мест. Вольтер замечает, что «подобного рода труды вовсе не пишутся согласно

требованиям правил красноречия и не могут блистать хорошим содержанием. Они написаны для того, чтобы поучать, а не для того, чтобы нравиться. Приходится благочестиво бороться с естественным отвращением, которое вызывает их чтение».

Книга Екклесиаста совершенно другого рода. Тот, от чьего имени ведется рассказ в этом труде, представляется разочарованным соблазнами величия, усталым от наслаждений и пресыщенным познанием. Его принимали за эпикурейца. На каждой странице он повторяет, что праведник и нечестивец подвержены одним и тем же случайностям, что человек ничем не отличается от животного, что лучше не родиться, нежели существовать, что совсем нет никакой другой жизни и что нет ничего лучше и благоразумнее, чем мирное наслаждение плодами своих трудов и любимой женой.

«Возможно,— замечает Вольтер,— что Соломон и держал подобные речи кому-то из своих жен. Утверждают, что это горькие заметки, которые он якобы сам себе делал. Но эти изречения, от которых веет духом вольности, совсем не похожи на упреки самому себе, а стараться видеть в произведениях автора как раз противоположное тому, что он говорит, не значит ли это насмехаться над ним?»

Что касается «Песни Песней», то из ее восьми глав кое-что надо привести целиком.

«Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина. От благовония мастей твоих имя твое — как разлитое миро; поэтому девицы любят тебя. Влеки меня, мы побежим за тобою; — царь ввел меня в чертоги свои,— будем восхищаться и радоваться тобою, превозносить ласки твои больше, нежели вино; достойно любят тебя!.. Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя. Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях; золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блестками... О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные. О, ты прекрасен, возлюбленный мой, и любезен! И ложе у нас — зелень; кровли домов наших — кедры, потолки наши — кипарисы...» *(Песн. Песн., гл. 1, ст. 1—3, 8—10, 14—16)*.

«Я нарцисс Саронский, лилия долин! Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами. Что яб-

лоня между лесными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. В тени ее люблю я сидеть, и плоды ее сладки для гортани моей. Он ввел меня в дом пира, и знамя его надо мною — любовь. Подкрепите меня вином, освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня. Заклинаю вас, дщери иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно... Возлюбленный мой начал говорить мне: встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди!.. Голубица моя в ущелье скалы под кровом утеса! покажи мне лице твое, дай мне услышать голос твой; потому что голос твой сладок и лице твое приятно...» *(Песн. Песн., гл. 2, ст. 1—7, 10, 14)*.

«На ложе моем ночью искала я того, которого любит душа моя, искала его, и не нашла его. Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его, и не нашла его. Встретили меня стражи, обходящие город: «не видали ли вы того, кого любит душа моя?» Но едва я отошла от них, как нашла я того, которого любит душа моя; ухватилась за него, и не отпустила его, доколе не привела его в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей. Заклинаю вас, дщери иерусалимские, сернами или полевыми ланями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно...» *(Песн. Песн., гл. 3, ст. 1—5)*.

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои — как стадо коз, сходящих с горы галаадской; зубы твои — как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока — ланиты твои под кудрями твоими; шея твоя — как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем — все щиты сильных. Два сосца твои — как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями... О, как любезны ласки твои, сестра моя, невеста! о, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов. Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста; мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана!..» *(Песн. Песн., гл. 4, ст. 1—5, 10—11)*.

«...Я сплю, а сердце мое бодрствует; *вот*, голос моего возлюбленного, который стучится: «отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя...» Возлюбленный мой протянул руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась от него. Я встала, чтобы отпереть возлюбленному моему, и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка. Отперла я возлюбленному моему, а возлюбленный мой повернулся и ушел...» (*Песн. Песн., гл. 5, ст. 2, 4—6*).

««Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? куда обратился возлюбленный твой? мы поищем его с тобою». Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии. Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне; он пасет между лилиями...» (*Песн. Песн., гл. 6, ст. 1—3*).

«...О, как прекрасны ноги твои в сандалиях, дщерь именитая! Округление бедр твоих как ожерелье, дело рук искусного художника; живот твой — круглая чаша, *в которой* не истощается ароматное вино; чрево твое — ворох пшеницы, обставленный лилиями; два сосца твои — как два козленка, двойни серны; шея твоя — как столп из слоновой кости... Этот стан твой похож на пальму, и груди твои на виноградные кисти. Подумал я: влез бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее; и груди твои были бы вместо кистей винограда, и запах от ноздрей твоих, как от яблоков; уста твои — как отличное вино. Оно течет прямо к другу моему, услаждает уста утомленных. Я принадлежу другу моему, и ко мне *обращено* желание его. Приди, возлюбленный мой, выйдем в поле, побудем в селах; поутру пойдем в виноградники, посмотрим, распустилась ли виноградная лоза, раскрылись ли почки, расцвели ли гранатовые яблоки; там я окажу ласки мои тебе...» (*Песн. Песн., гл. 7, ст. 2—5, 8—13*).

«О, если бы ты был мне брат, сосавший груди матери моей! тогда я, встретив тебя на улице, целовала бы тебя, и меня не осуждали бы. Повела бы я тебя, привела бы тебя в дом матери моей. Ты учил бы меня, а я поила бы тебя ароматным вином, соком гранатовых яблоков моих. Левая рука его у меня под головою, а правая обнимает меня. Заклинаю вас, дщери иерусалимские: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколе ей угодно... Есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцов нет у нее; что нам бу-

дет делать с сестрою нашею, когда будут свататься за нее?..» *(Песн. Песн., гл. 8, ст. 1—4, 8).*

Такова знаменитая своими красотами «Песнь Песней», вызывавшая столько споров. Люди, свободные от предрассудков и религиозных заблуждений, видят в этом эротическом произведении не что иное, как обыкновенный романс во вкусе той эпохи. Но богословы, как еврейские, так и христианские, утверждают иное. Первые с пеной у рта утверждают, что возлюбленный, выведенный поэтом, есть ни больше ни меньше, как... бог, а невеста, возлюбленная, лилия долин — ...народ израилев. «Песнь Песней» толкуется как аллегорическая история еврейского народа со времени «исхода из Египта» до момента пришествия «мессии», когда будет будто бы воздвигнут третий иерусалимский храм. В оправдание этого толкования были использованы все сложности, вся запутанность, вся казуистика Талмуда, сокращения и замена одинаково звучащих слов.

Что касается христианских богословов, в частности католических, то они совершенно перестраивают все объяснения еврейских ученых и утверждают с самым серьезным видом, что эта эротическая поэма есть плод наисвятейшего вдохновения, пророческая книга, в которой любовь Христа к церкви и церкви к ее божественному основателю, рассматриваемому как ее супруг, хотя и изображена в смелых формах, но их рискованность очищена мистическим смыслом и может скандализировать только нечестивые умы вольнодумцев.

Первое мистическое толкование в этом смысле принадлежит одному из отцов церкви — Оригену, который написал по этому поводу объемистый комментарий. Достаточно забавно констатировать, кстати, что честь этого великолепного открытия принадлежит тому из отцов церкви, который прославился в мире не только своим глубоким умом и преданностью религии, но также и произведенной над собой кастрацией. По стопам оскопленного Оригена хлынули все христианские экзегеты, все священство, счастливое случаем заставить наивных верующих проглотить одну из самых замечательных библейских пилюль.

И вот благодаря этому изобретательному трюку «Песнь Песней» преподносят в монастырях одиноким монахиням как предмет для раздумья и утоления мятежной крови. Нетрудно понять, каково настоящее действие этой поэмы на несчастных заключенных женщин, более или менее

истерический мистицизм которых подсказывает им, что каждая из них — невеста Иисуса. В одиночестве своих тихих келий бедные монахини отождествляют себя с церковью — невестой возлюбленного и предаются одиноким мечтам, содержание которых нетрудно угадать.

Чтобы лучше утвердить в умах верующих это абсурдное толкование, церковники дали особые названия всем восьми главам «Песни Песней». От этих заглавий так и отдает богословской хитростью и ханжеством. Вот они:

Глава I. Супруга изъявляет свою любовь к супругу, а супруг — свою любовь к супруге.

Глава II. Речь церкви об Иисусе Христе.

Глава III. Как церковь ищет Иисуса Христа и как радуется, найдя его.

Глава IV. Красота супруги, мистически описанная в совершенно образных выражениях.

Глава V. Сожаление супруги о том, что она не ответила на поиски супруга, как надлежало; она описывает красоту супруга.

Глава VI. Диалог между Иисусом Христом и церковью.

Глава VII. Еще одно мистическое описание красоты супруги; верная любовь церкви к Иисусу Христу.

Глава VIII. Взаимная любовь церкви и Иисуса Христа.

Закончим эту часть нашего исследования словами Вольтера: «Так как «Песнь Песней» рассматривается церковниками как аллегория вечного брачного союза между Христом и его церковью, то, в благочестивом стремлении все изъяснить в этом произведении, мы очень бы хотели знать, что надо подразумевать под словами: «есть у нас сестра, которая еще мала, и сосцов нет у нее»».

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ ЦАРЕЙ ИЗРАИЛЬСКИХ И ИУДЕЙСКИХ

Наследником соломоновского престола был его сын Ровоам. Казалось бы, что все должно идти как по маслу, ибо «священный» автор только что сообщал нам, что никогда израильтяне не были так счастливы, как во время царствования Соломона, когда золото было в изобилии и общественное благосостояние было так велико, что серебро, как и простые камни, не имело существенного значения. Но у «божественного голубя», как мы все время наблюдали, чересчур короткая память, а издевательство над доверчивостью правоверных христиан и евреев доставляет ему особенное наслаждение. Библия теперь уже спокойно повествует, что еврейский народ собрался в Сихеме и держит следующую речь к сыну Соломона: «Отец твой наложил на нас тяжкое иго, ты же облегчи нам жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое он наложил на нас, и тогда мы будем служить тебе» *(3 Царств, гл. 12, ст. 4)*.

Ровоам посоветовался со стариками — бывшими советниками его отца. Старики признали, что покойником были установлены действительно непосильные налоги, и высказали мнение, что хорошо было бы налоги уменьшить, дабы народ не роптал против династии. Но царь посоветовался также и с молодыми людьми, с которыми воспитывался вместе: эти высказали противоположное мнение *(ст. 6—10)*. И когда народные депутаты, во главе которых находился вернувшийся из Египта Иеровоам, пришли к Ровоаму за ответом, он им сказал: «Мой мизинец толще чресл отца моего... если отец мой обременял вас тяжким игом, то я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» *(ст. 10—11)*. Конечно, этой речью Ровоам не завоевал себе любви народной. Библия, однако, торопится объяснить, что бог позаботился, чтобы «исполнилось слово его, которое изрек господь чрез Ахию силомлянина Иеровоаму, сыну Наватову» *(ст. 15)*.

Выходит, таким образом, что не иначе, как сам бог внушил молодым друзьям нового царя их дурные советы и ослепил Ровоама до такой степени, что он позволил себе высказать народным представителям вышеприведенные глупости. Народ, конечно, был очень недоволен и возвратился, ропща, в шатры свои. А Ровоам, послав главного сборщика податей Адонирама за налогами, вскоре был огорчен известием, что в стране начались волнения и что его доверенный сделался жертвой террористического акта. Это нагнало такого страху на его величество, что, по словам Библии, он «поспешно взошел на колесницу, чтоб убежать в Иерусалим» *(ст. 18)*.

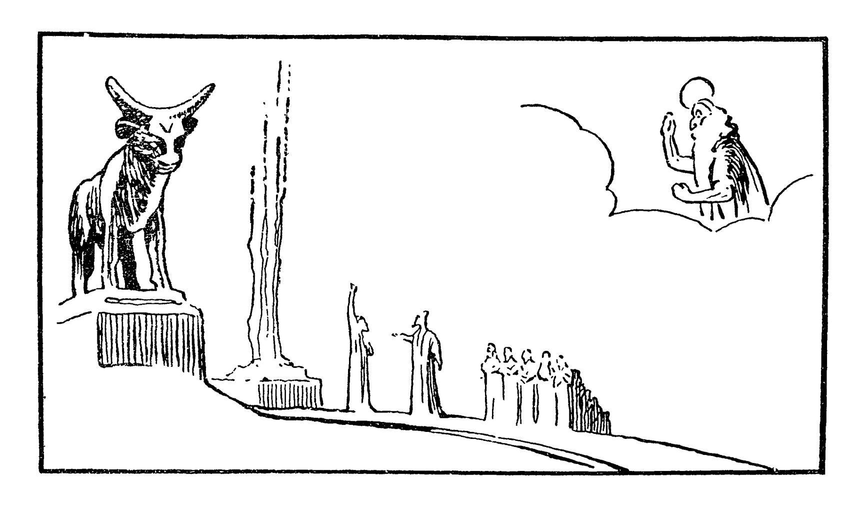
«Когда услышали все израильтяне, что Иеровоам возвратился (из Египта), то послали и призвали его в собрание, и воцарили его над всеми израильтянами. За домом давидовым не осталось никого, кроме колена иудина (и вениаминова). Ровоам, прибыв в Иерусалим, собрал из всего дома иудина и из колена вениаминова сто восемьдесят тысяч отборных воинов, дабы воевать с домом израилевым для того, чтобы возвратить царство Ровоаму, сыну Соломонову» *(3 Царств, гл. 12, ст. 20—21)*. Опять эти смешные преувеличения! Несчастный маленький царек одной половины маленького, полудикого народа собрал армию в 180 000 человек? Да кто этому поверит?

«И было слово божие к Самею, человеку божию, и сказано: скажи Ровоаму, сыну Соломонову, царю иудейскому, и всему дому иудину и вениаминову и прочему народу: так говорит господь: не ходите и не начинайте войны с братьями вашими, сынами израилевыми; возвратитесь каждый в дом свой; ибо от меня это было. И послушались они слова господня, и пошли назад по слову господню» *(3 Царств, гл. 12, ст. 22—24)*.

И вот еврейское царство разделилось на два царства, которые с тех пор стали называться так: израиль во главе с Иеровоамом и иуда, где царствовал Ровоам. Надо думать, что Сихем, где народ собрался, чтобы высказать свои пожелания сыну Соломонову, не существовал как город, так как Библия далее говорит: «обстроил Иеровоам Сихем на горе Ефремовой, и поселился в нем; оттуда пошел и построил Пенуил» *(ст. 25)*.

Вы можете подумать, что Иеровоам, бывший слуга, был благодарен богу, наградившему его царством. Ничего подобного! Он поспешил заказать двух новых золотых тель-

цов и поместил одного из них в Вефиле, а другого в Дане и сказал израилю: вам было бы слишком трудно и далеко тащиться в Иерусалим для молитвы и жертвоприношения. Так вот, вы можете поклоняться этим золотым тельцам, ибо они вывели вас из Египта. Народ израильский оказался в высшей степени довольным, а Иеровоам построил еще и другие капища для разных идолов; он назначил новых жрецов, которые ничего общего не имели с коленом Ле-

«Царь сделал двух золотых тельцов» *(3 Царств, гл. 12, ст. 28).*

вия, и даже сам стал заниматься жреческим ремеслом *(ст. 26—33).*

Если это сообщение верно, то оно является еще одним новым доказательством того, что в ту эпоху еврейская религия отнюдь не установилась. Этот крохотный народец, как мы видим, поминутно меняет свои верования и проделывает это несколько раз со времени своего легендарного исхода из Египта до эпохи Ездры. Обратите попутно внимание на его непостижимое влечение к телятам как воплощению божества! Ведь вы не забыли о том, что бог уничтожил 23 000 человек за золотого тельца Аарона; а в этом случае, нам кажется, бог должен был бы за двух тельцов Иеровоама укокошить не меньше 46 000 израильтян. Но на сей раз мы видим нечто совершенно иное.

«И вот, человек божий (Иосиф Флавий называет его пророком Аддой.— *Л. Таксиль)* пришел из Иудеи... в Вефиль, в то время, как Иеровоам стоял у жертвенника, чтобы совершить курение.

И произнес к жертвеннику слово господне, и сказал: жертвенник, жертвенник! так говорит господь: вот, родится сын дому Давидову, имя ему Иосия, и принесет на тебе в жертву священников высот, совершающих на тебе курение, и человеческие кости сожжет на тебе.

И дал в тот день знамение, сказав: вот знамение того, что это изрек господь: вот, этот жертвенник распадется, и пепел, который на нем, рассыплется.

Когда царь услышал слово человека божия, произнесенное к жертвеннику в Вефиле, то простер Иеровоам руку свою от жертвенника, говоря: возьмите его. И одеревенела рука его, которую он простер на него, и не мог он поворотить ее к себе.

И жертвенник распался, и пепел с жертвенника рассыпался, по знамению, которое дал человек божий словом господним.

И сказал царь (Иеровоам) человеку божию: умилостиви лице господа, бога твоего, и помолись обо мне, чтобы рука моя могла поворотиться ко мне. И умилостивил человек божий лице господа, и рука царя поворотилась к нему, и стала, как прежде.

И сказал царь человеку божию: зайди со мною в дом, и подкрепи себя пищею, и я дам тебе подарок» *(3 Царств, гл. 13, ст. 1—7)*.

Но пророк имел очень точные инструкции от бога, который приказал ему: «не ешь там хлеба и не пей воды, и не возвращайся тою дорогою, которою ты шел» *(ст. 9)*. Поэтому он отказался от обеда и подарков и возвратился в царство иуды, причем «пошел он другою дорогою, и не пошел обратно тою дорогою, которою пришел в Вефиль» *(ст. 10)*. Чудо с парализованной рукой, конечно, пустяк рядом с чудесами, о которых так много рассказывалось до сих пор. К счастью, мы еще скоро встретимся с пророком Илией и тогда увидим чудеса почище! Что касается запрещения «человеку божию» принимать пищу во владениях Иеровоама, то оно только лишний раз напоминает, что владения этого царя не были особенно обширны. Пешеход легко мог бы, позавтракав в Самарии, поспеть к ужину в Иерусалим. Тем более, конечно, пророк, привык-

ший, вероятно, к скромной жизни, мог легко обойтись без завтрака в Вефиле, который был еще ближе от Иерусалима, чем Самария.

«В Вефиле жил один пророк-старец. Сын его пришел и рассказал ему все, что сделал сегодня человек божий в Вефиле; и слова, какие он говорил царю, пересказали *сыновья* отцу своему.

И спросил их отец их: какою дорогою он пошел? И показали сыновья его, какою дорогою пошел человек божий, приходивший из Иудеи.

И сказал он сыновьям своим: оседлайте мне осла...

И поехал за человеком божиим, и нашел его сидящего под дубом... и сказал ему: зайди ко мне в дом, и поешь хлеба.

Тот сказал: я не могу возвратиться с тобою и пойти к тебе; не буду есть хлеба и не буду пить у тебя воды в сем месте.

Ибо словом господним сказано мне: «не ешь хлеба и не пей там воды, и не возвращайся тою дорогою, которою ты шел».

И сказал он ему: и я пророк, такой же, как ты, и ангел говорил мне словом господним, и сказал: «вороти его к себе в дом; пусть поест он хлеба и напьется воды».— Он солгал ему.

И тот воротился с ним, и поел хлеба в его доме, и напился воды» *(3 Царств, гл. 13, ст. 11—19)*.

Обращает на себя внимание, что, как только человек называл сам себя пророком, ему охотно верили на слово. Мы помним, что во времена Саула пророки водились целыми стаями. Как только старик из Вефиля заявил страннику, что он его собрат по профессии, странник пошел к нему домой есть.

«Когда они еще сидели за столом, слово господне было к пророку, воротившему его.

И произнес он к человеку божию, пришедшему из Иудеи, и сказал: так говорит господь: за то, что ты не повиновался устам господа и не соблюл повеления, которое заповедал тебе господь, бог твой.

Но воротился, ел хлеб и пил воду в том месте, о котором он сказал тебе: «не ешь хлеба и не пей воды»,— тело твое не войдет в гробницу отцов твоих.

После того, как тот поел хлеба и напился, он оседлал осла для пророка, которого он воротил.

И отправился тот. И встретил его на дороге лев и умертвил его. И лежало тело его, брошенное на дороге; осел же стоял подле него, и лев стоял подле тела.

И вот, проходившие мимо люди увидели тело, брошенное на дороге, и льва, стоящего подле тела, и пошли и рассказали в городе, в котором жил пророк-старец.

Пророк, воротивший его с дороги, услышав *это*, сказал: это тот человек божий, который не повиновался устам господа; господь предал его льву...

И сказал сыновьям своим: оседлайте мне осла...

Он отправился, и нашел тело его, брошенное на дороге; осел же и лев стояли подле тела; лев не съел тела и не изломал осла.

И поднял пророк тело человека божия, и положил его на осла, и повез его обратно. И пошел пророк-старец в город *свой*, чтобы оплакать и похоронить его.

И положил тело его в своей гробнице, и плакал по нем: увы, брат мой!

После погребения его, он сказал сыновьям своим: когда я умру, похороните меня в гробнице, в которой погребен человек божий; подле костей его положите кости мои» *(3 Царств, гл. 13, ст. 20—31)*.

Такова печальная история несчастного странника, которому нельзя в конце концов поставить в серьезную вину то, что он, проголодавшись, так неудачно воспользовался лживым приглашением человека, назвавшего себя его собратом и нисколько не пострадавшего, хотя он и ел вместе с «пророком». Этот бедный «божий человек», по-видимому, не играл особой роли в божественной истории: если бы не приключение со львом и не этот замечательный осел, который так невозмутимо и самоотверженно стоял на часах у его трупа, потомство ничего не узнало бы о нем.

Ну, а Иеровоам? Казалось бы, что инцидент с рукой, внезапно парализованной и столь же внезапно восстановленной, должен был бы излечить его от преступного благоговения перед золотыми телятами; кроме того, что могло быть еще ужаснее смерти божьего человека, о чем ему, конечно, донесли? И вот — как этому поверить? — Иеровоам «не сошел со своей худой дороги, но продолжал ставить из народа священников высот; кто хотел, того он посвящал, и тот становился священником высот» *(ст. 33)*.

Ясно, что такая закоренелая преступность не могла избегнуть примерного наказания. Кого же постигла божья

кара? Иеровоама? Нет! Она обрушилась на его молодого сына, по имени Авия. Ребенок внезапно заболел. Иеровоама осенила мысль: надо посоветоваться с пророком Ахией, с тем, который подарил ему десять кусков своего плаща в знак блестящего будущего. Здесь недостаток логики у царя израильского принимает фантастические размеры. Он уже знает, чтó представляет собой божье всемогущество и всеведение. Однако, обращаясь к Ахии, чтобы при его посредстве испросить у бога излечения малыша, он задумывает обмануть «святого» человека. Иеровоам отправляет свою августейшую супругу в Силом, предварительно нарядив ее в платье, которое должно сделать ее неузнаваемой для Ахии. Он воображает, что она сможет ограничиться рассказом о больном ребенке, не открывая своего инкогнито.

И вот ее величество прибыла в Силом. Библия попутно сообщает, сверх программы, что Ахия «уже не мог видеть; ибо глаза его сделались неподвижны от старости» *(3 Царств, гл. 14, ст. 4)*. Значит, с какой стороны ни возьми, переодевание было совершенно излишне. «И сказал господь Ахии: вот, идет жена Иеровоамова спросить тебя о сыне своем, ибо он болен; так и так говори ей; она придет переодетая. Ахия, услышав шорох от ног ее, когда она вошла в дверь, сказал: войди, жена Иеровоамова; для чего было тебе переодеваться? Я грозный посланник к тебе» *(ст. 5—6)*.

Следует длинная речь, исполненная горьких упреков по адресу Иеровоама и обоих телят, предсказание ужасов и бедствий царствующему дому; не забыт был и больной малыш, объект консультации. «Встань и иди в дом твой; и как скоро нога твоя ступит в город, умрет дитя» *(ст. 12)*. Несчастная царица возвратилась разбитая горем в Фирцу, где пребывал «царский двор». «И лишь только переступила чрез порог дома, дитя умерло» *(ст. 17)*. Подумать только, что при самой маленькой доле сообразительности ее величество могла бы избежать катастрофы: ей надо было бы пройти через город на ходулях. В этом случае она и не ступала бы ногой в городе. Но любовь материнская помешала ей подумать об этом.

Здесь Книга Царств отсылает нас ко Второй книге Паралипоменон. Мы узнаем из нее *(гл. 13)*, что Авия, царь иудейский, сын Ровоама, воевал с Иеровоамом. У Авии было 400 000 отборных воинов, а Иеровоам имел 800 000 также отборных воинов. «И пало убитых у израиля пятьсот

тысяч человек отборных» *(ст. 17)*. Священная, одним словом, бойня!

Наконец, Иеровоам после двадцатидвухлетнего царствования «почил с отцами своими» *(3 Царств, гл. 14, ст. 20)*. Бог-отец, уничтожив одного из сыновей Иеровоама, маленького Авию, по свойственной ему библейской забывчивости оставил в живых другого сына, по имени Нават, который и унаследовал отцовский престол.

Что касается Ровоама, то и он относился к богу совсем не лучше, чем Иеровоам. «И делал иуда неугодное пред очами господа, и раздражали его более всего того, что сделали отцы их своими грехами, какими они грешили. И устроили они у себя высоты, и статуи, и капища на всяком высоком холме и под всяким тенистым деревом. И блудники были также в этой земле, и делали все мерзости тех народов, которых господь прогнал от лица сынов израилевых» *(3 Царств, гл. 14, ст. 22—24)*.

«На пятом году царствования Ровоамова, Сусаким, царь египетский (здесь Библия в первый раз называет фараона по имени.— *Л. Таксиль*), вышел против Иерусалима, и взял сокровища дома господня и сокровища дома царского... все взял; взял и все золотые щиты, которые сделал Соломон» *(ст. 25—26)*.

Вот что говорит по этому поводу Вольтер: «Некоторые ученые говорят, что этим Сусакимом был великий фараон Сезострис; другие ученые доказывают, что Сезострис родился за 1000 лет до библейского Сусакима; а наиболее видные ученые доказывают, что и Сезострис никогда не жил на свете. Одно соображение говорит в пользу того, что не Сезострис разграбил Иерусалим: это то, что он, по Библии, не разграбил ни Сихема, ни Иерихона, ни Самарии, ни обоих золотых тельцов, тогда как Геродот говорит, что великий Сезострис разграбил всю землю».

Ровоаму наследовал его сын Авия, процарствовавший только три года, но отнюдь не терявший даром этого краткого времени: согласно Второй книге Паралипоменон, он в одном бою убил пятьсот тысяч солдат из армии царя израильского. «И не входил уже в силу Иеровоам во дни Авии. И поразил его господь, и он умер. Авия же усилился; и взял себе четырнадцать жен, и родил двадцать два сына и шестнадцать дочерей» *(2 Паралипом., гл. 13, ст. 20—21)*.

Давайте-ка посчитаем. Три года царствовал Авия, говорит Третья книга Царств *(гл. 13, ст. 2)*. Война с Иеровоа-

мом в течение первого года. Что же вы скажете, друг читатель, о 22 сыновьях этого Авии, а также о его 16 дочерях, то есть о 38 его детях, рожденных его 14 женами в течение двух лет?! О счастливые времена! О священная плодовитость! Куда, куда ты удалилась?

В Третьей книге Царств мы находим две любопытных справки: «Три года он (Авия) царствовал в Иерусалиме; имя матери его Мааха, дочь Авессалома» *(гл. 15, ст. 2)*. Из 22 сыновей Авии престол получил Аса. Он царствовал в Иерусалиме сорок один год. «Имя матери его Ана́, дочь Авессалома» *(ст. 10)*. Значит, отец и сын были женаты на сестрах.

Как бы там ни было, престол перешел к Асе, но вследствие его малолетства иудейским царством некоторое время управляла его мать. «Аса делал угодное пред очами господа... Он изгнал блудников из земли, и отверг всех идолов, которых сделали отцы его, и даже мать свою Ану лишил звания царицы за то, что она сделала истукан Астарты. И изрубил Аса истукан ее, и сжег у потока Кедрона. Высоты же не были уничтожены. Но сердце Асы было предано господу во все дни его» *(3 Царств, гл. 15, ст. 11—14)*.

Был ли Аса вознагражден? Сейчас увидите. В первую очередь, ему предстояло бороться с вражеским нашествием, если верить Второй книге Паралипоменон *(гл. 14)*, да еще с каким нашествием! «И было у Асы военной силы: вооруженных щитом и копьем из *колена* иудина триста тысяч, и из *колена* вениаминова вооруженных щитом и стрелявших из лука двести восемьдесят тысяч, людей храбрых. И вышел на них Зарай ефиоплянин с войском в тысячу тысяч и с тремя стами колесниц, и дошел до Мареши. И выступил Аса против него, и построились к сражению на долине Цефата, у Мареши. И поразил господь ефиоплян пред лицем Асы и пред лицем иуды; и побежали ефиопляне. И преследовал их Аса и народ, бывший с ним, до Герара, и пали ефиопляне, так что у них никого *не осталось* в живых... И набрали добычи великое множество» *(ст. 8—10, 12—13)*.

Этот эпизод тем более замечателен, что от Эфиопии до Иерусалима громадное расстояние. Эта армия в 580 000 солдат только от двух еврейских колен не менее чудесна, чем миллионная армия эфиопов. Спрашивается, как это царь египетский Сусаким, или Сезострис, пропустил через свою территорию эти полчища варваров? Впрочем, эфиопы,

может быть, переправились из Африки в Азию... по воздуху.

И еще одна награда была присуждена богом-отцом его возлюбленному другу Асе: «в старости своей он был болен ногами» *(3 Царств, гл. 15, ст. 23)*. Указание «священного» автора на эту болезнь в высшей степени краткое; по-видимому, эта болезнь Асы была ему ниспослана лишь для увеличения его земных заслуг. Процарствовав сорок один год, он почил с отцами своими и уступил свое место сыну своему Иосафату. Посмотрим, однако, что происходило в это время в царстве израиля.

Сын Иеровоама Нават «ходил путем отца своего и во грехах его, которыми тот ввел израиля в грех» *(ст. 26)*. Он процарствовал всего один год *(ст. 25 и 28)*. Заговор некоего Ваасы из племени иссахарова стоил ему жизни и трона. Конечно, Вааса объявил себя царем; он процарствовал двадцать четыре года, в течение которых вел себя по отношению к богу Саваофу так же скверно, как Иеровоам и Нават *(ст. 33—34)*. Это в конце концов надоело всевышнему старику. Бог вступил в переговоры с некиим Иуем и сообщил ему, что он принял решение уничтожить династию Ваасы. Этот последний, как полагается, спокойно умер в своей постели, а сын его Ила, процарствовав два года, был убит некиим Замврием. Совершив этот подвиг, Замврий произвел еще и государственный переворот, занял трон и истребил всю семью Ваасы, «не оставив ему мочащегося к стене, ни родственников его, ни друзей его... по слову господа» *(3 Царств, гл. 16, ст. 11—12)*.

Но царствование Замврия продолжалось всего семь дней: некто Амврий поднял восстание против Замврия. Этот последний, убедившись, что его роль бича божьего исполнена, сам лишил себя жизни. Амврий же просидел на троне двенадцать лет. «И купил Амврий гору Семерон у Семира за два таланта серебра, и застроил гору, и назвал построенный им город Самариею, по имени Семира, владельца горы» *(ст. 24)*. Приблизительно в ту же эпоху уроженец Вефиля Ахиил отстроил Иерихон *(ст. 34)*. «Великие цари» израиля, обладавшие столь многосоттысячными армиями, не имели, судя по Библии, мало-мальски сносно устроенных городов раньше, чем были построены Самария, Иерихон и Сихем. Мы имеем здесь также еще один случай убедиться, что проклятие, некогда обрушенное на Иерихон, ни гроша не стоило, ибо ведь было предсказано, что город этот никогда не поднимется из своих развалин [1].

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ВОИНСТВЕННЫЕ ПОДВИГИ ПРОРОКА-ГРОМОВЕРЖЦА ИЛИИ

Теперь мы дошли до Ахава, нечестивого Ахава, сына Амврия. Преподаватели «священной истории» приказывают маленьким детям проклинать его имя. Мы же должны признать, что с этим царем Библия снова становится интересной. Мы сейчас встретимся еще и с бесподобным пророком Илией, единственным человеком, который вознесся на небо на огненной колеснице, запряженной конями, также сделанными из огня. «Ахав, сын Амвриев, воцарился над израилем... и царствовал... в Самарии двадцать два года. И делал Ахав... неугодное пред очами господа более всех, бывших прежде него. Мало было для него впадать в грехи Иеровоама... Он взял себе в жену Иезавель, дочь Ефваала, царя сидонского, и стал служить Ваалу и поклоняться ему» *(3 Царств, гл. 16, ст. 29—31)*.

Бог простил Давиду его брак с Вирсавией, супруга которой он убил; он благосклонно взирал на брак Соломона с дочерью египетского царя; но когда Ахав осмелился жениться на Иезавели, дочери царя сидонского, это было сочтено им как ужасное преступление.

Нечестивый царь не удовольствовался обыкновенными золотыми тельцами для своих поклонений: «поставил он Ваалу жертвенник в капище Ваала, который построил в Самарии» *(ст. 32)*. Это еще не все! Ужасайтесь, верующие: «сделал Ахав дубраву, и более всех царей израильских, которые были прежде него, Ахав делал то, что раздражает господа, бога израилева» *(ст. 33)*.

Коротко говоря, царственный супруг Иезавели делал все в пику богу и забавлялся тем, что раздражал старика и не давал ему покоя. Естественно, потребовался первоклассный пророк. И бог решил противопоставить архинечестивому Ахаву архисвятого Илию-фесвитянина. «И сказал Илия (пророк), фесвитянин, из жителей галаадских, Ахаву: жив господь, бог израилев, пред которым я стою! в сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по

моему слову» (3 *Царств, гл. 17, ст. 1*). Сказав это, Илия величественно повернулся на каблуках.

Библия не говорит, однако, как отнесся к этому известию сам Ахав.

«И было к нему слово господне: пойди отсюда и обратись на восток, и скройся у потока Хорафа, что против Иордана. Из этого потока ты будешь пить, а воронам я повелел кормить тебя там. И пошел он, и сделал по слову господню... И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру, и хлеб и мясо по вечеру, а из потока он пил» (*ст. 2—6*).

Мысль кормить святых при помощи воронов впоследствии вдохновляла многих изобретателей житий святых отшельников. Пустынник Павел, например, в пещере фиваидской получал свой паек в размере полухлеба в течение шестидесяти лет от ворона. Когда Павлу было всего сто тринадцать лет, отшельник Антоний, молодой человек всего только девяноста лет от роду, посетил его в пещере. И вот тогда-то ворон принес на завтрак обоим святым уже целый хлеб. Все это абсолютно верно! По крайней мере, святой Иероним уверяет своим честным словом, что это именно так и было!

Вернемся к Илии.

«По прошествии некоторого времени этот поток высох; ибо не было дождя на землю.

И было к нему слово господне:

Встань, и пойди в Сарепту сидонскую, и оставайся там; я повелел там женщине вдове кормить тебя.

И встал он, и пошел в Сарепту; и когда пришел к воротам города, вот, там женщина вдова собирает дрова. И подозвал он ее, и сказал: дай мне немного воды в сосуде напиться.

И пошла она, чтобы взять; а он закричал вслед ей и сказал: возьми для меня и кусок хлеба в руки свои.

Она сказала: жив господь, бог твой! у меня ничего нет печеного, а только есть горсть муки в кадке и немного масла в кувшине; и вот, я наберу полена два дров, и пойду, и приготовлю это для себя и для сына моего; съедим это, и умрем.

И сказал ей Илия: не бойся, пойди, сделай, что ты сказала; но прежде из этого сделай небольшой опреснок для меня, и принеси мне; а для себя и для своего сына сделаешь после;

Ибо так говорит господь, бог израилев: мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда господь даст дождь на землю.

И пошла она и сделала так, как сказал Илия; и кормилась она, и он, и дом ее несколько времени.

Мука в кадке не истощалась, и масло в кувшине не убывало, по слову господа, которое он изрек чрез Илию.

После этого заболел сын этой женщины, хозяйки дома, и болезнь его была так сильна, что не осталось в нем дыхания.

И сказала она Илии: что мне и тебе, человек божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего.

И сказал он ей: дай мне сына твоего. И взял его с рук ее, и понес его в горницу, где он жил, и положил его на свою постель.

И воззвал к господу и сказал: господи, боже мой! неужели ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?

И, простершись над отроком трижды, он воззвал к господу и сказал: господи, боже мой! да возвратится душа отрока сего в него!

И услышал господь голос Илии, и возвратилась душа отрока сего в него, и он ожил.

И взял Илия отрока, и свел его из горницы в дом, и отдал его матери его, и сказал Илия: смотри, сын твой жив.

И сказала та женщина Илии: теперь-то я узнала, что ты человек божий, и что слово господне в устах твоих истинно» *(3 Царств, гл. 17, ст. 7—24)*.

Этот пророк являет собой образец проницательности, ибо он с первого взгляда догадался, что женщина, собиравшая дрова, была вдовой. Быть может, кому-нибудь покажется удивительным, что он начал с того, что потребовал для себя одного весь остаток хлеба у этой бедной женщины? Можно подумать, что вдова, хотя и принадлежавшая к языческой вере, гораздо больше доверяла словам незнакомца, говорившего от имени бога израиля, чем сам пророк верил обещаниям своего бога. Но богословы говорят, что это только так кажется: Илия испытывал эту женщину, и чудо совершилось в ее пользу именно потому, что она не колебалась и сразу поверила. Если бы она отказалась дать Илии свой последний кусок, чудо, конечно, не совершилось бы. Но ведь чудо это было предсказано богом!

Как же оно могло не совершиться? Здесь заколдованный круг, и бесполезно стараться понять эту библейскую выдумку. Это относится к области сверхъестественного и непонятного, а потому представляет собой специальность святых отцов.

Впрочем, более достойны исследования чудеса, которые бог делал иногда, вероятно для рекламы, среди народов, не исповедовавших его веры. Неверные, однако, не поддавались и не обращались в «истинную» веру даже и после этих чудес.

Библия не говорит, например, что сарептская вдова приняла еврейскую веру. Все народы древности, признавая существование разных богов, допускали, что эти боги сообщают часть своего могущества избранным — волхвам египетским, персидским, вавилонским, а иногда даже и обыкновенным идолопоклонникам, как Валаам. Каждый из этих колдунов придерживался своего ритуала, своего культа. Этим и объясняются библейские сказания о том, что фараон, увидев чудеса Моисея, признал силу его бога, но не переменил религии. Сарептская вдова признавала еврейского бога, не видя, однако, необходимости перейти в другую веру.

«По прошествии многих дней было слово господне к Илии в третий год: пойди, и покажись Ахаву, и я дам дождь на землю» (*3 Царств, гл. 18, ст. 1*). Значит, в течение трех лет не было дождя. «И пошел Илия, чтобы показаться Ахаву. Голод же сильный был в Самарии» (*ст. 2*). Понятно, что после трех лет засухи был голод. Но почему голод свирепствовал в Самарии больше, чем где бы то ни было?

«И призвал Ахав Авдия, начальствовавшего над дворцом. Авдий же был человек весьма богобоязненный.

И когда Иезавель истребляла пророков господних, Авдий взял сто пророков, и скрывал их, по пятидесяти человек, в пещерах, и питал их хлебом и водою.

И сказал Ахав Авдию: пойди по земле ко всем источникам водным и ко всем потокам на земле, не найдем ли где травы, чтобы нам прокормить коней и лошаков и не лишиться скота.

И разделили они между собою землю, чтобы обойти ее: Ахав особо пошел одною дорогою, и Авдий особо пошел другою дорогою» (3 *Царств, гл. 18, ст. 3—6*).

Трудно как-то представить себе царя, оставляющего дворец и отправляющегося искать корм для лошадей. Ка-

залось бы, он мог послать кого-нибудь из своих слуг. Неужели вследствие жестокой нищеты, явившейся результатом трех лет засухи, царь Ахав распустил весь свой двор и штат служащих, сохранив одного только дворецкого? Самое необычайное в этом, что были еще источники, потоки и реки. Степи были бесплодны вследствие отсутствия дождя — это ясно; но та же засуха не могла не сказаться на потоках и ручейках, о которых Ахав говорил с Авдием. Забавно, что никто из верующих, читая Библию, не задается ни одним из этих вопросов.

Пойдем дальше. Авдий, в поисках травы, встретил Илию, распростерся перед ним. Пророк велел ему известить Ахава о предстоящем посещении. Это поручение странным образом встревожило Авдия, который рассуждал так: «Когда я пойду от тебя, тогда дух господень унесет тебя, не знаю, куда; и если я пойду уведомить Ахава, и он не найдет тебя, то он убьет меня» *(ст. 12)*. По-видимому, этот простак Авдий так боялся бога, что даже в словах пророка подозревал каверзу. По счастью, Илия успокоил и ободрил его, обещая непременно показаться Ахаву в тот же день.

«И пошел Авдий навстречу Ахаву, и донес ему. И пошел Ахав навстречу Илии.

Когда Ахав увидел Илию, то сказал Ахав ему: ты ли это, смущающий израиля?

И сказал Илия: не я смущаю израиля, а ты и дом отца твоего, тем, что презрели повеления господни и идете вслед ваалам;

Теперь пошли, и собери ко мне всего израиля на гору Кармил, и четыреста пятьдесят пророков вааловых, и четыреста пророков дубравных, питающихся от стола Иезавели.

И послал Ахав ко всем сынам израилевым, и собрал всех пророков на гору Кармил.

И подошел Илия ко всему народу, и сказал: долго ли вам хромать на оба колена? если господь есть бог, то последуйте ему; а если Ваал, то ему последуйте. И не отвечал народ ему ни слова.

...Я один остался пророк господень, а пророков вааловых четыреста пятьдесят человек, (и четыреста пророков дубравных).

Пусть дадут нам двух тельцов, и пусть они выберут себе одного тельца, и рассекут его, и положат на дрова, но огня

пусть не подкладывают; а я приготовлю другого тельца, и положу на дрова, а огня не подложу.

И призовите вы имя бога вашего, а я призову имя господа, бога моего. Тот бог, который даст ответ посредством огня, есть бог. И отвечал весь народ и сказал: хорошо; (пусть будет так).

И сказал Илия пророкам вааловым: выберите себе одного тельца, и приготовьте вы прежде, ибо вас много; и призовите имя бога вашего, но огня не подкладывайте.

И взяли они тельца, который дан был им, и приготовили, и призывали имя Ваала, от утра до полудня, говоря: Ваале, услышь нас! Но не было ни голоса, ни ответа. И скакали они у жертвенника, который сделали.

В полдень Илия стал смеяться над ними, и говорил: кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался, или занят чем-либо, или в дороге, а, может быть, и спит, так он проснется.

И стали они кричать громким голосом, и кололи себя, по своему обыкновению, ножами и копьями, так что кровь лилась по ним» *(3 Царств, гл. 18, ст. 16—28).*

Критики отмечают, что гора Кармил находилась на территории сидонян, а царство сидонское не следует смешивать с царством израильским. Могли ли подданные Ахава, для того чтобы ответить на вызов пророка Илии, собраться в местности, принадлежащей другому царству? Гора Кармил фигурирует в этом повествовании только вследствие слабого знакомства «божественного голубя» с географией. Критики указывают еще, что если поверить реальности этого эпизода и принять его так, как он рассказан, то из него явствует с очевидностью, что народ был очень добросовестен и честен, раз единодушно принял предложение Илии. Не менее очевидно, что его жрецы, которых Библия так порицает, так же верили в своего Ваала, как Илия в своего бога, раз они наносили себе исступленные ножевые удары и проливали свою кровь для того, чтобы добиться небесного огня.

Но из подобного рода смешных и фантастических повествований надо все-таки выводить правильные заключения, касающиеся истории еврейского народа. Материал для этого, хотя и мелкий, остается, когда библейские анекдоты освобождаются от «чудес» и прочих фантастических украшений. Из изложенного, например, явствует, что народ израильский и народ иудейский в конце концов поклоня-

лись одному и тому же богу и только по-разному его именовали. Израиль имел золотых тельцов, а иуда золотых быков, которых Соломон поместил в святилище и которые простояли там до разрушения Иерусалима и храма «фараоном Сусакимом». Из текста явствует, что израиль в действительности не поклонялся своим тельцам, ибо сказано, что он поклонялся Ваалу. Но слово «Вал», «Вел», «Ваал» обозначало «господь», как и «Адонай», «Элоха», «Саваоф», «Яхве». Ритуал жертвоприношений был тот же. Разница была только в корыстных интересах священнослужителей. Ересь израиля заключалась в том, что израильтяне не хотели совершать моления и приносить жертвы в Иерусалиме, которым владело колено иудово, а устроились у себя дома.

«Прошел полдень, а они все еще бесновались до самого времени вечернего жертвоприношения; но не было ни голоса, ни ответа, ни слуха...

Тогда Илия сказал всему народу: подойдите ко мне. И подошел весь народ к нему. Он восстановил разрушенный жертвенник господень.

И взял Илия двенадцать камней, по числу колен сынов Иакова, которому господь сказал так: Израиль будет имя твое.

И построил из сих камней жертвенник во имя господа, и сделал вокруг жертвенника ров, вместимостью в две саты зерен.

И положил дрова (на жертвенник), и рассек тельца, и возложил его на дрова;

И сказал: наполните четыре ведра воды, и выливайте на всесожигаемую жертву и на дрова. (И сделали так)...

И вода полилась вокруг жертвенника, и ров наполнился водою.

Во время приношения вечерней жертвы подошел Илия пророк, (и воззвал на небо) и сказал: господи, боже Авраамов, Исааков и Израилев!.. Да познают в сей день (люди сии), что ты один бог в израиле, и что я раб твой и сделал все по слову твоему.

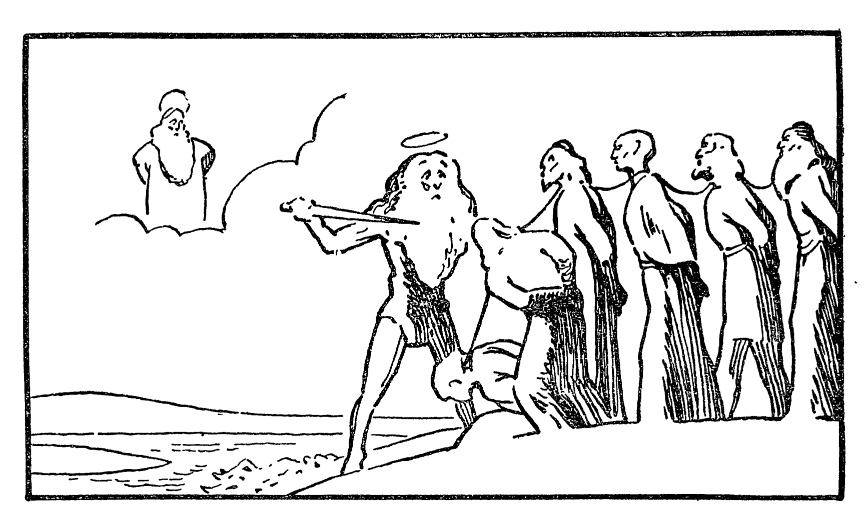
Услышь меня, господи, услышь меня! Да познает народ сей, что ты, господи, бог, и ты обратишь сердце их (к тебе).

И ниспал огонь господень и пожрал всесожжение, и дрова, и камни, и прах, и поглотил воду, которая во рве.

Увидев *это*, весь народ пал на лице свое и сказал: господь есть бог, господь есть бог!

И сказал им Илия: схватите пророков вааловых, чтобы ни один из них не укрылся. И схватили их. И отвел их Илия к потоку Киссону, и заколол их там» (3 *Царств, гл. 18, ст. 29—40*).

Некоторые ученые утверждают, что Илия есть личность аллегорическая и что в действительности никогда никакого Илии-пророка не было. Но если Илия и жил, то, говорят критики, никогда ни один человек не был более бесчеловечен. Ибо, согласно самому тексту, пророки Ваала так же

«И сказал им Илия: схватите пророков Вааловых... И отвел их Илия к потоку Киссону, и заколол их там» *(3 Царств, гл. 18, ст. 40)*.

горячо верили в своего бога, как и он в своего, и вера их была так же сильна, как и его вера. Они были верны своему богу и своему царю. Было жесточайшей несправедливостью лишать их жизни. И как это царь израиля потерпел такую массовую экзекуцию? Ведь это было для него приговором самому себе. Наконец, Илия должен был рассчитывать, что неслыханное чудо — появление при ясной погоде молнии, мгновенно зажегшей быка, дрова, камни и потоки воды,— заставило бы, конечно, поразмыслить пророков-еретиков и, несомненно, обратило бы их на верный путь. Ведь он должен был заботиться о раскаянии грешников, а не о том, чтобы их умертвить.

Утопив пророков Ваала в водах Киссона, «сказал Илия Ахаву: пойди, ешь и пей; ибо слышен шум дождя» *(ст. 41)*. Вы не забыли, что в течение трех лет все народы земли нетерпеливо ожидали благодетельного дождя. Следовательно, Илия объявил Ахаву счастливую новость. Но он лгал, говоря, что слышен шум потоков, ибо пока еще ничего не было слышно, как явствует из следующих строк: «и пошел Ахав есть и пить, а Илия взошел на верх Кармила, и наклонился к земле, и положил лице свое между коленами своими» *(ст. 42)*. У пророка были, по-видимому, акробатические способности!

«И сказал отроку своему: пойди, посмотри к морю. Тот пошел, и посмотрел, и сказал: ничего нет. Он сказал: продолжай *это* до семи раз.

В седьмой раз тот сказал: вот, небольшое облако поднимается от моря, величиною в ладонь человеческую. Он сказал: пойди, скажи Ахаву: «запрягай (колесницу твою) и поезжай, чтобы не застал тебя дождь».

Между тем небо сделалось мрачно от туч и от ветра, и пошел большой дождь. Ахав же сел в колесницу, (заплакал,) и поехал в Изреель.

И была на Илии рука господня. Он опоясал чресла свои, и бежал пред Ахавом до самого Изрееля» *(3 Царств, гл. 18, ст. 43—46)*. Вид этого святого старика, бегущего перед царской колесницей во все свои пророческие лопатки под дождем без зонтика, должен был быть довольно живописен!

«И пересказал Ахав Иезавели все, что сделал Илия, и то, что он убил всех пророков мечом.

И послала Иезавель посланца к Илии сказать: (если ты Илия, а я Иезавель, то) пусть то и то сделают мне боги, и еще больше сделают, если я завтра к этому времени не сделаю с твоею душею того, что *сделано* с душею каждого из них.

Увидев это, он встал и пошел, чтобы спасти жизнь свою, и пришел в Вирсавию, которая в Иудее, и оставил отрока своего там.

А сам отошел в пустыню на день пути и, придя, сел под можжевеловым кустом, и просил смерти себе, и сказал: довольно уже, господи; возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих» *(3 Царств, гл. 19, ст. 1—4)*.

Здесь удивительны две вещи: во-первых, что царица Иезавель была настолько глупа, что предупредила Илию о своем приказе убить его на следующий день. Это давало

пророку 24 часа времени для навастривания лыж. Во-вторых, удивительна также трусость этого господина; обладая способностью воскрешать мертвых и вызывать по своему желанию тучи и молнии, он почувствовал малодушный страх перед угрозами женщины-язычницы.

«И лег и заснул под можжевеловым кустом. И вот, ангел коснулся его и сказал ему: встань, ешь (и пей).

И взглянул Илия, и вот, у изголовья его печеная лепешка и кувшин воды. Он поел, и напился, и опять заснул.

И возвратился ангел господень во второй раз, коснулся его и сказал: встань, ешь (и пей); ибо дальняя дорога пред тобою.

И встал он, поел и напился, и, подкрепившись тою пищею, шел сорок дней и сорок ночей до горы божией Хорива» *(3 Царств, гл. 19, ст. 5—8)*.

Диктуя библейскому писателю эту «священную» историю, «божественный голубь», очевидно, совершенно забыл, что в свое время сам же рассказывал о евреях, шедших от горы Хорива до окрестностей Вирсавии тридцать восемь лет. Мы представляем себе благочестивую богомолку, которая, будучи поражена этим противоречием и не смея, однако, сомневаться, спросила бы своего духовного отца, почему здесь такое противоречие. Думаете ли вы, что духовник будет поставлен в затруднительное положение? Ничего подобного! «Святые отцы» всегда знают, что и как надо говорить верующим.

— От горы Хорив до Вирсавии,— важно сказал бы он,— расстояние в триста сорок семь раз больше, чем от Вирсавии до горы Хорив; вот почему Моисей ходил тридцать восемь лет, а Илия сорок дней, по слову божию, которое не может ни заблуждаться, ни вводить нас в заблуждение.

И верующая тем больше будет поклоняться Библии, чем меньше она будет ее понимать. Надо еще с грустью пожалеть, что Библия не приводит рецепта приготовления лепешки, которая может насытить путешественника на сорок дней.

Путешествие, которое началось столь необычайным образом, конечно, таило для пророка еще и другие неожиданности. Прибыв на гору Хорив, «вошел он там в пещеру, и ночевал в ней. И вот, было к нему слово господне, и сказал ему *господь:* что ты здесь, Илия?» *(ст. 9)*. Илия не получил от ангела никаких инструкций: он знал только, что ему надо пойти на гору Хорив, и больше ничего. Какова

была цель этого путешествия, он абсолютно не знал. Таким образом, вопрос бога представлялся странным. Тем не менее Илия, извинившись, ответил: «возревновал я о господе, боге Саваофе; ибо сыны израилевы оставили завет твой, разрушили твои жертвенники, и пророков твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее» *(ст. 10)*.

Заметим мимоходом, что Илия врет своему богу: он боится не сынов израиля, а госпожи Иезавели, о которой, однако, молчит. Дети израиля, чтобы угодить ему, бросили всех пророков Ваала в речку; их больше нечего было бояться. Идолопоклонничество, о котором он говорит, уже дело прошлого. Народ, увидев чудо на горе Кармил, кричал: «Да здравствует Адонай!» Бог так же хорошо знает, как и сам Илия, о повороте общественного мнения в его пользу. Непонятно, в самом деле, что за ерунду болтал Илия?

«И сказал (бог.— *Л. Таксиль*) выйди и стань на горе пред лицем господним. И вот, господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред господом; но не в ветре господь. После ветра землетрясение; но не в землетрясении господь» *(ст. 11)*. Вообразите себе Илию на этой танцующей горе. Вот зрелище, за которое стоило бы заплатить! Но это еще не все. «После землетрясения огонь; но не в огне господь. После огня веяние тихого ветра, (и там господь)» *(ст. 12)*.

Не смейтесь! В тихом-то ветре и был господь! «Услышав *сие*, Илия закрыл лице свое милотью своею, и вышел, и стал у входа в пещеру. И был к нему голос, и сказал ему: что ты здесь, Илия?» *(ст. 13)*. Пророк повторил слово в слово свой предыдущий ответ. «И сказал ему господь: пойди обратно своею дорогою чрез пустыню в Дамаск, и когда придешь, то помажь Азаила в царя над Сириею, а Ииуя, сына Намессиина, помажь в царя над Израилем; Елисея же, сына Сафатова, из Авел-Мехолы, помажь в пророка вместо себя. Кто убежит от меча Азаилова, того умертвит Ииуй; а кто спасется от меча Ииуева, того умертвит Елисей» *(ст. 15—17)*. Никто никогда не мог объяснить этого места Библии, так как нигде не сказано, чтобы Елисей был помазан и что он умертвил несчастных, спасшихся от меча Ииуя.

«И пошел он оттуда, и нашел Елисея, сына Сафатова, когда он орал (пахал.— *Ред.*); двенадцать пар (волов) было

у него, и сам он был при двенадцатой. Илия, проходя мимо него, бросил на него милоть свою. И оставил (Елисей) волов, и побежал за Илиею, и сказал: позволь мне поцеловать отца моего и мать мою, и я пойду за тобою. Он сказал ему: пойди и приходи назад; ибо что сделал я тебе?» *(ст. 19—21)*. Таким образом, Елисей сделался просто слугой Илии, не получив ни капли масла на свое темя.

Глава 20 Первой книги Царств повествует о войне, которую сирийский царь Венадад (еще один неизвестный!) объявил царю израильскому по довольно необычному случаю. Этот Венадад в одно прекрасное утро послал сказать Ахаву: «Серебро твое, и золото твое, и жен твоих, и сыновей твоих отдай мне» *(ст. 5)*.

Ахав созвал старейшин и сказал им:

— Мне кажется, что он смеется надо мной?

А старейшины ему ответили:

— Не слушай Венадада и не удовлетворяй его просьб.

Видя, что его требование отвергнуто, Венадад пришел в великий гнев и поклялся, что сотрет Самарию в порошок. Объявление войны. Жестокое сражение. Торжество Ахава, которому внезапно и неизвестно почему покровительствует бог. Венадад скрывается в городе Афеке и прячется там, перебегая из одной внутренней комнаты в другую. В конце концов Венадад попадает в руки Ахава, который дарует ему жизнь. «Неизменный» бог раскаивается в том, что даровал победу Ахаву!

Далее следует знаменитая история с Навуфеем, который имел виноградник в Изреели, по соседству с дворцом Ахава. Царь сделал этому виноградарю предложение, которое могло соблазнить хоть кого: он захотел откупить виноградник, чтобы разбить там свой сад. Он предлагает Навуфею заплатить, не торгуясь, что тот потребует, или же, если Навуфей хочет, царь предлагает ему другой виноградник, гораздо лучший. Навуфей отклоняет предложение царя. Виноградник у него наследственный, и он его не уступит ни за какие блага. Ахав, видя это удивительное упрямство, настолько огорчен, что перестает пить и есть. Тогда Иезавель подсылает к Навуфею наемных убийц и затем советует Ахаву вступить во владение вожделенным виноградником. Эти события вызывают вмешательство бога через Илию. Ахав, услышав угрозы, произнесенные по его адресу, порвал свои одежды и в течение некоторого вре-

мени прогуливался по улицам столицы не иначе, как во вретище *(гл. 21)*.

Обстоятельства, предшествовавшие смерти Ахава, стоят того, чтобы о них рассказать полностью, по «священному тексту». К счастью, главу 22 Третьей книги Царств, излагающую, что произошло по этому поводу не только на земле, но также и на небе, можно читать без скуки. Мы встречаем здесь некоего Михея, пророка по ремеслу, который присутствовал на великом совете самого бога в небесном царстве и рассказал все, что он там видел и слышал своими глазами и своими же ушами. Вы убедитесь, что невозможно быть более точным.

«Прожили три года, и не было войны между Сириею и Израилем. На третий год Иосафат, царь иудейский, пошел к царю израильскому» (3 *Царств, гл. 22, ст. 1—2*). Полезно знать, что Иосафат, сын добродетельного Асы, сам отличался примерным благочестием: за все время существования царства иудейского только он, Иосафат, и еще царь Езекия, о котором речь впереди, отмечены церковью как примерные монархи. Благочестивый Иосафат поддерживал, однако, самую тесную дружбу с нечестивым Ахавом; идолопоклонничество Ахава и Иезавели так мало смущало его, что он просил у них руки их дочери Гофолии для своего сына Иорама, в чем ему не было отказано. Отметим мимоходом, что царица Иезавель была очень плодовита, многочисленность же семейства есть одно из лучших божьих благословений, как это утверждает Библия. Ахав и Иезавель, хотя и идолопоклонники, были тем не менее достаточно благословлены богом, ибо, как мы увидим впоследствии, они имели не менее семидесяти двух сыновей, не считая дочерей, из коих Гофолия была старшей.

И вот благочестивый Иосафат в гостях у своего тестя Ахава. «И сказал царь израильский слугам своим: знаете ли, что Рамоф галаадский наш? А мы так долго молчим, и не берем его из руки царя сирийского» *(ст. 3)*. Действительно, три года тому назад, во время войны с Венададом, Ахав истребил своих врагов, но после истребления их не догадался завладеть еврейским городом Рамофом. Какая рассеянность! «И сказал он Иосафату: пойдешь ли ты со мною на войну против Рамофа галаадского? И сказал Иосафат царю израильскому: как ты, так и я; как твой народ, так и мой народ; как твои кони, так и мои кони» *(ст. 4)*.

Нельзя не заметить, что это было в высшей степени мило с его стороны и высказано со священным изяществом! Будучи человеком благочестивым, Иосафат посоветовал еще навести справки у бога, дабы выяснить, благосклонно ли он смотрит на предполагаемую экспедицию. «И сказал Иосафат царю израильскому: спроси сегодня, что скажет господь. И собрал царь израильский пророков, около четырехсот человек, и сказал им: идти ли мне войною на Рамоф галаадский, или нет? Они сказали: иди, господь предаст *его* в руки царя» *(ст. 5—6)*. Очевидно, в пророках у евреев недостатка не было: восемьсот пятьдесят пророков Ваала и дубравы были укокошены на берегу Киссона; через три года их уже замещали четыреста пророков Яхве.

Иосафат считал, что этого недостаточно. Он желал бы, чтобы ни один пророк не пропустил этой консультации. Поэтому Иосафат сказал: «нет ли здесь еще пророка господня, чтобы нам вопросить чрез него господа? И сказал царь израильский Иосафату: есть еще один человек, чрез которого можно вопросить господа, но я не люблю его; ибо он не пророчествует о мне доброго, а только худое, это Михей, сын Иемвлая. И сказал Иосафат: не говори, царь, так. И позвал царь израильский одного евнуха, и сказал: сходи поскорее за Михеем, сыном Иемвлая» *(ст. 7—9)*.

Явившись к царям, и Михей начал, как и другие, предвещать им победу над Рамофом *(ст. 13—15)*. Это приятное пророчество в устах Михея сильно удивило Ахава. «И сказал ему царь: еще и еще заклинаю тебя, чтобы ты не говорил мне ничего, кроме истины во имя господа. И сказал он: я вижу всех израильтян, рассеянных по горам, как овец, у которых нет пастыря. И сказал господь: нет у них начальника, пусть возвращаются с миром каждый в свой дом. И сказал царь израильский Иосафату: не говорил ли я тебе, что он не пророчествует о мне доброго, а только худое?» *(ст. 16—18)*.

Оставалось выяснить, почему остальные пророки давали благоприятные предсказания и кто в конце концов сильней и правей? Кому верить? Как быть? Михей снова заговорил, и здесь его повествование становится особенно замечательным.

«Выслушай слово господне: я видел господа, сидящего на престоле своем, и все воинство небесное стояло при нем, по правую и по левую руку его.

И сказал господь: кто склонил бы Ахава, чтобы он пошел и пал в Рамофе галаадском? И один говорил так, другой говорил иначе.

И выступил один дух, стал пред лицем господа, и сказал: я склоню его. И сказал ему господь: чем?

Он сказал: я выйду и сделаюсь духом лживым в устах всех пророков его. *Господь* сказал: ты склонишь его и выполнишь это; пойди и сделай так.

И вот, теперь попустил господь духа лживого в уста всех сих пророков твоих; но господь изрек о тебе недоброе» *(3 Царств, гл. 22, ст. 19—23)*.

Как вы находите этот священный анекдот? И как вы находите всемогущего, всезнающего бога, советующегося с ангелами и измышляющего, как бы обмануть людей и истребить их? Лорд Болингброк, комментируя это место Библии, говорит, что этот анекдот является дурным подражанием одному эпизоду из Илиады, где Юпитер, стараясь поднять славу Ахилла в ущерб Агамемнону, обманывает этого последнего сновидением.

«Возможно,— пишет английский философ,— что священник, составлявший древнееврейские легенды, подражал легендам Гомера, ибо еврейские книги были написаны гораздо позже. Во всей Библии бог евреев гораздо ниже греческого бога: он почти всегда терпит поражения. Он мечтает только о жертвоприношениях, а его народ постоянно умирает с голоду. Сколько бы он ни появлялся лично, сколько бы он ни говорил своими собственными устами, он не пользуется особенным влиянием на свой народ, и тот ничего не выполняет из его требований. Ему выстраивают храм, но появляется какой-то неведомый Сусаким, царь египетский, который не оставляет от храма камня на камне. Он дает Соломону дар мудрости, но Соломон смеется над ним, изменяет ему и поклоняется другим богам. Он дает землю обетованную своему народу, и этот народ живет там в рабстве со времени смерти Иисуса до воцарения Саула. Действительно, нет ни более несчастного бога, ни более несчастного народа.

Пусть составители древнееврейских сказок толкуют, что евреи терпели несчастья за свое неблагочестие и неверность богу. Наши англиканские священники могли бы то же самое сказать и об ирландцах и о наших шотландских горцах, очень несчастных, хотя и очень религиозных и богобоязненных. Нет ничего легче, как сказать: если ты

был разбит и поражен, то это потому, что ты недостаточно религиозен; если бы ты давал больше денег церкви, ты преуспевал бы и победил. Этот гнусный предрассудок берет свое начало в глубокой древности: он обошел весь мир, он был лозунгом всех попов, всех религий и у всех народов служил им средством обогащения за счет человеческой глупости».

Однако пророки, опровергнутые Михеем, обиделись, один из них закатил Михею оплеуху *(ст. 24);* кроме того, этот последний был посажен под арест *(ст. 27)*. А затем Ахав выступил на войну, чтобы отвоевать себе Рамоф от сирийцев, и царь иудейский присоединился к нему *(ст. 29)*. Значит, благочестивый Иосафат больше поверил своим четыремстам пророкам, чем чудаковатому Михею.

Царь израильский, по-видимому, не был особенно спокоен. «И сказал царь израильский Иосафату: я переоденусь и вступлю в сражение, а ты надень твои *царские* одежды. И переоделся царь израильский, и выступил в сражение» *(ст. 30)*. Цель Ахава не трудно понять, но остается только изумляться, как был наивен Иосафат.

«Сирийский царь повелел начальникам колесниц, которых у него было тридцать два, сказав: не сражайтесь ни с малым, ни с великим, а только с одним царем израильским.

Начальники колесниц, увидевши Иосафата, подумали: «верно, это царь израильский», и поворотили на него, чтобы сразиться *с ним.* И закричал Иосафат.

Начальники колесниц, видя, что это не израильский царь, поворотили от него.

А один человек случайно натянул лук, и ранил царя израильского сквозь швы лат. И сказал он своему вознице: поворoти назад, и вывези меня из войска; ибо я ранен... И вечером умер, и кровь из раны лилась в колесницу» *(ст. 31—35)*.

Так погиб супруг Иезавели! «Священный» автор хвастливо сообщает, что Ахав «построил дом из слоновой кости» *(ст. 39),* и этим фантастическим замечанием ограничивается.

Ахаву наследовал его старший сын — Охозия, краткая история которого рассказана в 1-й главе Четвертой книги Царств. Он начал свое царствование с несчастного случая. «Охозия же упал чрез решетку с горницы своей, что в Самарии, и занемог» *(ст. 2)*. Ввиду полного отсутствия

объяснений этого случая мы вынуждены заключить, что Охозия жил в верхнем этаже своего дворца. Вероятно, в роковой вечер он был слишком навеселе и вывалился из окна, думая, что это шкаф с вином. Бог не позволил Охозии убиться на месте. Однако царь волновался и хотел знать, выздоровеет ли он. Для этого он обратился к Веельзевулу, божеству аккаронскому.

Пророк Илия был этим шокирован в высшей степени. «Ангел господень сказал Илии фесвитянину: встань, пойди навстречу посланным от царя самарийского и скажи им: разве нет бога в израиле, что вы идете вопрошать Веельзевула, божество аккаронское? За это так говорит господь: с постели, на которую ты лег, не сойдешь с нее, но умрешь. И пошел Илия» *(4 Царств, гл. 1, ст. 3—4)*.

Слуги повторили Охозии речи Илии, хотя и не могли дать царю точных сведений относительно личности этого вестника зла. Охозия «сказал им: каков видом тот человек, который вышел навстречу вам и говорил вам слова сии? Они сказали ему: человек тот весь в волосах, и кожаным поясом подпоясан по чреслам своим. И сказал он: это Илия фесвитянин. И послал к нему пятидесятника с его пятидесятком. И он взошел к нему, когда Илия сидел на верху горы, и сказал ему: человек божий! царь говорит: сойди! И отвечал Илия, и сказал пятидесятнику: если я человек божий, то пусть сойдет огонь с неба и попалит тебя и твой пятидесяток. И сошел огонь с неба и попалил его и пятидесяток его» *(ст. 7—10)*.

Тогда был послан еще один офицер с пятьюдесятью солдатами: и они испытали ту же судьбу *(ст. 11—12)*. Царь послал третью делегацию.

«И пал (пятидесятник.— *Л. Таксиль*) на колена свои пред Илиею, и умолял его, и говорил ему: человек божий! да не будет презрена душа моя и душа рабов твоих — сих пятидесяти — пред очами твоими.

Вот, сошел огонь с неба, и попалил двух пятидесятников прежних с их пятидесятками; но теперь да не будет презрена душа моя пред очами твоими!

И сказал ангел господень Илии: пойди с ним, не бойся его. И он встал, и пошел с ним к царю.

И сказал ему: так говорит господь: за то, что ты посылал послов вопрошать Веельзевула, божество аккаронское, как будто в израиле нет бога, чтобы вопрошать о слове его,— с постели, на которую ты лег, не сойдешь с нее, но умрешь.

И умер он по слову господню, которое изрек Илия. И воцарился Иорам, (брат Охозии,) вместо него, во второй год Иорама, сына Иосафатова, царя иудейского, так как сына у того не было» *(4 Царств, гл. 1, ст. 13—17)*.

Лорд Болингброк так комментирует этот эпизод: «Илия, дважды успевающий призвать небесные молнии на головы двух военачальников и солдат, посланных царем, является вымышленной личностью, ибо если бы он мог так вот сыпать молнии, то безусловно завоевал бы весь земной шар, просто прогуливаясь со своим слугой. Именно это всегда и говорили волшебникам и колдунам разумные люди: если вы уверены, что дьявол, с которым у вас союз, сделает все, что вы ему прикажете, почему не требуете вы от него, чтобы он отдал вам все царства земные, все богатства и всех женщин, например? То же можно было бы сказать и Илии:

— Ты убил двух военачальников и две роты солдат ударами молнии, и ты же удираешь, как трус, как только царица Иезавель грозит тебе арестом. Разве ты не мог испепелить молнией Иезавель, как ты испепелил этих несчастных воинов? Какое возмутительное противоречие делает тебя похожим и на бога, и на труса? Какой разумный человек может перенести эти отвратительные сказки, возбуждающие улыбку сожаления и вздох ужаса?!»

Нужно прибавить, что причина этого истребления молнией ни в чем не повинных подневольных слуг царя совершенно непонятна. Нигде в библейском тексте не сказано, чтобы Охозия замышлял что-нибудь худое против Илии; даже когда этот вестник приходит к царю и излагает ему все дурные предзнаменования, никто не делает ему ни малейшего зла, и он уходит цел и невредим. Кроме того, если бы Охозия действительно собирался заставить Илию разделить судьбу Михея, не было бы надобности уничтожать силой небесного огня сто два совершенно неповинных воина, выполнявших поручения начальства. Было бы совершенно достаточно привести их, например, в состояние беспомощности внезапным параличом. Это было бы не менее чудесно и в конце концов не так гнусно и жестоко.

По поводу Охозии, Иосафата и обоих Иорамов божественная книга впадает в противоречие столь вопиющее, что его полезно подчеркнуть. В главе 22 Третьей книги Царств сказано: «Иосафат, сын Асы, воцарился над Иудеею, в четвертый год Ахава, царя израильского. Три-

дцати пяти лет был Иосафат, когда воцарился, и двадцать пять лет царствовал в Иерусалиме» *(ст. 41—42)*. А несколько далее, в той же главе, читаем: «И почил Иосафат с отцами своими... и воцарился Иорам, сын его, вместо него» *(ст. 50)*. Этот Иорам, царь иудейский, есть не кто иной, как супруг Гофолии, дочери Ахава. «Охозия, сын Ахава, воцарился над израилем в Самарии, в семнадцатый год Иосафата, царя иудейского, и царствовал над израилем два года» *(ст. 51)*.

Говоря далее, что у Охозии не было сыновей и что ему наследовал его брат Иорам, Библия сообщает, что этот Иорам, царь израильский, взошел на престол в девятнадцатый год царствования Иосафата, когда Иосафату оставалось еще шесть лет жизни, иначе говоря, за шесть лет до восшествия на престол Иорама, царя иудейского, сына Иосафата и мужа Гофолии. В таком случае трудно примирить главу 20 Третьей книги Царств с 1-й главой Четвертой книги, ибо здесь, в стихе 17, говорится: Иорам (брат и наследник Охозии.— *Л. Таксиль*) воцарился вместо него во второй год Иорама, сына Иосафатова, царя иудейского.

Раз Иорам иудейский наследовал своему отцу Иосафату восемь лет спустя после смерти Ахава *(гл. 22, ст. 42, 51 и 52)*, как же мог он процарствовать уже два года к моменту, когда его шурин Иорам израильский наследовал Охозии, также шурину его, два года царствовавшему после Ахава?

Вот уже достаточно изумительное противоречие. Но подождите! Немного далее глава 3 той же Четвертой книги Царств начинается так: «Иорам, сын Ахава, воцарился над израилем в Самарии в восемнадцатый год Иосафата, царя иудейского, и царствовал двенадцать лет» *(ст. 1)*. На сей раз получается тройное противоречие. Этот стих сводит царствование Охозии к одному году, хотя стих 52 главы 22 Третьей книги Царств говорит о двух годах; а первое противоречие *(4 Царств, гл. 1, ст. 17)* продлило, наоборот, до восьми лет царствование этого монарха, замечательного в истории еврейского народа единственно тем, что он... вывалился из окна.

Пусть нас не упрекают в том, что мы тратим время на подчеркивание этих грубых неловкостей «священного» автора. Они показывают неряшливость и пренебрежение к своей задаче со стороны тех служителей религии, которые сфабриковали эту глупую и ужасную книгу и даже не дали себе труда как следует отредактировать ее.

Тем временем великое чудо уже реяло в воздухе.

«В то время, как господь восхотел вознести Илию в вихре на небо, шел Илия с Елисеем из Галгала.

...И вышли сыны пророков, которые в Вефиле, к Елисею, и сказали ему: знаешь ли, что сегодня господь вознесет господина твоего над главою твоею? Он сказал: я также знаю, молчите.

И сказал ему Илия: Елисей, останься здесь, ибо господь посылает меня в Иерихон. И сказал он: жив господь и жива душа твоя! Не оставлю тебя. И пришли в Иерихон.

И подошли сыны пророков, которые в Иерихоне, к Елисею, и сказали ему: знаешь ли, что сегодня господь берет господина твоего и вознесет над главою твоею? Он сказал: я также знаю, молчите.

И сказал ему Илия: останься здесь, ибо господь посылает меня к Иордану. И сказал он: жив господь и жива душа твоя! Не оставлю тебя. И пошли оба.

Пятьдесят человек из сынов пророческих пошли и стали вдали напротив их, а они оба стояли у Иордана.

И взял Илия милоть свою, и свернул, и ударил ею по воде, и расступилась она туда и сюда, и перешли оба посуху.

Когда они перешли, Илия сказал Елисею: проси, что сделать тебе, прежде нежели я буду взят от тебя. И сказал Елисей: дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне.

И сказал он: трудного ты просишь. Если увидишь, как я буду взят от тебя, то будет тебе так; а если не увидишь, не будет.

Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо.

Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой, колесница израиля и конница его! И не видел его более. И схватил он одежды свои, и разодрал их на две части.

И поднял милоть Илии, упавшую с него... И ударил по воде, и она расступилась туда и сюда, и перешел Елисей» (4 *Царств, гл. 2, ст. 1, 3—14*).

Напрашивается несколько естественных замечаний. Если бог решил забрать Илию на небо живым, в кости и во плоти, как сделал однажды с Енохом, зачем он заставил его совершать эту лишенную всякого содержания прогулку из Галгала в Вефиль, из Вефиля в Иерихон и из Иерихона к Иордану? Зачем было заставлять его переходить Иордан?

Разве огненная колесница, в которой поднялся Илия, не могла так же легко быть подана к левому берегу, как к правому? А что это за двойная порция духа Илии, которую испрашивает Елисей? И получил ли он в конце концов то, о чем просил? Библия говорит лишь, что Елисей, глядя на отъезд Илии, после своих странных криков больше не видел его.

Богословы уверяют, что «царство небесное» состоит из чистых духов. Не противоречит ли этому двойной случай вознесения на небо — Илии и Еноха? Для чего могли служить телесные оболочки этому патриарху и этому пророку в царстве сверхъестественного и бесплотного? Насколько больше слава Еноха и Илии славы других избранников божьих, обитающих в небесных чертогах без телесной оболочки? И вот, например, когда Илия и Моисей разговаривают в небесах, то что это за беседа между душой без тела, выражающейся одной только мыслью, без звуков, и одушевленным телом, говорящим при помощи рта и издающим звуки?

Наконец, эта огненная колесница, эти огненные кони, этот вихрь и самое имя «Илия» (Эли, Элиос — солнце) позволили Болингброку и Буланже увидеть в приключении Илии подражание приключению древнегреческого мифического героя Фаэтона, который также усаживается в огненную колесницу. Но легенда о Фаэтоне египетского происхождения и это вполне нравоучительная сказка, показывающая опасность гордыни. А какой смысл имеет отлет Илии на небо?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

СВЕРХЧУДЕСНОЕ ЖИТИЕ СВЯТОГО ПРОРОКА ЕЛИСЕЯ И КОНЕЦ ЦАРСТВА ИЗРАИЛЬСКОГО

вот Елисей явился наследником мантии Илии, а также известной части, если даже не двойной, порции его духа. «Сыны пророков... поклонились ему до земли» (4 *Царств, гл. 2, ст. 15*). В Иерихоне прежде всего он оздоровил городские воды, бросив в них пригоршню соли. Оттуда он пошел в Вефиль. «Когда он шел дорогою, малые дети вышли из города, и насмехались над ним, и говорили ему: иди, плешивый! иди, плешивый! Он оглянулся и увидел их, и проклял их именем господним. И вышли две медведицы из леса, и растерзали из них сорок два ребенка» *(ст. 23—24)*.

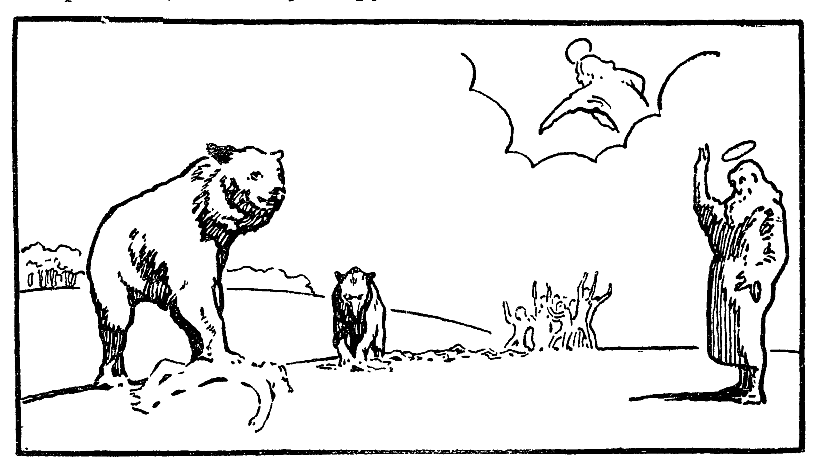
Лорд Болингброк замечает: «Елисей похож на разбогатевшего лакея, наказывающего всех, кто смеется над ним. Как?! Отвратительный прислужник пророка! Ты заставляешь медведей растерзать детей за то, что они дразнили тебя плешивым? К счастью, в окрестностях Вефиля нет лесов, а в Палестине нет медведей. Нелепость этой сказки смягчает ее ужас!» Можно прибавить, что два медведя, слопавшие так легко четыре десятка мальчишек, появились, вероятно, не из густого леса, а из какой-нибудь пивной, в которой, по-видимому, достаточно хорошо нагрузился автор «священного» повествования, перед тем как взяться за перо, чтобы написать эти строки.

После того как глава 3 Четвертой книги Царств представила царя Иосафата благополучно здравствующим, в противоречие с описанием главы 1, Библия рассказывает, что Месса, царь моавитский, платил израилю до смерти Ахава ежегодную дань в сто тысяч овец и сто тысяч неостриженных баранов. По восшествии на престол Охозии, который вскоре же вывалился из окна, Месса решил, что гораздо лучше не платить дани. Но Иорам, приняв престол от брата, потребовал овец и баранов. Месса отказал, и Иорам открыл военные действия, опираясь на двух своих союзников — царя иудейского и царя идумейского.

«И пошел царь израильский, и царь иудейский, и царь едомский, и шли они обходом семь дней, и не было воды для войска и для скота, который *шел* за ними.

И сказал царь израильский: ах! созвал господь трех царей сих, чтобы предать их в руку Моава.

И сказал Иосафат: нет ли здесь пророка господня, чтобы нам вопросить господа чрез него? И отвечал один из слуг царя израильского, и сказал: здесь Елисей, сын Сафатов, который подавал воду на руки Илии.

Елисей «оглянулся и увидел их, и проклял их именем господним. И вышли две медведицы из леса, и растерзали из них сорок два ребенка» (4 *Царств, гл. 2, ст. 24*).

И сказал Иосафат: есть у него слово господне. И пошли к нему царь израильский, и Иосафат, и царь едомский» (4 *Царств, гл. 3, ст. 9—12*).

Отметим, что сын Ахава, равно как и царь едомский не исповедовали культа еврейского бога. Это заставляет Болингброка заметить следующее: «Если бы кто-нибудь рассказал, что три царя, из коих один католик, а два протестанты, отправились к католическому аббату с совместной просьбой вымолить дождь,— что сказали бы о подобной глупости? А если бы католический монах написал подобную небылицу, не подтвердил ли бы он справедливости поговорки: «врет, как священник»?»

«И сказал Елисей царю израильскому: что мне и тебе? пойди к пророкам отца твоего и к пророкам матери твоей.

И сказал ему царь израильский: нет, потому что господь созвал сюда трех царей сих, чтобы предать их в руку Моава.

И сказал Елисей: жив господь Саваоф, пред которым я стою! Если бы я не почитал Иосафата, царя иудейского, то не взглянул бы на тебя и не видел бы тебя.

Теперь позовите мне гуслиста. И когда гуслист играл на гуслях, тогда рука господня коснулась Елисея» *(ст. 13—15)*.

Досадно, что «священный» автор не указывает, какую мелодию исполнял этот замечательный музыкант, аккомпанируя преемнику Илии. «И он сказал: так говорит господь: делайте на сей долине рвы за рвами; ибо так говорит господь: не увидите ветра и не увидите дождя, а долина сия наполнится водою, которую будете пить вы и мелкий и крупный скот ваш. Но этого мало пред очами господа; он и Моава предаст в руки ваши, и вы поразите все города укрепленные и все города главные, и все лучшие деревья срубите, и все источники водные запрудите, и все лучшие участки полевые испортите каменьями» *(ст. 16—19)*.

Раз таковы были условия, поставленные богом-отцом, то делается непонятным, для чего нужна была победа. Ведь израильтяне объявили войну моавитянам исключительно для того, чтобы вынудить их давать по-прежнему ежегодно сто тысяч баранов и столько же овец. Победа, если она должна была сопровождаться полным опустошением страны, лишала их, конечно, возможности получать когда-нибудь вожделенную дань. «Поутру, когда возносят хлебное приношение, вдруг полилась вода по пути от Едома, и наполнилась земля водою» *(ст. 20)*.

Вторая часть пророчества сбылась не хуже первой: моавитяне, напав на израильское расположение, были перебиты.

«И встали израильтяне, и стали бить моавитян, и те побежали от них, а они продолжали идти на них и бить моавитян.

И города разрушили, и на всякий лучший участок в поле бросили каждый по камню, и закидали его; и все протоки вод запрудили, и все дерева лучшие срубили, так что оставались только каменья в Кир-Харешете. И обступили его пращники и разрушили его.

И увидел царь моавитский, что битва одолевает его, и взял с собою семьсот человек, владеющих мечом, чтобы пробиться к царю едомскому; но не могли.

И взял он сына своего первенца, которому следовало царствовать вместо него, и вознес его во всесожжение на стене. Это произвело большое негодование в израильтянах, и они отступили от него, и возвратились в свою землю» (4 *Царств, гл. 3, ст. 24—27*).

На конкурсе идиотских небылиц только что изложенная могла бы получить первую премию: она не нуждается ни в каких комментариях!

Дальше мы видим Елисея, повторяющего чудеса Илии вторым изданием, с поправками и изменениями. Так, он встречает (Библия не говорит где) вдову, удрученную тем, что ее покойный муж оставил ей долги и что кредиторы хотят продать в рабство ее детей *(гл. 4, ст. 1)*. Елисей просит у вдовы объявить ему, что она имеет. Вдова ответила: «нет у рабы твоей ничего в доме, кроме сосуда с елеем» *(ст. 2)*. Елисею больше и не надо. Он приказывает вдове обойти всех соседей и попросить у них взаймы все пустые горшки. Затем он приказывает ей запереться с детьми и переливать елей из своего горшка во все остальные сосуды. Нетрудно догадаться, какое произошло чудо: сосуд вдовы оказался неисчерпаем. Ошарашенная женщина прибежала к Елисею благодарить его, и человек божий сказал: «пойди, продай масло, и заплати долги твои; а что останется, тем будешь жить с сыновьями твоими» *(ст. 7)*. Самое замечательное в этом чуде не то, что оно похоже на чудо Илии, совершенное для вдовы сарептской, а то, что Елисей обошелся здесь... без музыки.

«В один день пришел Елисей в Сонам. Там одна богатая женщина упросила его *к себе*, есть хлеба; и когда он ни проходил, всегда заходил туда есть хлеба.

И сказала она мужу своему: вот, я знаю, что человек божий, который проходит мимо нас постоянно, святой.

Сделаем небольшую горницу над стеною, и поставим ему там постель, и стол, и седалище, и светильник; и когда он будет приходить к нам, пусть заходит туда.

В один день он пришел туда, и зашел в горницу, и лег там.

И сказал Гиезию, слуге своему: позови эту сонамитянку. И позвал ее, и она стала пред ним.

И сказал ему: скажи ей: «вот, ты так заботишься о нас; что сделать бы тебе? не нужно ли поговорить о тебе с царем, или с военачальником?» Она сказала: нет, среди своего народа я живу.

И сказал он: что же сделать ей? И сказал Гиезий: да вот, сына нет у нее, а муж ее стар.

И сказал он: позови ее. Он позвал ее, и стала она в дверях.

И сказал он: через год, в это самое время, ты будешь держать на руках сына. И сказала она: нет, господин мой, человек божий, не обманывай рабы твоей.

И женщина стала беременною, и родила сына на другой год, в то самое время, как сказал ей Елисей» *(4 Царств, гл. 4, ст. 8—17)*.

В этом повествовании поражает одна частность: Елисей, с тех пор как он устроился на всем готовом у этой доброй женщины, как будто бы не находится уже в такой вражде с царем (Сонам, у подножья горы Гелвуя, принадлежал царству израильскому). В своем стремлении быть вежливым и любезным Елисей предлагает оказать ей услугу перед Иорамом, точно он числится в его любимцах и может говорить с ним запросто! А между тем царь этот — тот самый Иорам, которому Елисей только что самым нахальным образом заявил, что не хочет ни видеть его, ни разговаривать с ним.

Текст Библии не говорит прямо, что именно сам Елисей сделал ребенка этой доброй женщине, но позволяет подозревать это. Вместе с тем впоследствии автор повествования величает человека божьего отцом. Неизвестно, стал ли он отцом по способу святого Иосифа-плотника — отца «сына божьего» Иисуса или в обычном смысле.

«И подрос ребенок, и в один день пошел к отцу своему, к жнецам. И сказал отцу своему: голова моя! голова моя болит! И сказал тот слуге своему: отнеси его к матери его... И он сидел на коленях у нее до полудня, и умер. И пошла она, и положила его на постели человека божия, и заперла его, и вышла... И отправилась и прибыла к человеку божию, к горе Кармил... Когда же пришла к человеку божию на гору, ухватилась за ноги его... И сказала она: просила ли я сына у господина моего? Не говорила ли я: «не обманывай меня?..» И он встал и пошел за нею... И вошел Елисей в дом, и вот, ребенок умерший лежит на постели его. И вошел и запер дверь за собою, и помолился господу. И поднялся и лег над ребенком, и приложил свои уста к его устам, и свои глаза к его глазам, и свои ладони к его ладоням, и простерся на нем, и согрелось тело ребенка. И встал и прошел по горнице взад и вперед; потом опять поднялся и

простерся на нем. И чихнул ребенок раз семь, и открыл ребенок глаза свои. И позвал он Гиезия, и сказал: позови эту сонамитянку. И тот позвал ее. Она пришла к нему, и он сказал: возьми сына твоего. И подошла, и упала ему в ноги, и поклонилась до земли. И взяла сына своего, и пошла» (4 *Царств, гл. 4, ст. 18—37*).

Критики смеются над этим чудом Елисея, которое отличается от чуда Илии только количеством телодвижений. Но богословы видят в них мистический смысл: ведь нужно же поломаться, прежде чем сделать чудо.

Пророк возвратился из Сонама в Галгал и застал в стране голод. Еще раз голод и опять голод! Еще одно доказательство, что эта прекрасная страна Ханаанская, со своими обнаженными горами, пещерами и пропастями, со своим Содомским озером, песчаной и каменистой пустыней, совсем не была так уж плодородна, как старый бог описывает ее своему избранному народу устами Моисея.

«Елисей же возвратился в Галгал. И был голод в земле той; и сыны пророков сидели пред ним. И сказал он слуге своему: поставь большой котел, и свари похлебку для сынов пророческих.

И вышел один из них в поле собирать овощи, и нашел дикое вьющееся растение, и набрал с него диких плодов полную одежду свою. И пришел и накрошил их в котел с похлебкою, так как они не знали *их*.

И налили им есть. Но как скоро они стали есть похлебку, то подняли крик, и говорили: смерть в котле, человек божий! И не могли есть.

И сказал он: подайте муки. И всыпал ее в котел, и сказал (Гиезию): наливай людям, пусть едят. И не стало ничего вредного в котле.

Пришел некто из Ваал-Шалиши, и принес человеку божию хлебный начаток — двадцать ячменных хлебцев и сырые зерна в шелухе. И сказал Елисей: отдай людям, пусть едят.

И сказал слуга его: что тут я дам ста человекам? И сказал он: отдай людям, пусть едят; ибо так говорит господь: «насытятся, и останется».

Он подал им, и они насытились, и еще осталось, по слову господню» (4 *Царств, гл. 4, ст. 38—44*).

Самое замечательное в этом чуде то, что много времени спустя Иисус Христос повторил его. Но Елисей был

давным-давно мертв и не мог обвинить сына Марии в плагиате [1].

Глава 5 посвящена истории Неемана. Судя по Библии, его можно было бы считать особо знаменитым, но его, как обычно, не знает ни один историк. «Нееман, военачальник царя сирийского, был великий человек у господина своего и уважаемый, потому что чрез него дал господь победу сириянам. И человек сей был отличный воин, но прокаженный. Сирияне однажды пошли отрядами, и взяли в плен из земли израильской маленькую девочку, и она служила жене Неемановой. И сказала она госпоже своей: о, если бы господин мой побывал у пророка, который в Самарии, то он снял бы с него проказу его» *(ст. 1—3)*.

Когда эти слова были переданы его превосходительству генералу Нееману, он попросил у царя отпуск, и тот ему не отказал. Царь сирийский, кроме того, написал дружескую записку царю израильскому, дабы Нееману оказали хороший прием; и Нееман поехал, взяв с собой десять талантов серебра, шесть тысяч сиклей золота и десять перемен одежды. Но с царем израильским произошло что-то непонятное. Когда Иорам израильский вскрыл письмо, он прочитал: «Вместе с письмом сим, вот, я посылаю к тебе Неемана, слугу моего, чтобы ты снял с него проказу его» *(ст. 6)*. Можно представить себе изумление Иорама при чтении этого письма, но трудно вообразить, как он поступил. По словам Библии, «царь израильский, прочитав письмо, разодрал одежды свои и сказал: разве я бог, чтобы умерщвлять и оживлять, что он посылает ко мне, чтобы я снял с человека проказу его? вот, теперь знайте и смотрите, что он ищет предлога враждовать против меня» *(ст. 7)*.

К счастью, Елисей знал все, что происходит, и послал сказать Иораму, чтобы тот отправил Неемана к нему. Семь купаний в Иордане, по рецепту Елисея, совершенно излечили бравого вояку от проказы: «и обновилось тело его, как тело малого ребенка» *(ст. 14)*. Правду сказать, Нееман сначала удивился рецепту пророка: ему казалось странным, что он вынужден был совершить такое длинное путешествие только для того, чтобы омыться в чистой воде. И у нас дома есть речки, говорил он, в которых можно купаться. Но ему разъяснили, что эти речки не имели свойств Иордана, приобретенных этой рекой благодаря благодетельному вмешательству Елисея.

Выздоровев, он отправился благодарить пророка: «вот,

я узнал, что на всей земле нет бога, как только у израиля, итак прими дар от раба твоего» *(ст. 15)*. Несмотря на всю настойчивость Неемана, бескорыстие Елисея осталось непреклонным.

Елисей совершил еще серию чудес. Один из персонажей, которых «священный» автор туманно называет сыновьями пророков, находился как-то на берегу Иордана, где колол дрова, и уронил топор в воду. «И закричал он: ах, господин мой!»... Елисей сказал: «где он упал? Он указал ему место. И отрубил он кусок дерева, и бросил туда, и всплыл топор». Сыну пророка оставалось только протянуть руку и вынуть топор из воды *(4 Царств, гл. 6, ст. 5—6)*.

Другое чудо показывает еще раз, до какой степени бог покровительствовал Елисею. «Царь сирийский пошел войною на израильтян... И пришли ночью, и окружили город. Поутру служитель человека божия встал и вышел; и вот, войско вокруг города, и кони, и колесницы. И сказал ему слуга его: увы! господин мой, что нам делать? И сказал он: не бойся, потому что тех, которые с нами, больше, нежели тех, которые с ними. И молился Елисей, и говорил: господи! открой ему глаза, чтоб он увидел. И открыл господь глаза слуге, и он увидел, и вот, вся гора наполнена конями и колесницами огненными кругом Елисея. Когда пошли к нему сирияне, Елисей помолился господу и сказал: порази их слепотою. И он поразил их слепотою, по слову Елисея» *(ст. 8—18)*.

Здесь приключение принимает характер просто шутовской комедии. Представьте себе этих несчастных офицеров и солдат, внезапно пораженных слепотой, особенно когда речь идет о многочисленной армии. Ведь город, где находился пророк, был окружен пехотой, кавалерией и военными колесницами. Если такое чудо могло произойти, то, казалось бы, эти тысячи несчастных должны были снять осаду, просить пощады у израильтян и молить, чтобы их отвели домой, покуда они живы. Но ничего подобного! Согласно Библии, эти слепые войска не оставили своего намерения взять Елисея живым или мертвым. И здесь «священный» автор заставляет верующих проглотить одну из самых монументальных нелепостей, которые когда-либо были написаны жрецами, самодовольно насмехающимися над доверчивостью простаков. Елисей предложил сам свои услуги сирийским офицерам и солдатам, чтобы повести их на поиски Елисея. Эти слепые идиоты приняли предложение,

и пророк потащил их за собой до самой столицы государства, где они и попались в плен. Эта небылица настолько бессмысленна, что мы считаем необходимым еще раз воспроизвести божественный текст: «И сказал им Елисей: это не та дорога и не тот город; идите за мною, я провожу вас к тому человеку, которого вы ищете. И привел их в Самарию» *(4 Царств, гл. 6, ст. 19)*.

Представьте себе этих воинов, которые гуськом следуют за пророком; представьте себе всех этих слепых, шагающих из Дофаима в Самарию, держа друг друга за полы шинелей, причем первый держится за полу проводника, который есть не кто иной, как сам Елисей. Представьте себе все это и скажите, может ли какая-нибудь религия более беззастенчиво смеяться над добродушием легковерных своих приверженцев? «Когда они пришли в Самарию, Елисей сказал: господи! открой глаза им, чтобы они видели. И открыл господь глаза их, и увидели, что они в средине Самарии» *(ст. 20)*.

Но все хорошо, что хорошо кончается, и мы сейчас увидим, что в этот день Елисей был великодушен и не злоупотребил своим торжеством. «И сказал царь израильский Елисею, увидев их: не избить ли их, отец мой? И сказал он: не убивай. Разве мечом твоим и луком твоим ты пленил их, чтобы убивать их? Предложи им хлеба и воды; пусть едят и пьют, и пойдут к государю своему. И приготовил им большой обед, и они ели и пили, и отпустил их, и пошли к государю своему. И не ходили более те полчища сирийские в землю израилеву» *(ст. 21—23)*.

То, что мы прочитали только что, немедленно опровергается продолжением этой истории. Таково уж «священное писание». Стих 23 уверяет, что благодаря великодушию Елисея царство израильское было впредь избавлено от вторжения сирийцев. Но прочитайте стих 24: «после того собрал Венадад, царь сирийский, все войско свое, и выступил, и осадил Самарию». Во избежание необходимости объяснять эти бессмысленные и слишком глупые противоречия учебники «священной истории» говорят только о чуде ослепления сирийцев.

Итак, Венадад опять на сцене. Это тот самый Венадад, которому, как вы помните, царь Ахав дал возможность скрыться. «И был большой голод в Самарии, когда они осадили ее, так что ослиная голова продавалась по восьмидесяти сиклей серебра, и четвертая часть каба голубиного по-

мета — по пяти сиклей серебра». Это сказано в стихе 25.

«Однажды царь израильский проходил по стене, и женщина с воплем говорила ему: помоги, господин мой, царь.

И сказал он: если не поможет тебе господь, из чего я помогу тебе? с гумна ли, с точила ли?

И сказал ей царь: что тебе? И сказала она: эта женщина говорила мне: «отдай своего сына, съедим его сегодня, а сына моего съедим завтра».

И сварили мы моего сына, и съели его. И я сказала ей на другой день: «отдай же твоего сына, и съедим его». Но она спрятала своего сына.

Царь, выслушав слова женщины, разодрал одежды свои; и проходил он по стене, и народ видел, что вретище на самом теле его.

И сказал: пусть то и то сделает мне бог, и еще более сделает, если останется голова Елисея, сына Сафатова, на нем сегодня.

Елисей же сидел в своем доме, и старцы сидели у него. И послал (царь) человека от себя. Прежде нежели пришел посланный к нему, он сказал старцам: видите ли, что этот сын убийцы послал снять с меня голову? Смотрите, когда придет посланный, затворите дверь и прижмите его дверью. А вот и топот ног господина его за ним!

Еще говорил он с ними, и вот, посланный приходит к нему, и сказал: вот какое бедствие от господа! Чего мне впредь ждать от господа?» *(4 Царств, гл. 6, ст. 26—33)*.

К счастью, если Елисей и был причиной голода, то вскоре он же переменил положение вещей. Полюбуйтесь: «И сказал Елисей: выслушайте слово господне: так говорит господь: завтра в это время мера муки лучшей *будет* по сиклю и две меры ячменя по сиклю, у ворот Самарии» *(гл. 7, ст. 1)*.

«Господь сделал то, что стану сирийскому послышался стук колесниц и ржание коней, шум войска большого. И сказали они друг другу: верно нанял против нас царь израильский царей хеттейских и египетских, чтобы пойти на нас.

И встали, и побежали в сумерки, и оставили шатры свои, и коней своих, и ослов своих, весь стан, как он был, и побежали, спасая себя» *(ст. 6—7)*.

«И вышел народ, и разграбил стан сирийский, и была мера муки лучшей по сиклю, и две меры ячменя по сиклю, по слову господню» *(ст. 16)*.

Глава 8, рассказав, что сонамитянка, у которой Елисей воскресил ребенка, скрывалась от голода в стране филистимской семь лет, рассказывает также историю «капитана» Азаила. Для того, чтобы понять ее, надо вспомнить, что, когда Илия (не Елисей, нет!) был на горе Хориве, бог сказал ему после землетрясения и огня: «пойди обратно своею дорогою в Дамаск (сорок суток ходьбы.— *Л. Таксиль*), и когда придешь, то помажь Азаила в царя над Сириею, а Ииуя, сына Намессиина, помажь в царя над израилем» и т. д. *(3 Царств, гл. 19, ст. 15—16).*

Библия не объясняет, почему Илия сам не помазал ни Азаила, ни Ииуя: бог-отец произнес вышеприведенные слова, и все. Мы теперь имеем дело с Елисеем. «Священный» писатель вдруг вспоминает об Азаиле и Ииуе и собирается, с грехом пополам, исправить свою забывчивость, раз у него под рукой Елисей. Наконец мы хоть теперь узнаем, кто такой этот Азаил.

«И пришел Елисей в Дамаск, когда Венадад, царь сирийский, был болен. И донесли ему, говоря: пришел человек божий сюда.

И сказал царь Азаилу: возьми в руку твою дар, и пойди навстречу человеку божию, и вопроси господа чрез него, говоря: выздоровею ли я от сей болезни?

И пошел Азаил навстречу ему, и взял дар в руку свою и всего лучшего в Дамаске, сколько могут нести сорок верблюдов, и пришел, и стал пред лице его, и сказал: сын твой Венадад, царь сирийский, послал меня к тебе спросить: «выздоровею ли я от сей болезни?»

И сказал ему Елисей: пойди, скажи ему: «выздоровеешь»; однакож открыл мне господь, что он умрет» *(4 Царств, гл. 8, ст. 7—10).*

Читая подобные глупости, иной раз чувствуешь себя как во сне. Почему Елисей, зная от бога, что Венадад умрет, поручает Азаилу пообещать больному выздоровление? И почему он, «пророк божий», сознательно лжет Азаилу? Библия не объясняет этого. Такое обилие глупости иногда даже утомляет.

«И устремил на него *Елисей* взор свой, и так оставался до того, что привел его в смущение; и заплакал человек божий.

И сказал Азаил: отчего господин мой плачет? И сказал он: от того, что я знаю, какое наделаешь ты сынам израилевым зло; крепости их предашь огню, и юношей их мечом

умертвишь, и грудных детей их побьешь, и беременных *женщин* у них разрубишь» *(ст. 11—12).*

Я полагаю, что если бы кто-нибудь обратился к вам с такими предсказаниями, а вы верили бы правдивости пророков, то вы в ужасе отступили бы. Но как вам понравится ответ Азаила?

«И сказал Азаил: что такое раб твой, пес (мертвый), чтобы мог сделать такое большое дело? И сказал Елисей: указал мне господь в тебе царя Сирии.

И пошел он от Елисея, и пришел к государю своему. И сказал ему этот: что говорил тебе Елисей? И сказал: он говорил мне, что ты выздоровеешь.

А на другой день он взял одеяло, намочил его водою, и положил на лице его, и он умер. И воцарился Азаил вместо него» *(ст. 13—15).*

Такой способ завоевывать корону удивительно несложен. Никто из наследников Венадада не протестовал, и понятно почему: на это была «воля божья».

В конце 8-й главы говорится, что на склоне своих лет Иосафат разделил трон с сыном своим Иорамом, супругом Гофолии. Это противоречит тому, что мы читали выше: было уже сказано (3 *Царств, гл. 22, ст. 50*), что этот Иорам, сын Иосафата, взошел на престол после смерти отца. Но если бы мы останавливались на всех противоречиях Библии, мы бы никогда не кончили.

Иорам иудейский вступил на дурной путь. Подобно своему шурину — Иораму израильскому, он творил одно только неугодное, за что и был наказан: «Едом» возмутился и перестал платить дань. Иораму иудейскому было тридцать два года, когда он взошел на престол, и царствовал он, как сказано, восемь лет. Когда он умер, Иорам израильский проводил двенадцатый год своего царствования.

Иораму иудейскому наследовал Охозия, его сын от Гофолии. Охозия получил отцовскую корону в двадцать два года. Он не поклонялся иудейскому богу и продержался всего только один год. Охозия заключил союз со своим дядей Иорамом израильским для того, чтобы воевать с Азаилом, царем сирийским. Но Азаил побил союзников, «и возвратился Иорам царь, чтобы лечиться в Изрееле от ран, которые причинили ему сирияне в Рамофе, когда он воевал с Азаилом, царем сирийским. И Охозия, сын Иорама, царь иудейский, пришел посетить Иорама, сына Ахавова, в Изреель, так как он был болен» (4 *Царств, гл. 8, ст. 29*).

Читатель, приготовьтесь! Вы сейчас будете трепетать: бог подготовляет ужасное побоище!

«Елисей пророк призвал одного из сынов пророческих и сказал ему: опояшь чресла твои, и возьми сей сосуд с елеем в руку твою, и пойди в Рамоф галаадский. Придя туда, отыщи там Ииуя, сына Иосафата, сына Намессиева, и подойди, и вели выступить ему из среды братьев своих, и введи его во внутреннюю комнату; и возьми сосуд с елеем, и вылей на голову его, и скажи: «так говорит господь: помазую тебя в царя над израилем». Потом отвори дверь, и беги, и не жди» (4 *Царств, гл. 9, ст. 1—3*).

Юный «сын пророческий» точно выполнил поручение, к великому изумлению Ииуя. Получив свою порцию масла, Ииуй рассказал офицерам гарнизона, что с ним произошло. «И поспешили они, и взяли каждый одежду свою, и подостлали ему на самых ступенях, и затрубили трубою, и сказали: воцарился Ииуй! И восстал Ииуй, сын Иосафата, сына Намессиева, против Иорама; Иорам же находился со всеми израильтянами в Рамофе галаадском на страже против Азаила, царя сирийского» *(ст. 13—14)*.

Мы попадаем теперь в ужасный, бесконечный лабиринт убийств. Грозную миссию получил Азаил от бога, начав исполнение ее со смерти Венадада. Она преисполнена невероятных ужасов: новый царь сирийский должен будет разбивать головы младенцам и рассекать животы беременных женщин. Ииуй имеет также поручение купаться в крови. Вспомним, что преступления Иорамов, Охозиев и других «монархов» заключались в том, что они поклонялись Ваалу вместо Адоная. И вот какую веротерпимость преподает Библия!

После своего провозглашения царем Ииуй сел на коня и поехал в Изреель, где был Иорам и куда Охозия, царь иудейский, пришел, чтобы навестить бывшего там на лечении Иорама. «На башне в Изрееле стоял сторож, и увидел он полчище Ииуево, когда оно шло, и сказал: полчище вижу я. И сказал Иорам: возьми всадника, и пошли навстречу им, и пусть скажет: с миром ли?» *(ст. 17)*.

Так как этот посланный не возвратился, Иорам послал другого, которого также не увидел более. «И сказал Иорам: запрягай. И запрягли колесницу его. И выступил Иорам, царь израильский, и Охозия, царь иудейский, каждый на колеснице своей. И выступили навстречу Ииую, и встретились с ним на поле Навуфея. И когда увидел Иорам Ииуя,

то сказал: с миром ли, Ииуй? И сказал он: какой мир при любодействе Иезавели, матери твоей, и при многих волхвованиях ее?» *(ст. 21—22)*.

Чтобы постичь всю прелесть упрека Ииуя по поводу распущенности царицы Иезавели, необходимо заняться маленьким хронологическим подсчетом, основанным на священных текстах. Сколько лет было тогда вдове Ахава? Она была матерью Гофолии, а этой последней было уже около ста лет.

Не известно, на каком году жизни каждая из них вступила в брак. Но допустим, что дочери Ахава было только пятнадцать лет, когда ее сочетали браком с Иорамом иудейским, сыном Иосафата. Мы знаем уже, что этот Иорам не отличался преданностью богу; Вторая книга Паралипоменон сообщает, какая кара постигла его.

«И возбудил господь против Иорама дух филистимлян и аравитян, сопредельных ефиоплянам;

И они пошли на Иудею, и ворвались в нее, и захватили все имущество, находившееся в доме царя, также и сыновей его, и жен его; и не осталось у него сына, кроме Охозии, меньшего из сыновей его.

А после всего этого поразил господь внутренности его болезнью неизлечимою.

Так было со дня на день, а к концу второго года выпали внутренности его от болезни его, и он умер в жестоких страданиях; и не сожег для него народ его *благовоний*, как делал то для отцов его» *(2 Паралипом., гл. 21, ст. 16—19)*.

А глава 22 той же книги начинается со следующего ценного сообщения: «и поставили царем жители Иерусалима Охозию, меньшего сына его, вместо него, так как всех старших избило полчище, приходившее с аравитянами к стану,— и воцарился Охозия, сын Иорама, царя иудейского. Двадцати двух лет *был* Охозия, когда воцарился, и один год царствовал в Иерусалиме; имя матери его Гофолия» *(ст. 1—2)*. Число братьев Охозии указано в 14-м стихе 10-й главы Четвертой книги Царств: их было «сорок два человека».

Теперь возвратимся несколько назад: Гофолия, вышедшая замуж, самое раннее, в пятнадцать лет, могла через год родить своего первого сына. Допустим, что у нее ежегодно рождались дети и только сыновья (Библия не упоминает о дочерях этой царицы). Охозия родился сорок

третьим, и, следовательно, Гофолии было минимум пятьдесят восемь лет, когда она его родила. Отсюда ясно, что ей должно было быть ровно восемьдесят лет, когда двадцатидвухлетний Охозия взошел на трон. Отсюда следует далее, что Иезавель, мать Гофолии, была, по крайней мере, в возрасте ста лет, когда имела сына Иорама, царствовавшего над израилем, и внука Охозию, царствовавшего над иудой, в ту пору, когда ей приписывается постыдный разврат. Делается ясным после этого, что волхвования, приписываемые ей гневным Ииуем, могли иметь своей целью только колдовское привлечение любовников столетней старушкой!

Ответ Ииуя, конечно, не мог успокоить сына Иезавели. «И поворотил Иорам руки свои, и побежал, и сказал Охозии: измена, Охозия! А Ииуй натянул лук рукою своею, и поразил Иорама между плечами его, и прошла стрела чрез сердце его, и пал он на колеснице своей» *(4 Царств, гл. 9, ст. 23—24)*. Охозия, царь иудейский, также бежал. «И погнался за ним Ииуй, и сказал: и его бейте на колеснице... И побежал он в Мегиддон, и умер там» *(ст. 27)*.

Теперь пришла очередь Иезавели. «И прибыл Ииуй в Изреель. Иезавель же, получив весть, нарумянила лице свое, и украсила голову свою, и глядела в окно» *(ст. 30)*. Эта почтенная старушка, которой было, по меньшей мере, сто, если не сто двадцать лет, рассчитывала еще на свои чары, намереваясь соблазнить узурпатора. «Когда Ииуй вошел в ворота, она сказала: мир ли Замврию, убийце государя своего?» *(ст. 31)*. Мы еще помним, что Замврий, убив царя Вассу и все его семейство, процарствовал всего семь дней и покончил жизнь самоубийством, когда увидел успех мятежа Амврия.

«И поднял он лице свое к окну, и сказал: кто со мною, кто? И выглянули к нему два, три евнуха. И сказал он: выбросьте ее. И выбросили ее. И брызнула кровь ее на стену и на коней, и растоптали ее. И пришел Ииуй, и ел, и пил, и сказал: отыщите эту проклятую, и похороните ее, так как царская дочь она. И пошли хоронить ее, и не нашли от нее ничего, кроме черепа, и ног, и кистей рук» *(ст. 32—35)*.

Но мы знаем, что Иезавель была очень плодовита. Иорам оставил братьев, способных принять царство. «У Ахава было семьдесят сыновей в Самарии. И написал Ииуй письма, и послал в Самарию к начальникам изреельским, старейшинам и воспитателям детей Ахавовых»

(4 Царств, гл. 10, ст. 1). Письма предписывали истребить всех молодых «принцев». «Когда пришло к ним письмо, они взяли царских сыновей, и закололи их — семьдесят человек, и положили головы их в корзины, и послали к нему в Изреель» *(ст. 7)*. Ииуй умертвил также и всех друзей, и всех слуг дома Ахава.

«И встал, и пошел, и пришел в Самарию. Находясь на пути при Беф-Екеде пастушеском, встретил Ииуй братьев Охозии, царя иудейского, и сказал: кто вы? Они сказали: мы братья Охозии, идем узнать о здоровье сыновей царя и сыновей государыни. И сказал он: возьмите их живых. И взяли их живых, и закололи их — сорок два человека... и не осталось из них ни одного» *(ст. 12—14)*. Не вредно напомнить, что эти сорок два сына Гофолии уже были однажды убиты арабами *(2 Паралипом., гл. 22, ст. 1)*. Охозия, сорок третий и младший в семье, наследовал отцу своему, Иораму иудейскому, именно и только по случаю этого поголовного истребления старших братьев. О жестокий и бесстрашный Ииуй! Он не останавливался даже перед убийством... мертвецов!

Если вы думаете, что этим благочестивые библейские мерзости кончаются, вы жестоко ошибаетесь. Ииуй объявил большие празднества в честь Ваала. «Созовите ко мне всех пророков Ваала, всех служителей его и всех священников его, чтобы никто не был в отсутствии; потому что у меня будет великая жертва Ваалу. А всякий, кто не явится, не останется жив. Ииуй делал *это* с хитрым намерением, чтобы истребить служителей Ваала. И сказал Ииуй: назначьте праздничное собрание ради Ваала. И провозгласили *собрание*. И послал Ииуй по всему израилю; и пришли все служители Ваала; не оставалось ни одного человека, кто бы не пришел; и вошли в дом Ваалов, и наполнился дом Ваалов от края до края» *(4 Царств, гл. 10, ст. 19—21)*.

Во время богослужения храм соперника Саваофа был окружен войсками Ииуя. «Когда кончено было всесожжение, сказал Ииуй скороходам и начальникам: пойдите, бейте их, чтобы ни один не ушел. И поразили их острием меча, и бросили *их* скороходы и начальники, и пошли в город, где было капище Ваалово. И вынесли статуи из капища Ваалова, и сожгли их. И разбили статую Ваала, и разрушили капище Ваалово; и сделали из него место нечистот, до сего дня. И истребил Ииуй Ваала из земли израильской» *(ст. 25—28)*.

А теперь, читатель, прислонитесь к стене или держитесь за что-нибудь, чтобы не зашататься и не упасть. Вот стих 29: «Впрочем от грехов Иеровоама, который ввел израиля в грех, от них не отступил Ииуй,— от золотых тельцов, которые в Вефиле и в Дане». Нет никакой возможности понять этого господина Ииуя!

Вот еще одна цитата: «И сказал господь Ииую: за то, что ты охотно сделал, что было праведно в очах моих, выполнил над домом ахавовым все, что было на сердце у меня, сыновья твои до четвертого рода будут сидеть на престоле израилевом. Но Ииуй не старался ходить в законе господа, бога израилева, от всего сердца. Он не отступал от грехов Иеровоама, который ввел израиля в грех». Как бы там ни было, этот узурпатор процарствовал двадцать восемь лет. Он оставил корону своему сыну Иоахазу.

Увлеченный подвигами Ииуя, «священный» автор забыл о Гофолии. В главе 11 он возвращается к ней. Восшествие на престол узурпатора заставило дочь Ахава погрузиться в глубокий и очень сложный траур: всего в несколько дней была убита и съедена собаками ее мать Иезавель, убит брат Иорам израильский и семьдесят других братьев, ее сын Охозия и сорок два других ее сына. У царицы иерусалимской остались только внуки, сыновья Охозии. Что сделала она, чтобы спасти их от ярости Ииуя? Она... истребила их сама. «Гофолия, мать Охозии, видя, что сын ее умер, встала и истребила все царское племя» *(ст. 1)*.

Только в Библии встречается месть такого рода. Вольтер сказал по этому поводу: «Гофолия, бабушка маленького Иоаса, убивает всех своих внуков в Иерусалиме, как говорит священная история, за исключением маленького Иоаса, который успел скрыться. Ей было около ста лет. Следовательно, никаких побудительных причин это избиение иметь не могло. Она совершает все эти многочисленные убийства ради одного только удовольствия, а также для того, чтобы создать верховному жрецу Иодаю предлог убить и ее в свою очередь. В этот период царей израильских и иудейских мы встречаем такие сцены убийства и массового истребления, какие можно было бы встретить, вероятно, только в истории хорьков, если бы только какой-нибудь петух сумел написать их историю».

Неправдоподобность всегда отличает библейские повествования. Каким образом младший из сыновей Охозии мог спастись от этого всеобщего избиения? Его укрыла

тетка Иосавеф. Но кто эта Иосавеф? Она сестра Охозии и дочь Гофолии (4 *Царств, гл. 1, ст. 2*). Она, кроме того, супруга священника Иодая (2 *Паралипом., гл. 22, ст. 11*). Таким образом, царица Гофолия, прославившаяся своим неблагочестием, Гофолия, считавшая Ваала единственным богом, выдала дочь за священника еврейского бога. А маленький Иоас втайне от Гофолии воспитывался в храме. В течение шести лет она совершенно ничего не знала об этом длительном заговоре своего зятя. На седьмой год Иодай собрал военачальников, верных еврейскому богу, показал им юного сына Охозии, провозгласил его царем, и Гофолия, прибежавшая взглянуть, что происходит, была умерщвлена у «конского входа» царского дома. Заодно убили и жреца Ваала — Матфана — конкурента Иодая.

Из Четвертой книги Царств следует, что Иоас был благочестивый монарх; но из Второй книги Паралипоменон также явствует, что он плохо кончил (*гл. 24*): он восстановил культ идолов дубравных и других ложных богов, к великому смущению Захарии, который по смерти отца своего Иодая стал священником еврейского бога. Иоас, раздраженный упреками Захарии, приказал побить его камнями во дворе храма (*ст. 21*). В свою очередь, Иоас был удавлен двумя своими слугами, которых Книга Паралипоменон называет: «Завад, сын Шимеафы, и Иегозавад, сын Шимрифы», а Четвертая книга Царств: «Иозакар, сын Шимеаты, и Иегозавад, сын Шомеры» (*гл. 12, ст. 21*). Кто бы ни были его убийцы, этот царь процарствовал целых сорок лет. Убитому Иоасу наследовал его сын Амасия.

Возвращаясь к Четвертой книге Царств, мы узнаем, что в израиле грозному Ииую наследовал его сын Иоахаз. Этот блудодей насмехался над еврейским богом в течение семнадцати лет. Его царство подвергалось опустошительным нашествиям царей Сирии — Азаила и Венадада. А как евреи были разорены, трудно себе и представить! Вот текст: «У Иоахаза оставалось войска только пятьдесят всадников, десять колесниц и десять тысяч пеших, оттого, что истребил их царь сирийский и обратил их в прах на попрание» (4 *Царств, гл. 13, ст. 7*).

Иоахазу наследовал его сын Иоас, которого не следует смешивать с Иоасом, царем иудейским. Иоас израильский, внук Ииуя, воевал с Амасией, сыном Иоаса иудейского; разбил его наголову, пробил брешь в стенах иерусалимских в четыреста локтей и разграбил храм и царский дворец.

В царствование Иоаса израильского умер пророк Елисей. «Елисей заболел болезнью, от которой *потом* и умер. И пришел к нему Иоас, царь израильский, и плакал над ним!» *(4 Царств, гл. 13, ст. 14)*.

На следующий год произошло неожиданное чудо. Погребали одного человека и увидели полчище моавитян. «*Погребавшие* бросили того человека в гроб Елисеев; и он при падении своем коснулся костей Елисея, и ожил, и встал на ноги свои» *(ст. 20—21)*. Мы предполагаем, что и моавитяне тоже испугались и удрали.

Критики никогда не бывают довольны! Они и здесь тоже делают свои замечания. Они спрашивают, почему бог не воскресил самого Елисея, вместо того чтобы воскрешать какого-то никому не известного обывателя, никому не нужного и неинтересного, случайно брошенного в пророческую могилу. Они спрашивают, каким образом могила эта оставалась открытой в течение целого года? Они спрашивают, что стало с воскресшим, и удивляются, что он не добивался славы и совершенно не отмечен Библией даже в своей второй, столь неожиданной жизни. Наконец, если такое чудодейственное свойство имели кости Елисея, то, спрашивают они, почему их больше никто не использовал? Грустно думать, что мало-мальски разумное и хорошо распространенное использование этого скелета могло бы и нам всем обеспечить бессмертие! Во всяком случае, «святые отцы» могли бы использовать Елисеевы косточки хотя бы для продления своего собственного существования [2].

Со смертью Елисея историко-политическая путаница в Библии становится такой, что почти невозможно разобраться в сумбурном нагромождении имен и фантастических событий. Конец израильскому государству наступил при царе Осии. Осия и многие его бывшие подданные были уведены в ассирийский плен.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

КОНЕЦ ЦАРСТВА ИУДЕЙСКОГО

то время как евреи из царства израильского находились в ассирийском плену, царство иудейское еще держалось самостоятельно под благочестивым правлением Езекии. «Он отменил высоты, разбил статуи, срубил дубраву и истребил медного змея, которого сделал Моисей; потому что до самых тех дней сыны израилевы кадили ему» *(4 Царств, гл. 18, ст. 4)*. Правда, бог дал ему за это благочестие победу над филистимлянами, но все же покровительство божье в некоторых случаях сказывалось только наполовину. Так, в четвертый год своего царствования Езекия испытал нашествие Синахериба (Библия называет его Сеннахиримом), царя ассирийского, и отделался от него, заплатив ему триста талантов серебра и тридцать талантов золота. «И отдал Езекия все серебро, какое нашлось в доме господнем и в сокровищницах дома царского... Снял Езекия *золото* с дверей дома господня и с дверных столбов, которые позолотил... и отдал его царю ассирийскому» *(ст. 15—16)*.

После такого грабежа «Сеннахирим» мог бы, казалось, оставить Езекию в покое. Не тут-то было! Он вскоре возвратился опять, взялся за дело снова, окружил Иерусалим войсками и послал к Езекии некоего Рабсака, которому поручил задать царю ехидный вопрос: «Что это за упование, на которое ты уповаешь?» *(ст. 19)*. Езекия выслал Рабсаку трех парламентеров, и эти последние сказали ему: «Говори рабам твоим по-арамейски, потому что понимаем мы, а не говори с нами по-иудейски вслух народа, который на стене» *(ст. 26)*.

Но Рабсак сделался еще более дерзким. Он стал говорить на «изящном» библейском языке: «Разве *только* к господину твоему и к тебе послал меня господин мой сказать сии слова? Нет, также и к людям, которые сидят на стене, чтобы есть помет свой и пить мочу свою с вами» *(ст. 27)*.

Езекия, по-видимому, не особенно уповал на бога, раз уж позволил так ограбить себя без всякого сопротивления. Однако пророк Исаия, современник этих событий, поднял

у него настроение, да и сам бог-отец наконец оказал ему свою поддержку. «И случилось в ту ночь: пошел ангел господень, и поразил в стане ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые. И отправился, и пошел, и возвратился Сеннахирим, царь ассирийский, и жил в Ниневии» *(4 Царств, гл. 19, ст. 35—36).* Блистательная библейская «победа»!

Библия сообщает далее, что «Сеннахирим» был убит своими сыновьями Адрамелехом и Шарецером, которые после убийства скрылись в Армению, и что другой сын «Сеннахирима», «Ассардан» (в истории — Асархаддон), воцарился вместо него. В следующей же главе автор сообщает, что Езекия в последние годы своего царствования заключил союз с Беродах Баладаном, царем вавилонским.

Эти утверждения не сходятся с открытиями археологов относительно истории ассирийских царств. Из надписей в знаменитом дворце Хорсабада, открытом в 1842 году французским консулом в Моссуле Ботта́, явствует, что Беродах Баладан был изгнан из Халдеи самим Салманасаром V, отцом Синахериба, победившим его в битве при Бетлакиме в 709 году до н. э., и что Салманасар после этой победы овладел Вавилоном и присоединил это царство к Ниневии. Каким же образом Езекия мог заключить союз с Беродах Баладаном в царствование «Ассардана», сына Синахериба, раз этот царь вавилонский потерял все свои владения в войне против царя ниневийского, деда «Ассардана», и раз «Ассардан», царствовавший в последние годы Езекии, был одновременно царем Ниневии и Вавилона?

Но если даже не считаться с открытиями ученых и предпочитать авторитет Библии, то и в этом случае нельзя не сделать следующего замечания: бог, давший обещание: «Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради себя и ради Давида, раба моего» (4 *Царств, гл. 19, ст. 34*), мог бы и не ожидать второго нашествия «Сеннахирима». Ибо если бог, будучи всемогущим, решил взять Иерусалим под свое покровительство, то лучше было бы действительно защитить город от «Сеннахирима» с самого начала, нежели позволить этому последнему унести все богатства страны и все сокровища храма. Непонятно также, почему господин Саваоф, столь торжественно провозгласивший себя защитником и покровителем племени Иуды и рукой своего ангела-истребителя убивший в одну ночь сто восемьдесят пять тысяч ассирийцев, спустя несколько лет покинул

иудеев, позволил разрушить их святыни другой ассирийской армии и совершенно спокойно смотрел на то, как иудеев и племя вениаминово, не исключая большого количества левитов, заковывали в цепи как рабов.

Вот по поводу Езекии еще один факт, детали которого не лишены любопытства. Этот царь взошел на трон в возрасте двадцати пяти лет, и бог вписал в книгу его судьбы, что он умрет на тридцать девятом году; но вследствие обстоятельств, которые надо отметить, бог подчистил резинкой эту страницу «великой книги вечности» и внес исправление, в силу которого Езекия смог дотянуть до пятидесятичетырехлетнего возраста.

На четырнадцатом году своего царствования Езекия заболел, как это и следовало по указаниям, которые были сделаны в книге его судьбы первоначально, до употребления богом резинки. Царь иудейский не посылал за врачом; это было не нужно, ибо у него под рукой был пророк Исаия, святой человек, бывший в курсе всех божьих решений. Исаия, узнав, по какому поводу царственный больной хотел с ним посоветоваться, поспешил к его одру. И сказал Исаия Езекии: «Так говорит господь: сделай завещание для дома твоего, ибо умрешь ты и не выздоровеешь. И отворотился (Езекия) лицем своим к стене, и молился господу, говоря: «о, господи! вспомни, что я ходил пред лицем твоим верно и с преданным *тебе* сердцем, и делал угодное в очах твоих». И заплакал Езекия сильно. Исаия еще не вышел из города, как было к нему слово господне: возвратись, и скажи Езекии, владыке народа моего: так говорит господь, бог Давида, отца твоего: я услышал молитву твою, увидел слезы твои. Вот, я исцелю тебя; в третий день пойдешь в дом господень; и прибавлю ко дням твоим пятнадцать лет» (4 *Царств, гл. 20, ст. 1—6*).

Исаия, как пророк, ничему не удивился и честно выполнил данное ему поручение. Однако перед лицом противоречивых пророчеств больной растерялся. Езекия спросил у Исаии: «Какое знамение, что господь исцелит меня, и что пойду я на третий день в дом господень? И сказал Исаия: вот тебе знамение от господа, что исполнит господь слово, которое он изрек: вперед ли пройти тени на десять ступеней, или воротиться на десять ступеней? И сказал Езекия: легко тени подвинуться вперед на десять ступеней; нет, пусть воротится тень назад на десять ступеней. И воззвал Исаия пророк к господу, и возвратил тень назад на

ступенях, где она спускалась по ступеням Ахазовым, на десять ступеней» *(ст. 7—11)*. Исаия приложил «пласт смокв» к нарыву Езекии, «и он выздоровел».

Неверующие смеются над этим мармеладом из смокв и над этими десятью ступенями солнечных часов, по которым тень побежала вспять. Или болезнь Езекии, говорят они, была пустяком, раз он выздоровел от фигового пластыря; или же здесь одна только сила божьего вмешательства была причиной исцеления царя, находившегося на волоске от смерти, и тогда пластырь был совершенно ни к чему. Что касается солнечных часов, то Езекия производит на критиков впечатление законченного дурака, когда говорит, что тени легче побежать вперед, чем вернуться обратно: в обоих случаях законы природы были бы одинаково нарушены, и весь порядок мирового движения в солнечной системе должен был бы прийти в расстройство. Кроме того, возвращение тени вспять на ступенях Ахаза представляется не чем иным, как повторением известного чуда Иисуса Навина.

Так говорят скептики. Зато богословы, наоборот, не задумываясь, верят, что Солнце остановилось ради Навина и пошло назад по просьбе Езекии. В главе 38 Книги Исаии этот случай вновь упоминается: «И возвратилось солнце на десять ступеней» *(ст. 8)*.

Самое любопытное из всех странных явлений, которые отмечают описываемую эпоху, это смерть Исаии: этот человек, бывший сам воплощенным чудом, не смог сделать ни малейшего чуда, когда его собственная жизнь была в опасности. Манассия, сын и наследник Езекии, который не особенно поверил случаю с загадочным движением тени, был настолько же неблагочестив, насколько отец его был набожен. Желая видеть, обладает ли Исаия и для своего личного обихода каким-нибудь фиговым пластырем, он приказал распилить пророка на две половины. Несчастный Исаия был распилен, как самое обыкновенное бревно. Ни Рафаил, ни какой-нибудь другой ангел не пришли к нему на помощь. Остается только предположить, что во время казни своего верного слуги бог был чрезвычайно занят на какой-нибудь другой планете.

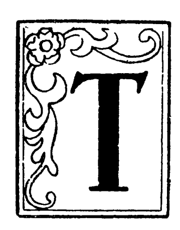
Последним царем иудейским был Седекия. В одиннадцатый год его царствования *(4 Царств, гл. 25, ст. 2)* Иерусалим был взят армиями Навуходоносора. «Принцы крови» были перебиты, а Седекия, которому выкололи глаза и на-

дели цепи на руки, был уведен в вавилонский плен со всеми остатками своего народа *(ст. 7)*. Навуходоносор поджег храм Соломона и дворец; он оставил Иерусалим в развалинах *(ст. 9—10)*.

«Наконец,— говорит Вольтер,— пришла развязка самой большой части древнееврейской истории. Это сначала разорение десяти племен царства израильского, а затем — пленение остальных двух племен. Вот чем кончаются все эти великолепные чудеса, будто бы совершенные богом в пользу этого народа. Христианские мудрецы со скорбью видят бедствия своих «отцов», расчистивших им путь к «спасению». Скептики со скрытой радостью видят уничтожение почти целого народа, который они рассматривают как носителя ужасающе суеверных предрассудков, гнусного разврата, зверского разбоя, непроходимой тупости и благочестивой кровожадности».

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

СВЯЩЕННЫЕ РОМАНИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ «ТОВИТ» И «ИУДИФЬ»

овит из племени Невфалимова был во время Енемессара, царя ассирийского, уведен в плен в Ниневию. К сожалению, этот библейский царь не оставил географической карты своих владений. А без нее нельзя понять, каким образом, будучи царем Ниневии (на Тигре), он мог миновать царство вавилонское для того, чтобы пойти и заковать в цепи обитателей Палестины. Это ведь все равно, как если бы турки прошли через Грецию, чтобы увести к себе в плен население Италии. Товит «ходил в Мидию, и отдал *на сохранение* Гаваилу, брату Гаврия, в Рагах мидийских, десять талантов серебра» *(Товит, гл. 1, ст. 14)*. Сумма немалая для мужа трудящейся женщины (Анна, жена Товита, была пряхой — *гл. 2, ст. 11*). Не знаешь, как и удивляться этому Товиту, который уходит за сотни километров от Ниневии отдать свои деньги на сохранение какому-то Гаваилу.

Однажды, возвратившись после какого-то погребения домой и будучи нечистым, Товит лег спать у стены. Он не заметил, что на стене сидели воробьи. О дальнейшем он рассказывает сам: «Когда глаза мои были открыты, воробьи испустили теплое на глаза мои, и сделались на глазах моих бельма» *(Товит, гл. 2, ст. 10)*. Компетентные люди утверждают, что воробьиный помет отнюдь не опасен для зрения и что Товиту достаточно было бы просто умыться.

«В тот самый день случилось и Сарре, дочери Рагуиловой, в Екбатанах мидийских терпеть укоризны от служанок отца своего за то, что она была отдаваема семи мужьям; но Асмодей, злой дух, умерщвлял их прежде, нежели они были с нею, как с женою. Они говорили ей: разве тебе не совестно, что ты задушила мужей своих? Уже семерых ты имела, но не назвалась именем ни одного из них... Иди и ты за ними, чтобы нам не видеть твоего сына или дочери вовек. Услышав это, она весьма опечалилась... И стала она молиться у окна...» *(Товит, гл. 3, ст. 7—11)*.

Критики отмечают, что никогда до того евреи нигде не упоминают ни о каком дьяволе, демоне или черте: злые духи ведут свое происхождение из Персии, где народ веровал в существование двух одинаково могущественных богов: Ормузда — бога добра и Аримана — бога зла. Из них каждый повелевает целой армией добрых или злых духов. Евреи же были только подражателями. Они заимствовали свою религию у соседей или поработителей, причем заимствовали не только обряды, но также и религиозные предания.

Книга Товита заставляет думать, что злой дух Асмодей был влюблен в Сарру и ревновал ее. Это вполне согласуется с древним учением о духах, ангелах и богах. Мы уже видели в книге «Бытие» ангелов, влюбленных в человеческих девушек и производящих исполинов. Церковники затем много придумали историй о демонах, имевших половое общение с женщинами, и о необыкновенных людях, рождавшихся от этих «нечестивых» связей, о дьяволах, внедряющихся в тела юношей и девушек сотнями различных способов, о том, как чертей вызывают и как их изгоняют. Существовали и существуют многие дикие предрассудки и суеверия, которые корыстолюбивая хитрость церковников всегда использовала для эксплуатации человеческой глупости.

«И услышана была молитва обоих пред славою великого бога, и послан был Рафаил исцелить обоих: снять бельма у Товита, и Сарру, дочь Рагуилову, дать в жену Товии, сыну Товитову, связав Асмодея, злого духа; ибо Товии предназначено наследовать ее» *(Товит, гл. 3, ст. 16—17)*.

Здесь впервые «священное писание» называет ангела по имени. Все комментаторы единогласно утверждают, что имена иудео-христианских ангелов — халдейского происхождения: Рафаил — целитель божий, Уриил — огонь божий, Азраил — род божий, Михаил — образ божий, Гавриил — человек божий. Персидские ангелы назывались совсем иначе: Ма, Кур, Дубадур, Бааман и т. д. Евреи были в рабстве у халдеев, а не у персов и усвоили себе верования в халдейских ангелов и дьяволов. Все меняется и у этого «избранного богом» народа, как только он меняет своих хозяев. Когда евреи были порабощены хананеянами, они поклонялись их богам; когда они находились в плену у царей, называемых ассирийскими, они приняли веру в их добрых и злых духов.

«В тот день вспомнил Товит о серебре, которое отдал на сохранение Гаваилу в Рагах мидийских, и сказал сам себе: я просил смерти; что же не позову сына моего Товии, чтобы объявить ему об этом, пока я не умер? И, призвав его, сказал: сын мой! когда я умру, похорони меня, и не покидай матери своей» *(Товит, гл. 4, ст. 1–3)*. Следует длинная речь, кончающаяся так: «Теперь я открою тебе, что я отдал десять талантов серебра на сохранение Гаваилу, в Рагах мидийских» *(ст. 20)*.

Затем Товит передал сыну расписку Гаваила *(гл. 5, ст. 3)* и посоветовал ему найти себе спутника, который сопровождал бы его в Мидию. «И пошел он искать человека, и встретил Рафаила. Это был ангел, но он не знал. И сказал ему: можешь ли ты идти со мною в Раги мидийские, и знаешь ли эти места? Ангел отвечал: могу идти с тобою, и дорогу знаю; я уже останавливался у Гаваила, брата нашего» *(Товит, гл. 5, ст. 4–6)*.

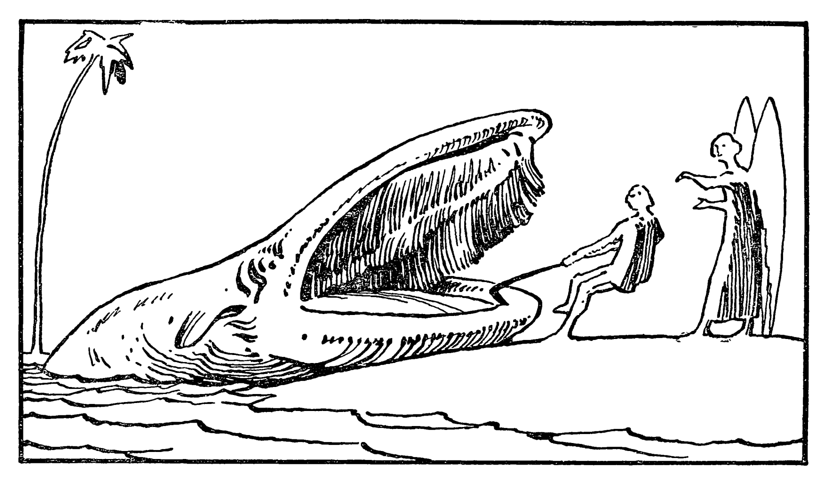
Какое удачное совпадение, не правда ли? Молодой Товия представил отцу прекрасного незнакомца, который сказал, что он происходит из рода Анании великого и что зовут его Азария. Это было еще одно удачное совпадение, ибо старый Товит знавал Ананию и даже был с ним в отдаленном родстве. Последовал торг относительно гонорара за сопровождение мальчика в пути. «Я дам тебе драхму на день и все необходимое для тебя и для сына моего, и еще прибавлю тебе сверх этой платы, если благополучно возвратитесь» *(Товит, гл. 5, ст. 15–16)*. Довольно странно, что старый Товит, еврей, проживавший в Ниневии, расплачивается не еврейской и не мидийской монетой, а греческой.

Товия отправился в путь с мнимым Азарией, и «собака юноши с ними». Нетрудно догадаться, что путешествие не обошлось без приключения. Иначе не стоило бы, в самом деле, автору огород городить и выпускать на сцену этих двух действующих лиц. «Путники вечером пришли к реке Тигру, и остановились там на ночь. Юноша пошел помыться, но из реки показалась рыба и хотела поглотить юношу. Тогда ангел сказал ему: возьми эту рыбу. И юноша схватил рыбу, и вытащил на землю» *(Товит, гл. 6, ст. 2–4)*.

Каким это образом чудовищная рыба, способная проглотить человека, так легко позволила взять себя за жабры, как кролик, которого берут за уши? Но богословов это не затрудняет. Их не затрудняет и то, что подобного рода рыбы не водятся в пресной воде. Эта рыба, надо думать,

была брошена в Тигр в порядке исключения по специальному божьему приказу для совершения чуда. Это была божественная инсценировка, и, следовательно, бесполезно искать, к какому виду могла принадлежать эта огромная пресноводная рыба-людоед.

Ангел приказал Товии разрезать рыбу и сохранить сердце, печень и желчь. Когда операция была окончена, рыба была зажарена, и спутники питались ею до прихода в Экбатаны. «И сказал юноша ангелу: брат Азария, к чему

«...из реки показалась рыба и хотела проглотить юношу. Тогда ангел сказал ему: возьми эту рыбу» *(Товит, гл. 6, ст. 3—4)*.

эта печень и сердце и желчь из рыбы? Он отвечал: если кого мучит демон, или злой дух, то сердцем и печенью должно курить пред таким мужчиною или женщиною, и более уже не будет мучиться; а желчью помазать человека, который имеет бельма на глазах, и он исцелится» *(ст. 7—9)*.

Затем Рафаил посоветовал Товии попросить гостеприимства у его родственника Рагуила и взять в жены дочь его Сарру. Это последнее предложение вызвало большие колебания у неподготовленного юноши. Он сказал ангелу: «Брат Азария, я слышал, что эту девицу отдавали семи мужам, но все они погибли в брачной комнате; а я один у отца, и боюсь, как бы, войдя *к ней*, не умереть подобно прежним; ее любит демон, который никому не вредит, кроме приближающихся к ней. И потому я боюсь... Ангел

сказал ему:... ей следует быть твоею женою, а о демоне не беспокойся; в эту же ночь отдадут тебе ее в жену. Только, когда ты войдешь в брачную комнату, возьми курильницу, вложи в нее сердца и печени рыбы, и покури; и демон ощутит запах, и удалится, и не возвратится никогда. Когда же тебе надобно будет приблизиться к ней, встаньте оба, воззовите к милосердому богу, и он спасет и помилует вас. Не бойся; ибо она предназначена тебе от века, и ты спасешь ее, и она пойдет с тобою, и я знаю, что у тебя будут от нее дети. Выслушав это, Товия полюбил ее, и душа его крепко прилепилась к ней» *(Товит, гл. 6, ст. 14—18)*. Не забывайте при этом, что Товия еще не видел ни разу молодой героини.

«И подошли к дому Рагуила. Сарра встретила и приветствовала их, и они ее, и ввела их в дом. И сказал Рагуил Едне, жене своей: как похож этот юноша на Товита, сына брата моего!» *(Товит, гл. 7, ст. 1—2.)* Юноша назвал себя; ему весьма обрадовались и закатили большой обед, но молодой Товия отказался есть что бы то ни было, если старик Рагуил не отдаст за него немедленно замуж свою дочку Сарру. Рагуил не остановился и перед такими проявлениями гостеприимства, но счел своим долгом посвятить молодого человека в ужасную судьбу первых семи мужей красавицы Сарры. Молодой Товия настаивал на своем, утверждая, что не боится ничего. «И призвал Сарру, дочь свою, и, взяв руку ее, отдал ее Товии в жену, и сказал: вот, по закону Моисееву, возьми ее и веди к отцу твоему. И благословил их... И, взяв свиток, написал договор и запечатал» *(Товит, гл. 7, ст. 12—13)*.

Една приготовила спальню и ввела туда Сарру. «И заплакала, и приняла взаимно слезы дочери своей, и сказала ей: успокойся, дочь» *(ст. 17)*. «Когда окончили ужин, ввели к ней Товию. Он же, идя, вспомнил слова Рафаила, и взял курильницу, и положил сердце и печень рыбы, и курил. Демон, ощутив этот запах, убежал в верхние страны Египта, и связал его ангел» *(Товит, гл. 8, ст. 1—3)*.

Богословы задавались вопросом, связан ли Асмодей и до сих пор и где именно он находится. Важный вопрос! Потоки чернил были пролиты для его разрешения. Особенными пройдохами оказываются монахи одного египетского монастыря, показывающие богомольцам очень глубокий колодец, где якобы Рафаил связал своего врага. Демон находится там и поныне. За небольшое вознаграждение, взимаемое

благочестивыми братьями, можно получить разрешение бросить в колодец несколько камней или несколько капель «святой воды», чтобы увеличить страдания этого демона, уже и без того приведенного в состояние полной беспомощности.

Рагуил, уверенный в том, что Товии не выпутаться из этой истории живым, заботливо копал ему могилу. Но когда на следующее утро он узнал, что его зять цел и невредим, он несказанно обрадовался. Немедленно могила была засыпана, и свадебные пиршества продолжались 14 дней. И сказал Рагуил Товии по окончании пиршеств: «Взяв половину имения, благополучно отправляйся к отцу твоему. Остальное же *получишь*, когда умру я и жена моя» *(Товит, гл. 8, ст. 21)*. Во время свадебного пира ангел Рафаил, уже возвратившийся из Египта, пришел в Раги под именем Азарии. Гаваил преуспевал в делах своих и без разговоров возвратил десять талантов, взятых у Товита.

Наконец молодой Товия, его жена, небесный спутник и собака возвратились в Ниневию, где старый слепец стал уже приходить в отчаяние. Товия «приложил желчь к глазам отца своего, и сказал: ободрись, отец *мой!* Глаза его заело, и он отер их, и снялись с краев глаз его бельма. Увидев сына своего, он пал на шею к нему и заплакал» *(Товит, гл. 11, ст. 10—13)*. Оставалось только рассчитаться с Азарией: этот последний отказался от предложенных ему драхм, назвал свое истинное имя и, объявив, что он один из семи старших ангелов небесной иерархии, исчез.

Сказочка об Иудифи не менее чудесна. На восемнадцатом году царствования Навуходоносора, которого Библия здесь именует царем ассирийским, город Ветилуя, совершенно неизвестный историкам и географам, подвергся будто бы осаде армией этого царя под предводительством мифического генерала Олоферна. Основное ядро этой армии состояло из 120 000 пехотинцев и 12 000 всадников *(Иудифь, гл. 2, ст. 15)*. Олоферн заградил каналы, питавшие Ветилую, так что осажденные «от жажды падали на улицах города» *(гл. 7, ст. 22)*. Положение становилось невыносимым. Тогда некая прекрасная ветилуйская вдова, муж которой был сражен солнечным ударом во время жатвы *(гл. 8, ст. 3)*, решила спасти свою родину. Для этого она надела свое самое прекрасное платье, надушилась и напомадилась и в сопровождении старой дуэньи отправилась во вражеский стан *(гл. 10, ст. 10)*. «И дивились красоте ее»

(ст. 19). Красавица потребовала провести ее к генералу, который в это время «отдыхал на своей постели» *(ст. 21)*. Олоферн пригласил Иудифь пообедать в его палатке. Было немало съедено, немало выпито. Генерал «любовался на нее, и пил вина весьма много, сколько не пил никогда, ни в один день от рождения» *(Иудифь, гл. 12, ст. 20)*. После пиршества, когда Олоферн, весьма довольный, растянулся на кушетке, Иудифь схватила генеральский меч и «изо всей силы дважды ударила по шее *Олоферна,* и сняла с него

«И сказал ей Олоферн: пей же и веселись с нами»
(Иудифь, гл. 12, ст. 17).

голову» *(гл. 13, ст. 8)*. Скажите после этого, что любовь действительно не заставит иной раз потерять голову!

Дуэнья положила голову Олоферна «в мешок со съестными припасами» *(ст. 10)*. Незамеченные никем, обе женщины вернулись в город. На стенах Ветилуи на другой день появилась физиономия главнокомандующего армией Навуходоносора. Согласно Библии, огромное войско, осаждавшее город, при виде отрубленной головы, обратилось в дикое бегство *(Иудифь, гл. 15, ст. 2—3)*. Никто даже и не подумал стать под командование какого-нибудь другого начальника.

Вот комментарий Вольтера по этому поводу: «Географу было бы очень трудно поместить где-нибудь эту Ветилую. Одни указывают, что она находилась в сорока милях

к северу от Иерусалима, другие говорят, что она была расположена на несколько миль к югу от него. Но любая порядочная женщина была бы еще более затруднена, если бы ей пришлось оправдать поведение прекрасной Иудифи. Пойти спать с командующим армией для того, чтобы отрезать ему голову,— это, в конце концов, не совсем скромно. А положить эту окровавленную голову своими же окровавленными руками в мешок и спокойно пройти со своей служанкой через расположение стотысячной армии, не будучи остановленной ни одним часовым,— это уже и не совсем просто».

Но что еще более трудно — это прожить после сего блестящего подвига сто пять лет в доме своего покойного мужа, как это сказано в главе 16. В спорах относительно возраста Иудифи в момент совершения славного подвига уже известный нам бенедиктинец Кальмет высказывает мнение, что Иудифи было шестьдесят пять лет, когда Олоферн пленился ее поразительной красотой. Самый подходящий возраст для того, чтобы кружить и рубить головы! Но Библия сейчас же погружает нас еще в одно затруднение. Она говорит, что никто не нарушал покоя израиля «во дни Иудифи», а между тем это была эпоха самых больших бедствий еврейского народа.

Вот, впрочем, точная цитата: «И никто более не устрашал сынов израиля во дни Иудифи и много дней по смерти ее» *(Иудифь, гл. 16, ст. 25)*. Этот текст еще раз показывает, с каким самоуверенным апломбом «вдохновители» Библии насмехаются над верующими. Если принять толкование бенедиктинца Кальмета и других католических богословов, что Иудифи было шестьдесят пять лет (это в Библии нигде не указано!), когда она убила Олоферна, остается сорок лет между подвигом и смертью библейской героини. Если же вернуться к Четвертой книге Царств (к главам, посвященным последним царям иудейским) и прочитать историю ассиро-вавилонских царств, то плоская выдумка об Иудифи делается совершенно очевидной.

Основателю халдейской династии царей вавилонских Набопаласару (царствовал в 626—604 годах до н. э.) наследовал сын его Небукаднецар-Набукудуруссур (библейский Навуходоносор, царствовал в 604—562 годах), победивший фараона Нехо в знаменитой битве при Кархемыше в верховьях реки Евфрат. Именно в это время Навуходоносор совершил первое нашествие на иудеев для того, чтобы

наказать царя Иоакима, сына Иосии, который воевал на стороне фараона Нехо против Вавилона. Иерусалим в 597 году был взят вавилонскими войсками. Часть населения была уведена в Вавилон. Это было начало семидесяти лет пленения. Иудейское царство пока еще оставалось самостоятельным, но продержалось недолго.

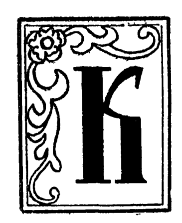
Факты первого нашествия Навуходоносора на иудеев, признаваемые Четвертой книгой Царств, ни малейшим образом не соответствуют тому, что Библия рассказывает по этому же поводу в книге «Иудифь». Если эпизод с Олоферном относился бы к этой эпохе, то нет никакого сомнения, что Навуходоносор отомстил бы за убийство его генерала во время этого своего первого нашествия, не предоставив самостоятельности Иудее.

Невозможно отнести этот эпизод также и к последующим годам, в течение которых вавилонское иго лежало на иудеях более тяжело, чем когда бы то ни было. В 588 году фараон Уах-аб-Ра (Априй) после успешной войны с сирийцами подстрекнул иудейского царя Хизкию-Седекию сбросить вавилонское иго. Априй был разбит Навуходоносором в Сирии. По возвращении из своего победоносного похода Навуходоносор вновь осадил Иерусалим. Подвиг Иудифи, конечно, не был выполнен и в этот период, ибо победа еще раз досталась врагам израиля. Осада закончилась взятием Иерусалима и полным разгромом иудейского царства. Вавилонские войска вошли в город Давидов в ночь с 9 на 10 июля 586 года до н. э. Храм и дворец разрушены, общественные здания, а также дома частных жителей подожжены, укрепления обращены в развалины; все царское семейство истреблено и перебито, за исключением Седекии, который с выколотыми глазами был уведен в плен в Вавилон, сопровождаемый толпами плененных иудеев.

Навуходоносор не переставал быть бичом и грозой Иудеи. Его армии приходили на территорию Палестины, всегда одерживая победы, было ли это под командованием его военачальников, или под его личным. Это не отрицают и библейские Книги Царств. Следовательно, раз книга «Иудифь» приписывает красавице старушке подвиг в борьбе против одного из генералов Навуходоносора, а Вавилония не имела двух царей того же имени, то выходит, что книга «Иудифь» от первой строки до последней есть голая богословская выдумка.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

ПРОРОК ДАНИИЛ И ЕГО СВЯЩЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Книги пророков Исаии, Иеремии, Иезекииля и др. не представляют никакого интереса для нашего исследования. Повествования о событиях, даже и в действительности происходивших, будто бы написанные до этих событий, на самом деле говорят о прошлом или о том, чему авторы были современниками. Что касается пророчеств, то они до невозможности расплывчаты и туманны. Это позволяет толковать их по желанию и даже менять толкования в различных целях и применительно к разным событиям. Мы не задерживаемся на них. Это значило бы заставить читателя зря терять время.

Теперь мы расстанемся с ранее проводившейся нами системой последовательного разбора текстов Библии, шаг за шагом. В остающейся части нашего труда мы сгруппируем все эпизоды, которые составляют догматическую, отстаиваемую служителями религии историю еврейского народа со времени разрушения храма Навуходоносором до Иисуса Христа. Мы, таким образом, предложим читателю подбор наиболее любопытных отрывков, начиная с Даниила, приключения которого относятся к эпохе Навуходоносора.

Книга Даниила начинается с повествования о том, что царь Навуходоносор будто бы воспитал в Вавилоне, среди своих евнухов и слуг, четырех молодых евреев благородного происхождения, наиболее красивых лицом. Асфенах, начальник евнухов, поручил своему помощнику Амелсару этих четырех юношей — Даниила, Ананию, Азарию и Мисаила, переименовав их в Валтасара, Седраха, Мисаха и Авденаго. В Библии нет указаний на то, чтобы они подверглись кастрации, но это довольно прозрачно явствует из текста. Как бы то ни было, воспитание пошло молодым людям впрок, и Навуходоносор признал, что они в десять раз более умны и учены, чем все мудрецы и звездочеты его царства.

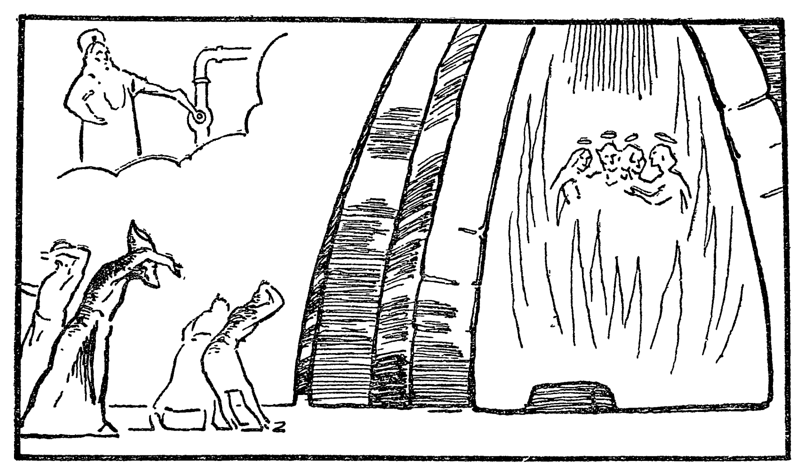
В один прекрасный день, или, вернее, в одну прекрасную ночь, Навуходоносор видел сон, который настолько смутил его, что, проснувшись, он не мог его вспомнить. Он призвал к себе всех халдейских мудрецов и приказал им сказать, что он видел во сне, и объяснить ему сновидение. Мудрецы ответили, что первая часть задачи совершенно неразрешима, но что если бы царь вспомнил свое сновидение, то объяснить его было бы самой легкой задачей на свете. Навуходоносор, рассвирепев, подверг мудрецов мучительной пытке. Во время экзекуции, от которой должны были погибнуть и четыре молодых еврея, хотя они и не были вызваны на царскую консультацию, Даниил заявил внезапно, что берется напомнить Навуходоносору содержание его сновидения и истолковать его самым точным образом. Он сообщил царю, что тот видел большую статую с золотой головой, серебряной грудью и серебряными руками, с животом и бедрами из меди и на ногах, наполовину железных, наполовину глиняных. Маленький камешек, оторвавшись от соседней горы, ударил в ноги статуи и разбил их, так что вся статуя рухнула, камень же сделался большой горой, которая заполнила всю землю.

Истолковывая сон, Даниил сказал, что золотая голова — это сам Навуходоносор лично. А после Навуходоносора воздвигнется царство серебряное, меньшее; затем придет третье царство, медное; в четвертую очередь будет громадное царство, наполовину железное, наполовину из глины, то есть наполовину сильное — наполовину слабое. И тогда бог подымет пятое царство, которое разобьет и уничтожит все прочие. Это пятое и установится навеки. Совершенно ошеломленный такой глубокой мудростью, Навуходоносор пал ниц перед молодым Даниилом, осыпал его подарками и назначил губернатором одной из вавилонских провинций. Так, по крайней мере, говорит Библия, хотя археологи не нашли ничего похожего в ассирийских надписях.

Некоторое время спустя Навуходоносор воздвиг в чистом поле, в вавилонской провинции Деире, статую из золота вышиной в шестьдесят локтей и шириной в шесть и собрал в день ее освящения всех сатрапов, старейшин, военачальников, управителей, советников и проч. На некотором расстоянии от статуи он построил громадную печь, пылавшую огнем. Вестник объявил от имени царя, что кто не падет ниц перед золотой статуей, будет брошен в печь. Анания, Азария и Мисаил не захотели пасть ниц, и Наву-

ходоносор, придя в ярость, приказал подбросить в печь в семь раз больше топлива, чем обыкновенно, и кинуть туда трех молодых вольнодумцев, предварительно связав их.

Но печь пылала так ярко и горячо, что люди, подведшие к ней осужденных, сами заживо сгорели, едва приблизившись. Навуходоносор был совершенно изумлен, видя, что не три, а четыре человека спокойно гуляют в пламени печи, ничуть не страдая от жара. Навуходоносор пригласил Ананию, Азарию и Мисаила выйти из печи, что они и

«И ходили посреди пламени, воспевая бога и благословляя господа» *(Дан., гл. 3, ст. 24).*

сделали. Все сатрапы, старейшины, правители и советники были ошеломлены, увидев, что эти люди вышли целыми и невредимыми, что ни один волос не сгорел на их теле; даже одежда их не была тронута огнем *(ст. 27)*. Не сходя с места, Навуходоносор издал декрет, в силу которого всякий сказавший непочтительное слово против еврейского бога будет разрезан на куски, а дом его будет разрушен *(Дан., гл. 3, ст. 96)*.

Глава 4 — это шедевр тупоумия. Священники рассказывают, что Навуходоносор обратился в животное и оставался таковым в течение семи лет. Даниил уступает здесь перо царю вавилонскому, и Навуходоносор сам рассказывает, что с ним случилось: «Я, Навуходоносор, спокоен был в доме моем и благоденствовал в чертогах моих. Но я видел

сон, который устрашил меня, и размышления на ложе моем и видения головы моей смутили меня...» *(Дан., гл. 4, ст. 1—2).*

Рассказав о необычайно глупом сне, Навуходоносор продолжает. Однажды он был изгнан из своих чертогов, и все люди стали презирать его, вследствие чего он был вынужден скрыться в полях; там он стал есть траву и не имел никакой другой пищи в течение семи лет; тело его обросло львиной шерстью и орлиными перьями, а ногти его сделались подобны когтям хищных птиц. К концу седьмого года «я, Навуходоносор, возвел глаза мои к небу, и разум мой возвратился ко мне; и благословил я всевышнего, восхвалил и прославил присносущего, которого владычество — владычество вечное, и которого царство — в роды и роды... В то время возвратился ко мне разум мой, и к славе царства моего возвратились ко мне сановитость и прежний вид мой; тогда взыскали меня советники мои и вельможи мои, и я восстановлен на царство мое, и величие мое еще более возвысилось!» *(Дан., гл. 4, ст. 31, 33).*

Очень досадно, что Навуходоносор не говорит, кто царствовал эти семь лет вместо него. Нечего и говорить, что науке так и неизвестно это «падение» сына Набопаласара и возвращение его на трон через семь лет.

В главе 5 Даниил описывает необыкновенное приключение, известное под названием пира Валтасара. Несколько раз автор заявляет, что этот Валтасар был сыном Навуходоносора. Итак, этот царь давал необыкновенный бал «для тысячи вельмож своих» *(ст. 1).* За десертом ему пришла фантазия заставить своих приглашенных выпить из священных сосудов, которые его отец привез из иерусалимского храма. Тогда внезапно появилась неведомая рука и стала выводить на стене буквы на неизвестном языке. Испуганный Валтасар призвал тайновидцев и астрологов — самых ученых халдеев и мудрецов, обещая дать золотые украшения, пурпурные платья и треть своего царства тому, кто первый расшифрует эту таинственную и необъяснимую надпись. Но никто не мог удовлетворить царя. К счастью, царица вспомнила о Данииле. Явился пророк и, не моргнув глазом, прочитал на стене слова: **«мене, мене, текел, упарсин»**. Затем, не говоря, к какому языку эти слова относятся, он перевел их, к великому изумлению собрания: «Вот и значение слов: **мене** — исчислил бог царство твое и положил конец ему; **текел** — ты взвешен на весах и найден очень

легким; **перес** — разделено царство твое и дано мидянам и персам» *(ст. 26—28)*.

Валтасар поверил и, как порядочный человек, который держит данное им слово, тотчас же приказал нарядить Даниила в багряницу, возложить на его шею золотую цепь и провозгласил его властелином третьей части царства. Глава тут же кончается следующими двумя стихами: «В ту же самую ночь Валтасар, царь халдейский, был убит. И Дарий мидянин принял царство, будучи шестидесяти двух лет» *(ст. 30—31)*.

Известно, какой успех имел этот анекдот с пиром Валтасара. Его сюжет полон заманчивости для писателей и художников, которые извлекли из него немало пользы. А сколько добрых людей верят, что пиршество это действительно когда-то имело место! Но, к счастью, есть наука, называемая историей, и она самым неоспоримым образом опровергает Библию.

Во-первых, никакой Валтасар не отмечен среди царей вавилонских. Навуходоносор умер в 562 году до н. э., оставив сына Эвилмеродаха, который царствовал с 562 по 556 год до н. э., и дочь, которая была замужем за Мергалсарассаром (Нериглисор). Последний убил своего шурина, узурпировал трон и погиб год спустя, в 555 году до н. э., в бою против персидского царя Кира. Но корона еще оставалась в семье Навуходоносора: она перешла в первую очередь к его внуку Лаворосоарходу, сыну Эвилмеродаха, который процарствовал всего несколько месяцев, а затем к Набониду, сыну младшего брата Навуходоносора. Но Набонид, царствовавший с 555 по 538 год до н. э. и бывший последним царем вавилонским из династии Набопаласара, не есть, конечно, властелин, которого Библия называет Валтасаром, ибо Книга Даниила определенно называет этого Валтасара сыном Навуходоносора и заставляет его умереть в ночь взятия Вавилона будто бы Дарием. Однако именно Кир, а не Дарий взял Вавилон в 538 году до н. э. и тем положил конец царствованию Набонида, каковой, конечно, тоже не Валтасар.

Правда, Вавилон был взят еще раз двадцать два года спустя, и на этот раз действительно Дарием I. И вот некоторые богословы-хитрецы пытаются внушить, что царь вавилонский этой второй эпохи и есть библейский Валтасар. Но и эта уловка не выдерживает критики. Стократ известно, что Кир, соединив короны Персии, Лидии, Мидии и

Ассирии, основал великую персидскую монархию и установил свое владычество во всей Западной Азии. Его сын Камбиз присоединил к своему огромному царству Египет, который завоевал в 525 году до н. э. Он умер в 523 году до н. э. Известно, что Камбиз не имел детей. Корона перешла к брату его Смердизу. Этот последний был тайно убит мидийскими волхвами, которые посадили на его место одного из своих собратьев. Однако через семь месяцев подмена была открыта. Персидские владетели составили заговор, убили волхвов и лже-Смердиза (521 год до н. э.) и передали корону Дарию, который был дважды зятем Кира (он был женат на двух дочерях Кира — Атоссе и Арисфоне) и известен под именем Дария I, сына Гистаспа. Это история! И Дарий, царствовавший с 521 по 486 год до н. э., разделил свое царство на двадцать сатрапий.

Верно, что в течение некоторого времени сатрапы вавилонские Набу-Интук и его сын Велсарусур провозгласили независимость, и Дарию снова пришлось завоевывать Вавилон (516 год до н. э.). Но как можно утверждать, что Велсарусур может быть Валтасаром, раз этот царь был только взбунтовавшимся сатрапом, а не родным сыном Навуходоносора,— квалификация, которую Библия дает Валтасару и повторяет несколько раз. Между Навуходоносором и Велсарусуром девять царей правили Вавилоном.

В последующих главах Книги Даниила говорится, что этот пророк выполнял самые высокие функции при Дарии и Кире. По Библии, эти цари царствуют одновременно — один в Мидии, другой в Персии. А между тем они один после другого правили объединенными Мидией и Персией, и между царствованием Кира и царствованием его шурина Дария были еще Камбиз-завоеватель и лже-Смердиз.

Наконец, бесспорно, что вавилонско-халдейское царство (династия Набопаласара) пало в 538 году до н. э. Вавилон был взят Киром. И вот иные богословы фантазируют, что Дарий, командуя армиями своего тестя Кира, овладел-де царством от его имени. Они говорят, что это подразумевается в приведенном нами выше стихе 31 пятой главы Книги Даниила. Они прибавляют — опять-таки придумывая это,— что, по-видимому, Кир оставался верховным правителем всего нового персидского царства, но что он должен был облечь особыми полномочиями своего зятя Дария, назначив его наместником Халдеи, то есть территории предполагаемого Валтасара. Столицей Халдеи был Вавилон.

Они находят подтверждение этой догадки в стихе 23 главы 6 и в стихе 1 главы 9. Вот что говорят эти стихи: «Даниил благоуспевал и в царствование Дария, и в царствование Кира персидского» *(гл. 6, ст. 28)*; «Дарий, сын Ассуиров, из рода мидийского, который поставлен был царем над царством халдейским» *(гл. 9, ст. 1)*. Это позволяет, говорят они, повествование Даниила согласовывать с историческими данными.

Очень понятно, что богословы, прославляющие Даниила как одного из величайших пророков, всячески стараются оградить его от обвинений в лживой похвальбе. Иначе, если этот еврейский писатель солгал, рассказывая о событиях, в которых он якобы был одним из главных действующих лиц, ему нельзя верить и там, где он говорит о будущих событиях. А так как эти «пророчества» касаются Христа и его церкви и имеют огромное значение для христианства, будто бы предсказанного Даниилом, то надо, конечно, чтобы Даниил ни в коем случае не был уличен во лжи. Вот почему христианские богословы лезут из кожи, желая доказать, что в последний день царствования хоть какого-нибудь Валтасара, сына Навуходоносора, Вавилон был взят Дарием мидийским, действовавшим за счет Кира и облеченным тотчас же властью над халдейским царством.

Но тут есть что-то роковое: еврейские священнослужители, подверженные хвастовству и безудержной болтливости, думали писать лишь для низших слоев еврейского народа, для своих невежественных соплеменников, неспособных спорить с левитами по поводу исторических данных. Таким образом и были придуманы легенды об Олоферне, Валтасаре и другие эпизоды этого жанра, очень лестные для самолюбия евреев, столь исстрадавшихся от жестокости многочисленных и разнообразных поработителей. Этими легендами о героизме Иудифи, о возвышении всяких Даниилов и Есфирей приятно щекотали национальную жилку, давая нечто вроде утешения несчастным побежденным, наконец вышедшим из пленения и рабства. Тогда и были написаны эти книги бессмысленной фантазии, ибо никто не предполагал, что настанет день, когда все это нагромождение лжи рухнет и откроется весь цинизм рясников всех времен и религий.

Действительно, последний аргумент богословов, которым они пользуются для защиты Даниила от обвинений во лжи относительно Дария и Кира, не более прочен, чем все

другие их гипотезы. Дарий не был сыном царя, а происходил от одного персидского владетеля, по имени Гистасп; следовательно, он не был сыном Ассуира, а сам Ассуир есть еще один мнимый царь, выдуманный Библией как царь Персии и Мидии, женившийся на еврейке Есфири. Дарий не был из мидийского рода. Наоборот, после смерти Кира, который установил персидское владычество в новом царстве, мидийские волхвы воспользовались экспедицией Камбиза в Египет для того, чтобы попытаться захватить власть. Это удалось им благодаря лже-Смердизу. Однако именно для устранения влияния мидийской расы персидские владетели подняли бунт, избили волхвов и их сторонников и передали корону Дарию, сыну Гистаспа, родом персу. Наконец, Дарий никогда не имел отдельного царства в Вавилоне: он получил корону, как законный наследник Кира и Камбиза, чтобы быть вождем великой персидской империи, царем Персии, Мидии, Лидии, Халдеи и Египта.

После забавной истории с Валтасаром Даниил рассказывает *(гл. 6)*, что Дарий разделил свое царство халдейское на сто двадцать сатрапий, поставил над сто двадцатью сатрапами трех губернаторов. Даниил будто бы был самым важным из трех; остальные губернаторы и 120 сатрапов, завидуя этому громадному авторитету еврея, стали замышлять его убийство. По их предложению Дарий приказал, чтобы в течение 30 дней ему воздавались божеские почести *(Дан., гл. 6, ст. 7)*. Даниил конечно же не посчитался с этим декретом и продолжал возносить молитвы своему богу. Но когда Дарий получил донос на своего первого министра, к которому он питал самые лучшие чувства, он понял, что его советники расставили ему ловушку. Однако царское слово было дано, и чтобы не нарушить его, он приказал бросить Даниила в львиный ров. Во всяком случае, Дарий, хотя и веровавший благочестиво в богов своей страны, питал также некоторое благоволение и по отношению к еврейскому богу.

«Царь повелел, и привели Даниила, и бросили в ров львиный... И принесен был камень и положен на отверстие рва, и царь запечатал его перстнем своим, и перстнем вельмож своих, чтобы ничто не переменилось в распоряжении о Данииле... По утру же царь встал на рассвете, и поспешно пошел ко рву львиному. И, подойдя ко рву, жалобным голосом кликнул Даниила: ...Даниил, раб бога живаго! Бог

твой, которому ты неизменно служишь, мог ли спасти тебя от львов? Тогда Даниил сказал царю: царь! во веки живи! Бог мой послал ангела своего, и заградил пасть львам, и они не повредили мне, потому что я оказался пред ним чист, да и перед тобою, царь, я не сделал преступления. Тогда царь чрезвычайно возрадовался о нем, и повелел поднять Даниила изо рва; и поднят был Даниил изо рва, и никакого повреждения не оказалось на нем, потому что он веровал в бога своего. И приказал царь, и приведены были те люди, которые обвиняли Даниила, и брошены в львиный ров, как они сами, так и дети их и жены их; и они не достигли до дна рва, как львы овладели ими и сокрушили все кости их. После того царь Дарий написал всем народам, племенам и языкам, живущим на всей земле: «мир вам да умножится! Мною дается повеление, чтобы во всякой области царства моего трепетали и благоговели пред богом Данииловым; потому что он есть бог живый и присносущий, и царство его несокрушимо, и владычество его бесконечно» *(Дан., гл. 6, ст. 16—26)*.

Надо было, действительно, чтобы вожди еврейского народа держали его в полной темноте и невежестве относительно того, что происходило у других народов; надо также, чтобы те, кто писал «священные» книги, имели совершенно феноменальную наглость! Обращение Дария в еврейскую веру? Провозглашение иудаизма государственной религией эдиктом Дария? И это религиозно-политическое событие столь громадного значения доведено приказами царскими до сведения всех народов! Можно ли вообразить более наглую и вместе с тем более самовлюбленную ложь? Можно ли было бы подумать, чтобы подобное пришло комунибудь в голову, если бы Библия не сохранилась? Дарий, поклоняющийся библейскому Саваофу — Адонаю? Тот Дарий, который способствовал своими богатствами постройке храма Дианы Эфесской — знаменитого языческого святилища? Лги, да знай же меру!

Зато Даниил, этот мнимый премьер-министр Дария, ни в одной из четырнадцати глав приписываемой ему книги не говорит ни одного слова о войне Дария с греками. Об этом грандиозном историческом событии Даниил ничего не слыхал. Он не знает даже о Марафонской битве!

Главы 7—12 Книги Даниила посвящены снам автора и его пророчествам. Если бы эти сновидения были изложены даже правдивым писателем, и тогда, конечно, они не имели

бы никакой ценности. Но под пером враля, который невозмутимо и беспрестанно твердит, что он был губернатором вавилонской провинции при Навуходоносоре, а затем премьер-министром Дария, эти претенциозные пророчества и видения не имеют даже того интереса, который может иногда заставить прислушаться и к причудливому бреду сумасшедшего. Какое нам дело до того, снился ли Даниилу или не снился лев с орлиными крыльями, или медведь, из пасти которого торчали три громадных клыка, или четырехголовый леопард, имеющий на спине четыре птичьих крыла, или непонятное животное, имеющее десять рогов и железные зубы? Какой интерес представляет то, что этот дерзкий лгун предвещает всеобщее воскресение, которое произойдет, говорит он, «к концу времени и времен и полувремени» *(Дан., гл. 12, ст. 7)*. Все это стоит не больше, чем болтовня знахарки, гадающей на картах или на кофейной гуще. При чтении этих страниц можно только почувствовать еще большее отвращение к служителям религии, которые пользуются Библией для подавления разума верующих, и еще больше пожалеть тех, кто принимает эти жалкие бессмыслицы, видя в них предмет божественного вдохновения.

Глава 13 повествует, как Даниил спас жизнь одной добродетельной женщине, для которой два старых плута добились смертного приговора, и каким образом была доказана клевета обвинителей, которых он и заставил казнить вместо их жертвы. Действие происходит в Вавилоне во времена пленения евреев. Героиня — некая Сусанна, жена Иоакима. Эта Сусанна была очень красива и верна своему мужу. Двое старцев воспылали к ней пылкой страстью. «Оба они были уязвлены похотью к ней, но не открывали друг другу боли своей; потому что стыдились объявить о вожделении своем, что хотели совокупиться с нею. И они прилежно сторожили каждый день, чтобы видеть ее» *(Дан., гл. 13, ст. 10—12)*.

Случай однажды развязал им языки. Они поведали друг другу о своей похоти и решили впредь действовать совместно, чтобы добиться благосклонности Сусанны к обоим. Для этого они однажды спрятались в саду, куда она приходила купаться, подождали, пока она разделась и отослала своих служанок, и, внезапно выйдя из кустов, потребовали, чтобы она удовлетворила их нечистые желания. В противном случае они расскажут всем, что застали ее с любовником. Сусанна плакала и всячески сопротивлялась.

Оба старца — кстати сказать, это были местные судьи — подняли крик, встревожили челядь и соседей и собрали целую толпу, потребовавшую на другой день народного собрания перед домом Иоакима.

Какая, однако, странная свобода для народа, живущего в рабстве? Евреи — военнопленные, уведенные в Вавилон; они живут там в самых тяжелых условиях древнего рабства. И вдруг власти разрешают им собирать народные собрания для разбора судебных дел, точно они находятся у себя в Иерусалиме! Скорее можно было бы поверить, что Сусанна, обвиненная в адюльтере двумя вавилонскими судьями, была предана вавилонскому суду, то есть суду халдеев по законам Навуходоносора.

Итак, все евреи, жившие в плену в Вавилоне, собрались в назначенный час совершенно свободно. Сусанна предстала перед народным собранием. Оба старца поддерживали обвинение. Положив каждый руку на голову жены Иоакима, они клялись, что застали ее в саду голой, в объятиях некоего молодого человека. Прелюбодей успел скрыться. Сусанна отрицала все, не сказав, однако, почему оба старых плута лжесвидетельствовали против нее. Но она обратила громкую молитву к богу, принося клятву в своей невиновности, и утверждала, что ей приходится погибать напрасно. А народ поверил клеветникам и решил, что она должна умереть.

Собирались уже привести приговор в исполнение, когда молодой Даниил вызвался доказать невиновность Сусанны. По его предложению оба старца были отделены друг от друга. Тогда один из них был снова призван, и Даниил начал хитрый допрос такими словами: «Состарившийся в злых днях! Ныне обнаружились грехи твои, которые ты делал прежде, производя суды неправедные, осуждая невинных и оправдывая виновных, тогда как господь говорит: «невинного и правого не умерщвляй». Итак, если ты сию видел, скажи, под каким деревом видел ты их разговаривающими друг с другом? Он сказал: под мастиковым. Даниил сказал: точно, солгал ты на твою голову; ибо вот, ангел божий, приняв решение от бога, рассечет тебя пополам» *(Дан., гл. 13, ст. 52—55).*

Скажут, быть может, что раньше, чем обвинить первого старца в лжесвидетельстве, Даниил должен был бы подождать второго, противоречивого ответа, ибо только противоречия в показаниях могли выявить клевету обвинителей.

Но «молодой юноша» *(ст. 45)*, которому впоследствии предстояло еще читать на стене и переводить слова, не принадлежащие ни к какому человеческому языку, конечно, устроен не как все люди. «Удалив его, он приказал привести другого, и сказал ему: племя ханаана, а не иуды! красота прельстила тебя, и похоть развратила сердце твое. Так поступали вы с дочерями израиля, и они из страха имели общение с вами; но дочь иуды не потерпела беззакония вашего. Итак, скажи мне: под каким деревом ты застал их разговаривающими между собою? Он сказал: под зеленым дубом» *(Дан., гл. 13, ст. 56—58)*.

Лжесвидетельство было доказано. Ясно, что оба вавилонских старика заслужили примерное наказание. Но кто мог их судить? Библия утверждает, что приговор был вынесен и приведен в исполнение народным собранием пленных евреев. «Тогда все собрание закричало громким голосом, и благословили бога, спасающего надеющихся на него, и восстали на обоих старейшин, потому что Даниил их устами обличил их, что они ложно свидетельствовали. И поступили с ними так, как они зло умыслили против ближнего, по закону Моисееву, и умертвили их; и спасена была в тот день кровь невинная» *(Дан., гл. 13, ст. 60—62)*.

Если допустить правдивость этой истории, в том числе и исполнение приговора, то, конечно, надо признать, что оба старых плута вполне заслужили свою гибель. Но как бы мало они ни были достойны жалости, надо все же признать, что рассмотрение их преступлений могло относиться исключительно к компетенции вавилонского суда. Этого заключения достаточно, чтобы сразу признать лживость библейского повествования. Немыслимо, чтобы судьи Навуходоносора допустили предание суду и приведение в исполнение приговора над двумя из своих собратьев, хотя бы даже бесспорно виновными, скопищем военнопленных рабов; невозможно, чтобы евреи-рабы могли свободно и публично применять закон Моисея к двум вавилонским государственным чиновникам, двум официальным лицам, принадлежавшим к числу их господ и поработителей! А между тем история Сусанны и старцев есть одна из наиболее распространенных в религиозных поучениях. Искусство популяризировало ее; она воспроизведена в тысячах картин о добродетельной Сусанне, превратилась в почтенную традицию, которой верят массы людей. Право же, люди слишком мало читают Библию! Читать ее — значит перестать

верить ей и презирать ее, настолько неловки и грубо циничны ее небылицы.

Глава 14, и последняя, Книги Даниила начинается с вопиющей исторической неправды: «Царь Астиаг приложился к отцам своим, и Кир, персиянин, принял царство его. И Даниил жил вместе с царем, и был славнее всех друзей его» *(ст. 1—2)*. Левит, писавший эту книгу, не знает даже, что Астиаг, царь мидийский, умерший в 559 году до н. э., оставил сына Киаксара II, который наследовал ему. Этот левит не знает также, что лишь после смерти Киаксара Кир, бывший одновременно его племянником и зятем, получил в наследство мидийскую корону, которую присоединил к короне Персии, так как Киаксар II не оставил наследников мужского пола. Таким образом, начиная с грубой и невежественной лжи, эта глава сразу обещает многое.

Именно из этой главы мы узнаем, что Кир в Вавилоне поклонялся идолу под названием Вил. Многие комментаторы видят в нем Ваала. И вот жрецы Вила, или Ваала, утверждали, что их идол в течение ночи истребит все блюда, которые верующие поставят за день у его престола. Библия хочет заставить нас верить, что Кир был достаточно наивен, чтобы проглотить небылицу такого калибра, и что он якобы даже пытался убедить в этом Даниила. «Не думаешь ли ты, что Вил неживой бог? не видишь ли, сколько он ест и пьет каждый день?» *(ст. 6)*.

Даниилу стало жалко заблуждавшегося Кира, и он предложил ему испытание. К алтарю Вила было сложено мясо и вино. Жрецов из храма удалили. Затем Даниил в присутствии одного лишь царя рассыпал в храме золу, и они оба ушли, а Кир предусмотрительно наложил печати на все двери. Но у жрецов был подземный ход под алтарем. Через этот трап они ночью пробрались, унесли все продовольствие. На другой день их проделка была ясно доказана следами ног на рассыпанной золе. Кир пришел в неописуемую ярость, видя, что его так долго обманывали; он приказал перебить всех жрецов Вила, их жен и их детей, а идола отдал Даниилу, который и разрушил его вместе со всем храмом.

«Был на том месте большой дракон, и вавилоняне чтили его» *(ст. 23)*. Кир сказал Даниилу: это чудовище не есть сделанный идол; он живой, и, следовательно, он бог. Тогда Даниил попросил у царя разрешения вступить в борьбу с

этим драконом, и даже не только без меча, но и без палки. Кир согласился, и «тогда Даниил взял смолы, жира и воло́с, сварил это вместе и, сделав из этого ком, бросил его в пасть дракону, и дракон расселся» *(ст. 27)*.

Народ был недоволен смертью дракона. Желая смирить нараставшее волнение, Кир приказал еще раз бросить Даниила в пресловутый ров со львами. Кир и вавилоняне должны были бы знать, что Даниил не будет съеден, ибо это приключение уже выдержало первое издание. «Священный» автор запутывается здесь во лжи самым комичным образом. В первый раз он усаживает Даниила в ров львиный во времена Дария, и этот царь оставляет его там всего на одну ночь. На сей раз по приказу Кира Даниил проводит среди хищников шесть дней и шесть ночей, ибо нужно, чтобы второе чудо было более ошеломительно, чем первое. «Во рве было семь львов, и давалось им каждый день по два тела и по две овцы; в это время им не давали их, чтобы они съели Даниила» *(ст. 32)*.

На сей раз понадобилось не только сохранить «пророка» от когтей и клыков голодающих хищников, но и его самого прокормить в течение шести суток. Таким образом, чудо не оставляет желать ничего лучшего. Продолжение этого эпизода действительно самое забавное из всего, что мы читали до сих пор.

«Был в Иудее пророк Аввакум, который, сварив похлебку и накрошив хлеба в блюдо, шел на поле, чтобы отнести это жнецам.

Но ангел господень сказал Аввакуму: отнеси этот обед, который у тебя, в Вавилон к Даниилу, в ров львиный.

Аввакум сказал: господин! Вавилона я *никогда* не видал, и рва не знаю.

Тогда ангел господень взял его за темя и, подняв его за волосы головы его, поставил его в Вавилоне над рвом силою духа своего.

И воззвал Аввакум, и сказал: Даниил! Даниил! возьми обед, который бог послал тебе.

Даниил сказал: вспомнил ты обо мне, боже, и не оставил любящих тебя.

И встал Даниил, и ел; ангел же божий мгновенно поставил Аввакума на его место.

В седьмой день пришел царь, чтобы поскорбеть о Данииле, и подойдя ко рву, взглянул в него, и вот, Даниил сидел» *(Дан., гл. 14, ст. 33—40)*.

Конечно, Кир, подражая Дарию, приказал вытащить Даниила из рва и заменить его его врагами, каковые сию же минуту были львами растерзаны. Ясно, что чудо с львиным рвом Кира затыкает за пояс чудо с львиным рвом Дария. Но все же кое-какие замечания критики делают и по поводу его: Дарий взошел на престол через девять лет после Кира. Диктуя свои россказни церковному писателю, «святой дух» совершенно забыл хронологию, запутался в ней, как муха в паутине, и смешал порядок престолонаследия этих двух царей.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

ЕЩЕ И ЕЩЕ «ПРОРОКИ» И ИХ «ЧУДЕСА»

езекииль вместе с Исаией, Иеремией и Даниилом есть один из наиболее почитаемых и в иудействе и в христианстве «пророков». Свои пророчества он сочинял на берегу никому не известной реки Ховар, находясь в качестве пленного в Вавилонии. Если Даниил — грубый враль, то Иезекииль производит впечатление просто сумасшедшего. Его книга, состоящая из 48 глав, есть сплошной бессвязный бред. Он рассказывает, например, что видел (наяву!) животных, имеющих человеческое тело, по четыре крыла, телячьи ноги, по четыре лица — человечье, бычье, львиное и орлиное; они имели огненный вид; они суетились и все время двигались. Рядом с ними бегали колеса необыкновенной высоты, наполненные глазами. Это описание уже дает некоторое представление о психическом состоянии автора.

Сей «пророк» повествует о том, что он сделал по приказу божию. Однажды он съел книгу, в которой были написаны жалобы и проклятия. Некоторое время спустя он пролежал 390 дней на левом боку во искупление грехов царства израильского, а затем 40 дней на правом боку — во искупление грехов царства иудейского. Кроме того, во все время этого добровольного искупления чужой вины Иезекииль ел за завтраком бутерброды... с человеческим калом. Сам всемилосердный господь бог лично предписал ему эту диету: «Ешь, как ячменные лепешки, и пеки их... на человеческом кале» *(Иезек., гл. 4, ст. 12)*.

Нужно сказать, что такая диета скоро надоела пророку, и тогда бог согласился внести некоторое разнообразие в его меню: «И сказал он мне: вот, я дозволяю тебе, вместо человеческого кала, коровий помет, и на нем приготовляй хлеб твой» *(ст. 15)*.

В другой раз, находясь в некоем доме и желая выйти из него, Иезекииль, вместо того чтобы пойти через дверь, как все люди, еще раз вспомнил о прегрешениях израиля и

иуды и во искупление их сделал дырку в стене и просунул через нее свое платье и свои припасы *(Иезек., гл. 12, ст. 7)*. В главе 37 Иезекииль рассказывает, что, гуляя однажды по полю, усеянному иссохшими костями, он обратился к ним с речью, отчего они ожили.

В Книге Иезекииля есть одно место, вызвавшее особенное возмущение критиков и поставившее в наибольшие затруднения богословов. Это басенка о двух сестрах — Оголе и Оголиве. Порицая недостаток веры у евреев, Иезекииль заставляет бога высказываться в гнусных, похабных выражениях: «Когда же она явно предалась блудодеяниям своим и открыла наготу свою, тогда и от нее отвратилась душа моя, как отвратилась душа моя от сестры ее. И она умножала блудодеяния свои, вспоминая дни молодости своей, когда блудила в земле египетской; и пристрастилась к любовникам своим, у которых плоть — плоть ослиная, и похоть, как у жеребцов» *(Иезек., гл. 23, ст. 18—20)*.

Вот еще бесстыдные сравнения, которые можно найти в Библии и которые, по словам богословов, имеют аллегорический смысл! Что за насмешка! Чтобы сказать, что царство израильское и царство иудейское не были достаточно благочестивы, нужно ли было прибегать к таким свинским сравнениям?

Другой пророк, наслаждающийся порнографией,— это Осия. Описывая свои переговоры с богом, он дополняет их также достаточно отталкивающими подробностями. Этот Осия, родом самаритянин, принял культ еврейского бога. Библия указывает на него как на пример послушания и повиновения богу. Но какие же странные приказы давал ему бог! «Начало слова господня к Осии. И сказал господь Осии: иди, возьми себе жену блудницу и детей блуда» *(Осия, гл. 1, ст. 2)*.

Этим божьим распоряжением наш бедняк оправдывает свой брак с женщиной дурного поведения. Если верить пророку, бог впоследствии приказал ему спать с женой одного из его друзей, при условии, однако, если она уже обманывала своего мужа: «И сказал мне господь: иди еще, и полюби женщину, любимую мужем, но прелюбодействующую, подобно тому, как любит господь сынов израилевых, а они обращаются к другим богам и любят виноградные лепешки их. И приобрел я ее себе за пятнадцать сребренников и за хомер ячменя и полхомера ячменя; и сказал ей:

много дней оставайся у меня; не блуди, и не будь с другим; так же и я буду для тебя» *(Осия, гл. 3, ст. 1—3)*.

Какое иное можно вывести заключение из разглагольствований этого рода, столь многочисленных в Библии, если не то, что «народ божий» состоял из развратников и заматерелых пьяниц, не отступавших ни перед какой гнусностью, если мы только поверим следующим словам пророка Иоиля: «Пробудитесь, пьяницы, и плачьте и рыдайте, все пьющие вино, о виноградном соке, ибо он отнят от уст ваших!» *(Иоиль, гл. 1, ст. 5)*.

Книга «Есфирь» написана, вероятно, также для того, чтобы залечить раны национального самолюбия евреев. Согласно этой книге, царь Артаксеркс давал многолюдное пиршество, продолжавшееся 180 дней *(гл. 1, ст. 4)*. По окончании празднества царь устроил еще одно пиршество, продолжавшееся семь дней и предназначенное для всего населения города *(ст. 5)*. И вот на седьмой день народного пира царь, будучи в особенно хорошем настроении под влиянием выпитого вина, приказал своим евнухам привести «царицу Астинь пред лице царя в венце царском для того, чтобы показать народам и князьям красоту ее; потому что она была очень красива» *(ст. 11)*.

Но царица отказалась прийти, ибо показывать народу красоту, при добрых библейских нравах, конечно, значило всенародно обнажиться, а это, по-видимому, не соблазняло скромную красавицу. Рассвирепевший от гнева царь дал царице развод, а ее корона была обещана самой красивой девственнице, которая понравится царю. Под охраной Гегая, главного евнуха, в царский дворец согнали громадное число девушек. Каждая из них должна была провести одну пробную ночь в постели его величества.

И вот начинается!

«Был в Сузах, городе престольном, один иудеянин; имя его Мардохей... И был он воспитателем Гадассы,— она же Есфирь... Девица эта была красива станом и пригожа лицем... Когда объявлено было повеление царя и указ его, и когда собраны были многие девицы в престольный город Сузы под надзор Гегая, тогда взята была и Есфирь в царский дом под надзор Гегая, стража жен. И понравилась эта девица глазам его, и приобрела у него благоволение, и он поспешил выдать ей притиранья и *все, назначенное на* часть ее, и приставить к ней семь девиц, достойных быть при ней, из дома царского; и переместил ее и девиц ее в

лучшее отделение женского дома. Не сказывала Есфирь ни о народе своем, ни о родстве своем; потому что Мардохей дал ей приказание, чтобы она не сказывала. И всякий день Мардохей приходил ко двору женского дома, чтобы наведываться о здоровье Есфири и о том, что делается с нею... Взята была Есфирь к царю Артаксерксу, в царский дом его, в десятом месяце... в седьмой год его царствования. И полюбил царь Есфирь более всех жен, и она приобрела его благоволение и благорасположение более всех девиц; и он возложил царский венец на голову ее, и сделал ее царицею на место Астинь» *(Есфирь, гл. 2, ст. 5—17)*.

Спустя некоторое время премьер-министром царя стал некий Аман. Этот Аман был человек весьма гордый и хотел, чтобы все пред ним преклонялись. Один только Мардохей посмел не выполнить этого требования. Тогда рассвирепевший министр испросил у царя приказ об истреблении всех евреев. Несмотря на всю гибкость ума и все свои политические способности, приведшие его к столь высокому государственному посту, Аман не нашел никакого другого способа сломить гордыню Мардохея. Но когда приказ об истреблении всех евреев отправляли уже в разные области страны, Мардохей успел предупредить Есфирь, и эта последняя отправилась к царю. Артаксеркс, очарованный ее прелестью, спросил, чего она желает, галантно предложив ей хотя бы и половину царства *(гл. 5, ст. 3)*. Есфирь пригласила царя обедать, а также и Амана.

Обед состоялся, и Артаксеркс, весьма заинтригованный, за десертом снова предложил ей полцарства. Есфирь отклонила предложение, но попросила своего царственного супруга еще раз прийти обедать к ней на следующий день, и опять-таки вместе с Аманом. Этот последний был настолько горд вниманием царицы, что похвастался даже перед своей женой и всеми своими друзьями. Но так как независимость Мардохея мучила его больше, чем когда бы то ни было, он приказал воздвигнуть на всякий случай виселицу вышиной в пятьдесят локтей (26 метров!) и в мыслях своих посвятил эту грандиозную постройку ненавистному еврею, о родстве которого с царицей он все еще ничего и не подозревал.

Между тем Артаксеркс, которому почему-то не спалось в эту ночь, приказал, для развлечения, читать ему вслух анналы его царствования. Он имел, таким образом, случай вспомнить, что двое из его евнухов, Гавафа и Фарра,

составили заговор с целью убить его, но что их преступные намерения были раскрыты некиим Мардохеем. Значит, Мардохей спас царскую жизнь. Это случилось довольно давно. Царь спросил, как был вознагражден Мардохей. Ему ответили, что он не получил никакой награды. Поэтому на другой день, когда Аман явился к своему властелину, тот спросил его, как надо поступить с человеком, которого царь хотел бы почтить совершенно исключительным образом. Аман, полагая, что дело касается его, ответил: на этого человека надо надеть царские одежды, посадить на коня, вывести на городскую площадь и возглашать: вот человек, которого царь хочет почтить в своем царстве. Тогда царь велел Аману найти Мардохея и выполнить этот церемониал. Аман был вынужден подчиниться, конечно, как всякий понимает, против своей воли *(гл. 6)*.

Вечером царица Есфирь давала свой второй обед в честь царя и царедворца, но министр уже не был так весел, как накануне. В третий раз царь предложил Есфири все, что она пожелает, хотя бы даже половину царства. Но царица попросила пощады людям ее племени. Артаксеркс, который, женясь на Есфири, не интересовался ее происхождением, был весьма изумлен. И когда царица объяснила ему, что один враг ее народа задумал всеобщее истребление его и что именно потому она и молила о царской милости, Артаксеркс, ничего не понимая, воскликнул: «Где тот, который отважился в сердце своем сделать так?»

Есфирь ответила: «Враг и неприятель этот — злобный Аман!»

Смутился Аман, впал в ярость царь, а вошедший евнух сообщил, что высокая виселица, воздвигнутая по приказу министра, была предназначена для Мардохея. Развязка: Артаксеркс приказал повесить Амана на изготовленной уже виселице; царский приказ был немедленно выполнен, и премьер-министром был, конечно, назначен не кто иной, как — вы сами понимаете — Мардохей!

С согласия царя Есфирь и Мардохей объявили, что евреи, истребление которых было назначено Аманом на тринадцатый день месяца Адара, получают право в этот день, равно как и на следующий, убивать всякого, кто дурно с ними обращался с самого начала их пленения. «И избивали иудеи всех врагов своих» *(Есфирь, гл. 9, ст. 5)*. Таким образом, было убито 800 человек в Сузах и 75 000 в остальных городах царства. На пятнадцатый день месяца Адара

евреи повсюду шумно пировали. Есфирь издала приказ о том, чтобы память этих событий евреи отмечали ежегодно. Это и есть праздник «пурим», соблюдаемый верующими евреями: один день поста — в память тревог и молитв Есфири и два дня веселья — в память несостоявшегося избиения евреев.

Такова сказка, из которой жрецы сделали священную историю, которой надо верить, несмотря на ее вопиющее неправдоподобие. Священная легенда, кстати сказать, всегда начинается с какого-нибудь безобразия: если царица Астинь была отвержена за то, что не хотела показаться голой перед подданными Артаксеркса, надо думать, что прекрасная Есфирь, становясь в очередь кандидаток в заместительницы Астини, соглашалась исполнить этот приказ царя. Критики говорят, что никогда ни турецкий султан, ни марокканский бей, ни персидский шах, ни великий могол, ни китайский богдыхан не приняли бы в свой гарем ни одной девушки без того, чтобы не было известно ее происхождение. Нет даже ни одного кровного коня в стойлах таких господ, происхождение которого не было бы точно известно смотрителю конюшни. Каким же образом Артаксеркс не был осведомлен о племени, семье и религии девушки, на которой он женился и которую торжественно провозгласил царицей?

Что касается этого Амана, который хочет истребить целый народ только потому, что какой-то там Мардохей отказывается падать перед ним ниц, в то время как остальные евреи не отказывают ему ни в каких почестях, то нужно признать, что никогда и ни в чью голову не западало такое смешное и вместе с тем такое ужасное безумие. С другой стороны, если допустить, что Есфирь стала царицей и носила корону, скрывая свое еврейское происхождение, то слава этого возвышения значительно умаляется, ибо это случайное возвышение ничего не дает национальному самолюбию. Не видно также, каким образом Артаксеркс мог считать Амана виновным в желании умертвить его дорогую Есфирь, как еврейку, раз никто не знает, что она принадлежит к этой расе. Наконец, отвратительная жестокость сладостной Есфири делает сказку не только смешной, но и возмутительной.

«Мы знаем,— говорит Вольтер,— что сказка об Есфири имеет одну соблазнительную сторону: пленница, ставшая царицей и спасающая от смерти своих соплеменников,—

это хороший сюжет для романа или трагедии. Но как этот сюжет испорчен противоречиями и нелепостями, переполняющими его! Как он запятнан варварством Есфири, столь противоречащим природе ее пола и простой житейской правдоподобности!»

С Ездрой и Неемией мы приближаемся к освобождению избранного богом народа. Согласно фантастической библейской хронологии, горестное положение евреев было смягчено во время царствования Ассуира, будто бы отца Дария. (Не забудем, что Дарий был сыном персидского владетеля Гистаспа, никогда нигде не царствовавшего.) Евреям в плену должно было быть хорошо также и во времена царствования Дария, назначившего своим первым министром еврея Даниила, подобно тому как Ассуир (Артаксеркс) назначил Мардохея. Однако Библия, как мы видели в Книге Даниила, помещает царствование Кира после царствования Дария. В Книге Ездры за Киром следует Ассуир, затем Артаксеркс, а затем вновь Дарий. Этот новый порядок наследования соответствует истории не больше, чем другие библейские указания.

Кроме всего этого, Ездра и Неемия, два пророка, на которых опирается церковь для приведения точных обстоятельств возвращения евреев в Иерусалим, противоречат друг другу. Ездра говорит, что Кир в первый же год своего царствования разрешил сынам израилевым свободно возвращаться в Иудею и в специальном эдикте объявил, что бог велел ему отстроить иерусалимский храм. Евреи возвращаются на свою родину под предводительством Зоровавеля. Постройка была прервана во время царствования Ассуира и Артаксеркса вследствие противодействия разных других народов, которые во время отсутствия евреев поселились в их стране. Наконец, с воцарением Дария вражда эта прекратилась, и храм был закончен на шестой год царствования Дария.

Неемия же говорит, что не Кир, а Артаксеркс в двадцатый год своего пребывания на престоле разрешил евреям возвратиться в Иерусалим и воздвигнуть город из развалин, причем Зоровавель был во главе освобожденного народа. Препятствия, чинимые пришельцами, расселившимися на «земле обетованной», были победоносно преодолены евреями, работавшими с лопатой в одной руке и мечом в другой. Наконец, «священный» автор повествует о путешествии, которое он совершил в Вавилон в эпоху, когда за-

канчивалась постройка храма, в тридцать второй год царствования Артаксеркса.

Но Ездра утверждает, что Неемия сопровождал Зоровавеля во время возвращения в Иудею при царе Кире и говорит, что было еще и второе возвращение, при Артаксерксе, но в седьмой год его царствования, а не в двадцатый. Он прибавляет также, что именно он, Ездра, на сей раз вел своих соплеменников. Попробуйте установить правду и выпутать ее из сети вопиющих противоречий!

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХ ОТЦЫ — МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ИОВ И ИОНА

осле Книг Ездры, Неемии и Есфири в Библии следует Книга Иова, рассказывающая историю, дата которой нигде не указана. Заключается она в следующем: в земле Уц (?) жил некий несметно богатый и очень богобоязненный человек. «Был день, когда пришли сыны божии предстать пред господа; между ними пришел и сатана. И сказал господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана господу, и сказал: я ходил по земле, и обошел ее. И сказал господь сатане: обратил ли ты внимание твое на раба моего Иова? ибо нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла. И отвечал сатана господу: ...простри руку твою, и коснись всего, что у него,— благословит ли он тебя?» *(Иов, гл. 1, ст. 6—9, 11)*.

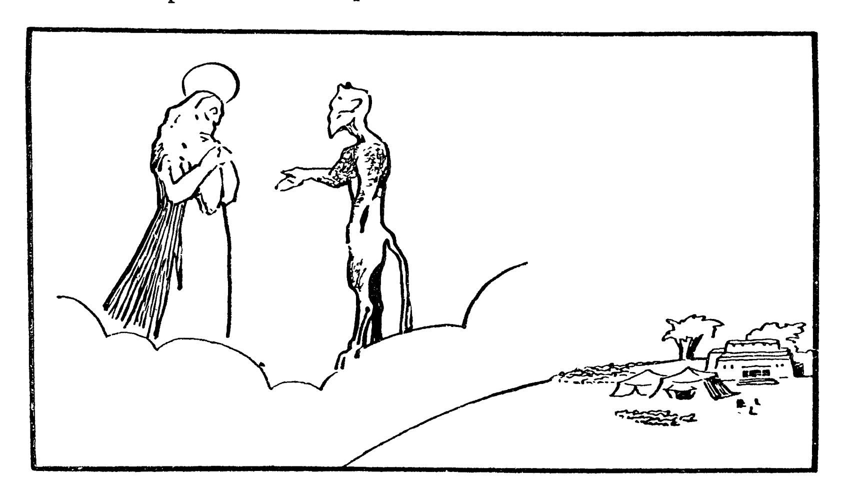
Бог не захотел самолично причинять никакого зла своему верному слуге, но сатане позволил преследовать его сколько влезет. «Ты можешь делать с ним, что хочешь, только не лишай его жизни»,— дружески сказал бог сатане, на небесном языке, конечно. Тогда господин сатана взял старика Иова, что называется, «в работу». Началось с того, что арабы-кочевники угнали у Иова его рогатый скот и ослиц. Затем молния убила его овец, равно как и пастухов. Халдеи угнали его верблюдов и изрубили мечами погонщиков. Наконец, яростный ветер из пустыни разрушил его дом, в котором находилось семеро его сыновей и трое дочерей: все они погибли под развалинами.

Иов узнал все эти новости сразу одну за другой. Но так как у него был хороший характер, то он стал на колени и воскликнул только: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, господь и взял... Да будет имя господне благословенно!» *(ст. 21)*.

Больше ничего не сделал этот крепкий старик. Но и сатана не считал себя побежденным. Очень скоро несчастный Иов обнаружил на своем теле гнойные язвы, распространившиеся с головы до ног. Сидя на куче навоза, он оскол-

ками разбитого горшка снимает гной, текущий из его открытых ран. Жена ругает его. Но Иов возражает ей мудро: «Неужели доброе мы будем принимать от бога, а злого не будем принимать?» *(Иов, гл. 2, ст. 10)*.

И вдруг Иов разразился яростными жалобами на свою жестокую судьбу. Он проклинает день своего рождения: «Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: «зачался человек»» *(Иов, гл. 3, ст. 3)*. Громкими криками он призывает смерть. Эти жалобы изложены в два-

«И сказал господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана господу, и сказал: я ходил по земле, и обошел ее» *(Иов, гл. 1, ст. 7)*.

дцати шести стихах третьей главы. Но так как они противоречат основному сюжету книги, то руководства по «священной истории» обыкновенно пропускают их. Действительно, достаточно было бы, чтобы книга на них и остановилась. Сатана, державший своего рода пари с богом, оказался бы в выигрыше, как только Иов потерял терпение.

Тогда Елифаз, Вилдад и Софар начинают увещевать Иова. Они напоминают ему, что невзгоды падают только на злых. Иов призывает бога в свидетели своей невиновности и клянется, что страдает незаслуженно. Этот разговор между Иовом и его друзьями занимает... двадцать девять глав. И вдруг в главе 32 появляется новый собеседник — Елиуй, более молодой, чем все остальные. Он

вмешивается не для того, чтобы сказать, что Иов заслужил все строгие кары небесные, но исключительно чтобы заметить ему, что он обнаружил слишком много гордыни, вопия о своей невиновности, ибо, говорит он, ни один смертный не может постичь божьих суждений и не может оставаться совершенно чистым в его глазах.

Затем бог сам является в вихре и, осудив слова молодого Елиуя, напоминает о некоторых чудесах, достаточно доказавших его могущество. Тогда Иов признает, что вышел из пределов, которые должны были ему поставить его слабость и его невежество, и бог, удовлетворенный его покорностью, излечивает его от язв и возвращает ему в двойном количестве все утраченное. Бог приводит в свидетельство своего могущества двух необыкновенных животных — бегемота и левиафана, фантастическое описание которых занимает две страницы. О сатане больше нет никакой речи. Последняя — 42 глава сообщает, что у Иова еще раз родилось семь сыновей и трое дочерей и что он прожил 140 лет после этих тяжелых испытаний.

Ясно, что Книга Иова не представляет животрепещущего интереса. Критики отмечают в ней одну странность: сатана шатается по небу, между добрыми ангелами, как у себя дома, запросто бьется об заклад с господом богом, что вовлечет простака Иова в тяжелый грех богохульства, когда тот впадет в глубокое несчастье. А бог принимает пари в надежде, что его верный слуга будет терпелив до конца. Выходит, таким образом, что бог не совсем твердо знает будущее и даже ошибается в своих предвидениях, ибо в конце концов пари выиграл сатана: Иов действительно изменил своей терпеливой вере.

Обратимся теперь к Книге пророка Ионы. Иона был родом из Галилеи. Его жизнь относят к эпохе израильского царя Иеровоама II. Следовательно, он родился в окружении еретиков. В один прекрасный день он получил от бога приказание пойти проповедовать в Ниневию. Иона был единственный пророк, получивший миссию такого рода. На каком языке он проповедовал, спрашивает Вольтер, попутно замечая, что от родины Ионы до Ниневии было расстояние в шестьсот с лишним километров. Иона не предвидел особенного успеха своих проповедей. Вместо того чтобы пойти в Ниневию, он двинулся в противоположную сторону, спустился в Иоппию, морской город, и сел на корабль, отправляющийся в Фарсис.

На море разразилась свирепая буря. Как это ни странно, но буря усыпила Иону. Матросы в панике стали выбрасывать весь груз в воду, однако корабль, хотя и облегченный, качался на волнах пуще прежнего. Тогда капитан разбудил Иону и потребовал, чтобы он попросил своего бога утишить стихию. Иона этого не сделал. Море волновалось все больше и больше. Тогда матросы стали бросать жребий, чтобы определить, кто из находящихся на корабле является виновником бедствия. Жребий пал на Иону, и его выбросили в море. Буря прекратилась в то же мгновение. Непокорный пророк хлебнул соленой воды. И вот «кит», пришедший из южных областей Атлантики полюбопытствовать, что делается у берегов Средиземного моря, открыл пасть и проглотил его.

Этого Иона не ожидал. Но так как сделать ничего нельзя было, то он решил терпеливо выжидать событий в своем странном новом помещении. Библия говорит, что Иона три дня и три ночи квартировал в животе кита и изливал длинные хвалебные песни богу. Последний, в конце концов, желал только проучить пророка. Увидев, что Иона покаялся, бог приказал фантастической рыбе эвакуировать Иону обратно. Кит повиновался. И вот Иона снова на суше. Еще и сейчас показывают место, где кит выплюнул пророка. Впрочем, богословы не знают твердо, был ли Иона изрыгнут, или же кит эвакуировал его со стороны хвоста.

Неверующие критики говорят, что этот рассказ есть подражание греческим легендам. Гомер в своей двадцатой книге рассказывает о морском чудовище, набросившемся на Геркулеса. Геркулес провел три дня и три ночи в его чреве, питаясь печенью, которую он себе поджаривал, а через три дня сам победоносно вырвался из своей необычной тюрьмы. Эта сказка о Геркулесе ничуть не хуже сказки об Ионе.

В языческой мифологии есть также история об Арионе, который, будучи брошен в море матросами, был спасен дельфином, дотащившим его на спине до Лесбоса. Но это приключение бледнеет перед приключениями Ионы и Геркулеса.

По возвращении из внутренностей кита Иона отправился в Ниневию и от имени бога предсказал жителям близкое разрушение города. Библия говорит, что, гуляя по улицам, он кричал: «Еще сорок дней, и Ниневия будет

разрушена». Эти простые слова имели замечательные последствия: жители тотчас же уверовали в еврейского бога, объявили пост и все поголовно надели вретища, не исключая и самого царя. Этот последний издал также приказ о великом посте не только для людей, но и для скота: «Чтобы ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не ели, не ходили на пастбище и воды не пили. И чтобы покрыты были вретищем люди и скот, и крепко вопияли к богу, и чтобы каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих» *(Иона, гл. 3, ст. 7)*.

Так как все жители обратились в истинную веру, бог умилился, и предсказание Ионы на сей раз не сбылось. «И увидел бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел» *(Иона, гл. 3, ст. 10)*. Ниневия была разрушена и обращена в развалины лишь много времени спустя. Оскорбленный мыслью, что население могло посчитать его простым болтуном после того, как не сбылось его пророчество, Иона ушел из Ниневии и удалился в пустыню. Стояла невыносимая жара, а кругом не было ни кустика. «И произрастил господь бог растение, и оно поднялось над Ионою, чтобы над головою его была тень и чтобы избавить его от огорчения его. Иона весьма обрадовался этому растению. И устроил бог так, что на другой день, при появлении зари, червь подточил растение, и оно засохло. Когда же взошло солнце, навел бог знойный восточный ветер, и солнце стало палить голову Ионы так, что он изнемог и просил себе смерти, и сказал: лучше мне умереть, нежели жить. И сказал бог Ионе: неужели так сильно огорчился ты за растение? Он сказал: очень огорчился, даже до смерти. Тогда сказал господь: ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну же ночь и пропало. Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?» *(Иона, гл. 4, ст. 6—11.)*

Этой божественной остротой кончается Книга Ионы. Конец жалкий, ибо, в конце концов, чудо с кустиком ничто рядом с китовым чудом, сентенция же весьма мало соответствует зверски кровожадной линии, которую последовательно проводят библейские авторы.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

ДОБЛЕСТНЫЕ БРАТЬЯ МАККАВЕИ

Мы приближаемся к последнему периоду истории еврейского народа до так называемого рождества Христова. В полном виде ветхозаветная часть Библии заканчивается тремя Книгами Маккавейскими и Третьей книгой Ездры.

Первые семь стихов главы 1 Первой книги Маккавейской упоминают о победах Александра Великого над Дарием III и говорят, что греко-македонский царь умер от болезни, разделив свое необъятное царство между своими военачальниками. Согласно еврейской легенде, при приближении Александра Великого к Иерусалиму еврейский первосвященник вышел к нему навстречу и предсказал завоевателю быстрое покорение всего мира. Чувствительный к этой лести Александр якобы пощадил Иерусалим.

Иудея тогда находилась под теократическим правлением: народ пользовался некоторой независимостью, не имея царя и не притесняемый соседними государствами. Страной управляли жрецы. Алтарь был вместе с тем и троном. В сущности говоря, этот вид правления мало чем отличался от монархии, ибо евреи платили верховному жрецу и церковную десятину, и гражданские налоги.

Неизвестно, сколько времени продолжался период этой сравнительной независимости, но из Книг Маккавейских следует, что евреи не были особенно счастливы в эпоху преемников Александра Македонского. Вот в каких выражениях Библия отмечает перемену положения: по смерти Александра все правители «возложили на себя венцы, а после них и сыновья их в течение многих лет; и умножили зло на земле. И вышел от них корень греха — Антиох Епифан, сын царя Антиоха» *(1 Маккав., гл. 1, ст. 9—10)*.

В эпоху греческой династии Селевкидов, царствовавших в Сирии, евреи, несомненно, опять увидели черные дни, хотя «священный» автор и силится путем описания некоторых чудес снова поднять престиж избранного богом народа, несмотря на горестное положение, в котором его держали

поработители. Как и все прочее в Ветхом завете, Книги Маккавейские кишат противоречиями и грубыми историческими ошибками. Кроме того, события описаны там в такой беспорядочной непоследовательности и с противоречивыми сообщениями об одном и том же, что трудно отделить правду от лжи.

Сделаем сначала краткий обзор истории евреев.

Жрец Маттафия во время царствования в Сирии Антиоха Епифана подал сигнал к восстанию, умертвив еврея, приносившего жертву сирийским богам. С ним были пятеро его сыновей — Иоанн, Симон, Иуда, Елеазар и Ионафан. Их прозвали Маккавеями (молотами). Иудея подняла мятеж. Люди стали вооружаться чем попало. Иуда Маккавей, наиболее славный из сыновей Маттафии, становится во главе мятежников и рубит на куски царских воинов. Но он не довольствуется своим положением вождя. Он принимает на себя еще и жречество. В третьей главе первой книги перечислены победы, одержанные Иудой над Аполлонием в окрестностях Самарии, над Сироном у Веферона и над тремя другими военачальниками Антиоха — Птоломеем, Никанором и Горгием.

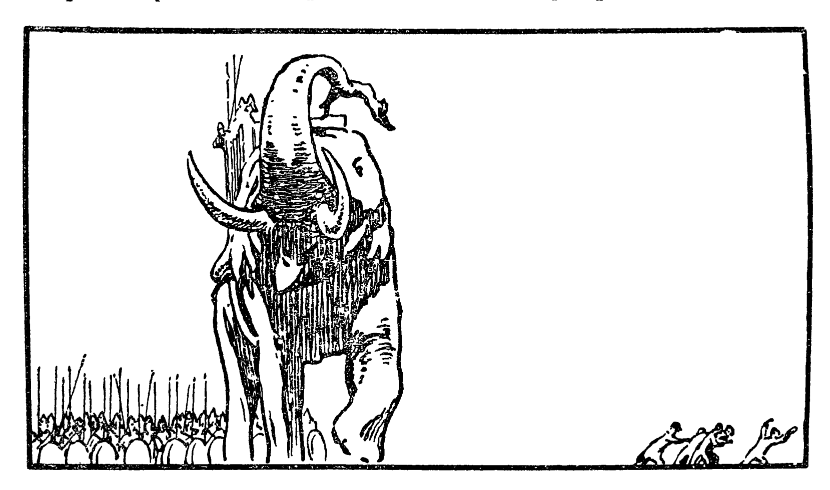
Во время царствования Антиоха Евпатора, сына Антиоха Епифана, Елеазар Маккавей был менее удачлив, чем его брат Иуда: в разгар сражения, увидев во вражеских рядах слона, украшенного царскими знаками, Елеазар бросился на животное, полагая, что на нем находился сам царь. Но слон схватил нашего еврея хоботом и разломал его надвое, как фарфоровую куклу[1].

В эпоху Димитрия Сотера, дяди и преемника Антиоха Евпатора, Иуда Маккавей еще раз восторжествовал над сирийской армией, бывшей под командованием Вакхида, и дважды над Никанором, которому победители «отрубили голову и правую руку... и повесили перед Иерусалимом» (1 *Маккав., гл. 7, ст. 47)*. Однако при новом наступлении под предводительством Вакхида иудеи в ужасе рассыпались и предоставили своему генералу одному погибнуть под ударами врага. Так погиб знаменитый Иуда Маккавей. Его братья Ионафан и Симон наследовали ему друг за другом.

Маккавеи происходили из колена левитов и, будучи простыми жрецами, добились царской власти. Нельзя в таком случае не признать, что это событие совершенно расстраивало все пророчества о том, что из колена Иудина произой-

дут еврейские цари. Воцарение Маккавеев попирало пророчество о главенстве дома Давидова. Никого не осталось из племени Давида; по крайней мере, ни одна библейская книга не отмечает ни одного потомка этого царя со времени пленения евреев.

Дети левита Маттафии, прозванные сначала Маккавеями, а затем Хасмонеями, осквернили своими преступлениями и алтарь, и трон. Они придерживались варварской политики,

«Елеазар... увидел, что один из слонов... превосходил всех... И он предал себя, чтобы спасти народ свой и приобрести себе вечное имя» *(1 Маккав., гл. 6, ст. 43—44)*.

которая была причиной окончательной гибели их отечества. Жреческая власть не спасла их от платежа дани царям сирийским. Кроме того, эти святые герои истребляли друг друга. Опьяневший на пиру Симон, последний брат Иуды Маккавея, был убит вместе с двумя своими сыновьями, своим зятем Птоломеем, правителем Иерихона, который хотел завладеть властью.

Гиркан, сын верховного жреца Симона и сам верховный жрец, пытался поднять мятеж против Антиоха Сидетия. Царь сирийский осадил его в Иерусалиме, а бог, по-видимому, не успел явиться на помощь, ибо Гиркану пришлось умилостивлять сирийского царя контрибуцией.

Это был тот самый Гиркан, который, воспользовавшись смутой в Сирии, завладел наконец Самарией, исконным

врагом Иерусалима. Этот город затем был отстроен Иродом, который переименовал Самарию в Севасту. Самаритяне ушли в Сихем, который ныне называется Напелузой. Они оказались еще ближе к Иерусалиму. Взаимная ненависть двух половин избранного богом народа сделалась еще более яростной. Иерусалим, Сихем, Иерихон, Самария, которые так известны у нас благодаря религиозным сказаниям и которые были так мало известны на Востоке, были на всем протяжении их славной, но вымышленной истории маленькими городками, жавшимися друг к другу. Их бедные жители занимались отхожими промыслами.

Иосиф Флавий, опьяненный шовинизмом, не упускает случая сказать, что Гиркан Маккавей был завоеватель и пророк и что бог часто разговаривал с ним с глазу на глаз. Неоспоримое доказательство пророческого дара этого Гиркана заключается, по Иосифу Флавию, в том, что, имея двух любимых сыновей, которые были чудовищно вероломны и жестоки, он предсказал им дурной конец, если они не исправятся. Из этих двух молодцов один был Аристовул, другой Антигон. Тщеславие этих евреев заставило их принять греческие имена. Бог посетил однажды ночью Гиркана и показал ему портрет другого его сына, который сперва назывался Иоанном, а впоследствии задумал назваться еще и Александром.

— Этот,— сказал бог,— всегда будет занимать твое место великого жреца.

Добрый отец Гиркан, почуяв в этих словах предсказание узурпации, поторопился умертвить своего сына Иоанна-Александра «из страха, чтобы предсказание не исполнилось», как выражается Иосиф Флавий. Но, по-видимому, этот Иоанн либо не совсем умер, либо бог воскресил его, ибо через некоторое время он стал верховным жрецом и повелителем Иерусалима.

Что же случилось с двумя возлюбленными братьями — Аристовулом и Антигоном, сыновьями Гиркана, после смерти их отца? Священник Аристовул убивает священника Антигона, своего брата, в храме и приказывает удавить свою мать в темнице. Это тот самый Аристовул — первый Маккавей, принявший титул царя иудейского,— которого Иосиф Флавий называет очень мягким властителем.

В эту эпоху Иудею волновало соперничество двух религиозных сект, которым предстояло вскоре обратиться в две политические партии. Это были фарисеи, что значит

«обособившиеся», или «отличные», ибо они претендовали отличаться от прочего народа, и саддукеи, называвшиеся так по имени своего религиозного вождя Садока. Эти последние были своего рода еврейскими эпикурейцами: придерживаясь фанатически законов «Пятикнижия», они не признавали бессмертия души, следовательно, не верили ни в ад, ни в рай, и еще того меньше — в воскресение из мертвых.

Фарисеи же прибавляли к писаному Моисееву закону еще и устную традицию, согласно которой они верили в переселение душ, а к этой теории метампсихоза добавляли еще целый ряд других верований. Они утверждали, например, что злой дух может внедряться в тела людей; они видели козни демонов во всех непонятных болезнях. Фарисеи были учеными толкователями «закона божия». У них учились познавать «тайны». Они проповедовали воскресение мертвых и царство небесное.

Была еще и третья секта — ессеи. Ессеи, или ессены, жившие коммуной, исповедовали терпимость. Они усвоили различные персидские верования.

Маккавеи первоначально покровительствовали саддукеям против фарисеев. Это объясняется, конечно, тем, что фарисеи образовали партию, весьма влиятельную в государстве и искавшую вмешательства во все дела, следовательно, угрожавшую Маккавеям. Когда умер Аристовул I, то его убитый брат Иоанн-Александр «воскрес» и вступил на престол; вероятно, его держали в тюрьме все-таки, а не в могиле. Иоанн женился на Саломее, вдове Аристовула, и переименовал ее в Александру.

В эту именно эпоху Птоломеи, цари греко-египетские, и Селевкиды, цари греко-сирийские, ожесточенно оспаривали друг у друга Палестину. Этот спор начался со времени смерти Александра Македонского. Рознь этих властителей позволила еврейскому народу несколько укрепиться. Священники, правившие народом, меняли свои политические ориентации каждый год и продавались наиболее сильному. Иоанн-Александр начал свое жречество с убийства своего единственного брата, который больше не воскресал, подобно ему. Иосиф Флавий не называет имени этого брата, да для нас оно и не имеет никакого значения в каталоге библейских преступлений. Иоанн-Александр продержался исключительно благодаря смутам, господствовавшим в

Азии. Его правление было одновременно жреческим, демократическим и аристократическим. Полная анархия!

Флавий рассказывает, что однажды народ в храме стал забрасывать великого жреца Иоанна-Александра яблоками и апельсинами, когда тот провозгласил себя правителем. Александр приказал убить 5000 человек. Это избиение положило начало целой эпохе массовых убийств, продолжавшейся десять лет.

Кому евреи платили дань в эту пору? Флавий даже и не затрагивает этого вопроса: он допускает, что Иудея была свободной и суверенной страной. Тем не менее цари египетские и сирийские оспаривали ее друг у друга до тех пор, пока не пришли римляне и не присоединили всю Палестину к своим владениям.

После этого Иоанна, столь недостойного великого имени Александра, его вдова Саломея-Александра держала власть в своих руках в качестве регентши при своих юных сыновьях, предоставив, впрочем, фактическое управление страной фарисеям и глядя сквозь пальцы на все жестокости, с которыми они преследовали своих противников — саддукеев. Когда ее смерть совсем очистила поле для соперничества обеих сект, это царство, не имевшее и двадцати километров протяжения, вновь стало раздираться гражданской войной. Гиркан II, старший сын великого жреца Иоанна-Александра, стал во главе фарисеев, а Аристовул II, младший, примкнул к саддукеям. Таким образом, Иудея имела уже двух царей вместо одного. Братья-враги сошлись в битве под стенами городка Иерихона, но уже не во главе армий в 300, 400, 500, 600 тысяч человек, как ранее невозмутимый лжец — «святой дух» повествовал; в эту пору уже не решались писать такие небылицы. Даже Иосиф Флавий, столь склонный к преувеличениям, не сделал этого. Еврейские армии насчитывали в ту пору три-четыре тысячи солдат. Гиркан был побежден, и хозяином положения остался Аристовул II.

В эту эпоху римляне, нимало не смущаясь военным союзом, якобы заключенным ими с Маккавеями, понесли свое победоносное оружие в Малую Азию, в Сирию и далее до Кавказа. Селевкидов больше не было. Тигран, царь армянский, тесть Митридата, завоевал часть сирийских владений. Гней Помпей (106—48 годы до н. э.) покорил Тиграна. Он довел Митридата до самоубийства и в 64 г. до н. э. обратил Сирию в римскую провинцию. Книги Мак-

кавеев ничего не говорят ни об этом великом римлянине, ни о Лукулле, ни о Сулле. Для Библии это совсем не удивительно!

Гиркан, изгнанный своим братом Аристовулом, скрылся у одного арабского вождя, по имени Аретас. Иерусалим и тогда был столь незначительной деревушкой, что Аретас — вожак небольшой кочующей шайки разбойников — смог осадить этот город. Помпей тогда был в Нижней Сирии. Аристовул обратился за покровительством к одному из его военачальников, и тот приказал бедуинам снять осаду и не нападать больше на римские земли, ибо с присоединением Сирии Палестина стала римской областью. Таков единственный союз, который Римская республика могла заключить с иудеями.

Флавий пишет, что Аристовул послал Помпею роскошные подарки для того, чтобы добиться его благосклонности. Страбон говорит, что это был золотой виноград, но приписывает подарок Иоанну-Александру, а не Аристовулу. Как бы там ни было, Аристовул и Гиркан, оспаривавшие друг у друга звание верховного иудейского жреца, пришли судиться к Помпею. Этот последний уже собирался высказать свое решение, когда Аристовул исчез. Можно думать, что золотые гроздья не повлияли на судью и что младший сын Иоанна-Александра решил положиться лучше на иерусалимские укрепления.

Помпей тоже осадил Иерусалим. Известно, что город этот имеет великолепное положение для обороны. В руках более или менее искусного строителя он мог бы стать лучшей крепостью на Востоке. По крайней мере храм, который был цитаделью, мог сделаться неприступным, так как он был построен на вершине отвесной горы, окруженной пропастями. Помпей был вынужден потерять почти три месяца на подготовку военных машин. Но как только они были пущены в ход, он овладел крепостью. Один из сыновей диктатора Суллы взошел первым на укрепления. Еще более памятным делает этот день то, что взятие Иерусалима римлянами произошло во время консульства Цицерона (63 год до н. э.).

Иосиф Флавий говорит, что 12 000 евреев были убиты в храме. Мы бы ему поверили, если бы не знали, что он всегда преувеличивает. Нельзя верить ему и когда он прибавляет, что в храме нашли 2000 талантов золота и что победитель собрал еще 10 000 талантов в городе. В конце концов,

иерусалимский храм столько раз брали победители иудеев, подвергая его разграблению, что трудно верить наличию в нем большого числа ценностей. Было бы еще более бессмысленно верить, что на такое маленькое государство, столь бедное и изнуренное постоянными междоусобицами, можно было бы наложить контрибуцию в 10 000 талантов.

Ни о чем этом не думают люди, читающие Библию бессознательно и легкомысленно повторяющие басни, порожденные попранным национальным самолюбием! Разумный человек пожимает плечами, видя, что Александр не мог собрать в Иудее больше 30 талантов на войну за независимость против Дария и что вдруг кто-то обнаруживает в еврейских кассах двенадцать тысяч талантов.

Несомненно, Помпей ничего не взял для себя и ограничился тем, что заставил евреев заплатить издержки по экспедиции, которая была, в конце концов, вспомогательной диверсией во всей его общей кампании в Малой Азии. Цицерон хвалит это бескорыстие. Но историк Роллен («История Рима», кн. XVI) говорит, что с тех пор ничего не удается Помпею вследствие святотатственного любопытства, которое толкнуло его в «святая святых» еврейского храма.

Вольтер возражает Роллену, что Помпей навряд ли мог знать, что вход туда воспрещен. Воспрещение касалось, во всяком случае, евреев, а не Помпея. Плотники, столяры, каменщики и прочие рабочие входили же туда, когда надо было делать ремонт. Можно было бы прибавить, что присутствие «ковчега завета» — сундука, в котором «пребывал» бог,— делало это место священным. Но «ковчег» бесследно исчез еще во времена Навуходоносора.

Цезарь,— продолжает Вольтер,— точно так же вошел бы, как и Помпей, в это помещение длиною около девяти метров. Ему любопытно было бы заглянуть в алтарь бога Саваофа. Помпей был побежден Цезарем в битве при Фарсале 6 июня 48 г. до н. э. Быть может, и этим он был наказан за иерусалимское любопытство? Но это поражение имело и другие причины, и среди них полководческий гений Цезаря сыграл гораздо более важную роль. Но еще большее святотатство по сравнению со входом в «святилище» — истребить в храме 12 000 человек.

Помпей взял Аристовула в плен и отправил его в Рим. В 48 году до н. э. он приказал одному из потомков Сципиона, замещавшему его в Сирии, казнить старшего сына Аристо-

вула, принявшего имя Александра и провозгласившего себя царем. Это событие служит последним примером того «равноправного» союза, который евреи якобы заключили с Римом, как хвастает автор Первой книги Маккавеев. Оно показывает, как мало можно верить этим «священным» историям.

Наконец, для того чтобы положить последний мазок на картину и показать, каким почтением римская держава была проникнута по отношению к евреям, достаточно будет сказать, что несколько лет спустя (в 38 году до н. э.) триумвир Марк Антоний приговорил еще одного еврейского царя, второго сына Аристовула — Антигона, к рабской смерти: его били кнутами и распяли.

Сенат дал титул царя идумеянину Ироду, сыну Антипатора, прокуратора иудейского, который женился на Марианне, дочери Гиркана II. Он процарствовал около сорока лет под протекторатом Рима, держа своих еврейских подданных под жестоким гнетом железной власти.

Приведем теперь небольшой обзор отдельных мест Книг Маккавейских, сделанный Вольтером. У него хватило терпения рассмотреть библейские тексты и резюмировать аргументы против подлинности и правдивости этих последних книг Библии. Вот его резюме:

«I. Надо отвергнуть повествование о пытке семи братьев Маккавеев и их матери, якобы умерших в муках за отказ есть свинину. Первая книга не говорит об этом, несмотря на то, что она далеко выходит за эпоху царствования Антиоха Епифана. Отец Маккавеев имел только пять сыновей, которые все отличились, защищая родину. Вторая книга в рассказе о пытке Маккавеев *(гл. 7)* не говорит, в каком городе произошла эта варварская экзекуция. Кроме того, Антиох вряд ли был способен на поступок столь жестокий, столь подлый и, вместе с тем, столь бесполезный. Это был властелин, воспитанный в Риме и достойный своего воспитания,— человек доблестный и великодушный. Единственное, что ставится ему в упрек, это излишняя простота в обращении, обычная у римских властителей, искавших популярности в народе. Прозвище «Епифан» (по-русски «блистательный», «славный», «знаменитый») есть хороший ответ на те оскорбления, которыми евреи осыпали его память.

Иерусалим был присоединен к обширным владениям Сирии. Евреи возмутились против Антиоха. Он отправился

наказать мятежников. Так как религия была вечным предлогом всех преступлений и жестокостей евреев, Антиох, которому надоела его собственная терпимость, повелел, чтобы во всех его владениях не было никакой другой веры, кроме культа сирийских богов. Он отнял у мятежников их религию и их деньги — две вещи, которые были еврейским жрецам более всего дороги. Антиох, между прочим, не поступил так в Египте, который он завоевал. Наоборот, он возвратил это царство его же царю с великодушием, которое знает только один пример — пример Александра Македонского. Если он оказался более строг по отношению к евреям, то это была вынужденная строгость. Самаритяне покорились ему, а Иерусалим противился. Произошла кровопролитная война, в которой Иуда Маккавей и четверо его братьев выполнили, по словам Библии, необычайные чудеса во главе небольшой кучки воинов.

II. Фантазер — автор первой книги — начинает свою ложь с утверждения, что Александр разделил свои земли между своими военачальниками еще при жизни. Эта ошибка, не нуждающаяся в опровержении, позволяет, однако, судить об «учености» автора.

III. Почти все частности и подробности Первой книги Маккавеев совершенно химеричны. Авторы ее говорят, что Иуда Маккавей, перебиравшийся во время войны из пещеры в пещеру где-то в заброшенном уголке Иудеи, задумал заключить союз с римлянами, так как ему рассказывали «о мужественных подвигах, которые они показали над галатами, как они покорили их и сделали данниками» *(гл. 8, ст. 2)*. Но галаты в ту пору еще не были покорены и не были данниками римлян. Это произошло только при Люции Корнелии Сципионе.

IV. Автор говорит далее, что Антиох III (правил 223—183), которому Антиох IV Епифан (правил 175—163) приходился сыном, был в плену у римлян. Это очевидная ошибка: он был в 190 г. побежден Люцием Корнелием Сципионом Азиатским (в битве при Магнезии), но не был взят в плен. Он заключил с Римом мир и заплатил военные издержки. Здесь виден еврейский автор, очень мало осведомленный о том, что происходит в остальном мире, и болтающий вздор о том, чего совершенно не знает.

V. Автор прибавляет, что Антиох III уступил римлянам Индию, Мидию и Лидию *(гл. 8, ст. 8)*. Это уже чересчур! Такая смелость в обращении с историческими фактами со-

вершенно непостижима. Автору оставалось уступить римлянам еще Китай и Японию!

VI. Затем, желая обнаружить осведомленность в делах Рима, он говорит, что там ежегодно избирают властелина — судью — и ему одному подчиняются *(гл. 8, ст. 16)*. Этот невежда не знал, что в Риме были два консула!

VII. Иуда Маккавей и его братья, если верить книге, отправили посольство к римскому сенату, и послы сказали следующее: «Иуда Маккавей и братья его и весь народ иудейский послали нас к вам, чтобы заключить с вами союз и мир». Это примерно должно было звучать так же, как если бы какой-нибудь партийный лидер из республики Сан-Марино отправил бы послов в Турцию для заключения дружеского союза. Но и ответ римлян, приводимый Библией, не менее удивителен. Если бы действительно в Рим пришло посольство от какой-нибудь более или менее известной и сильной республики и если бы Рим действительно заключил торжественный союз с Иерусалимом, несомненно, Тит Ливий и другие историки об этом знали бы. А о «союзе» с Римом сообщает только Библия.

VIII. Вскоре встречается еще одна фанфаронада: это вымышленное родство евреев со спартанцами. Автор говорит, что некий лакедемонский царь, по имени Арей, написал еврейскому первосвященнику Онии *(гл. 12, ст. 23)*: «Найдено в писании о спартанцах и иудеях, что они — братья от рода Авраамова. Теперь, когда мы узнали об этом, вы хорошо сделаете, написав нам о благосостоянии вашем. Мы же уведомляем вас: скот ваш и имущество ваше — наши, а что у нас есть, то ваше. И мы повелели объявить вам о том».

Нельзя серьезно относиться к нелепостям, полностью лишенным здравого смысла. Это похоже на историю с Арлекином, который выдавал себя за священника. Когда судья уличил его во лжи, он ответил: «Право же, я думал, что я священник!» Незачем доказывать, что никогда спартанцы не имели царя по имени Арей и что в эпоху великого жреца Онии у лакедемонян вообще больше не было царей. Было бы также излишней тратой времени доказывать, что Авраам был так же мало известен в Греции, как и в Риме.

IX. Остановимся теперь на чудесном приключении Илиодора, о чем рассказано в гл. 3 второй книги. «Селевк, царь Азии» (Селевк IV Филопатор), старший брат и предшественник Антиоха IV Епифана, будто бы узнал от одного еврея, бывшего попечителем храма, что иерусалимская

сокровищница содержит необыкновенные богатства. Нуждаясь в деньгах для своих войн, царь послал своего офицера Илиодора потребовать эти богатства. Илиодор является за выполнением поручения и входит в соглашение с великим жрецом Онией. Пока они разговаривали в храме, с неба спустилась громадная лошадь, на которой верхом сидел всадник, блиставший золотом. Конь стал бить Илиодора передними копытами, а двое ангелов, державшие коня под уздцы, пороли Илиодора нагайками. Жрец Ония начал молиться за него богу. Пресветлые ангелы перестали хлестать офицера и сказали ему: поблагодари Онию! Если бы не его молитвы, мы бы тебя запороли до смерти. После этого они скрылись.

Это чудо показалось критикам особенно удивительным потому, что ни царь египетский Сусаким, ни Навуходоносор, ни Антиох Епифан, ни Птоломей Сотер, ни великий Помпей, ни император Тит, которые все черпали ценности из еврейского храма, ни разу не были выпороты ангелами. Правда, некий святой монах видел душу Карла Мартелла [2], которую черти препровождали на лодке в ад. Черти хлестали его душу кнутами за то, что Карл присвоил себе коечто из богатств монастыря святого Дениса. Но такие случаи бывают, выражаясь вежливо, совсем не часто.

X. Мы пропускаем множество анахронизмов, смешений, ошибок, подтасовок, невежественных небылиц, которыми переполнены книги Маккавеев, и переходим к смерти Антиоха, описанной в главе 9 второй книги. Это нагромождение лжи, нелепостей и бессмыслиц вызывает отвращение. Согласно утверждениям автора, Антиох якобы пришел в Персеполис с намерением разграбить этот город и храм. Достаточно известно, что город, названный греками Персеполисом (по-русски «город персов»), был разрушен Александром Македонским. Евреи, всегда жившие изолированно между другими народами, всегда занятые только своими собственными интересами и презиравшие всех иноплеменных и иноверных, могли, конечно, не быть в курсе событий в Китае или в Индии. Но могли ли они не знать, что город, который только греки звали Персеполисом, перестал существовать за 160 лет до Антиоха? Настоящее имя этого города было Истахар. Если бы еврей из Иерусалима, житель Азии, написал книгу Маккавеев, он не дал бы столице персидских царей названия, фигурирующего исключительно в греческих источниках. Отсюда заключают, что последние книги

Ветхого завета могли быть написаны только евреями-эллинистами из Александрии [3].

Но вот еще один повод к сомнениям. В первой книге сказано, что Антиох Епифан захотел овладеть золотыми щитами, оставленными Александром Великим в городе Елимаисе, по дороге в Экбатаны и что он умер от «великой печали в чужой земле» *(гл. 6, ст. 13)*, узнав, что Маккавеи оказали сопротивление его войскам и в Иудее. Во второй книге; наоборот, сказано, что этот царь выпал из колесницы, что при падении он причинил себе тяжелые ушибы и скончался, что тело его кишело червями и что под влиянием этих страданий он стал молить прощения у еврейского бога. Автор этого вымысла злорадствует: «нечестивец молил господа, уже не миловавшего его» *(2 Маккав., гл. 9, ст. 13)*. Автор прибавляет, что Антиох якобы обещал богу принять иудейскую веру. Это все равно, как если бы Карл Великий, вождь крестоносцев, обещал принять ислам.

Вот еще одна сценка из третьей книги. Действие происходит в Египте. Царь Птоломей Филопатор разгневался на евреев, которые вели обширную торговлю в его странах. Он приказал произвести им перепись, и, согласно Филону, их оказалось миллион человек. Этот миллион человек был согнан на Александрийский ипподром. Царь приказал раздавить их слонами. В час, назначенный для этого зрелища, господь бог, блюдущий покой своего народа, сделал так, что царь задремал. Проснувшись, Птоломей отложил забаву на следующий день, но на следующий день бог отнял у него память: Птоломей ничего не вспомнил. Наконец, на третий день Птоломей вспомнил обо всем и приказал приготовить евреев и слонов. Слонов поили вином с ладаном. Пьеса должна была быть сыграна, когда внезапно открылись небесные двери и оттуда спустились «два славных и страшных ангела» *(гл. 6, ст. 17)*. Они направили слонов против солдат, сопровождавших их. Солдаты были — конечно! — раздавлены, евреи — конечно! — спасены, и царь — конечно же! — обращен в истинную веру. Все, как полагается в благочестивых сказках для людей религиозного умственного состояния».

Таково краткое резюме Вольтера. Нет никакой нужды рассматривать и другие вздорные глупости «священных книг маккавейских».

* *
*

Наша задача выполнена. Остается сказать лишь несколько слов, которые, быть может, удивят свободомыслящих читателей, но которые являются чистейшей правдой, установленной автором во время многолетнего личного наблюдения нравов верующих людей: как бы бессмысленна ни была Библия, есть священники, и даже умные священники, которые вполне добросовестно считают ее верной, правдивой и подлинной и разум которых никогда не был смущен ни одним самым фантастическим повествованием авторов, создавших «священное писание». Эти необыкновенно наивные люди не только слепо верят, что кит проглотил Иону, но они поверили бы, что Иона проглотил кита, если бы только «священному голубю» взбрело на ум шепнуть такие слова кому-нибудь из пророков.

Таковы результаты многовекового внушения и религиозного воспитания в беспрекословном преклонении перед «словом божьим»! Так велика сила наивного легковерия, с которым многие люди принимают самые фантастические поучения религиозных авторитетов!

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

[1] Научные исследования Библии привели к выводу о том, что многие библейские тексты представляют собой разные варианты сказаний, совмещенных довольно сумбурно, без достаточного редактирования и отбора. Характерным в этих повествованиях является, в частности, и применение наименований: «элохим» (неопределенное «боги» — в главе первой книги «Бытие») и «яхве» (собственное имя древнееврейского бога — в главе второй, начиная с четвертого стиха).

Библейская научная критика смогла выделить несколько взаимно противоречащих источников, составивших содержание книги «Бытие» и других библейских книг. Один из этих источников называется яхвистским и другой элохистским. В переводах Библии с древнееврейского языка это различное наименование богов сохранено в следующем виде: «бог» вместо «элохим», «господь» вместо «яхве» и «господь бог» при совместном «яхве элоха».

Читателю следует иметь в виду, что рассказ о сотворении мира и человека изложен Л. Таксилем в той последовательности, в какой он обычно излагается в богословских учебных руководствах по «священной истории». В Библии же имеются два очень разноречивых рассказа о сотворении мира и человека. Один из них изложен в первой главе книги «Бытие», другой — во второй главе книги «Бытие», начиная с четвертого стиха.

[2] «Тогу богу» — древнееврейское обозначение первобытного хаоса. Буквальный перевод этих слов — «пусто пустынно».

[3] Стараясь истолковать это странное замечание книги «Бытие», христианские богословы давно уже использовали упоминание «духа божьего» как подтверждение того, что кроме бога-отца и бога-сына есть еще и «третье лицо пресвятой троицы» — «бог — дух святой». Этот «дух святой» сошел на «деву Марию», которая таким способом зачала от бога и затем родила мифического Иисуса. «Дух святой» «нисшел» на Иисуса «в телесном виде, как голубь» *(Евангелие от Луки, гл. 3, ст. 22)*. Голубь рисуется на христианских картинах, изображающих триединого бога: отец и сын сидят, голубь над ними реет. В дальнейшем изложении Л. Таксиль, имея в виду богословское утверждение о том, что Библия есть «священное» произведение, навеянное авторам разных библейских книг «духом святым», часто применяет слово «голубь».

[4] Богословы пытались истолковать это место Библии следующим образом: бог сначала-де создал небо как «царство небесное», вторично бог создает «видимое» небо в виде «тверди небесной». В действитель-

ности же Библия передает здесь сумбурную смесь двух различных мифов о сотворении мира.

[5] Величайший религиозный авторитет, признаваемый одним из «отцов и учителей» церкви, «святой» Августин Блаженный (354—430) в главе X своего богословского наставления «О книге Бытие» поучает: «Название тверди не ведет нас необходимо к мысли, что небо стоит неподвижно, ибо твердь называется твердью, можно думать, не по причине неподвижности, а по причине твердости, ввиду ли своей собственной твердости, или же потому, что служит пределом, разграничивающим высшие воды от низших». «Впрочем,— оправдывает свое глубокое, первобытное невежество «святой» писатель,— входить в рассмотрение подобных вопросов у меня теперь нет времени, да не должно быть и у тех, которых мы хотим наставить в видах собственного их спасения и потребной пользы нашей церкви» (*«Творения», кн. 7, 1873, стр. 204;* см. также его *«Исповедь», кн. 13, гл. 15)*. Другой, также непререкаемый церковный авторитет, называемый «великим столпом православия», «святитель» Василий, архиепископ Кесарии Каппадокийской (330—379), держась того же мнения, говорит: «Наименование тверди (греч. «стереома») в писании обыкновенно дается тому, что имеет превосходную крепость» *(«Творения», 1911, т. 1, стр. 27)*. В подтверждение этого «святой учитель» ссылается на другие места Библии: *Псал. 17, ст. 3,* где бог называется «твердыней»; *Псал. 150, ст. 1,* где упоминается «твердь силы» бога. В Библии есть очень много утверждений о том, что небо твердое. Бог, говорится в Книге Иова *(гл. 37, ст. 18)*, «распростер небеса, твердые, как литое зеркало». Бог «наклонил небеса, и сошел» (2 *Царств, гл. 22, ст. 10*); простер «небеса как шатер» *(Псал. 103, ст. 2)*.

[6] В русских изданиях Библии дается очень нескладный перевод 27-го стиха: «и сотворил бог человека по образу своему, по образу божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их».

[7] Имя первого человека — Адам впервые появляется в 25-м стихе второй главы книги «Бытие». До этого места Библия говорит о безымянном человеке. Слово «Адам» исследователи сопоставляют с древнееврейским словом «адамах» — «земля-мать». Так именуется и глина, а также вообще сырая красная почва.

[8] Любопытно отметить, как крепко подобная библейская география сидела в головах даже и ученых по своему времени людей. Образованнейший путешественник X века Лев Диакон уверял своих читателей, что Дунай, или Истер, «есть одна из рек, вытекающих из райских садов. Получив начало в Эдеме, она скоро скрывается под землей и, протекши невидимо некоторое расстояние, вырывается вновь наружу в стране кельтов». Один из древних христианских богословов, «блаженный» Феодорит, между прочим, дает и основание для подобных суждений. «И другие реки,— говорит он в «Толковании на книгу Бытие»,— выходят в одном месте, потом, какими-либо углублениями, скрываются в землю и снова вытекают наверх... Не напрасно же бог устроил сие, но чтобы пресечь излишнее человеческое любопытство. Ибо если бы их течение было явно, то иные покусились бы, идя по их берегам, отыскивать место рая». Священник Иоанн Лукьянов, совершивший в 1710 году путешествие к «святым местам» (в Палестину), пишет буквально следующее: «Августа в одиннадцатый день приидохом к Нилу реке, что из рая течет» («Путешествие», 1862, стр. 51).

[9] Французское слово «солитер» как раз и означает «одинокий», «уединенный».

К ГЛАВЕ ВТОРОЙ

[1] Римский император второй половины IV века (с 361 по 363 год), прозванный христианскими церковниками отступником. Он выступал против христианства с резкой и остроумной критикой. Юлиан написал трехтомный трактат «Против христиан», в котором подверг беспощадной критике Ветхий завет, евангелия и другие «священные» книги. Произведения Юлиана позднее христианская церковь предала уничтожению. Сохранились лишь частицы литературных трудов этого остроумного философа. Отрывки из его сочинений см. в кн.: *А. Ранович*, Античные критики христианства, ГАИЗ, 1935.

[2] Люцифер — принятое в римско-католической церкви название «нечистого духа», дьявола, Сатаны, имеющего и много иных названий: вельзевул, асмодей, бес, черт, дух тьмы и т. д. Необходимо здесь привести еще несколько данных о Сатане в Ветхом завете. Даже там, где Сатана и упоминается под современными названиями, он далеко не таков, каким его впоследствии сделали христианские легенды. Библейский черт вовсе не враг бога: он его послушный слуга, его чиновный ангел. В Ветхом завете нет даже возможности для действий дьявола в духе современных христианских понятий. Всем заправляет бог, посылая и добро и зло. «Бывает ли в городе бедствие, которое не господь попустил бы?» *(Амос, гл 3, ст. 6)* и т п. В Книге Иова Сатана прямо рисуется простым слугой бога Он запросто посещает божьи чертоги: «И был день, когда пришли сыны божии предстать пред господа; между ними пришел и сатана. И сказал господь сатане: откуда ты пришел?» *(Иов, гл 1, ст. 6—7)* Далее рассказывается, как Сатана действует по благословению божию. И в других местах ветхозаветной части Библии Сатана упоминается в полном соответствии со взглядами на него как на послушное орудие воли божией. Например, «злой дух от господа» послан на Саула *(1 Царств, гл. 16, ст. 14)*. У Захарии Сатана также выполняет почти служебную роль, обвиняя «великого иерея Иисуса», причем бог ему это запрещает *(Захар., гл. 3, ст. 1—2)* Более самостоятельную роль играет Сатана в рассказе о переписи Давида (1 *Паралипом , гл 21, ст 1)*, где говорится: «восстал сатана на израиля, и возбудил Давида сделать счисление израильтян». Этот рассказ, однако, совершенно уничтожается параллельным ему во Второй книге Царств *(гл. 24, ст. 1 и сл.)* Здесь говорится, что в этой переписи «гнев господень возгорелся на израильтян, и возбудил он в них Давида сказать пойди, исчисли израиля и иуду». В Книге Товита Сатана имеет несколько иной вид: он представляет собой копию древнеперсидского духа Дэва-Эшма Его и изгоняют путем курения сердца и печени *(Товит, гл 6, ст 8)*. Этот ритуал заимствован из древнеперсидской магии, где был особенно развит культ всевозможных духов, и злых и добрых.

В Ветхом завете нигде больше не говорится чего-либо, что можно было бы связать с современными представлениями христианских богословов о дьяволе. Упоминание дьявола в неканонической книге «Премудрости Соломона» *(гл. 2, ст. 22—24)* — это уже эллино-иудейская идея, возникшая в более поздние времена.

[3] Во Франции членов Парижской академии наук принято называть бессмертными.

[4] Библия ни слова не говорит о том, когда оделся сам бог. Ходил ли он до грехопадения людей также голый или уже носил тот длинный балахон, в котором принято изображать его на иконах?

[5] Есть и еще одна существенная «примета» для отыскания рая — его забор, ибо древнееврейское обозначение рая («ган эден») как раз говорит об «огороженном месте».

К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

[1] Существует еврейское раввинистское предание о том, что от Адама и демонической женщины Лилит произошли великаны и черти. Основы этого предания вытекают из ассиро-вавилонского культа демона Лилит и из древнеперсидского культа злых духов — «дайвов», «бел-дабаби».

[2] Обсуждая вопрос, почему так произошло, Иоанн Златоуст уверяет, что намерение Авеля было «боголюбивое» и что он принес от «первородных», то есть «дорогих, отборных», и «от тука», то есть «самое приятное, наилучшее». Каин же принес, «что попалось». Поэтому «господь был доволен Авелем». Эта «библейская история» в пересказах для религиозного воспитания была разукрашена выдумками о том, что «дым от жертвы Авеля поднимался кверху, а дым от жертвы Каина стлался по земле», что Авель «приносил от чистого сердца, а Каин с неохотой». Библейский текст совершенно не говорит ни о чем подобном.

К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ

[1] Ганимед — в древнегреческих мифах — сын троянского царя Троса, мифического основателя города Трои. Восхищенный красотой Ганимеда, Зевс-Юпитер похитил юношу и сделал его виночерпием в своем царстве на горе Олимп.

[2] Книга Еноха в русском переводе А. Смирнова издана в Казани в 1888 году.

[3] Увиливая и приспосабливаясь, христианские богословы стали утверждать, что «сынами человеческими» Библия будто бы называет потомков Каина, а «сынами божиими» потомков Сифа, потому что они «старались жить по воле божьей». Это, конечно, пустые выдумки, никак не связанные с Библией.

К ГЛАВЕ ПЯТОЙ

[1] О сроке постройки ковчега в Библии никаких указаний не имеется. Л. Таксиль разоблачает здесь очередное измышление богословов. Основано оно на том, что бог определил срок жизни людей в 120 лет, а также на сопоставлении стиха 32 главы 5 и стиха 11 главы 7, где говорится о возрасте Ноя (500 и 600 лет). Однако, если принять первое толкование, становится подозрительным, почему же бог, дав людям 120 лет «на покаяние», не утерпел и не выждал оставшихся 20 лет? Второе же указание *(гл. 5, ст. 32)* с очевидностью говорит только о времени, когда у Ноя наконец появились дети.

[2] В еврейском тексте Библии ковчег назван словом «тэба́». Этим же словом названа и та корзина, в которой спасся Моисей *(Исход,*

гл. 2, ст. 3, 5). Отсюда следует, что Ноев ковчег был сплетен из тростника, а затем осмолен «внутри и снаружи». Это делает библейское сооружение длиной в 150 метров совсем смешным.

[3] Приверженцы и толкователи Библии, как совершенно непререкаемого произведения самого бога, «подсчитали», что всемирный потоп произошел якобы за 3242 года или за 3247 лет до начала христианского летосчисления. Как раз около этого времени произошло объединение Египта фараоном Менесом (Миной). Сохранились достоверные сведения об этих временах, и, конечно, никаких данных о всемирном потопе, кроме Библии, нет.

[4] По счету, принятому в православной церкви, обитатели «ковчега» находились в этой посудине 364 дня. Этот счет основывается на указаниях Библии, в какой день какого месяца вошел Ной в «ковчег» и в какой день вышел. Однако, при отсутствии у древних евреев сколько-нибудь сносных календарных данных, расчет этот очень ненадежен. Можно, впрочем, подсчитать время и по таким указываемым Библией срокам: через семь дней после вселения в ковчег «окна небесные отворились», сорок дней шел дождь, вода усиливалась 150 дней, убывала 150 дней, через 40 дней после этого Ной открыл «окно» и выпустил голубя (не «святого духа»), а затем «помедлил» 7 дней и еще 7 дней. Получается, что божественное «заключение» в «ковчеге» продолжалось даже более 400 суток! Впрочем, библейский рассказ о потопе представляет собой смешение двух вариантов. По второму варианту на осуществление божьей мести понадобилось всего только сорок дней.

[5] Отстаивая возможность помещения в ковчег длиною 150 метров, шириною 25 метров и высотою 15 метров по паре и по семи пар животных и всякой твари, один из крупнейших авторитетов русской православной церкви в XIX веке — митрополит Филарет уверял, что Ной брал молодых животных; притом располагались они не с удобствами, а так, что мелкие животные могли найти себе место под более крупными (!). Данные современной зоологии разбивают все ухищрения богословов спасти библейскую сказку. Насчитывается около трех с половиной тысяч видов млекопитающих, около 8600 видов птиц, около пяти с половиной тысяч видов рептилий и амфибий (по библейской терминологии — пресмыкающихся и гадов), до 750 000 видов насекомых, около 30 000 видов паукообразных (членистоногих вообще 815 000 видов). Не будем считать моллюсков, червей и иных низших беспозвоночных. Вообще весь животный мир насчитывает до миллиона видов! Кроме того, «священные» авторы умалчивают о том, как «спаслись» растения, пробывшие более года под водой на глубине в несколько километров.

[6] Это ведь тоже великое «чудо»: больше года вся земная поверхность была под водой — и вот деревья как ни в чем не бывало покрываются листьями.

К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ

[1] Пытаясь обосновать очередную библейскую нелепость, христианские богословы утверждают вопреки тексту «священного писания», что провинность маленького Ханаана выразилась в том, что он якобы первым увидел своего святого деда пьяным и сказал об этом отцу.

[2] На основании этого библейского разделения народностей, уве-

ряет Иоанн Златоуст, «началось рабство. До того времени между людьми не было такой изнеженности, чтобы один нуждался в услужении других... Все были в равной чести, и не было никакого неравенства... Пусть раб помышляет о том, что он сделался рабом, потому что Хам оказал такую дерзость, а господин, со своей стороны, пусть представляет, что подчинение и рабство произошли не от чего другого, как от того, что он же (Хам) обнаружил злую волю и лишился равной с братьями чести» *(XXIX Беседа)*

[3] Здесь совершенно явно боги (элохим) рассуждают друг с другом. Однако христианские богословы по этому поводу изворачиваются самым бесстыдным образом. По туманному, но, конечно, «богомудрому» толкованию Иоанна Златоуста, здесь мы имеем обращение бога «к равночестным себе», то есть «к сыну и духу».

[4] Бахус — одно из наименований древнегреческого бога виноделия Диониса.

[5] Девкалион — единственный из людей, спасшийся с женой своей Пиррой от потопа, которым древнегреческий «отец богов и людей» Зевс решил погубить греховное людское поколение. Он спасся в ковчеге, который после потопа остановился на горе Парнас.

К ГЛАВЕ СЕДЬМОЙ

[1] Аврам направил свои стопы в Египет вместо Палестины, которую Библия называет землей Ханаанской, потому что в обещанной ему прекрасной земле был голод *(Быт., гл. 12, ст. 10)*. Египетские приключения «святого праотца» были затем использованы в библейской легенде об Иосифе и его братьях, также якобы спасавшихся от голода в Египте.

[2] Позорная кличка для людей, извлекающих материальные выгоды от близких к ним женщин, занимающихся проституцией. Слово вошло в обиходную речь после опубликования комедии А. Дюма «Господин Альфонс».

[3] Под свою защиту взял «святого праотца» и Иоанн Златоуст: он нашел в этой торговле Авраама Саррой «венец их супружеской любви и образец, достойный подражания». «Да слышат это мужья и жены,— говорит он в XXXII Беседе на книгу «Бытие»,— и да подражают единомыслию, крепкой любви и великому благочестию этих супругов». «Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям... Так Сарра повиновалась Аврааму, называя его господином; вы дети ее, если делаете добро и не смущаетесь ни от какого страха»,— поучает и апостол Петр (1 *послание Петра, гл. 3, ст. 1, 6)*.

[4] «Священный» автор Библии сравнивал число будущих потомков Авраама со звездами, количество которых неосведомленным людям представляется неисчислимым. Между тем невооруженным глазом даже при самых благоприятных условиях можно увидеть всего несколько тысяч звезд. Если допустить, что «святая» книга уже «предвосхищала» успехи телескопической астрономии, то и в этом случае «божье обещание» звучит наивно: в самые мощные современные телескопы можно видеть лишь несколько миллионов звезд. Наконец, если взять число звезд, составляющих нашу звездную систему — Галактику, тогда «обещание» станет невообразимо фантастичным: в Галактике звезд более ста миллиардов.

[5] Библия в дальнейшем производит от Измаила «двенадцать князей» кочевого племени измаильтян *(Быт., гл. 25, ст. 16)*. Потомками Измаила считают себя в согласии с Кораном «правоверные» арабы и турки.

[6] Перенесение празднования субботы, установленного заповедями библейского бога, окончательно утверждено в 361 году постановлением Лаодикийского собора. Этим постановлением под угрозой церковного проклятия и конфискации имущества воспрещено было воздержание от работ в субботу. Руководители верующих действительно имеют власть отменять решения самого бога, объявленные в его заповедях.

[7] «Святой» Кирилл — патриарх александрийский с 421 по 445 год — один из ранних деятелей христианства.

[8] См. *Исход, гл. 4, ст. 25—26; гл. 12, ст. 48; Левит, гл. 12, ст. 3;* также *Иис Нав., гл. 5, ст. 2 и сл.*

К ГЛАВЕ ВОСЬМОЙ

[1] «Святой» Иоанн Златоуст поясняет: «из двух зол Лот выбирает меньшее» Великолепный пример ханжеской морали!

[2] Древнегреческий миф о Филемоне и жене его Бавкиде рассказывает, что однажды Зевс и вестник богов Гермес зашли в одно селение отдохнуть, но всюду им отказали в гостеприимстве. Их приняли в своей бедной хижине старики Филемон и Бавкида. Боги вознаградили гостеприимных стариков, а скаредных жителей селения наказали потопом.

[3] Более того, «отцы церкви» сумели полностью оправдать и самого Лота. По закону Моисееву ему полагалась за содеянное смертная казнь («если кто будет делать все эти мерзости, то души делающих это истреблены будут из народа своего»,— говорится в восемнадцатой главе книги «Левит»). Христианская же церковь ежегодно празднует память сего «святого» праотца 9 октября.

Существует христианская легенда, которая утверждает, что Лоту грех с дочерьми не вменен в вину. Согласно этой легенде, Авраам, желая узнать, как смотрит бог на грех Лота, посадил будто бы три «леторосли»— кипариса, певга (финиковой пальмы) и кедра — и заставил Лота поливать посадку. Деревья принялись и срослись вместе. Из этого-то «трисоставного» дерева и был, фантазируют авторы легенды, сделан крест мифического Иисуса (см. *«Церковные ведомости», 1896, стр. 1526)*.

К ГЛАВЕ ДЕСЯТОЙ

[1] Библия, пышно именующая «царями» вождей мелких племен («цари» содомский, гоморрский, герарский и др), беззастенчиво принижает подлинные сильные и по своему времени цивилизованные державы древнего мира. Хеттское царство находилось в восточной части Малой Азии и в середине XX столетия до нашей эры было грозным противником Сирии и Египта. В данном случае, живя с «сынами хеттовыми», Авраам должен был находиться на северо-западе от Палестины и Сирии. Посланный им «раб» за невестой Исааку должен был проделать путь в две тысячи километров до «города Нахора», то есть

до Ура. Об огромном городе (в нижнем течении Евфрата) библейские авторы говорят так, как будто это было становище небольшой орды кочевников.

[2] Этот рассказ является повторением столь понравившихся авторам Библии событий из жизни Авраама.

[3] Книга «Бытие» приводит, однако, и другие данные о женах Исава: Ада — дочь Елона, Оливема — дочь Аны и Васемафа — дочь Измаила *(Быт., гл 36, ст. 2—3).*

К ГЛАВЕ ОДИННАДЦАТОЙ

[1] По «божьему закону», впоследствии опубликованному Моисеем *(Левит, гл. 15, ст. 19—24)*, женщина «должна сидеть семь дней во время очищения своего». Она «нечиста». Все вещи, к которым она в таком состоянии прикасается, тоже делаются нечистыми.

[2] Очень характерно говорится об этом эпизоде в книге пророка Осии *(гл. 12, ст. 3—4):* Иаков, возмужав, боролся с богом. «Он боролся (с ангелом) и превозмог» Взятые нами в скобки слова есть, очевидно, благочестивая позднейшая вставка.

К ГЛАВЕ ДВЕНАДЦАТОЙ

[1] Русский текст Библии говорит: «продали его в Египте Потифару, царедворцу фараонову, начальнику телохранителей» *(Быт., гл. 37, ст. 36).* Церковнославянский текст, так же как и латинский текст, сообщает: «мадиане же продаша Иосифа во Египет Пентефрию, евнуху фараонову, архимагиру».

[2] В числе предков Иисуса отмечены прежде всего торговавшие своими женами Авраам и Исаак; далее Фарес, родившийся от кровосмесительной связи Фамари со свекром Иудой; Вооз, рожденный блудницей Раав; Овид, родившийся от язычницы Руфи и от Вооза, ее родственника; Соломон, родившийся от соблазненной Давидом Вирсавии, жены «генерала» Урии *(Евангелие от Матфея, гл. 1, ст. 2, 3, 5, 6).*

[3] Служители католической церкви утверждают, что «святой» Антоний ведает взаимоотношениями полов и помогает от «неплодства».

К ГЛАВЕ ТРИНАДЦАТОЙ

[1] Библейский текст, по обыкновению противореча себе, указывает и иное: в статье 46 главы 41 прямо говорится, что Иосифу было 30 лет, когда он, выйдя из тюрьмы, «предстал пред лице фараона», и, следовательно, не менее 35 лет при встрече с братьями, а Вениамину, значит, лет 30. Кроме того, в Библии упоминаются три сына и семь внуков «маленького» Вениамина, пришедшие с ним в Египет *(Быт., гл. 46, ст. 21).*

К ГЛАВЕ ПЯТНАДЦАТОЙ

[1] По счету, принятому в православной церкви, «сотворение мира» относится к 5507 году до начала христианского летосчисления, по еврейскому же счету — к 3761 году.

К ГЛАВЕ СЕМНАДЦАТОЙ

[1] Бог уверял Моисея даже, что в Ханаане — в «земле обетованной» — «течет молоко и мед!» *(Исход, гл. 3, ст. 8)*.

[2] Это число (430 лет) дважды приводится — в стихах 40 и 41 главы 12 книги «Исход».

[3] Золото (температура его плавления 1063°) растворяется в водном растворе хлора и в других жидкостях, выделяющих свободный хлор, в частности в царской водке (смесь азотной и соляной кислот). Даже отдельно взятые сильные кислоты (серная, азотная, соляная) не действуют на золото без дополнительных окислителей.

К ГЛАВЕ ДВАДЦАТОЙ

[1] Вернее, как установила библейская критика, книга «Бытие» повторяет то, что было раньше записано в книге «Второзаконие», ибо последняя написана значительно раньше книги «Бытие».

[2] Это место в русском тексте Библии изложено очень вольно. Латинский текст гласит: «Если в сражении воин увидит сладостный сон и у него случится истечение семени, он должен утром выйти в поле, а вечером обмыться чистой водой».

[3] Совершенно так же высказываются и православные богословы. Вот что, например, говорилось во вводной статье к Библии: «И в отношении идей, и в отношении стиля на всех страницах «Пятикнижия» лежит печать Моисея: единство плана, гармония частей, величавая простота стиля, наличность архаизмов, прекрасное знание древнего Египта,— все это настолько сильно говорит за принадлежность «Пятикнижия» Моисею, что не оставляет места добросовестному сомнению». *(Вводная статья к Библии, изд. журнала «Странник», СПб., 1904.)*

Однако, как установила научная критика Библии, единства плана и гармонии частей нет в «Пятикнижии» с самого начала и до последних страниц; ср. хотя бы два противоречащих друг другу рассказа о сотворении мира *(гл. 1 и 2 Быт.)*, два взаимоисключающих друг друга рассказа о потопе *(гл. 6, 7 и 8 Быт.)*, основание почитания субботы *(Второзак., гл. 5, ст. 13—15, и Исход, гл. 20, ст. 8—11)* и др. О «прекрасном знании» Египта в нашей книге уже говорилось много: библейские авторы не имели даже элементарнейших сведений об этой великой стране.

К ГЛАВЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ

[1] Ассирия — одно из величайших государств древности, простиравшееся при царях Тиглатпаласаре III (745—727 гг. до н. э.), Салманасаре V (727—722 гг. до н. э.), Саргоне (722—705 гг. до н. э.) и др. от реки Евфрата до Средиземного моря и Египта.

[2] Иордан (у арабов река называется Шериаб-эль-Кебире) — самая большая из немногих рек в Палестине, длиной около 250 *км* (раз в пятнадцать короче Волги — 3700 *км*), берет начало в Сирии и протекает по узкой скалистой долине. Мелководна и совершенно несудоходна.

[3] Редакторы Библии несколько смягчают указанное место «священного писания». В Евангелии от Матфея *(гл. 1, ст. 5)* матерью Вооза называется некая Рахава. Так с помощью благочестивой вставки одной лишь буквы пытаются снять конфузное место в библейском тексте.

[4] Николай Френе (1688—1749) —французский философ-материалист, один из провозвестников эпохи французского Просвещения.

[5] Лорд Генри Болингброк (1678—1751) — английский мыслитель и политический деятель, друг Вольтера и Дж. Свифта. В своих трудах вскрыл массу библейских противоречий, один из первых высказал мысль о неисторичности Иисуса Христа.

К ГЛАВЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

[1] Томас Вулстон — английский богослов. Утверждал, что ветхозаветные чудеса никогда не имели места и что они послужили созданию евангельской истории Иисуса. В дальнейших своих работах высказал предположение, что и евангельские чудеса есть только аллегории. Замучен в 1733 году в тюрьме за слишком вольное, с точки зрения служителей церкви, толкование Библии

[2] Мадианитяне, как помнит читатель, уже были все перебиты Моисеем *(Числ., гл. 31)*. Это не мешает «священному» автору вновь и вновь выводить их на сцену.

К ГЛАВЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ

[1] Рождению Самсона предшествовало одно из обычных в религиозных мифах «благовещений», использованное позднее в новозаветном мифе о Христе. Самсон является одним из древнейших богов-спасителей, разновидностью солнечного божества, образ которого восходит к древневавилонскому прототипу — герою Гильгамешу. Само слово «самсон» означает «солнечный».

[2] Ифигения — в древнегреческом мифе дочь царя Агамемнона. Была принесена в жертву богине Артемиде, разгневанной на греков. Этот миф послужил сюжетом для многих литературных произведений (Эврипид, Расин, Гете).

К ГЛАВЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ

[1] В своей книге Лео Таксиль цитирует почти целиком всю библейскую книгу «Руфь» (в ней четыре главы). В настоящем издании «Забавной Библии» редакция приводит только пересказ содержания книги «Руфь», ограничившись цитированием лишь некоторых, наиболее интересных мест «священного» текста.

К ГЛАВЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ

[1] В русских переводах Библии устранены церковниками многие неприличные места. Но церковнославянский текст более откровенен: «и отяготе рука господня на Азоте, и наведе на них, и воскипе им на седалищах их, во Азоте и в пределах его, и посреде страны его умножишася мышы» *(ст. 6)*; «и поразил мужи града от мала до велика, и поразил их на седалищах их, и сотвориша гефеи себе седалища (злата)» *(ст. 9)*

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ

[1] Урим, также и туммим,— амулеты, которыми еврейские жрецы пользовались для гаданий. Это были драгоценные камни, украшавшие одежды первосвященника. Библия неоднократно отмечает, что при помощи этих талисманов можно было «вопрошать» бога и «узнавать его волю». Об этих «вопрошениях» см. в Первой книге Царств *(гл. 14, ст. 37; гл. 22, ст. 10; гл. 23, ст. 9 и сл.; гл. 28, ст. 6; гл. 30, ст. 7—8)*.

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ

[1] По признанию самих богословов, грех Давида был двойной: блуд и убийство. По законам божьим он дважды заслуживал смертной казни: за прелюбодеяние, согласно книге «Левит» *(гл 20, ст. 30)*, и за убийство, согласно той же книге *(гл. 24, ст. 17)*. Но он был царь. Оправданием «святого кроткого царя» Давида послужило также и то, что Вирсавия была женщиной. Богословы сумели часть вины (и притом главную!) возложить именно на нее. Они обвинили ее «в бесстыдстве, с которым она обнаруживала свои прелести пред глазами царя, купаясь на открытом месте, где ее легко было видеть, а также в поразительной готовности (!), с которой она согласилась на исполнение желания царя в таком деле» (!) (см. *Лопухин, «Библейская история», т. II)*.

[2] Этого неудобства пытается избежать родословная, приведенная в главе 3 Евангелия от Луки, вопреки Евангелию от Матфея ведущая род Христа от Давида через другого его сына — Нафана.

[3] М. Гюэ (1630—1721) — французский философ, представитель теологического скептицизма

[4] Около двух с половиной килограммов.

[5] «И сказал царь Семею: ты не умрешь. И поклялся ему царь» (2 *Царств, гл. 19, ст. 23)*. «Святой» Давид нашел, однако, вполне христианский и благочестивый способ отомстить врагу, не нарушая своей клятвы: умирая, он попросил Соломона прикончить Семея. Соломон так и сделал: «И повелел царь Ванее... и он пошел и поразил Семея, и тот умер» *(3 Царств, гл. 2, ст. 46)*.

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ

[1] Перепись эта весьма разноречиво описывается в двух книгах Библии: во Второй книге Царств (*гл. 24*) и в Первой книге Паралипоменон *(гл. 21)*. В первой из них говорится: «гнев господень опять возгорелся на израильтян и возбудил он в них Давида сказать: пойди,

исчисли израиля и иуду. И оказалось, что израильтян было восемьсот тысяч мужей сильных, способных к войне, а иудеян пятьсот тысяч» (*ст. 1, 9*). Во второй: «восстал сатана на израиля, и возбудил Давида сделать счисление израильтян... И было всех израильтян тысяча тысяч, и сто тысяч мужей, обнажающих меч, и иудеев — четыреста семьдесят тысяч, обнажающих меч» (*ст. 1, 5*). Бог, по первой, предлагает Давиду семь лет голода, по второй — три (*ст. 13 и ст. 12*). Забыв об этом «грехе», Третья книга Царств (*гл. 15, ст. 5*) уверяет, что «Давид делал угодное пред очами господа и не отступал от всего того, что он заповедал ему, во все дни жизни своей, кроме поступка с Уриею хеттеянином».

[2] «Как по своей жизни, так и особенно по духу своему Давид более, чем кто-либо в Ветхом завете, был истинным прообразом Христа»,— отмечает известный богослов А. Лопухин в своем «Руководстве к библейской истории» (СПб., 1888).

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЙ

[1] Готский альманах — справочное немецкое издание, в котором из года в год описывались родословные «аристократических особ» и перечислялись «благополучно здравствующие» «царственные особы». В альманахе сообщалось, какие перемены произошли в этой «высокой» среде за истекший период: кто из сановных особ бракосочетался, умер и т. д.

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

[1] «В то время Иисус поклялся и сказал: проклят пред господом тот, кто восставит и построит город сей Иерихон... И господь был с Иисусом» (*Иис. Нав., гл. 6, ст. 25—26*).

К ГЛАВЕ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ

[1] Вся история Христа есть не что иное, как сплетение целого ряда эпизодов и мотивов, заимствованных из ветхозаветной «истории». Нет ничего удивительного, что чудо с насыщением вошло также и в евангелия (в Евангелии от Марка дважды — *гл. 6, ст. 37 и сл.; гл. 8, ст. 1 и сл.*).

[2] Христианские церковники «нашли» останки Елисея весьма рано. В средине IV века император римский Юлиан Философ приказал сжечь эти кости. Пепел их был развеян по ветру. Это не помешало церковникам, вскоре же после смерти Юлиана, в городе Севесте начать вновь спекулировать чудотворными мощами Елисея, а еще позднее в городе Равенне появился дубликат этих мощей.

К ГЛАВЕ СОРОК ПЯТОЙ

[1] Согласно Библии, Елеазар «подбежал под слона», убил его, и слон придавил его своей тушей (*1 Маккав., гл 6, ст. 46*).

[2] Карл Мартелл (688—741) — правитель франкского государства, основатель династии Каролингов — франкских королей. Он не стеснялся дарить своим рыцарям церковные имения.

[3] Это с очевидностью следует также и из того факта, что в древнееврейском тексте Библии Книг Маккавейских нет.

ИМЕННОЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Ссылки на страницы «Забавной Библии» делаются по первому упоминанию данного имени (названия) или же на страницы, где содержатся основные сведения об упоминаемых лицах, предметах, сюжетах, событиях. Повторные ссылки делаются в тех случаях, когда те же имена или названия встречаются в нашей книге при новых обстоятельствах.

В Указатель не включены имена лиц, которым в нашей книге уделено много места — целые главы (Адам, Авраам, Моисей, Давид и т. д.). Имеются ссылки только на отдельные сюжеты из их «историй».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЕО ТАКСИЛЬ

ЗАБАВНАЯ БИБЛИЯ

Редактор *В Титов*

Художник *В. Бродский*

Художественный редактор *Т. Семиреченко*

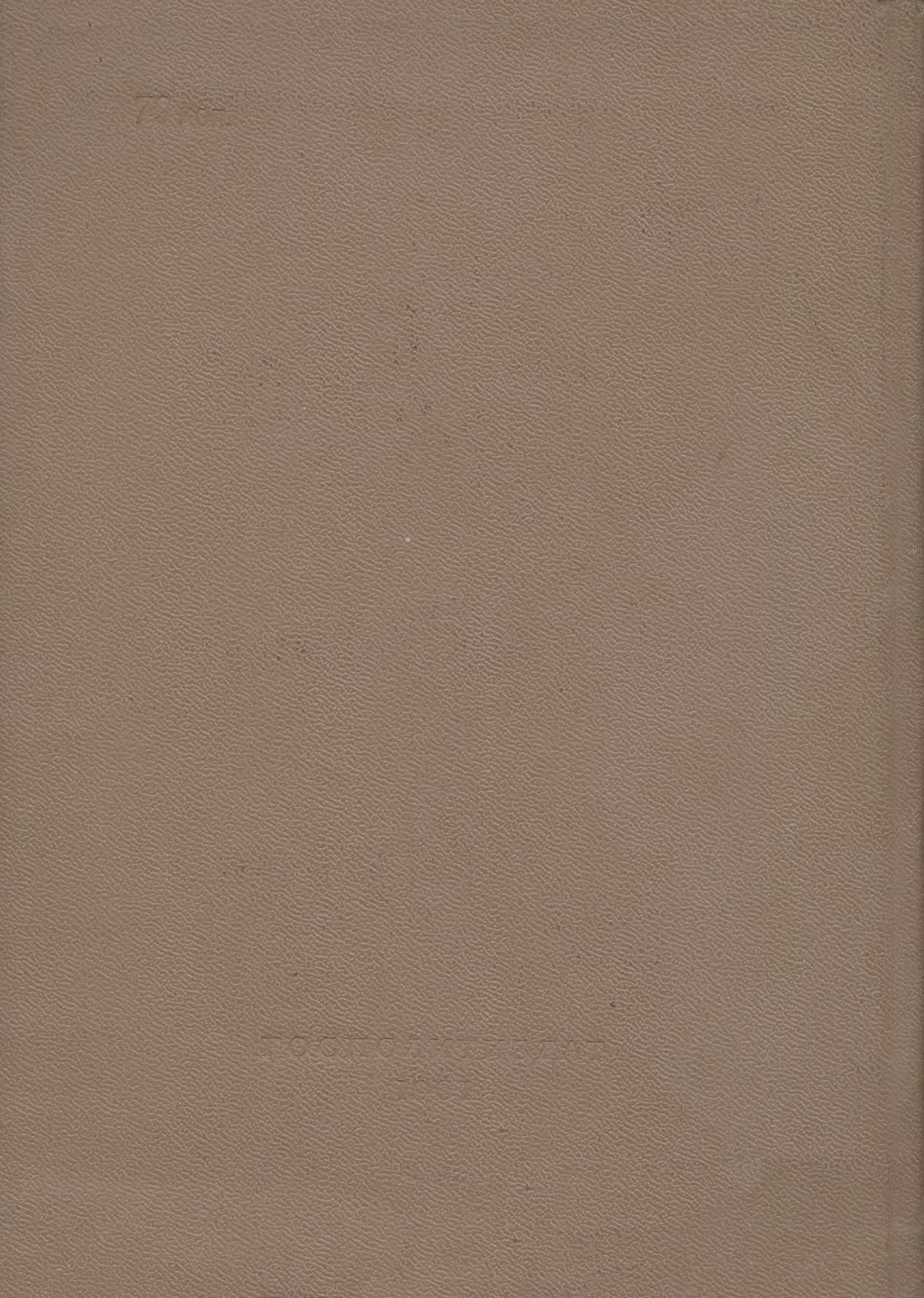
Технический редактор *Т. Климова*

Ответственные корректоры *Э. Володина, В. Луковецкая*

Сдано в набор 21 апреля 1960 г. Подписано в печать 15 сентября 1960 г.
Формат 60 X 84 1/16. Физ. печ. л. 29 1/2. Условн. печ. л. 26,8. Учетно-изд. л 25,42.
Тираж 250 тыс. (1—100 000) экз. А 06845. Заказ № 1569.
Цена 79 коп.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

ГОСПОЛИТИЗДАТ